

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЛГПУ»)**

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Луганск, 25 апреля 2025 года)*

Луганск
Издательство ЛГПУ
2025

УДК 070.48 : 355.01 (08)
ББК 68.45
В63

*Рекомендовано научной комиссией
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Луганский государственный педагогический университет»
(протокол № 3 от 11.11.2025 г.)*

Р е ц е н з е н т ы :

- Перетятая О. С.** – директор Института филологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент;
- Патерыкина В. В.** – профессор кафедры теории искусств и эстетики ФГБОУ ВО «ЛГАКИ имени М. Матусовского», доктор философских наук, профессор;
- Скнарина Е. Ю.** – доцент кафедры физической реабилитации ФГБОУ ВО «ЛГУ имени В. Даля», кандидат филологических наук.

Военная журналистика в многополярном мире : материалы
В 63 Всероссийской научно-практической конференции (Луганск, 25
апреля 2025 года) / под. ред. Е. А. Куянцевой, Д. Ю. Каторгиной,
Н. Ю. Калины, Н. А. Емченко ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск :
Издательство ЛГПУ ; ИП Орехов Д.А., 2025. – 636 с.

ISBN 978-5-907971-60-8 (ИП Орехов Д.А.)

В сборнике представлены научные статьи участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Военная журналистика в многополярном мире». Проблематика научных поисков охватывает спектр вопросов, посвященных изучению военной журналистики: идеологии и смыслом философии войны, специфике работы военкоров, особенностям освещения боевых действий в прошлом и в современных реалиях.

Адресуется исследователям современного журналистского процесса, работникам СМИ.

УДК 070.48 : 355.01 (08)
ББК 68.45

ISBN 978-5-907971-60-8 (ИП Орехов Д.А.)

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2025
© Оформление ИП Орехов Д.А., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственные слова организаторов конференции.....	8
---	---

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ: ИДЕОЛОГЕМЫ, СМЫСЛЫ

<i>Абросимова-Романова Л. А.</i> «Консциентальная война» как комплексная технология воздействия на противника и выработки доминирования над ним.....	22
<i>Антропов С. А.</i> Политизация пакта Молотова-Риббентропа в контексте СВО во французских медиа.....	37
<i>Гудова Т. В.</i> Радиовещательная политика Донецкой Народной Республики в условиях проведения СВО.....	62
<i>Даренский В. Ю.</i> Принципы противостояния информационной агрессии в работах О. Хаксли и Ж.-К. Ларше.....	71
<i>Дмитренко А. А.</i> Роль и место военной журналистики в период СВО: российский и зарубежный опыт.....	83
<i>Зубко Д. В.</i> Репрезентация патриотизма и ценностей мира в поликодовых спецпроектах российских медиа.....	94
<i>Лабуш Н. С.</i> Правда и кривда на войне и о войне ...	103
<i>Ладыга Л. И.</i> Аксиология профессиональной террористической деятельности.....	119
<i>Ли Инин</i> Философский конфликт и цивилизованный диалог в коммуникации журналистики на примере китайско-американской торговой войны.....	132
<i>Литвин Л. А.</i> «Мягкая сила» как стратегия в современных конфликтах	141
<i>Лобовикова Е. А.</i> Социальная реклама как инструмент противодействия гибридной агрессии в информационном пространстве в исторических регионах Российской Федерации.....	153

Марьина Л. П. Современные технологии использования медиа в ходе военных конфликтов: образовательный контент	164
Михайловская О. Г. Символическое насилие в политическом дискурсе воюющих сторон: от риторики к действию	181
Романов А. А., Малышева Е. В., Морозова О. Н. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния	192
Прутицков Г. В. Трансформация традиций западной военной журналистики: от войны во Вьетнаме до СВО (1964–2024).....	204
Сидоров В. А. Медиапамять как эхо войны: ценностные интерпретации актуального прошлого	218

ВОЕНКОР: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ, ПРАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Беспалова Д. В. Практики современного журнализма в работе военкоров (на примере творчества А. В. Сладкова)	234
Бояркина Н. В. Фронтовые дневники Анны Долгаревой: содержательно-жанровая специфика	247
Дегтярева О. В. Журналистика войны и журналистика мира на службе военного корреспондента: ретроспективный и фрейм-анализ.....	261
Каторгина Д. Ю. Новая этика массово-информационного пространства военных журналистов	273
Колобова С. В. Служение как ценность в деятельности женщин военных корреспондентов	285
Куянцева Е. А. Кризис стандартов западной журналистики при освещении специальной военной операции	298

Левкович В. А. Специфика медиаобразовательных профессиональных компетенций военных журналистов	315
Лю Луфэй Эволюция военной журналистики в Китае: от национальной пропаганды к глобальному медиадискурсу	324
Малькевич А. А. Статус военного журналиста на СВО: проблема, определения, понятия	338
Серостанова О. Б. Профессиональные коллизии журналиста в зоне вооруженного конфликта	352
Собкова Е. С. Специфика конструирования образов военнослужащих и волонтеров в вооруженных конфликтах в рамках дискурсивных технологий военной журналистики.....	364
Тулупов В. В. Публицисты и беллетристы о войне .	378
Якименко Л. Н. Гражданская позиция и социальная ответственность военных корреспондентов	387

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Антоненко Ц. А. Место гражданской журналистики в освещении вооружённого конфликта	401
Байбатырова Н. М. Образ участника СВО в современном российском медиадискурсе.....	411
Безродный В. П., Красникова А. С. Мемы и медиа: как создаются образы СВО.....	420
Гурская О. В. Образ героя в российском документальном кинематографе об СВО (на примере фильма Максима Фадеева «У края бездны»).....	435
Чайка О. С. От свидетеля к герою: трансформация личности в документальном военном кино о Донбассе	448

Шафир Т. В. Алгоритмы войны: как ИИ формирует образы участников вооруженных конфликтов в медиапространстве.....	459
--	-----

МЕДИАЛИНГВИСТИКА ВОЙНЫ

Боговая О. Ф., Косяк Е. Л. Дискредитация вооружённых сил Российской Федерации в информационной войне. Используемые лингвистические средства.....	466
Гамина Т.С. Особенности информационного освещения СВО: эмотивный аспект	479
Дроздова А. В. Военкоры: диалог медиадискурсов ..	495
Малявин С. Г. Русофобский дискурс: язык и идеология	507
Сабова А. Д. Участие медиа в дискуссии об исторической памяти в контексте последствий колониальной политики Франции в Африке (на материале франкоязычных статей)	517

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Ахмыловская Л. А. Военная журналистика в кругу профессионально-ориентированного чтения на изучаемом иностранном языке.....	532
Грицай Л. А. Медиабезопасность современных российских детей и молодежи в условиях информационного противостояния с США	547
Марченко А. Н. Освещение общественных изменений как фактор медиабезопасности государства и личности.....	562
Николенко Е. Л. Русофобия как фактор медиаполитики: пути обеспечения информационной безопасности	573

Павловская А. С. Медиабезопасность в условиях военных конфликтов.....	584
Тепляков О. В. Современные аспекты взаимодействия подразделений информации и общественных связей МВД России и масс медиа в особых условиях	594
Турилова А. О. Профессиональные компетенции будущих тележурналистов в условиях многополярного мира.....	601
Шашкова Е. В. Информационная безопасность как национальный приоритет (по материалам ведомственной печати ФСБ РФ)	618

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА ОРГАНИЗАТОРОВ КОНФЕРЕНЦИИ

*Уважаемые участники и гости
Всероссийской научно-практической конференции
«Военная журналистика в многополярном мире»!*

Второй год подряд наш университет становится площадкой для профессионального разговора о военной журналистике – особом и очень ответственном сегменте медиапространства. К сожалению, военные конфликты, террористические угрозы и политическое противостояние остаются реальностью нашего времени – а значит, остаются и в фокусе внимания мировых СМИ.

Эти сложные явления требуют междисциплинарного изучения и осмысления – именно для этого мы и собрались сегодня.

Изучение военной истории через призму современных вызовов, анализ ценностей и мотивов участников конфликтов, исследование этических и правовых аспектов работы военных корреспондентов, понимание логики гибридных войн в эпоху цифровых медиа – фрагментарный, но крайне важный абрис задач, которые поставили перед собой участники настоящей конференции.

Этот диалог важен не только для науки, но и для практиков – журналистов, работающих в «горячих

точках», для педагогов, готовящих новое поколение медиаспециалистов, для всех, кто хочет понимать сложные процессы современности. Поэтому чрезвычайно важно присутствие и поддержка тех, кто непосредственно формирует информационное пространство: представителей Комитета Народного Совета ЛНР по взаимодействию с общественными объединениями, информационной политике и межпарламентскому сотрудничеству, членов Союза журналистов ЛНР, военных корреспондентов и блогеров, медиатехнологов, шеф-редакторов отечественных и зарубежных информационных агентств.

Всем участникам конференции – бодрости духа, плодотворных диалогов, открытий и достойных результатов научного творчества!

*С уважением,
ректор Луганского государственного
педагогического университета,
доктор филологических наук,
доцент*

Ж. В. Марфина

Уважаемые друзья!

Актуальность этой большой конференции, посвященной военной журналистике, очевидна. Еще одиннадцать лет назад мы, наверное, не могли представить, что будем именно военной журналистике посвящать отдельные конференции. Думаю, что скоро и будут посвящены отдельные разделы в учебниках.

Хотя уже в 2014 году, когда состоялась Крымская весна, ставшая в известной степени следствием переворота, который произошел в Киеве, уже тогда по реакции международных СМИ стало понятно, что информационное пространство превратилось в арену самых жестоких, кровавых, разрушительных войн. И средства массовой информации начали использовать как оружие в открытую.

Средства массовой информации как оружие использовались всегда, но все-таки существовали определенные стандарты, к которым мы стремились. И для нас, тогда еще молодых журналистов, сравнительно молодого государства – новой России, в 90-е годы казалось, что есть определенные иконы стиля, эталоны, золотые стандарты журналистики, к которым мы все стремимся. Это CNN, BBC и еще несколько зарубежных каналов, на которых каждый

из журналистов, работающих в России, мечтал пройти стажировку.

Но вот наступил 2014 год, и стало понятно, что все, в чем нас эти люди обвиняли предыдущие десятилетия и клеймили нас империей зла и империей лжи, оказалось присуще им самим. Просто сбросили полностью маски, отказались от всевозможных табу и сказали: «Да, теперь это поле боя, и мы будем в нем воевать». И послали по нам снаряды и ракеты. И мы с коллегами в тот момент поняли, что пришло время защищаться. Раз этот томагавк войны выкопали наши оппоненты, бывшие партнеры, значит, мы должны каким-то образом на это отвечать. Не скрою, для нас это было шоком, потому что мы привыкли работать немного по другим правилам, в другой парадигме. Когда шок прошел, мы поняли, что дальше будет легко. Почему легко, потому что изменился стандарт. Каждому из нас, кто занял определенную позицию, стало понятно, для чего, как мы работаем, и, если это война, то с кем и чем мы воюем.

Если война информационная, значит война. Ничего страшного в этом, я считаю, нет. Когда мне, журналисту с 34-летним стажем журналисты будущие в аудиториях задают вопросы, какая сегодня журналистика и вообще существует ли журналистика в нашей стране, то сегодня ответить на этот вопрос мне достаточно легко. Журналистика – это зеркало нашей эпохи. Это зеркало того времени, в котором она существует. Меняется время, меняется и журналистика, и меняются те задачи, которые ставит перед ней и время, и история. И мы с вами никак не можем сравнивать журналистику времен Александра Герцена с журналистикой времен Константина Симонова и Ильи

Эренбурга. И перестроечная, постперестроечная журналистика очень серьезно отличается от журналистики сегодняшних дней, от журналистики времен Великой Отечественной войны.

Посудите сами, каким образом следовать балансу журналисту советской газеты «Правда» или «Красной Звезды», которая делает репортаж о защите Москвы, об обороне Москвы в 1941 году в ноябре, например? Какой здесь может быть баланс, когда любому нормальному человеку, чем бы он ни занимался, приходит осознание, что его стране, его городу, его семье, ему лично угрожает опасность полного уничтожения? И не просто уничтожение жизни человеческой – уничтожение цивилизации. То есть не только меня не будет и моей семьи, детей и внуков здесь не будет, все закончится. Когда приходит это осознание, когда ты понимаешь, с кем ты воюешь и что хотят с тобой сделать люди, находящиеся на той стороне линии разграничения, ты понимаешь, что какие бы задачи перед профессией не стояли раньше, сейчас это все сводится к одной очень важной фундаментальной цели – победить, защитить себя, защитить свою семью, защитить свою страну, защитить свою цивилизацию, защитить право быть собой и право остаться, остаться на этой земле. Ставки, которые сделаны, к сожалению, выглядят именно так. И в этих условиях довольно глупо рассуждать о вопросах баланса или небаланса в той или иной редакции.

Если враг у ворот и нам надо защищаться, значит мы будем защищаться. И в данном случае взять за основу то, что журналистика соответствует своей эпохе и отвечает тем задачам, которые ставит перед ней история.

Вот сейчас история поставила перед нами задачу защитить свою цивилизацию.

Мы сейчас справимся с этой тяжелой внешней угрозой. Люди, которые нам угрожают, совершенно не скрывают своих людоедских планов по отношению к нам. Иначе чем им мог помешать Пушкин, Достоевский, Екатерина Вторая и Чайковский? Всё достаточно очевидно. Нас хотят лишить права остаться собой. И в этих условиях журналисты понимают, что им нужно делать.

Ещё чуть больше трёх лет назад в аудиториях уважаемых вузов от преподавателей, которые там выходили к студентам, звучали такие фразы: «Ах, деточки! Даже не знаю, чему я вас буду учить, потому что такой профессии, как журналистика, в этой стране больше не существует. Честному человеку устроиться по профессии невозможно. Да, я могу вас чему-то научить, но вы, если вы честные, порядочные люди, вы себя, к сожалению, не найдете, потому что нет журналистики, есть медиакommunikации, но вот этой профессии на букву «ж» уже не осталось».

Вы знаете, когда молодому человеку в голову вбиваются такие постулаты, конечно, он сначала испытывает шок, а потом, через время, рано или поздно, если это происходит систематически, то эти постулаты усваивает. Во многих вузах проходила такая просто перепрошивка, и в течение года из нормального человека он превращался либо во врага режима, либо в человека, который эту власть и свою собственную страну если не ненавидит, то, как минимум, презирает. А журналистика сегодня – это отрасль со звездочкой: если медиапространство – это арена тяжелых войн, то журналист – это человек, который имеет доступ к

оружию массового поражения, это человек, который имеет доступ к эфиру, к аудитории, и от его слова зависят тысячи, десятки тысяч, а иногда и миллионы человеческих судеб и жизней. Ответственность огромная, и человек, который получает доступ к этой красной кнопке, я всегда об этом говорил, сегодня начинает приравняться к ответственности офицера РВСН. И соответствующим образом мы должны готовить наших будущих коллег. Это не значит, что мы должны готовить каких-то деревянных солдат Урфина Джюса с оголенными штыками, которые могут только воевать. Ни в коем случае! Мы будем в силу наших профессиональных обязанностей обращать внимание на те недостатки, которые существуют во власти, в системе управления, указывать власти на ее просчеты, ее косяки и подсвечивать это и, если надо, прямо тыкать лицом. Но есть одно очень важное условие: мы будем прижигать эти гнойники, но мы никогда не будем уничтожать систему, основы этой системы, создавать риски того, что эта система обрушится, потому что вот это уже преступление, и в тех условиях, в которых мы сегодня живем, это преступление вдвойне.

Теперь о военной журналистике. Действительно, сегодня российская журналистика – это журналистика Константина Симонова, Александра Твардовского и Ильи Эренбурга. Сегодня именно люди, которые находятся на информационном «передке», там, за ленточкой, и собирают информацию, факты о происходящих событиях и преступлениях современных нацистов, делают невероятно важную работу.

Мы не пускаем грязные бомбы в своего противника, хотя он заслужил и не такое. Мы пользуемся только фактами. Факт и правда – это наше самое главное

оружие, потому что грязные бомбы рано или поздно перестанут быть эффективными, если они грязные. И вот сегодняшние ребята, которые рискуют своими жизнями, теряют свои жизни, теряют здоровье, возвращают нам профессию журналиста. И вот те непонятные педагоги, которые говорили, а кто-то и до сих пор говорит, что такой профессии больше не существует, просто лишаются аргументов. Потому что такие ребята, как Женя Поддубный, как Лёша Ивлиев, потерявший руку тем летом, как Коля Долгачёв, который возглавляет Луганскую ВГТРК, и многие-многие другие коллеги сегодня делают невероятно важную работу. Мало того, что они, рискуя жизнями, собирают информацию и передают ее в эфир, информацию о том, что происходит на фронтах, они еще возвращают нам профессию.

И в 1947 году, когда при филологическом факультете Московского государственного университета образовалось отделение журналистики, а потом в 1952 году оно стало факультетом журналистики, профессиональный костяк этого отделения журналистики, будущего журфака, составили именно военкоры, журналисты, репортеры, которые вернулись с войны, которые прошли войну, которые помнили эту войну, которые помнили, какой ценой далась наша победа. И, наверное, в этом и громадный секрет, важный секрет вот этой силы советской журналистики, которая на протяжении очень долгого времени помогала не просто сохранять стабильность в нашей стране, двигаться вперед, запускать спутники и человека в космос, строить атомные электростанции, развивать промышленность и, конечно же, укреплять нашу оборону. И сегодня пришло время, когда такие же ребята очень нужны в аудиториях. Я рад, что мы это поняли,

и что к нам приходят сегодня журналисты, которые вернулись из-за ленточки. Они проводят лекции, семинары, организуют свои мастерские. Они учат ребят профессии. Они их не учат вот так вот в лоб Родину любить. Они их учат профессии, но учат так, что после этого никто не сможет Родину не любить, потому что у них есть искренность, у них есть убежденность в своей правоте, и у них, конечно же, есть любовь к нашей стране. И мне кажется, что этот опыт мы должны учитывать сегодня, и конференция, которую мы вместе с вами сегодня проводим, как раз и призвана решить эту очень важную задачу.

Я благодарю вас за то, что ставите такие важные проблемы. Они сегодня, пожалуй, фундаментальные для нашей индустрии. Я желаю вам успешной работы, и мы с коллегами, которые присутствуют сейчас на конференции, всегда готовы делиться своим опытом.

Всего вам доброго и желаю вам успешной работы.

*Всегда ваши,
директор факультета
креативных индустрий
Института медиа
Высшей школы экономики*

Эрнест Мацкявичюс

Уважаемые друзья, коллеги!

Я приветствую вас на конференции «Военная журналистика в многополярном мире», организованной на базе кафедры журналистики и издательского дела Института филологии и социальных коммуникаций

Луганского государственного педагогического университета как от имени руководства СПбГУ, так и от профессорско-преподавательского состава, а также студенчества Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

В вашем вузе получило удачное сочетание подготовка педагогов самых разных специальностей, в том числе и массмедийных специалистов. И это весьма важно, так как если педагог обращается к учебным группам и классам, то журналист идет со словом к массам. А в данной аудитории как раз уместно еще и еще раз обратиться к весьма удачной оценке значимости слова, представленного советским поэтом Вадимом Шефнером:

*Есть слова – словно раны, слова – словно суд, –
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.
Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.*

На этом цитирование данного стихотворения обычно останавливается, но я хочу продолжить:

*Словом можно продать и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.
Но слова всем словам в языке нашем есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.*

Эти последние строчки как никогда сегодня олицетворяют значение нашего с вами труда над формированием качеств личности педагога, журналиста и как результат – будущего нашей Родины. Именно так, подчеркну: формирование качеств личности в ходе образовательного процесса, а не оказания образовательных услуг. Потому, что

*«Когда радость – как буря, иль горе – как ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!»*

Слова, как результат воздействия – сформированные качества личности-гражданина великой страны, настроенной жить, трудиться, растить и воспитывать детей, а в суровую годину встать грудью на защиту своей Отчизны.

Всем нам известны и достаточно понятны события, которые происходили и происходят с процессом возвращения исконно русских земель в лоно своей Отчизны. Вот уже три года, вы де-юре и де-факто дома. Но этому дому грозит смертельная опасность, и ваш Луганский край вместе с Донецким находится в первых рядах, по сути, в окопах великой борьбы за правое дело.

И вот сегодня на данной конференции поставлен напрямую сверхактуальный вопрос о войне, о роли журналиста как в военном, так и информационном противоборстве в период становления нового мирового порядка.

К участию в конференции приглашены исследователи теории и практики современных медиа, преподаватели российских и зарубежных вузов, военные

корреспонденты, представители общественных организаций. Предполагается поднять самые разные вопросы и проблемы, которые так или иначе отражаются на работе военных журналистов и во многом определяют их успех, или приводят к неудаче. Полагаю, что, несмотря на разницу в возрасте наших вузов, здесь на конференции не будет учеников и учителей, а будут коллеги обмениваться опытом, обсуждать, спорить, доказывать и брать на вооружение опыт и знания, повышающие эффективность работы военного журналиста. И весь процесс будет происходить с полным и ответственным пониманием роли и значимости информационной составляющей современных боевых действий, вне зависимости от научного, юридического или пропагандистского определения их сущности. А об информационном характере прошедшей холодной (идеологической) войны и современных проявлениях ментальной, когнитивной, поведенческой в достаточной было сказано на прошлогодней конференции в стенах вашего университета, хотя и сегодня есть чем этот опыт дополнить.

Нам есть чем обменяться, чем обогатить наш опыт, нарастить усилия в деле подготовки журналистов и специалистов в области рекламы и связей с общественностью. Мы этот обмен начали уже в прошлом учебном году, когда студенты Луганского университета приезжали в Санкт-Петербург в летнюю социологическую школу, а студенты нашего Института обеспечивали информационное и историко-культурологическое сопровождение.

Между нами налаживаются научно-исследовательские связи. С 2023 года и преподаватели, и студенты принимают участие в конференциях, проводимых в Санкт-Петербурге и Луганске. В

перспективе возможны более широкие форматы общения, поддержки, обмена опытом и взаимодействия.

Мы благодарим руководство Луганского государственного университета и в первую очередь его ректора – депутата Народного Совета ЛНР, доктора филологических наук, Жанну Викторовну Марфину и проректора по научно-исследовательской работе, доктора педагогических наук, профессора Викторию Олеговну Зинченко и непосредственно организаторов конференции в лице кандидата филологических наук, доцента, заведующей кафедрой журналистики и издательского дела Куянцевой Елены Александровны за возможность пообщаться с вами, коллегами из других вузов, участвующих в конференции – Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», «Азовского государственного педагогического университета, Воронежского государственного университета, Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Херсонского государственного педагогического университета, представителями общественных организаций, специалистами и профессионалами в области массмедиа, военными журналистами.

Хочу пожелать конференции успешной работы и эффективных результатов, а участникам – здоровья, творчества и оптимизма! Победа будет за нами!

директор Института

«Высшая школа журналистики

и массовых коммуникаций»

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,

заведующий кафедрой международной журналистики,

доктор социологических наук,

профессор

Анатолий Степанович Пую

Тематика и проблематика Всероссийской конференции «Военная журналистика в многополярном мире» чрезвычайно актуальны как с точки зрения теории, так и с точки зрения медиапрактики.

Желаю организаторам и участникам плодотворной работы и существенных достижений.

*декан факультета
журналистики ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный
университет»,
доктор филологических наук,
профессор*

Владимир Васильевич Тулупов

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ: ИДЕОЛОГЕМЫ, СМЫСЛЫ

УДК 81'42

Абросимова-Романова Лариса Алексеевна,
доктор филол. наук, профессор,
профессор кафедры социальной работы и
педагогики ФГБОУ ВО
«Тверской государственный университет»
larrar@yandex.ru

«Консциентальная война» как комплексная технология воздействия на противника и выработки доминирования над ним

В работе рассматривается «окно дискурса» как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия. Авторы приходят к выводу, что ведущая роль коммуникативно-информационного компонента в структуре общества обуславливается его опорой на реляционные свойства и «регулятивную сущность своих посланий, сообщений».

Ключевые слова: «вирусная» информация, информационная атака, коммуникативно-медийная технология «веерного сдвига», консциентальное воздействие, ментальная репрезентация, «окно дискурса», паттерн, спин-докторинговая технология, технология информационного воздействия.

*Коммуникационная власть находится
в сердце структуры и динамики общества.*
М. Кастельс

1. Введение и постановка проблемы. В работах, посвященных описанию регулятивного механизма распространения и внедрения «вирусных» или информационно преобладающих коммуникативно-конструктивных практик в медийное пространство, способных в процессе реализации увеличивать свой потенциал информационного воздействия и доминирующего превосходства с целью изменить влияние в собственных интересах субъекта, высказывается мысль том, что высшей формой проявления информационно-психологического *давления* и *доминирования* следует считать так называемую «*консциентальную войну*» (от лат.: *conscientia* – осведомлённость, знание, сознание, понимание, убеждение) как *согласованную* по целям, задачам, месту и времени *систему* дезруптивно-деструктивных, информационно-пропагандистских *мероприятий* или *практик*, нередко переходящих в разновидность пропагандистских «дуэлей», противоборств, противостояний и различных информационно-психологических акций или операций актора-инициатора (также – бенефициара, заказчика), которые он проводит (реализует) в своих целях с применением арсенала средств массовой информации. Подобные мероприятия и операции осуществляются инициатором или бенефициаром для того, чтобы сформировать и подготовить на противоположном (противоборствующем) информационном и территориальном пространстве противника соответствующие своим идеям, целям, задачам, а также месту и времени определенные источники и группы влияния (или группы проводников воздействующего влияния) для выработки – как правило, негативного,

крайне критического – восприятия массовым адресатом противоборствующей стороны его окружающей реальности, культуры, искусства, истории, национальных ценностей и традиций в соответствии с заданными установками бенефициара. Уместно заметить, что название «консциентальная война» имеет достаточно широкое трактование и под него можно подвести целый ряд различных, но семантических схожих понятий, таких, например, как «информационные войны», «психологические войны», «войны компроматов», «черный» PR, «информационные противостояния», «информационные противоборства», «информационные и пропагандистские «дуэли», «вбросы», «шумы» и т.п.

Поэтому для выработки у массового адресата запланированного нужного воздействующего эффекта бенефициар (инициатор) использует соответствующий инструментарий в виде коммуникативно-информационных посланий-практик и посредством этих практик стремится каузировать (причинять, вызывать, побуждать, генерировать) предложенные бенефициаром-инициатором действия, поступки, акции или уличные манифестации. При этом, использование такого «рабочего» инструментария требует от инициатора тщательной разработки конкретных сценариев, в которых должны быть прописаны конкретные коммуникативных средства и технологии информационного воздействия на психическое состояние масс, на их чувства, мысли, поступки и систему принятия решений. К их числу можно отнести, например, «суггестивные», «психотропные», «психотронные», «гибридные», «дигитально-дипломатические», «информационно-психологические» и иные другие техники и приёмы, которые способны создавать

(формировать) многопрофильную комплексную технологию воздействия на ментальную сферу (консциентальное вместилище) получателя и направлены главным образом на разрушение существующих в рамках общества всевозможных связей, объединяющих людей [подробнее см.: 9; 10; 11; 12; 13; 14; см. также: 1; 2; 3; 5; 6; 7; 17].

Таким образом, комплексное понятие «консциентальная война» представляет собой разновидности, но связанные между собой в функционально-семантическом плане формы коммуникативно-дискурсивного воздействия на коллективные массы и социум в целом, которые (формы воздействия) осуществляются в пользу актора-инициатора или актора-бенефициара с помощью, метафорически выражаясь, так называемого «консциентального оружия» или «оружия поражения сознания», включающего в себя (охватывающего) обширный арсенал самых современных информационных технологий и психологических методов, приёмов и техник воздействия как на отдельную личность, так и на массы населения региона, страны, континента [2; 3; 4; 8; 11; 14; 15; 17; 18].

В связи с обозначенной широтой трактовок и неопределённостью объёма понятия “консциентальная война” возникает потребность рассмотреть посредством лингвистического инструментария проблемное поле дезруптивно-деструктивных составляющих этой предметной области. В связи с этим предлагается зафиксировать привычными для лингвистического описания средствами разнообразные манифестации прямого (эксплицитного) и косвенного (имплицитного) дезруптивно-деструктивного воздействия, которыми на

практике могут располагать и применять противоборствующие стороны друг против друга. Предлагаемый ракурс рассмотрения разнородного и сложно организованного проблемного поля предметной области «консциентальной деструктивности vs дезруптивности» обусловлен тем, что, во-первых, сегодня ещё недостаточно разработана семантика современного гибридного термина «консциентальная война», а, во-вторых, не полностью также отработан и апробирован методологический аппарат, позволяющий исчислять факторы, которые благоприятствуют, затрудняют (ингибируют) и, может быть, даже препятствуют реализации языковыми средствами функционального потенциала коммуникативных практик, используемых инициатором деструктивного воздействия для нанесения вреда (ущерба, урона) сопернику.

Цель предпринимаемого исследования уместно определить как стремление объяснить, почему, в каких условиях и в каких сценариях деструктивно-дезруптивные коммуникативно-дискурсивные практики могут рассматриваться в качестве эффективного средства для того, чтобы побеждать и победить противоборствующую сторону. Предлагаемая цель обуславливает решение целого ряда основных задач, среди которых в первоочередном порядке можно назвать следующие: описать функциональный потенциал полевого семантического пространства «консциентальная деструктивность / дезруптивность», выявить способы и средства коммуникативно-дискурсивной реализации практик, реализующих функциональный потенциал «консциентальной деструктивности / дезруптивности», определить

вероятную корреляцию между разновидностями типовых коммуникативных практик с прагматическим функционалом «консциентальная деструктивность / дезруптивность», с помощью которых подвергшиеся воздействию адресаты объективируют, активируют и со-активируют свои представления о когнитивных мерностях «допустимого, дозволенного, критически недозволенного и неприемлемого ни в какой мере и степени».

2. Методы анализа. Поставленные в работе задачи решаются с использованием регулятивно-деятельностного подхода к анализу дискурсивных образований в виде когнитивно-коммуникативных единств, которые в работе именуются как дискурсивно-регулятивные конструкты. В основе регулятивно-деятельностного подхода «Динамическая модель регулятивной коммуникации», разработанного в Тверской научной школе, лежит лингвопрагматическая модель динамической регуляции коммуникативного взаимодействия и ее единиц – когнитивно-регулятивных конструктов (когнитивных регулятивов) как специфических ментальных знаков туннельной направленности. Доминирующими приёмами и методами описания являются лингвистические, лексико-семантические и семантико-синтаксические, речеактовые, коммуникативно-конструктивные, когнитивно-дискурсивные методы, задействованные на отдельных этапах многоаспектного комплексного анализа отобранного эмпирического материала.

В качестве теоретико-методологического посыла также выступает деятельностное понимание коммуникации как целенаправленной связи между участниками батальной (боевой) интеракции, которое

обуславливает применение синтеза когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов при использовании инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики и психосемиотики. Избранный подход коррелирует с принципом антропоцентризма и помещает в фокус лингвистического анализа языковую личность как в качестве субъекта речевой деятельности, так и в качестве когнитивного агента языкового сознания.

3. Результаты исследования. Проведение успешных и результирующих мероприятий, связанных с деструктивным воздействием на консциентальную сферу членов социума, требует, по данным исследователей, учета целого ряда факторных особенностей, среди которых можно выделить наиболее значимые, а именно:

- *формирование* «сетевого дигитального гипертекста» (т.е. совокупности имеющихся форм массовой коммуникации в цифровом, глобальном, мультимодальном и многоканальном гипертекстах), использующего любые разнонаправленные источники информационного воздействия и основанного на интерактивно связанных образцах «от каждого к каждому» для порождения общей культуры совместного производства иного коммуникативно-информационного контента и новых смыслов, которые могут потребляться массовым адресатом «дигитальной коммуникации» независимо от конкретного содержания [11; 12; 13; 14; 15];

- *организация* глобального соприкосновения в инфосфере дигитальной интеракции между прививаемой (создаваемой или созданной «режиссерами», инициаторами, бенефициарами) коммуникационной

системой и собственным ментальным конструированием получателя новых смыслов и новых моделей мира должна приводить к формированию коммуникативной многозадачности и многонаправленности новой формы коммуникации – «массовой самокоммуникации», в терминологии М. Кастельса [3, с. 349], которая возникает уже как свободная коммуникация, способная равноправно конкурировать с государственными или корпоративными коммуникативными практиками, чтобы тем самым «умножать и диверсифицировать через технологии «дискурсивного окна» *точки входа коммуникационный процесс* и размывать границы контроля и управления за ней» [12; 13; 14; 15];

– *создание и интенсивное использование* информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и всевозможного интерентно-коммуникационного разнообразия сетей для поглощения времени адресата дигитально-сетевой коммуникации, которое несовместимо с точки зрения этих сетей с их видами деятельности;

– *ведение* информационно-психологического противоборства (войны), по преимуществу, на чужой территории, с пересечением любых границ и непосредственным «вирусным» проникновением информационных посланий в ментальное пространство (разум) противоборствующей стороны, то есть непосредственного противника [6; 9; 10; 12; 13];

– *реализация* информационно-психологических мероприятий не должна оставлять видимых следов, а должна быть рассчитана с учетом манипулятивного (скрытого) воздействия на объект, которому должна быть навязана и «привита коммуникативная позиции ведомого» [9; 10; 11; 12];

– *малая затратность и эффективность* для инициатора (актора) информационно-психологического противостояния по сравнению с ведением реальных боевых действий ввиду экономичности и оперативности реализуемых мероприятий, так как незначительный объем информации, вводимой с помощью спин-докторинговой технологии «всеерного сдвига дискурсивного окна» в глобальное коммуникативное пространство, способен приводить к формированию нужного общественного мнения или к его переформатированию [11; 12; 14; 15; 15];

– *опора* информационно-психологического противоборства *на разнообразие* дискурсивных технологий, «мимикрирующих» (подстраивающихся) под конкретный объект коммуникативного воздействия с целенаправленными приемами, техниками и подходами для выработки вербо-логико-психо-логических «ловушек» сознания противника – от образования каскада «информационных меметико-регулятивных или вирусно-реплицирующих структур» [9; 10: 11], попадая под влияние которых, человек принимает решение действовать не на основании своего знания о получаемой информации, а на основании того, что такие действия уже делали и делают другие до создания иной (другой, конкурирующей) системы коммуникативных практик сетевой («свободной») массовой коммуникации или «самокоммуникации», по М. Кастельсу [3]. Другая, отличающаяся от прежней система коммуникативных практик, создаётся или формируется для воздействия на систему рассуждений человека относительно подаваемых ему через инфраструктуру СМИ тех или иных фактов, псевдофактов или симулякров в виде «фейкньюз», «фейкореальности», которые ввиду своей

многозначности и семантической расплывчатости могут получать разные прочтения и интерпретации – вплоть до диаметрально противоположных [9; 11; 14];

– *информационно-психологическое воздействие* в консциентальном противостоянии в принципе *всегда является целенаправленным* и «срежиссированным» переводом с одной картины мира на другую, соответствующую замыслам и целям инициатора или бенефициара [11; 13; 14; 15; см. также: 2; 3; 17].

В результате получается, что информационно-психологическое противоборство, связанное с воздействием на консциентальную сферу противника, ставит своей целью перепрограммировать имеющуюся у противоположной стороны систему публичных коммуникаций (коммуникативных сетей). Такая система сможет формировать иную (другую, новую) символическую среду для манипуляций образами и обработки информации в ментальном пространстве людей как объектов такого воздействия.

4. Выводы. Создаваемая манипуляциями новая символическая среда призвана создавать и прививать новое содержание и новые формы в сетевых информационных пространствах, которые связывают ментальную сферу людей (их сознание) и их коммуникативную среду, а это, по мнению М. Кастельса, – «равносильно переоснащению нашего разума», когда «человек начинает чувствовать / думать по-другому, овладевать новыми значениями и новыми правилами для придания смысла этим значениям» [3, с. 449–450]. В конечном итоге, находясь под воздействием, человек начинает действовать иначе: он начинает направлять свои усилия на трансформацию «способа, с помощью которого действует его общество», чтобы привести к

разрушению существующего порядка и «привитию (имплантированию) в нем новых (чуждых, инокультурных) ценностей и интересов» [9; 10: 11; 12; 14; 15].

По этой причине не могут не заслуживать пристального внимания и изучения *консциентально ориентированные коммуникативные технологии* и механизмы, которые способны эффективно формировать и преобразовывать имеющуюся (т.е. существующую) в период *консциентального воздействия* (вторжения) на чужое территориально-информационное пространство, среду или систему публичных коммуникативных практик атакованного социума. Эти практики, посредством подготовленных проводников или организованных групп влияния, призваны вызывать (каузировать, причинять) *последствия*, которые оказываются крайне *важными* для характера *социальных изменений, преобразований и потрясений* в обществе. При этом, выяснилось, что **чем интенсивнее** консциентальное воздействие информационных атак (вбросов, интервенций, шумов), пропущенных через манипулятивные механизмы «веерного сдвига дискурсивных окон» [12; см. также: 13; 14; 15; 16] и позволяющих не только фокусировать «эти окна в определенном значении», в терминологии Кеннета Пайка [цит. по: 12], но и осуществлять в общественном сознании смену «рамки допустимого» и «возможного» в пределах создаваемой дискурсивной реальности с целью продвижения в массовое сознание необычных, немыслимых идей [6; 11; 14; 15], **тем выше** возможности введения в дискурсивный оборот деструктивных практик, сообщений и посланий, *продвигаемых* бенефициаром и *стимулирующих их*

доминирование в коммуникативных сетях атакованного общества новых (чуждых, заимствованных) ценностей, интересов, установок и паттернов поведения, создавая более широкий контекст уничижительного отношения, беспощадной критики и недоверия к бытующим в социуме принятым общекультурным ценностям, нормам, устоям и традициям. Создаваемый или созданный таким образом контекст является результатом воздействия прагматического функционала коммуникативно-дискурсивных практик «консциентальной деструктивности / дезруптивности».

Список литературы

1. **Алексеев, А. П.** Информационная война в информационном обществе / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 5–14.
2. **Григорьев, В. Р.** Информационные вирусы – новое оружие массового поражения / В. Р. Григорьев // Информационные войны. – 2008. – № 3 (7). – С. 3–29.
3. **Кастельс, М.** Власть коммуникации / М. Кастельс. Пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
4. **Кокошин, А. А.** Несколько измерений войны / А. А. Кокошин // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 5–19.
5. **Лайнбарджер, П.** Психологическая война / П. Лайнбарджер. – М. : Воениздат, 1962. – 351 с.
6. **Морозова, О. Н.** Манипулятивная природа информационных войн в интернет-пространстве / О. Н. Морозова, Л. А. Романова, Е. А. Мосина // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Междунар. научн.

семинар. Часть I. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. – С. 84–89.

7. Прокофьев, В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание / В. Ф. Прокофьев. – Издание 2-е, расширенное и доработанное. Серия «Информационные войны». – М. : СИНТЕГ, 2003. – 408 с.

8. Расторгуев, С. П. Информационная война / С. П. Расторгуев. – М. : Радио и связь, 1999. – 416 с.

9. Романов, А. А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста / А. А. Романов // Текст в коммуникации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А. А. Романов, А. М. Шахнарович. – М. : Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1991. – С. 82–100.

10. Романов, А. А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге / А. А. Романов // Текст как структура. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А. А. Романов, А. М. Шахнарович. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1992. – С. 55–76.

11. Романов, А. А. Политическая лингвистика: функциональный подход / А. А. Романов. – М.- Тверь: Ин-т языкознания РАН, 2002. – 191 с.

12. Романов, А. А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме / А. А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru> (дата обращения 17.03.2025 г.)

13. Романов, А. А. Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных

войн» / А. А. Романов, Е. В. Малышева // Жизнь языка в культуре и социуме – 5. Материалы междунаrodn. научной конф. – М. : Канцлер, 2015. – С. 225–226.

14. Романов, А. А. Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак / А. А. Романов, Л. А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 2. – С. 1–32. Режим доступа: <http://tverlingua.ru> (дата обращения 16.03.2025 г.).

15. Романов, А. А. Конструирование медийных смыслов информационного противостояния / А. А. Романов, Л. А. Романова, О. В. Новоселова // Функциональная лингвистика: VII-й Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научн. докладов. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284 – 287.

16. Романова, Л. А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка / Л. А. Романова. – М.-Тверь: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 178 с.

17. Севрюгин, В. И. Специальные методы социально-психологического воздействия и влияния на людей / В. И. Севрюгин. – Челябинск : Обл. изд-во, 1996. – 416 с.

18. Тоффлер, Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.

Abrosimova-Romanova Larisa Alekseevna,
Doctor of Sciences in Philology, Professor, Professor
of the Department of Social Work and Pedagogy of Tver
State University
larrar@yandex.ru

**"Conventional war" as a complex technology of
influencing and dominating the enemy**

The paper considers «discourse window» as a complex technology of informational spin-doking action. The authors conclude that the leading role of communication and information component in the structure of society is determined by its reliance on relational properties and «regulative essence of messages, messages».

Key words: «viral» information, informational attack, communicative-media technology «vector shift», cognitive impact, mental representation, «discourse window», patterns, spin-doctor technology, informational impact technology.

Антропов Степан Алексеевич,
студент магистратуры факультета мировой политики
МГУ имени М. В. Ломоносова, бакалавр факультета
журналистики МГУ
stepan-antropov@yandex.ru

Политизация пакта Молотова-Риббентропа в контексте СВО во французских медиа

В данной статье анализируется политизация истории начала Второй мировой войны во французских медиа. История становится инструментом манипуляций для достижения внутри- и внешнеполитических целей французских властей. Франция активно участвует в дискредитации СССР для ослабления позиций России на мировой арене. Тема пакта Молотова-Риббентропа, как часть исторической памяти, получила новую смысловую актуализацию после начала СВО. Статья посвящена 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: политизация истории, пакт Молотова-Риббентропа, французские медиа, СВО, Вторая мировая война.

Введение

Политизация истории стала мощным инструментом воздействия и пропаганды в последние десятилетия. Для дискредитации внешнеполитического соперника медиа используют различные манипуляции с историей и фактами, в том числе – замалчивание, отрицание плюрализма по определенному вопросу, создание ложного императива («если ты не выступаешь

против политики России, то ты агент Кремля»)), неточное цитирование, сопровождение материала провокационным заголовком, перенос внимания с фактов на эмоциональные и яркие образы, создание персонифицированных мифов, использование мнений экспертов, преподносящих свои субъективные оценки в качестве единственно верны, использование спорной статистики.

Актуальность исследования заключается в информационной, психологической и когнитивной войне, которая ведется на данный момент против России, необходимостью изучать техники и инструменты политических манипуляций стран Европы, актуализацией темы Второй мировой войны в современных международных отношениях.

Цель статьи – изучить особенности политизации истории пакта Молотова-Риббентропа в современных французских медиа.

Эволюция оценок пакта Молотова-Риббентропа

Одной из самых популярных тем во французских медиа при обращении к периоду 1930-х годов (кроме сталинских репрессий) является пакт Молотова-Риббентропа. В частности, французских журналистов интересуют так называемые засекреченные протоколы по разделу сфер влияния в Восточной Европе, по которым СССР присоединил части Западной Беларуси, Украины и Молдавии. Обратимся к некоторым характерным медиатекстам на эту тему и отметим эволюцию оценочного наполнения (тема предполагала определенную дискуссионность еще в конце XX века, а в современных медиа пакт оценивается однозначно как доказательство союзничества СССР и Германии).

29 февраля 1964 г. *LeMonde* опубликовал так называемое «Письмо Эдуарда Даладье» [1], премьер-министра Франции в 1938–1940 гг. В этом письме Даладье выступает с критикой мемуаров посла СССР в Лондоне 1932–1943 И. М. Майского. В частности, бывший премьер-министр пишет, что с самого начала Франция выступала не только за мир, но и за заключение трехсторонних соглашений с СССР против Германии, от которых советская сторона отказалась, следовательно, на тот момент она уже испытывала союзнические чувства к Германии. В тот момент уровень поддержки СССР при правительстве Де Голля был довольно высоким [2], а французская Компартия играла значимую роль в политике страны. Публикации же таких материалов могли нанести ущерб репутации коммунистов и СССР в глазах французской общественности.

В статье *LeMondediplomatique*[3], (июль 1997 г.), фильм «Гитлер-Сталин: Опасные связи» подвергается критике за то, что режиссёры говорят о том, что «союз с нацистами всегда косвенно присутствовал в планах Сталина, в то время как политика коллективной безопасности была для диктатора только маской, предназначенной для сокрытия его целей от Запада» [4]. Авторы статьи добавляют: «Несмотря на свою деспотическую систему правления, его стратегия кажется относительно рациональной и сбалансированной: Realpolitik, лишённая угрызений совести. Его доктрина, которая была бы одобрена Макиавелли, имела своей единственной целью реализацию его концепции интересов национальной безопасности России» [5].

В период 2000–2014 гг. обвинения СССР в начале Второй мировой войны звучат всё чаще. 3 июня 2008 г. депутаты Европарламента заявили: «Вторая мировая

война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., известного также как Пакт Молотова-Риббентропа» [6]. А в 2009 г. Европарламент объявил 23 августа – день подписания пакта Молотова-Риббентропа – Днём Памяти жертв тоталитарного режима (хотя такое решение тогда вызвало действительно жаркие дискуссии среди западноевропейских исследователей [7]).

9 мая 2010 г. на Красной площади состоялся совместный Парад России и стран-участниц во Второй мировой войне: в парадном строю прошли военные из стран СНГ (в том числе Украины), Франции, Великобритании, США и Польши (последняя согласилась в том числе после признания Россией ответственности за Катынский расстрел). На парад прибыли президенты Франции (Николя Саркози) и Китая (Ху Цзиньтао), а также канцлер Германии Ангела Меркель. Мероприятие было названо эпохальным, так как впервые по Красной площади прошли военные из стран НАТО. Освещение этого события можно рассмотреть на примере материалов *LeFigaro*. Так, издание опубликовало новость [8] о подготовке к параду в довольно нейтральном тоне, однако упомянуло, что Россия накануне Дня Победы переносится в «милитаристскую лихорадку». В новости [9] от 9 мая отмечается эпохальность события из-за участия стран НАТО, организации, созданной для обеспечения «безопасности Запада, особенно перед лицом советской угрозы». О какой конкретно советской угрозе идет речь, журналисты не поясняют. То есть мы видим, как даже в материале о совместном параде России и НАТО

присутствует идея о «советской угрозе». Однако в целом журналисты позитивно оценивают парад войск союзников в Москве. В другом материале [10] Парад описывается исключительно в восторженных тонах, сама статья называется «9 мая: восторженные москвичи». В статье приводятся мнения и воспоминания ветеранов, красочно описывается подготовка российской столицы к 65-летию Победы, а начинается материал с фразы, которую сейчас было бы невозможно представить во французских медиа: «Вся эта военная техника вызывает очень приятные ощущения, потому что понимаешь, что она предназначена для твоей защиты».

Таким образом, в конце 2000-х начале 2010-х французские журналисты ещё осторожны с демонизацией России и СССР в контексте Второй мировой войны: и хоть иногда фигурируют негативные оценки и сравнения, в целом материалы написаны в довольно позитивном ключе, образ СССР и Сталина представлен относительно нейтральный, сопоставления с современной Россией не приобретают доминирующий характер в материалах.

Ситуация меняется после 2014 года. 11 мая 2015 Фигаро опубликовал статью «Путин реабилитирует пакт Молотова-Риббентропа» [11]. В ней журналисты пишут, что Россия реабилитирует Сталина, следовательно, идёт в направлении диктатуры; Россия «играет» историческими фактами, пытаясь оправдаться, однако это она, якобы, виновна в разделе Польши и Катынском расстреле. В целом, пакт характеризуется как союз нацизма и коммунизма, а присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики называется «аннексией» (2015 год, у читателей должна появиться яркая ассоциация).

В материале «23 августа 1939 г., пакт Гитлера-Сталина: дата, которую не забывает половина Европы» *LeFigaro*[12] (август 2019) журналисты рассказывают о том, как в 1939 году два тоталитарных режима, каждый из которых хотел захватить весь мир, решили договориться и разделить этот мир между собой, в частности, на примере Восточной Европы. СССР оккупировал Прибалтику и Польшу до 1991; советская оккупация Прибалтики, по мнению журналистов, была равнозначна оккупации немецкой, что отвечает политическим медийным антироссийским нарративам. Единственная перспектива для бывших «оккупированных стран» является возвращение «в европейскую семью – ЕС». Падение Восточного блока журналисты рассматривают не только как акт исторической справедливости, но и как знак «переплетения коллективной памяти Европы», который даже более важен, чем падение Берлинской стены. Франция была главным сторонником единства Польши, главным защитником польской свободы: «Франция Жоржа Клемансо видела только преимущества в том, чтобы позволить Польше воссоединиться с мифической эпохой Королевства Ягеллонов, захватив Вильнюс (Литва) и восточную Галицию (Украина). Чем больше Польша укрепляла свою географическую базу, тем больше она могла сдерживать немецкие и большевистские удары» [13]. То есть журналисты издания одобряют экспансию Польши в Литву и на Украину, так как это соответствует французским интересам, но выступают против того же со стороны СССР.

30 сентября 2019 Европарламент признал СССР виновником начала Второй мировой войны наравне с

гитлеровской Германией. «Вторая мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., известного также как Пакт Молотова–Риббентропа» [здесь и далее 14]. «Одно из наиболее заметных изменений в резолюции – исчезновение критического упоминания о «Мюнхенском сговоре» 1938 г. как о событии, предшествовавшем пакту Молотова – Риббентропа», – отмечал российский RT. В финальной версии документа убраны перечисления «общевропейских трагедии», виновником которых является СССР: Катынский расстрел, Голодомор и созданием ГУЛАГов, зато Россия, согласно этому документу, объявлялась «самой большой жертвой коммунистического режима»; кроме того, нашу страну призвали отказаться от советского тоталитарного наследия. Юридически документ призывает к увековечиванию памяти «жертв коммунистических и нацистских режимов, к признанию и осознанию общих для всей Европы шрамов, оставленных их преступлениями». Более того, в документе содержится призыв к пересмотру мемориалов и мемориальных названий, «прославляющих тоталитарные режимы» (речь идёт о памятниках Советской Армии, военных кладбищах, названия в честь освободителей стран Европы и так далее).

Французские медиа отреагировали по-разному на это событие, но общая оценка оказалась скорее негативной. *Le Monde* обвинил Европарламент в «переписывании истории» [15]. Издание приводит разные критические оценки и делает выводы, что хоть СССР косвенно виновен в начале войны, страна

приложила колоссальные усилия для Победы над Гитлером: журналисты упоминают мнение историка Аннет Вивиорка, которая даже выступает против сопоставления Сталина и Гитлера («Аналогичным образом, некоторые критики обвиняют членов Европарламента в желании провести эквивалентность между нацистской Германией и сталинской властью. Использование термина «тоталитарный» для описания двух режимов оправдано, но, если «очевидно, что у режимов есть общие точки соприкосновения, мы не можем сказать, что они близнецы», добавляет Аннет Вивиорка»). Более громкое заявление сделал *L'Humanité*: журналисты опубликовали коллективное письмо [16], в котором выступили против резолюции, в которой «пакт навязчиво обозначается как главная причина начала Второй мировой войны. Грубый исторический ярлык и антироссийская каша, игнорирующая весь спектр причин, мобилизованных поколениями историков для объяснения начала Второй мировой войны».

Однако такая позитивная, на первый взгляд, оценка СССР на самом деле поверхностна: ни одно из СМИ не оправдывает Советский Союз и не защищает его, а лишь указывает на чрезмерность идеологизации резолюции, и на то, что Европарламент в целом не должен заниматься мемориальной юстицией. Иначе говоря, ответственность СССР в начале войны не снимается, но ставится под вопросом идея о том, что именно СССР является основным виновником, а не Германия. И что важно, журналисты отмечают, что на самом деле данный документ слишком явно указывает на современную Россию: «Именно нынешняя склонность Москвы оправдывать пакт Молотова-Риббентропа и секретный протокол к нему, а также стремление

реабилитировать сталинский режим, попирая исторические факты, заставляют содрогаться страны, ставшие жертвами советского режима. Отсюда тот факт, что он призывает бывшие коммунистические страны провести работу с памятью и историей и, по ее словам, на этом основании «явно и справедливо нацеливается на Россию» [17]. То есть журналисты резюмируют, что хоть они и выступают с критикой данной резолюции, настоящим виновником её появления является Россия, которая якобы пытается реабилитировать «коммунистический террор».

Поиски виновников и победителей в войне во французских медиа

Довольно интересно посмотреть, как отношение самих французов меняется к победителю во Второй мировой войне. В мае 1945, согласно опросам [18], 57% французов назвали СССР страной, которая внесла наибольший вклад в победу над Германией; США же назвали только 20%. Однако к маю 2015 ситуация изменилась: только 23% указали СССР, и 54% – США. Больше всего в пользу СССР в 2015 году выступили французы старше 65 лет (26%), и меньше всего – молодежь от 25 до 34 лет (19%). Интересно, что около 40% представителей малого бизнеса и торговли выступают за СССР, когда как меньше всего – 18% - работники общественных организаций. Исходя из опроса политических взглядов, самые «просоветские» французы голосуют либо за партию «Левый фронт», либо за ультраправую партию «Национальный фронт», которые с идеологической точки зрения представляют разные полюса политики, но объединены общими радикальными настроениями против правительства Макрона. Аналогично и с их предпочтениями президента – 27% и

30% сторонников СССР проголосовали за Меланшона и Марин Ле Пен соответственно. Таким образом, мы можем создать портрет французской целевой аудитории медиа, которая считает США победителем в войне: молодёжь из крупных городов северных и западных регионов Франции и Парижа, работающая в общественных организациях и голосующая традиционно за либерально-демократических, центристских и умеренных политиков (для сравнения: 51% французов от 18 до 25 лет готовы взять в руки оружие на Украине против России, если это потребуется [19])

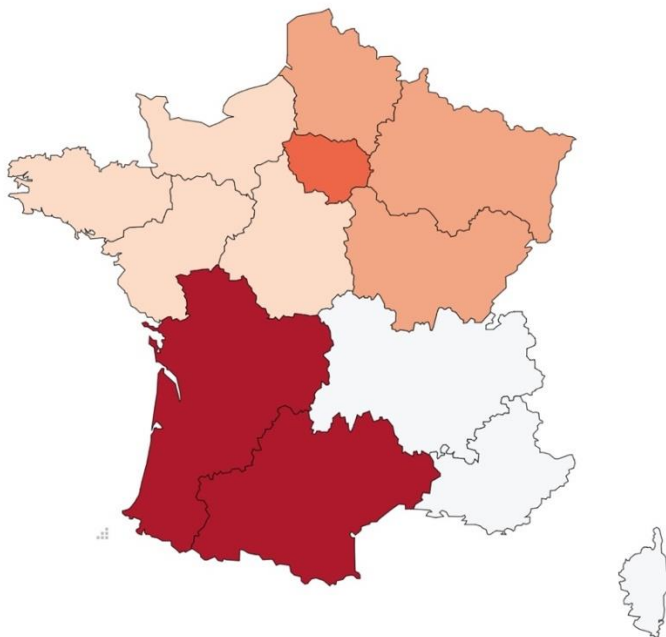

Рис. 1. Регионы Франции по уровню оценки вклада СССР в разгром Германии, по данным опроса IFOP

Интересно проанализировать регионы, в которых уровень поддержки СССР во Франции самый высокий. На первом месте – с 30% - регион Юго-Запада, на втором – Париж (26%). Регион Юго-Запада отличается превалированием социалистически настроенных политиков (исторически регион был убежищем для Компартии Германии и Социалистической рабочей партии Испании), во время Второй мировой здесь были крупнейшие расположение французских партизан; кроме того, это, по сути, единственная часть Франции, которая была освобождена ни англичанами, ни американцами, а французами и французскими партизанами - корпусом *Forces françaises de l'intérieur*. Таким образом, данный пример показывает, как история региона и вопроса освобождения региона проецируется на мировую историю.

Тем не менее, несмотря на общий «просоветский настрой региона», французская местная пресса может выпустить и довольно антисоветский материал. Ещё 9 мая 1945 г. французская газета *Sud-Ouest* опубликовала на первой полосе новость о капитуляции Германии: «Официальное объявление о победе де Голля, Черчилля и Трумэна вызвало во всем мире лихорадочное ликование, и в Америке, и в Европе, и в больших городах, и в самых скромных деревнях...» [20]. Ни одного слова об СССР, ни о Сталине в материале газеты сказано не было. Более того, в 2022 году это же издание опубликовало статью ««Много слез было пролито в этот день победы»: 8 мая 1945 г., день, когда Бордо праздновал капитуляцию нацистской Германии» [21], в которой журналисты рассказывают о праздновании в Бордо. В материале, как и 70 лет назад, СССР как страна-победительница не фигурирует вовсе, а поворотным

моментом в войне называется не Сталинградская битва, а высадка в Нормандии: «6 июня 1944 г. высадка на берегах Нормандии, день «Д», ознаменовала собой настоящий поворотный момент во Второй мировой войне, ознаменовав начало поражения Германии», что противоречит не только здравому смыслу, но и даже европейской историографии [22].

В материале «7-8 мая 1945 г. Конец войны в Европе» [23] исторического медиа «Herodote» поворотным моментом в войне тоже не называется Сталинградская битва, а битва при Эль-Аламейне в октябре 1942 г. (ключевое сражение за Африку, погибло порядка 100 000 человек с обеих сторон, при том что потери в Сталинградской битве с обеих сторон составили от 2,5 до 3 млн человек). В статье описывается самоубийство Гитлера, но не указывается, какие войска в то время штурмовали Берлин. Журналисты подробно говорят об участии Франции в процессе капитуляции Германии, более того, заявляют, что Де Голлю «удалось добиться» от Сталина участия французской стороны – то есть журналисты намекают, что СССР не хотел, чтобы Франция была одной из стран-победительниц, но генерал смог добиться этого, хотя в действительности всё было иначе [24].

Не говорится об участии СССР и в материале «8 мая 1945 г.: день капитуляции нацистской Германии» телеканала C-News [25]: причины самоубийства Гитлера замалчиваются, взятие Берлина советскими войсками отсутствует вообще, зато красочно описывается ликование Франции – страны-победительницы: «78 лет назад Франция праздновала победу. 8 мая 1945 . нацистская Германия только что капитулировала. Для миллионов французов это был конец шестилетнего

кошмара, и радость соответствовала вновь обретенной свободе». После фразы «фашистские войска загнаны в угол» нет указания на то, какие войска их туда загнали, зато сразу после указывается, что «Трехцветные, американские или британские флаги развевались рядом с карикатурами на Гитлера». СССР упоминается в конце, в контексте подписания капитуляции: Сталину, согласно журналистам, хотелось превратить подписание капитуляции в пропаганду СССР, поэтому он решил подписать документ во второй раз («Но место подписания, в Реймсе, Сталину не понравилось. Советский лидер также хотел закрепить свой триумф. Поэтому он приказал подписать новую капитуляцию в Берлине, столице в руинах, на земле побежденных. Это произошло в ночь на 9 мая»).

Стоит обратиться и к статье «Histoire: une Toulousaine raconte la prise de Berlin par les Russes en mai 1945», опубликованной в 2015 году в региональной газете *La Dépêche*. Жительница Тулузы 88-летняя Югетт Семпельс (Huguette Sempels) рассказывает о страданиях, которые она пережила в период войны и подробно останавливается на взятии Берлина Советской армией, чему она была очевидцем: «Вначале мы были довольно счастливы, потому что война подходила к концу. Но когда мы узнали, что делают русские, мы быстро разочаровались. За две недели красноармейцы изнасиловали более 100 000 женщин... Мы пытались спрятаться, но иногда этого было недостаточно. Мне было всего 18, и когда вошли русские войска, я спряталась в ящике дивана. Из своего укрытия я стала свидетелем изнасилования женщины в доме. Солдаты держали ее под прицелом своего оружия. Я была беспомощна» [26]. На протяжении всей статьи

описывается просто ужасающая картина, как советские власти заставляли немцев пройти через фильтрационные лагеря, ввели запрет на перемещение, насильствовали женщин и детей, а потом героине статьи удалось сбежать «... к американцам, которые оказали нам теплый прием. Это был праздник! Наконец-то мы были свободны!» [27] Мы видим, как СССР в материале изображается не победителем, а настоящим оккупантом, который проводил такую же политику, как и фашистская Германия.

В 2022 Россия инициировала голосование в ООН за резолюцию о противодействии героизации нацизма, которое широко освещалось во французских СМИ. *Le Monde* в своей статье «Почему Франция и еще 51 страна проголосовали против резолюции ООН, осуждающей нацизм» [28] объясняет, почему Франция проголосовала против резолюции: «Россия использует память о Второй мировой войне в своих политических целях для оправдания своей политики». Тем не менее, в предыдущие годы Франция от голосования воздержалась, но журналисты это не объясняют, что показывает, как память о Второй мировой войне использует не Россия, а именно Европа в своих политических целях, в частности, ослаблении влияния России на мировой арене.

Демонизация СССР становится лейтмотивом в материалах, посвящённых празднованию Дня Победы в России в современности. Так, в материале «Русский миф о Великой Отечественной войне и его манипуляции» [29] газеты *Le Monde* указывается, что «прославление роли СССР во Второй мировой войне используется Владимиром Путиным для оправдания вторжения в Украину. Пропаганда, напрямую унаследованная от

советской эпохи». Журналисты доказывают, что нацистов и бандеровцев нет и не было, а термин «денацификация», используемый как одна из целей СВО, является «пропагандистским штампом», который позволяет российской власти «... и Путину легитимизировать свою власть в мире как наследника 1945 г.». Для России, по мнению журналистов, важно «соперничество за титул победителя над Германией» (примечательно, что сама статья так и называется – «переписывание истории Второй мировой войны между Украиной и Россией») [30], потому что такой титул позволил бы «развязать новые войны ради денацификации». Исходя из этой логики для *Le Monde* важно объяснить ложность как современной российской политики как наследницы СССР, так и в целом ложность заявлений, что СССР – страна-победительница.

Так, 9 мая 2022 г., в День Победы в России, в 21:05 французский телеканал «France 3», а также телеканал *FigaroLife* показали премьеру фильма «Hitler-Staline, le choc des tyrans». Анонс фильма открывается таким текстом: «Михаэль Празан приглашает вас открыть для себя Вторую мировую войну через призму дуэли между двумя мужчинами, столь же кровожадными, как и они макиавеллианцы. Два диктатора, влюбленные в одну и ту же жажду власти, величия и одинаковое желание расширить свои границы, которые зайдут так далеко, что станут союзниками, чтобы лучше сражаться друг с другом» [31]. Фильм продвигает идею, что Сталин «равен» Гитлер, а СССР «равен» Нацистской Германии; Сталин и Гитлер имели похожую судьбу, одинаковые взгляды, одинаковые мечты и использовали одинаковые инструменты – террор и концентрационные

лагеря; а СССР проводил такой же геноцид, как и фашистская Германия (Голодомор, Катынская резня).

Об актуализации исторической памяти и политизации пишут сами журналисты в рекламе к фильму: «В рамках празднования победы союзников над нацистской Германией и окончания Второй мировой войны *France Télévisions* мобилизует свои программы и информационные издания, предлагая документальное мероприятие, которое во время войны на Украине находит особый резонанс: Гитлер-Сталин, столкновение тиранов Михаэля Празана». То есть журналисты признают, что фильм о Сталине и Гитлере актуален, так как, видимо, Россия, как наследница кровавого тоталитаризма, проводит ту же политику, что и её предшественник, которых, видимо, было сразу два – СССР и фашистская Германия. Параллельно в фильме используется две цитаты: «Я пью за здоровье фюрера» – Сталин и «Сталин – мой любимчик!» – Гитлер.

Схема 1. Динамика запросов «*pactegermano-sovietique*», 2008-2023

Если проанализировать динамику запросов «*pactegermano-sovietique*» (пакт Молотова-Риббентропа) во французском сегменте Google, то мы увидим необычайный рост интереса к данной теме с февраля 2022 г. А в мае 2022 г. количество запросов на данную тему было рекордным за всю историю – такого количества не было ни в 2008 г., когда Европарламент

впервые озвучил идею вины СССР в разжигании войны, ни в 2019 г. – после публикации резолюции и в годовщину начала Второй мировой войны. Затем летом уровень запросов сократился в десятки раз (аналогично с запросами «Голодомор»), потом, традиционно, в конце августа – начале сентября вновь запросы стали расти в связи с годовщиной начала войны, а своего нового пика достигли уже в октябре, ориентировочно – в дни референдума в ЛДНР, Запорожской и Херсонской областях о присоединении в состав России, а затем – теракта на Крымском мосту; после очередного падения на зимних каникулах интерес к теме вернулся во время годовщины начала СВО, а потом – праздновании Дня Победы в России. Таким образом, мы видим прямую зависимость популярности темы пакта Молотова-Риббентропа российско-украинского конфликта. Такой рост интереса может быть объяснён *значительной степени* использованием медиа этой темы, актуализации и политизации истории для продвижения определенных оценочных суждений о современности.

Заключение

Таким образом, современные французские медиа дают такие оценки пакта Молотова-Риббентропа:

1. Сталин хотел дружбы с Гитлером; они вместе мечтали поработить весь мир.
2. Россия, как и 80 лет назад, представляет главную угрозу Европе.
3. СССР виновен в разжигании Второй мировой войны (едва ли не больше, чем фашистская Германия).
4. Никаких хороших отношений с Россией быть не может, так как это «Империя Зла».

5. Россия не может называться наследницей Победы и использовать советское наследие, так как сама якобы виновата в начале войны.

6. Россия и СССР всегда угрожали европейской демократии и либеральным ценностям.

7. Европа обязана помочь Украине (стране-части европейской цивилизации), в противном случае следующей жертвой русского медведя после Украины будет сама Европа

8. Советская оккупация была даже хуже нацистской; поэтому с её наследием следует непременно бороться.

На основе проведенного анализа мы можем заключить, что логика французских медиа довольно проста: Россия, по их мнению, использует победу в войне в своих политических целях, значит нужно не только лишить Россию этой победы, но и назвать её виновником в начале войны, ссылаясь на преступный характер пакта Молотова-Риббентропа. Для достижения этой цели французские медиа выдвигают следующие задачи: объявить СССР виновником в начале войны, страной-агрессором и оккупантом, и признать настоящим победителем в войне союзников (США, Франция, Британия), а не конкретно СССР. В результате такой смысловой коннотации Россия будет лишена морального права защищать мир от неонацизма и дискредитирована в глазах французской, европейской и мировой массовой аудитории и элиты, что может повлиять на геополитические возможности России на мировой арене.

Ссылки

1. Une lettre de M. Édouard Daladier sur le pacte germano-soviétique // Le Monde. 1964 UPD:

https://www.lemonde.fr/archives/article/1964/02/29/une-lettre-de-m-edouard-daladier-sur-le-pacte-germano-sovietique_2129536_1819218.html (дата обращения: 01.03.2024)

2. **Обичкина, Е. О.** Советско-французские отношения в отечественной историографии с 1960-х по 1990-е годы: методологические подходы и проблематика / Е.О.Обичкина // 25 лет внешней политике России. Сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8-9 декабря 2016 г.) / Под общ. ред. А. В. Мальгина. Том 3: История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. – М. : МГИМО, Изд-во МГИМО-Университет, 2017. – С. 76–98.

3. Les dessous du pacte germano-soviétique // Le Monde diplomatique. 1997 UPD: <https://www.monde-diplomatique.fr/1997/07/GORODETSKY/4861> (датаобращения: 01.05.2024).

4. Гитлер-Сталин: Опасные связи (1996, Жан-Франсуа Делассю и Тибо д'Орион)

5. Les dessous du pacte germano-soviétique // Le Monde diplomatique. 1997 UPD: <https://www.monde-diplomatique.fr/1997/07/GORODETSKY/4861> (датаобращения: 01.05.2024).

6. Пражская декларация о европейской совести и коммунизме от 3 июня 2008 г. (подписана депутатами Европарламента по инициативе Вацлава Гавела) [сайт]. URL: <http://ru.knowledgr.com/01413126> (датаобращения: 24.02.2022).

7. 23 août 1939, le pacte Hitler-Staline: une date que la moitié de l'Europe n'oublie pas // Le Figaro. 2019 UPD: <https://www.lefigaro.fr/vox/histoire/23-aout-1939-le-pacte-hitler-staline-une-date-que-la-moitie-de-l-europe-n-oublie-pas-20190822> (дата обращения: 09.05.2024).

8. Défilé de l'Otan à Moscou le 9 mai // Le Figaro.
2010 UPD: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2010/05/06/97001-20100506FILWWW00407-defile-de-l-otan-a-moscou-le-9-mai.php> (дата обращения: 09.05.2024).

9. 9 mai: l'Otan défile sur la place Rouge // Le Figaro.
2010 UPD <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2010/05/09/97001-20100509FILWWW00051-9-mai-l-otan-defile-sur-la-place-rouge.php> (дата обращения: 09.05.2024).

10. 9 mai: les Moscovites enthousiastes // Le Figaro.
2010 UPD <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2010/05/09/97001-20100509FILWWW00098-9-mai-les-moscovites-enthousiastes.php> (дата обращения: 09.05.2024).

11. Poutine réhabilite le pacte Molotov-Ribbentrop // Le Figaro. 2015 UPD: <https://www.lefigaro.fr/international/2015/05/11/01003-20150511ARTFIG00216-poutine-rehabilite-le-pacte-molotov-ribbentrop.php> (дата обращения: 09.05.2024).

12. 23 août 1939, le pacte Hitler-Staline: une date que la moitié de l'Europe n'oublie pas // Le Figaro. 2019 UPD: <https://www.lefigaro.fr/vox/histoire/23-aout-1939-le-pacte-hitler-staline-une-date-que-la-moitie-de-l-europe-n-oublie-pas-20190822> (дата обращения: 09.05.2024).

13. 23 août 1939, le pacte Hitler-Staline: une date que la moitié de l'Europe n'oublie pas // Le Figaro. 2019 UPD: <https://www.lefigaro.fr/vox/histoire/23-aout-1939-le-pacte-hitler-staline-une-date-que-la-moitie-de-l-europe-n-oublie-pas-20190822> (дата обращения: 09.05.2024).

14. Резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 года

https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_FR.html

15. Le Parlement européen a-t-il « réécrit l'Histoire » de la seconde guerre mondiale ?// Le Monde. 2019 UPD: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2019/10/19/le-parlement-europeen-a-t-il-reecrit-l-histoire-de-la-seconde-guerre-mondiale_6016173_4355770.html (дата обращения: 09.05.2024).

16. Déclaration commune à propos de la résolution du Parlement Européen du 19 septembre 2019 “sur l’importance de la mémoire européenne pour l’avenir de l’Europe” // L’Humanité UPD: <https://www.humanite.fr/en-debat/parlement-europeen/declaration-commune-propos-de-la-resolution-du-parlement-europeen-du-19> (дата обращения: 09.05.2024).

17. Le Parlement européen a-t-il « réécrit l'Histoire » de la seconde guerre mondiale ?// Le Monde. 2019 UPD: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2019/10/19/le-parlement-europeen-a-t-il-reecrit-l-histoire-de-la-seconde-guerre-mondiale_6016173_4355770.html (дата обращения: 09.05.2024).

18. Здесь далее данные опроса IFOP «La nation qui a le plus contribué à la défaite de l'Allemagne», <https://www.ifop.com/publication/la-nation-qui-a-le-plus-contribue-a-la-defaite-de-lallemagne/> (дата обращения: 01.05.2024).

19. Armée : Ces trois chiffres qui illustrent un « regain de patriotisme » des jeunes Français // 20 minutes, 2024 UPD: <https://www.20minutes.fr/societe/4086295-20240412-armee-trois-chiffres-illustrent-regain-patriotisme-jeunes-francais> (дата обращения: 12.04.2024).

20. <https://media.sudouest.fr/1981731/1200x-1/sans-titre-1-copie.jpg?v=1715169600> (дата обращения: 12.05.2024).

21. "Bien des larmes ont coulé en ce jour de victoire" : 8 mai 1945, le jour où Bordeaux fêtait la capitulation de l'Allemagne nazie // Sudouest France. 2024 UPD: <https://www.sudouest.fr/sante/coronavirus/confinement/seconde-guerre-mondiale-il-y-a-75-ans-le-8-mai-1945-l-allemande-nazie-capitule-a-berlin-1981731.php> (дата обращения: 09.05.2024).

22. Jean Lopez, Stalingrad : la bataille au bord du gouffre, 2008.

23. 7-8 mai 1945. Fin de la guerre en Europe // Herodote, 2024 UPD: https://www.herodote.net/8_mai_1945-evenement-19450507.php (дата обращения: 09.05.2024).

24. Арзаканян, М. Ц. Де Голль / Марина Арзаканян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2017.

25. 8 mai 1945 : ce jour où l'Allemagne nazie capitulait // C-News, 2023 UPD: <https://www.cnews.fr/france/2023-05-07/8-mai-1945-ce-jour-ou-l-allemande-nazie-capitulait-703945> (дата обращения: 09.05.2024).

26. Histoire : une Toulousaine raconte la prise de Berlin par les Russes en mai 1945 // La Dépêche, 2015 UPD: <https://www.ladepeche.fr/article/2015/05/24/2290862-histoire-toulousaine-raconte-prise-berlin-russes-mai-1945-1945.html> (дата обращения: 01.05.2024).

27. Histoire : une Toulousaine raconte la prise de Berlin par les Russes en mai 1945 // La Dépêche, 2015 UPD: <https://www.ladepeche.fr/article/2015/05/24/2290862-histoire-toulousaine-raconte-prise-berlin-russes-mai-1945-1945.html> (дата обращения: 01.05.2024).

28. Pourquoi la France et 51 autres pays ont voté contre la résolution de l'ONU condamnant le nazisme // Le Monde, 2022 UPD: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2022/11/07/pourquoi-la-france-et-51-autres-pays-ont-vote-contre-la-resolution-de-l-onu-condamnant-le-nazisme_6148868_4355770.html (датаобращения: 09.05.2024).

29. Le mythe russe de la Grande Guerre patriotique et ses manipulations // Le Monde, 2022 UPD: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/04/29/le-mythe-russe-de-la-grande-guerre-patriotique-et-ses-manipulations_6124127_3232.html (датаобращения: 09.05.2024).

30. La relecture de la seconde guerre mondiale, autre front entre la Russie et l'Ukraine // Le Monde, 2022 UPD: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/05/06/entre-la-russie-et-l-ukraine-la-seconde-guerre-mondiale-une-arme-memorielle_6124995_3210.html (датаобращения: 09.05.2024).

31. Hitler-Staline, le choc des tyrans (2022, МихаэльПразан)

Список литературы

1. Арзаканян, М. Ц. Де Голль / Марина Арзаканян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2017.

2. Богоявленская, Ю. В. Стратегия дискредитации чужих во французском дискурсе социальных медиа / Ю. В. Богоявленская // Вопросы управления. – 2021. – № 5 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-chuzhih-vo-frantsuzskom-diskurse-sotsialnyh-media> (дата обращения: 11.10.2025).

3. Гитлер-Сталин: Опасные связи (1996, Жан-Франсуа Делассю и Тибо д'Орион).

4. **Захарова, М. В.** Государственная политика Франции как инструмент сохранения национального медиапродукта в эпоху глобализации и цифровой революции / М. В. Захарова // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 1.

5. **Краева, Т. В.** СССР 1930-х гг. в осмыслении современной французской историографии / Т. В. Краева // *Imagines mundi*. – № 7: Интеллектуальная история / Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2010.

7. **Николайчук, И. А.** Управление прошлым. Массмедиа, мифотворчество, идентичность / И. А. Николайчук, Т. С. Якова, М. М. Янглева. – М., 2020. – 340 с.

8. **Обичкина, Е. О.** Советско-французские отношения в отечественной историографии с 1960-х по 1990-е годы: методологические подходы и проблематика / Е. О. Обичкина // 25 лет внешней политике России. Сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) / Под общ. ред. А. В. Мальгина. Том 3: История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. – М.: МГИМО, Изд-во МГИМО-Университет, 2017. – С. 76–98.

9. Пражская декларация о европейской совести и коммунизме от 3 июня 2008 г. (подписана депутатами Европарламента по инициативе Вацлава Гавела) [сайт]. URL: <http://ru.knowledgr.com/01413126> (дата обращения: 24.02.2022).

10. Резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 года. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_FR.html.

Antropov Stepan Alekseevich,
Master's student, Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University; Bachelor, Faculty of
Journalism, Moscow State University.
stepan-antropov@yandex.ru

**Politicization of the Molotov-Ribbentrop Pact in
the Context of the Special Military Operation in French
Media**

This article analyzes the politicization of the history of the beginning of World War II in French media. History becomes a tool of manipulation to achieve domestic and foreign policy goals of the French authorities. France actively participates in discrediting the USSR to weaken Russia's position on the world stage. The theme of the Molotov-Ribbentrop Pact, as part of historical memory, has gained new semantic relevance after the start of the Special Military Operation. The article is dedicated to the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.

Key words: politicization of history, Molotov-Ribbentrop Pact, French media, Special Military Operation, World War II.

УДК 070:355.1 (470.6*ДНР)

Гудова Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»
gudova@mail.ru

Радиовещательная политика Донецкой Народной Республики в условиях проведения СВО

В статье анализируется роль и место радиовещания в периоды кризисов, а также во время переломных для общества и государства моментов, описывается степень воздействия радио на слушателей в годы ВОВ, проводится параллель с нынешним военным конфликтом на территории ДНР. Отдельное место в статье отводится главенствующей роли радио в формировании чувства общности, консолидации и патриотизма населения в условиях вооруженного противостояния.

Ключевые слова: радиовещание, патриотизм, военный конфликт, диалогичность, вездесущность радио.

Влияние СМИ на формирование общественного мнения невозможно переоценить. Они являются основным инструментом насыщения аудитории информационными потребностями. Так было всегда. Со времен появления журналистики как таковой необходимость быть осведомленным во всем, что происходит вокруг, стала для человека одной из наиболее значимых.

В условиях информационной глобализации мы наблюдаем не просто насыщение, но и перенасыщение различного рода информацией, где, как сейчас модно говорить, «с каждого утюга» можно узнать о происходящих событиях. Правда, есть свои «но» ... Во-первых, не всегда информационный поток так называемых мировых СМИ отражает объективную реальность, а во-вторых, в условиях активных боевых действий по сугубо техническим причинам и жизненным обстоятельствам люди зачастую оказываются вырванными из информационной картины мира, не по своей воле оказываются в информационном вакууме, который, в зависимости от интенсивности боев и скорости движения линии фронта, может растягиваться на долгие месяцы.

Военный конфликт на территории Донецкой Народной Республики длится уже 11 лет. Роль и значение местных средств массовой коммуникации, в том числе радио, в его освещении сложно переоценить, особенно на начальном этапе.

В системе традиционных СМИ радиовещание занимает первое место по оперативности и комфортности. Ведь подготовка и выпуск информационного выпуска на радио требует гораздо меньших физических, технических и материальных затрат, чем, к примеру, на ТВ. При этом телевидение предлагает своей аудитории в информационном, содержательном и эмоциональном плане уже полностью готовый контент. Воспринимая же информацию исключительно на слух, человек включает свои воображение и фантазию, сам для себя «рисует картинку», о которой ему рассказывают из аудиозаписи.

Поэтому радио называют еще и самым эмоциональным средством массовой информации.

Но самое главное качество радио, которое в условиях боевых действий отличает его абсолютно от всех медиаресурсов, – это доступность. Нет интернета, нет света, нет связи, нет газет, но есть радио. Именно поэтому роль радиовещания в информировании аудитории в период проведения специальной военной операции становится главенствующей. Еще одно качество радио, которое и в современных реалиях отличает его абсолютно от всех медиаисточников, – это фоновость. Радиосообщение можно слушать вне зависимости от деятельности человека и его нахождения. Слушатели могут заниматься повседневными бытовыми делами, ехать в транспорте, быть на работе – информация, услышанная из радиоприемника, записывается на подсознание. Основной минус заключается в том, что, по данным ученых, мозг способен воспринять лишь 20% фоновой информации, то есть, основная часть сообщения все же пройдет мимо слушателя.

Упомянув об основных качествах, преимуществах и недостатках радио, необходимо отдельно остановиться на его роли в информировании аудитории во время ведения активных боевых действий.

Исторически сложилось так, что радио всегда оставалось другом человека, его собеседником, которое в период переломных моментов в государстве всегда было рядом, вещало в любых условиях, в то время как работа других СМИ была затруднена, а порой даже невозможна.

2025 – юбилейный год Великой Победы. Стоит вспомнить, что в годы ВОВ радио было самым популярным средством массовой информации, ему

верили и доверяли, сообщений из радиоприемников ждали, как глотка свежего воздуха. Работающий радиоприемник символизировал «биение сердца» всего непокоренного советского народа, а легенда отечественной радиожурналистики Юрий Левитан (Юдка Беркович Левитан), или как его называют «Голос Победы», был для Гитлера заклятым врагом, за голову которого он предлагал большое денежное вознаграждение. Это говорит о том, что предводитель фашистов понимал, какое колоссальное воздействие на патриотический дух людей оказывало именно радио, насколько сильно оно укрепляло боевой настрой солдат, как безоговорочно заставляло верить всех находящихся на фронте и в тылу в победу советской армии.

Ю. Б. Левитан вспоминал: «Когда я произнес слова «Говорит Москва!», почувствовал, что дальше говорить не могу, застрял комок в горле. Неужели война? Из аппаратной стучат: почему молчите? Я сжал кулаки и продолжал: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня 22 июня в 4 часа утра без объявления войны германские войска напали на нашу страну» [2].

А наша современница и соотечественница, профессионал своего дела, преданная поклонница радио и донецкого края, ведущая радиостанции «Республика Донбасс» Наталья Сагайдак поделилась впечатлениями от работы во времена самого начала гражданской войны 2014 года, когда была самая активная фаза боевых действий. Радиожурналисты тогда осуществляли вещание из шкафа (!), не имея ни специального оборудования, ни приспособленного помещения – ничего. Но, несмотря на это, радиостанция постоянно передавала сводки ополчения с фронта, сообщения о поддержке народа Донбасса со стороны жителей России,

дарило надежду... И даже во время сильных обстрелов вещание не прерывалось ни на минуту. В то время как другие средства массовой информации в силу технических причин, перебоев с электроэнергией, связью, нехваткой квалифицированных журналистов не могли регулярно выходить в эфир и оперативно распространять информацию, «вещание из шкафа» было систематическим, оно осуществлялось настоящими патриотами своего дела.

В период проведения СВО в наиболее обстреливаемых районах Донецка, например, в Петровском, вещало только радио. И на вопрос жителям, откуда вы черпаете информацию, когда зачастую в ваших домах отсутствуют электричество и интернет, они отвечали: «Мы слушаем «Республику»!»

Еще одна донецкая радиостанция «Комета» создала свой неофициальный телеграм-канал «Onair». Во время особо острой фазы конфликта старалась не только в медиаэфире, но и посредством мессенджера поддерживать людей, настроить на позитив и вселить в них веру и надежду.

Читая канал «On air», напитываешься такой человечностью, неравнодушием и отзывчивостью, что невольно вспоминаешь один из основных девизов вещания: «Радио – это человек человеку о человеке». Контент данного телеграм-канала затрагивает самые актуальные и животрепещущие проблемы, с которыми сталкиваются люди в период ведения военных действий. Поднимаются вопросы помощи военным, разыскиваются пропавшие без вести, предоставляются оперативные фронтовые сводки и многое другое. Находясь в самом центре столицы ДНР, офис радиостанции неоднократно попадал под жесточайшие обстрелы ВСУ, была

нарушена целостность здания и его остекление. Все это иллюстрируется соответствующим фото- и видеоматериалом. Но благодаря позитивному настрою, которым пропитан канал, читая даже самые негативные новости, понимаешь, что все обязательно наладится и наступит долгожданный мир. Так, в качестве примера можно привести следующие высказывания Ольги Поповой (ведущей радиостанции): «Вещаем всем назло!», «А день удался... Господи, спасибо. Живем дальше», «Слава Богу, все живы и здоровы. Спасибо, Господи», «Слава Богу, суббота. Остальное починим». Ни грамма отчаяния в этих словах, только моральная поддержка для всех подписчиков канала и слушателей «Кометы».

Именно в такой консолидации населения вокруг общей беды, в патриотическом единении, в одновременном прослушивании большим количеством людей одной радиостанции, одних передач и выпусков новостей заключается интегративная функция радиовещания. Она наряду с информационной в период ведения активных боевых действий выходит на первый план, вытесняя все остальные.

Одновременно с физической войной шла и продолжает идти не менее коварная, калечащая умы и души людей, информационная. Население ДНР, дезинформированное многочисленными фейками и вбросами из различных интернет-источников, нуждалось не просто в достоверной и оперативной информации, но и в поднятии морального духа. И снова, как когда-то в многострадальном блокадном Ленинграде, так и сейчас работа радиостанций Донецкой Народной Республики стала для населения региона символом надежды, жизни и веры в победу [1].

С началом боевых действий в Донбассе в 2014 году роль радиовещания значительно возросла. Это связано с усилившимся интересом жителей ДНР к политике, к событиям, происходящим на фронте и в тылу, к отношениям на международном уровне. И главной темой стал патриотизм, чувство общности и консолидации. Радио – это всегда родные голоса знакомых ведущих, которым хочется доверять. Да и само функционирование радиостанций в военный период обеспечить проще остальных СМИ. Во времена критических ситуаций, к которым, несомненно, относятся и боевые действия, радиовещание выходит на первый план по оперативному информированию своей аудитории о самых важных и актуальных событиях, касающихся каждого человека.

Интерактивность, которая позволяет радио всегда быть на одной волне со своими слушателями, сделало его незаменимым СМИ. На радио быстрее, проще и доступнее других медиаисточников существует возможность обратной связи. Функция общения, присущая всем медиа, на радио может быть представлена в превосходной степени. Историей существования радио накоплен богатейший опыт подобных передач, таких как «Полевая почта», «Для тех, кто в море», «Концерты по заявкам». Радиостанции ведут диалог со своими слушателями. Они диалогичны по своим природообразующим факторам. Обращаясь к широкому кругу людей, радиоведущий должен говорить с каждым конкретным слушателем отдельно, вести с ним душевный разговор, а не просто читать ему сухой текст.

Тому подтверждением служит так называемый радиыйный Меморандум, который был принят еще полвека назад, в далеком 1971 году, но и сейчас он может

использоваться как руководство к действию современными радиоведущими. В числе основных пунктов данного документа можно выделить: дружелюбие, юмор, уважение своего слушателя, обращение не к толпе, а к одному человеку и т.д. [4; 69].

Вывод. Подводя итоги нашего исследования, необходимо еще раз констатировать, что старое и доброе радио обеспечивает слушателям повсеместный доступ к оперативной информации. Особенно это ценно в период различных потрясений и переломных моментов, когда слушателям просто необходима связь с внешним миром, а другие ресурсы в силу объективных технических или иных причин просто не в состоянии выполнять свою основную функцию информирования. Радио – это друг и собеседник, это родные голоса знакомых ведущих, которым доверяют. Радио – это самое патриотическое СМИ, которое в силу своей диалогичности и интерактивности призывает людей к гражданской ответственности и патриотизму.

Список литературы

1. **Гудова, Т. В.** Использование радиостанцией «Комета» современных каналов коммуникации во время войны (на примере Вконтакте и Телеграм/ Т. В. Гудова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Т. 4: Филологические науки. Часть 1 / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 339–341.
2. **Левитан, Ю.** 50 лет у микрофона / сост. В. Возчиков. – М. : Искусство, 1987. – С. 168.

3. Радио в годы Великой Отечественной войны. Сборник научных статей. В честь 70-летия Победы. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2015. – С. 12.

1. **Смирнов, В. В.:** Радиожурналистика в современном эфире / В .В. Смирнов. – Таганрог: Центр развития личности, 2007.

Gudova Tatiana Viktorovna,

Senior Lecturer at the Department of Journalism
Donetsk State University
gudova@mail.ru

Broadcasting policy of the Donetsk People's Republic in the context of a special military operation

The article analyzes the role and place of radio broadcasting in times of crisis, as well as during crucial moments for society and the state, describes the degree of radio's impact on listeners during the Great Patriotic War, and draws a parallel with the current military conflict on the territory of the DPR. A special place in the article is given to the dominant role of radio in the formation of a sense of community, consolidation and patriotism of the population in the context of armed conflict.

Key words: radio broadcasting, patriotism, military conflict, dialogic nature, radio ubiquity.

Даренский Виталий Юрьевич,
доктор филос. наук, доцент,
профессор кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени В. Даля»
darenskiy1972@rambler.ru

Принципы противостояния информационной агрессии в работах О. Хаксли и Ж.-К. Ларше

В статье кратко рассмотрены концепции О. Хаксли и Ж.-К. Ларше, касающиеся сущности информационной агрессии и манипуляции сознанием с помощью СМИ, и способы противостояния им. Показано, что основным способом противостояния манипуляции сознанием и информационной агрессии является формирование в человеке внутренней суверенной смысловой среды, которое возможно только на основе противостояния «бесконечным отвлечениям» (О. Хаксли), которые втягивают человека в эту сферу и приводят к его инфантилизации и наркозависимости от Сети. Позитивным «наполнением» внутреннего мира человека, на основе которого возможно такое противостояние информационной агрессии, являются духовные практики традиционной религии.

Ключевые слова: информационная агрессия, Ж.-К. Ларше, О. Хаксли, информационная агрессия, манипуляция сознанием.

Исследование проблем медиабезопасности государства и личности требует обращения к трудам,

которые рассматривают эти проблемы на уровне анализа базовых основ существования человека, то есть на уровне социальной философии и философии культуры. Новейшим трудом, который имеет «знаковый» характер для современной эпохи, является книга Жана-Клода Ларше «Болезни новых медиа» [1] (в русском переводе «Обратная сторона новых медиа»). Жан-Клод Ларше (род. 1949 г.) – автор 33 книг, переведенных на 19 языков, профессор Страсбургского университета, культуролог и православный богослов (во Франции Православие появилось благодаря миссионерским усилиям русской эмиграции XX века).

Кроме того, важно также и обращение к наследию Олдоса Хаксли (1894–1963) – не только автора романов-антиутопий «О дивный новый мир» (1932) и «Обезьяна и сущность» (1948), но и крупного мыслителя. Для нашей темы имеет ценность его социально-философский трактат «Возвращение в дивный новый мир» (1958), в котором проанализированы принципы манипуляции массовым сознанием в «демократическом обществе».

Анализ данных работ методом герменевтики – то есть выделения базовых смыслов – представляется весьма актуальным. Целью данной статьи является систематизация принципов противостояния информационной агрессии на основе обобщения концепций данных авторов.

Олдос Хаксли предсказывал, что «карательные методы, описанные в “1984”, уступят место поощрениям и манипуляциям “О дивного нового мира”» [2, с. 52]. Действительно, в XXI веке уже нет таких массовых физических репрессий инакомыслящих, какие были в тоталитарных режимах

XX века, – но именно потому, что контроль над массовым сознанием людей стал более эффективным и изощренным и уже не требует репрессий и физического истребления инакомыслящих. Это обеспечивается тем, как писал О. Хаксли, что «на демократическом Западе присутствует экономическая цензура средств массовой информации, находящихся под контролем властной элиты» [2, с. 58]. Поэтому управление информацией лежит в основе управления людьми, которое оказывается намного более эффективным, чем управление с помощью насилия: ведь насилие уже само по себе означает, что в его основе лежит ложь и обман, а информация кажется «нейтральной» и «свободно принимаемой». Поэтому нужно лишь особым образом «форматировать» информацию (при необходимости включая в нее также и ложь) – и люди будут воспринимать реальность, а значит, затем и действовать так, как хотят «заказчики» и «создатели» информации.

Тем самым, информация не только неотделима от пропаганды, но сама становится её частью. О. Хаксли предлагает следующую классификацию: «Существует два вида пропаганды – рациональная (разумная), поощряющая к действиям, согласующимся с осознанными интересами тех, кто ее осуществляет, и тех, на кого эта пропаганда направлена, и иррациональная, которая не выражает ничьих осознанных интересов, но направляется страстями, слепыми побуждениями, подсознательными влечениями и страхами, к каковым и апеллирует» [2, с. 52–53]. Последний тип является базовым, поскольку вовлекает сознание людей в сам поток пропаганды, опираясь на глубинные страхи, надежды и эмоции

людей; а затем над этим базовым уровнем уже надстраивается первый тип, который уже сознательно внушает людям то, во что они должны верить.

В свою очередь, в форматировании пропаганды/информации он выделяет три ключевых компонента: повторение (внушение), подавление (запугивание) и рационализацию (формулировки, словесные клише). Он также предсказывает и будущие изменения в этой сфере, которые уже начались: «В современной пропаганде... опираются по большей части на повторение, подавление и рационализацию... диктаторы будущего, без сомнения, научатся сочетать свою излюбленную тактику с бесконечными отвлечениями, которые на Западе уже сейчас угрожают утопить в море вздорной пустоты суть рациональной пропаганды» [1, с. 60–61]. О. Хаксли «бесконечными отвлечениями» здесь называет общий развлекательный фон подачи информации – так, чтобы она «не напрягала» и не воспринималась с помощью рефлексии, а просто пассивно усваивалась.

Политическую пропаганду он характеризует следующим образом: «Политические торгаши апеллируют только к слабостям избирателей, но никогда к их потенциально сильным сторонам. Они не делают никаких попыток просвещать массы с тем, чтобы они доросли до способности к самоуправлению; они довольствуются лишь тем, что манипулируют массами и эксплуатируют их» [2, с. 90]. Тем, самым, любая политическая пропаганда, независимо от её содержания, всегда основана на инфантилизации массового сознания. Поэтому, как писал О. Хаксли, «методы, которые сейчас используются для продажи политических кандидатов, словно они являются

дезодорантами, с избытком гарантируют избирателям, что те не услышат слов, хотя бы отдаленно напоминающих правду» [2, с. 92].

Книга Жана-Клода Ларше вышла уже в совсем иную эпоху, когда тенденции, описанные у О. Хаксли, развились до еще более радикального выражения – в первую очередь, благодаря появлению интернета и сетевых СМИ. Характерно, что глава I книги Ж.-К. Ларше «Болезни новых медиа» называется «Вторжение». В ней рассматривается феномен «цифрового колониализма», и в дальнейшем вся книга представляет собой описание пути к «цифровой детоксикации» ради сближения с ближними и с Богом.

Глава II книги называется «Когда передатчик важнее сообщения» – в ней развивается известный тезис Маршалла Маклюэна, о том, что сама информационная среда оказывает даже большее влияние, чем то послание, которое она передаёт. Причём до такой степени, что мы уже имеем все основания сказать: «среда – это послание». При этом и содержание послания, чаще всего является негативным, поскольку приводит к разжиганию и подпитыванию животных страстей, тем самым ещё больше усиливая несовместимость с осознанным и нравственным образом жизни.

Это новая зависимость, имеющая внутреннюю, или психологическую, природу, которая возникает среди интернет-пользователей всех возрастов. Эта зависимость волнует многих родителей, поскольку сегодня она влияет на многих детей, и это отмечается даже самими пользователями. Мы наблюдаем эту зависимость наиболее явно в самых тяжёлых случаях, где требуется радикальное лечение в форме

длительного отказа от таких СМИ, а иногда также клиническая психиатрическая помощь. Хотя эта зависимость остаётся неосознаваемой в менее серьёзных случаях. (Книга Ж.-К. Ларше была переведена на румынский язык с названием «Пленники интернета» и на английский язык с заголовком «Наркоманы современных медиа»).

Глава III книги называется «Новые посредники, ставшие тиранами». Исходя из того, что новые медиа – незаменимые представители и посредники в политической, экономической и социальной сферах, Ж.-К. Ларше дает следующие определения последствий этой гиперзависимости: «утрата права на личную жизнь» у «экстрауправляемого человека». В главе IV «Сжатие пространства и времени» эти последствия определяются так: сокращение пространственных и временных дистанций, иллюзия свободы и могущества, «расщепление времени», «сжатие времени», «культ скорости» – желание получить «всё и сразу». В результате формируется «мир, не терпящий разочарований, без ожиданий и без желаний», «мир без времени», в котором происходит постоянное «умножение задач», многозадачность. В результате – «чем меньше незанятого времени, тем меньше времени заняться собой», но это порождает «великую иллюзию» бесконечных возможностей.

В главе V «Разрушение межличностных отношений» Ж.-К. Ларше дает негативное определение известной метафоре М. Маклюэна «мир как воображаемая деревня», он пишет о появлении homo connecticus и homo communicans, для которого характерна «бесконтентная коммуникация как самоцель» и «гиперкоммуникация как

псевдоизбавление от одиночества». *Новые средства коммуникации – это на самом деле препятствия для подлинного общения, его подмена иллюзорным суррогатом, который приводит к ограничению общественной жизни, разрушению отношений, качественному обнищанию межличностного общения, формированию «нового индивидуализма» и «всеобщего аутизма».* Это общее определение конкретизируется в параграфах «Безответственность в отношениях: оговор, клевета, харассмент», «Интернет как “мусорное ведро” истории» (т.е. накопление информационного мусора), «Интернет – пространство беззакония и безнаказанности», «Пропаганда насилия и секса», «Видеоигры» (как новая психозависимость), «Киберпреступность», «Наркоторговля», «Сектантская и экстремистская пропаганда», «Суицидные группы»,

Глава VII книги называется «Упразднение частной жизни», в ней показано сокращение дистанции между личной и публичной жизнью, «Пришествие Большого Брата»: надзор за частными лицами со стороны государства, всеобщий экономический контроль. Отдельно выделяется тема «Самоэкспонирование, утрата стыдливости и понятия интимности». Одновременно происходит снижение физической активности людей, повышение утомляемость и стресса. В главе IX «Приоритет виртуального над реальным» названия параграфов говорят сами за себя: «Картинка во главе угла», «Виртуальная реальность и усовершенствованная реальность: две новинки на наркорынке». В параграфе «Новое применение аллегории о пещере» Ж.-К. Ларше интерпретирует феномен цифровых медиа в рамках известной Платоновской «притчи о пещере»: картина

мира, создаваемая этими новыми техническими средствами есть не что иное, как еще большее усиление иллюзорного мировосприятия (тени на стене).

В Главе X «Психические патологии»: он выделяет «маниакальное и компульсивное поведение», «гиперподключение как лекарство от страхов и тревожности» – «мнимое средство от тревожности и потребности в утешении», искусственное «лекарство от скуки», которое порождает искаженный взгляд на мир, когда имидж важнее личности, отношения важнее идентичности. Пагубное последствие «прозрачности» состоит в экстериоризации личности через общение и оскудение внутренней жизни. Происходит усиление внешних эмоций за счет ослабления чувств (эмпатии, сострадания). Тем самым, новые медиа становятся факторами регрессии личности, благодатной почвой для нарциссизма. А гиперкоммуникация, гиперобщение, гиперактивность приводят к гиперутомляемости, выгоранию и депрессии. Вследствие этого «территория воображаемой свободы» на самом деле создает феномен новой патологической зависимости.

Глава XI книги называется «Снижение интеллектуальных навыков»: в ней Ж.-К. Ларше показывает на конкретных данных «краткосрочное и длительное ухудшение успеваемости в школе» как неизбежное следствие «всеобщего оглупления» пользователей сетей. Это оглупление, в свою очередь, происходит вследствие формирования «приоритета изображения над текстом», упрощения языка (лексики и грамматики). Эта проблематика далее конкретизируется в параграфах: «Бедность телевизионного языка», «Осознанное упрощение стиля

медиа», «Пагубное влияние SMS» (происходит сужение языка и мышления благодаря сжатым формам общения); «Негативное влияние на чтение» (пользователи медиа читают мало и плохо вследствие ослабления рефлексии); «Информация без знания и познания», «Ослабление памяти», «Ухудшение навыков внимания и концентрации», «Фрагментация и деструктуризация мышления».

Ж.-К. Ларше приводит данные научных исследований, которые были проведены по методам чтения с экрана монитора, показывают, что этот тип чтения является одновременно быстрым и поверхностным. На экранах тексты предстают перед нами в виде изображений. По этой причине текст на экране становится объектом разбросанного взгляда, как и в случае восприятия изображения, когда глаз обычно останавливается только на нескольких строках. Одно исследование показало, что подавляющее большинство людей не читают текст построчно, но достаточно быстро переходят от верхней части страницы до самого низа, при этом движение соответствует форме буквы F: они читают первые строки, спускаются ниже, читают левую часть нескольких строк и таким образом читают в основном левую часть страницы [1, с. 213]. Второе исследование показало, что средний читатель в интернете читает только около 20% текста. Третье исследование показало, что большинство веб-страниц просматриваются не более 10 секунд, это значит, что на самом деле веб-страницы не читаются. Чтение на экране едва останавливается на словах или фразах. Это чтение, в котором мало возвратов к прочитанному, и оно не очень осмысленное. Такое поверхностное чтение с трудом приводит к осмыслению и

запоминанию. Тем самым, новые медиа делают отношение к тексту поверхностным, нестабильным, более хрупким, более эфемерным.

Глава XII книги называется «Оскудение духовной жизни»: в ней рассмотрен феномен «религиозной жизни онлайн»: «замена вертикальных связей горизонтальными», т.е. виртуальное общение, подменяющая общение с Богом, «провокации и разжигание страстей» в сетевом общении, и как следствие – «самоэкспонирование и чрезмерное выставление себя». Новые медиа – это новая площадка для себялюбия, тщеславия и гордыни, неиссякаемый источник развлечений и увеселений, причина утраты внутренней устойчивости, непрерывного беспокойства, рассеяния вместо сосредоточенности. Они оказывают самое негативное влияние на самые необходимые для духовной жизни качества – бдительность и внимание.

Завершающая глава XIII книги называется «Терапия и профилактика» и посвящена рассмотрению путей избавления от этой зависимости. В ней такие параграфы: «Психотерапия» (для случаев такой степени зависимости, которые привели к психическим расстройствам), «Способы регулирования для случаев “средней тяжести”», к которым автор относит: самоизоляцию в смысле отказа от использования средств медиа, не являющихся необходимыми, уменьшение роли и значимости медиа, сопротивление социальному и экономическому давлению, которое неизбежно возникнет со стороны внешней социальной среды; настройку фильтров, отказ от непрерывного нахождения в Сети, сокращение общей продолжительности подключения, управление медиаконтентом, переосмысление преимуществ

конфиденциальности, возвращение к настоящей дружбе, заботу о собеседнике при составлении сообщений, а также полное воздержание от использования новых медиа. Завершается книга параграфами, которые особо предназначены для христиан: в них преодоление зависимости от новых медиа рассматривается как разновидность духовной аскезы и воздержания: «Управление импульсами, желаниями и страстями», «Достоинства смирения», «Преимущества молчания и уединения», «Возвращение времени для чтения», «Неприкосновенное время для молитвы», «Забота о ближнем», «Концентрация внимания». Тем самым, новые медиа как цивилизационный вызов могут быть стимулом для возвращения к духовной жизни – но только в том случае, если человек осознанно принадлежит к определенной традиции религиозной жизни. Не случайно, что эта книга написана православным богословом – именно такой взгляд на новые медиа радикально «со стороны», с точки зрения многовекового духовного опыта, позволяет понять их суть.

Краткий анализ поставленной проблемы позволяет сделать следующие обобщающие выводы. Новые медиа, созданные в «цифровую эпоху» не являются чем-то абсолютно новым, а лишь новым техническим средством, которое резко усилило те процессы манипуляции сознанием, которые были и до них. Сами принципы манипуляции не изменились, а только усилились. Основным способом противостояния манипуляции и информационной агрессии является формирование в человеке внутренней суверенной смысловой среды, которое возможно только на основе

противостояния «бесконечным отвлечениям» (О. Хаксли), которые втягивают человека в эту сферу и приводят к его инфантилизации и наркозависимости от Сети. В свою очередь, позитивным наполнением внутреннего мира человека, на основе которого только и возможно такое противостояние информагрессии, являются те компоненты духовной практики, о которых пишет в конце своей книги Ж.-К. Ларше: преимущества молчания и уединения, возвращение времени для чтения, неприкосновенное время для молитвы, забота о ближнем и общая концентрация внимания на реальной жизни.

Список литературы

1. **Ларше, Ж.-К.** Обратная сторона новых медиа / пер. с фр. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2023. 304 с.
2. **Хаксли, О.** Возвращение в дивный новый мир. – М. : АСТ, 2019. 192 с.

Darensky Vitaly Yuryevich,
PhD. Philos. PhD, Associate Professor, Professor
of Journalism Department Lugansk State
University named after V. Dahl
darenskiy1972@rambler.ru

Principles of countering information aggression in the works of O. Huxley and J.-K. Larchet

The article briefly discusses the concepts of O. Huxley and J.-K. Larchet concerning the essence of information aggression and manipulation of consciousness through the media, and ways to counter them. It is shown

that the main way to counter the manipulation of consciousness and information aggression is to form an internal sovereign semantic environment in a person, which is possible only on the basis of opposition to “endless distractions” (O. Huxley), which draw a person into this sphere and lead to his infantilization and addiction to the Network. The spiritual practices of traditional religion are a positive “filling” of the inner world of a person, on the basis of which such a confrontation with information aggression is possible.

Keywords: information aggression, J.-K. Larchet, O. Huxley, information aggression, manipulation of consciousness.

УДК 070.431.44:355 (470+571):100) «2022/2025»

Дмитренко Алина Александровна,
студент магистратуры
направления подготовки «Журналистика»
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
027145368984@rambler.ru

**Роль и место военной журналистики в период
специальной военной операции: российский и
зарубежный опыт**

В условиях СВО задача военной журналистики выходит далеко за рамки простого репортажа с места событий, приобретая стратегическое значение в информационной войне. Данная статья посвящена

анализу роли и места военной журналистики в период СВО, а также сопоставлению российского и зарубежного опыта освещения подобных конфликтов.

Ключевые слова: военная журналистика, дезинформация, военная операция, пропаганда.

Специальная военная операция (СВО), как и любой вооруженный конфликт, актуализировала роль военной журналистики как важнейшего инструмента информирования общества, формирования общественного мнения и обеспечения информационной безопасности государства.

Как утверждает исследователь в области военной журналистики Стешин Д. А.: «Журналисты, в силу своих профессиональных подходов к работе с информационными потоками, рассматривают проблематику вооруженных конфликтов несколько иначе, чем представители других наук и сфер деятельности. Для них при формировании взглядов на происходящие батальные события эмоциональная составляющая часто важнее цифр, статистических показателей, необходимых для оценки эффективности ведения боевых действий и планов стратегического командования» [11, с. 126].

Другой исследователь Амиров В. М. в своих работах отмечает, что журналисты, работающие в зоне конфликта, становятся свидетелями и рассказчиками, фиксирующими не только факты боевых действий, но и эмоциональное состояние людей, оказавшихся в эпицентре событий. Эта фокусировка на человеческом измерении войны позволяет журналистам создавать более глубокое и осмысленное повествование. Они стараются избегать упрощенных оценок и черно-белого

восприятия реальности, стремясь показать сложность и многогранность вооруженного конфликта. В их материалах часто звучит критика как в адрес агрессора, так и в адрес тех, кто, прикрываясь благими намерениями, способствует эскалации насилия [1, с. 33].

Важным аспектом военной журналистики является ее стремление к объективности и достоверности. Журналисты тщательно проверяют информацию, избегая распространения фейков и манипуляций. Они также стараются представить разные точки зрения на конфликт, давая возможность высказаться представителям различных сторон и слоев населения.

При этом, осознавая свою ответственность перед обществом, журналисты не скрывают своей позиции, выражая сочувствие жертвам войны и осуждая насилие. Их материалы часто содержат призывы к миру, диалогу и гуманитарной помощи. Такая журналистика становится важным инструментом в формировании общественного мнения и способствует продвижению ценностей мира и человечности [1, с. 39].

Опираясь на труды исследователя Коца А. И., можем обобщить, что роль и место военной журналистики в период СВО заключается в следующем:

1. Информирование общества: ключевая задача военной журналистики – оперативное и достоверное предоставление информации о ходе боевых действий, ситуации в зоне конфликта, гуманитарной обстановке и жизни военнослужащих. Это особенно важно в условиях информационного вакуума и распространения фейков, когда общество нуждается в объективной картине происходящего [5, с. 131].

2. Формирование общественного мнения: военная журналистика оказывает непосредственное влияние на формирование отношения к СВО как внутри страны, так и за рубежом. От объективности, достоверности и тональности материалов зависит поддержка операции, моральный дух населения и позиционирование страны на международной арене [5, с. 207].

3. Противодействие дезинформации и фейкам: в условиях информационной войны, распространение дезинформации и фейков становится одним из ключевых инструментов противника. Военная журналистика должна активно бороться с дезинформацией, разоблачать фейки и предоставлять проверенную и подтвержденную информацию

4. Поддержка военнослужащих и поднятие боевого духа: военная журналистика играет важную роль в поддержке военнослужащих, освещая их героизм, самоотверженность и преданность долгу. Позитивные истории и репортажи из зоны СВО укрепляют моральный дух армии и поднимают боевой дух [5, с. 239].

5. Документирование военных преступлений: важнейшей задачей военной журналистики является фиксация и документирование военных преступлений, совершенных в ходе СВО. Это необходимо для привлечения виновных к ответственности и установления справедливости [5, с. 249].

Политолог Головлев М. высказывает мнение о российском опыте освещения СВО:

Преимущества:

1. Прямой доступ к информации: российские военные журналисты имеют возможность работать

непосредственно в зоне СВО, получая информацию из первых рук от военнослужащих и местных жителей.

2. Государственная поддержка: государственные СМИ и медиахолдинги активно освещают СВО, предоставляя платформу для работы военных журналистов и обеспечивая их безопасность.

3. Опыт освещения вооруженных конфликтов: российские журналисты имеют опыт освещения вооруженных конфликтов в Чечне, Сирии и других горячих точках, что позволяет им эффективно работать в условиях СВО.

Недостатки и вызовы:

1. Цензура и ограничения: в условиях военного времени, доступ к информации может быть ограничен в целях безопасности и защиты государственных интересов. Это может приводить к критике в адрес российских СМИ в отсутствии объективности.

2. Пропаганда и искажение информации: существует опасность использования военной журналистики в целях пропаганды и искажения информации, что подрывает доверие к СМИ.

3. Безопасность журналистов: работа в зоне СВО сопряжена с риском для жизни и здоровья журналистов. Обеспечение их безопасности является одной из ключевых задач [4, с. 290–293].

Опираясь на труды ученого Смолина И. В., можем выдвинуть зарубежный опыт освещения вооруженных конфликтов (на примере Ирака, Афганистана, Сирии):

Преимущества:

1. Независимость СМИ: в странах с развитой демократией, СМИ обладают большей независимостью от государства и имеют возможность критически освещать военные действия.

2. Широкая сеть корреспондентов: крупные зарубежные СМИ имеют широкую сеть корреспондентов по всему миру, что позволяет им получать информацию из разных источников.

3. Технологическое оснащение: зарубежные СМИ обладают современным технологическим оснащением, что позволяет им оперативно передавать информацию и создавать качественный контент [10, с. 72– 74].

Недостатки и вызовы:

1. Предвзятость и тенденциозность: зарубежные СМИ часто освещают вооруженные конфликты с предвзятой и тенденциозной позиции, поддерживая ту или иную сторону конфликта.

2. Пропаганда и дезинформация: зарубежные СМИ также могут использовать пропаганду и дезинформацию для формирования общественного мнения и достижения политических целей.

3. Ограничение доступа к информации: доступ к информации в зонах вооруженных конфликтов может быть ограничен не только со стороны государства, но и со стороны противоборствующих группировок [10, с. 82].

Сравнивая российский и зарубежный опыт, можно сделать вывод: российский и зарубежный опыт освещения вооруженных конфликтов имеет как сходства, так и различия. Российская военная журналистика имеет преимущество в прямом доступе к информации и государственной поддержке, но ограничена цензурой и опасностью пропаганды. Зарубежные СМИ более независимы, но часто предвзяты и тенденциозны [14, с. 113].

Основное различие заключается в уровне свободы слова и независимости СМИ. В России государственное регулирование информационной сферы значительно

жестче, что приводит к доминированию провластной точки зрения и ограничению критического освещения событий. Зарубежные СМИ, в свою очередь, имеют больше свободы в выражении мнений, однако подвержены влиянию политических и экономических факторов, что может приводить к предвзятости и манипуляциям.

Рекомендации по совершенствованию работы военной журналистики в период СВО, по мнению военного аналитика и политолога Ходаковского А.С.:

1. Повышение объективности и достоверности информации: необходимо стремиться к предоставлению объективной и достоверной информации о ходе СВО, избегая пропаганды и искажения фактов.

2. Усиление аналитической составляющей: военным журналистам следует не просто констатировать факты, но и анализировать их, выявлять причины и следствия, прогнозировать дальнейшее развитие событий. Это требует глубокого понимания военной стратегии, тактики и оперативного искусства.

3. Расширение доступа к информации: необходимо улучшить доступ военных журналистов к информации из первых рук, в том числе к официальным брифингам, посещениям передовых позиций и интервью с военнослужащими. Важно обеспечить безопасность журналистов при работе в зоне боевых действий.

4. Углубление экспертизы: военным журналистам следует повышать свою квалификацию, изучать военную теорию, историю войн и конфликтов, а также современные технологии ведения боевых действий. Необходимо привлекать к сотрудничеству экспертов в военной области.

5. Развитие новых форматов и платформ: военной журналистике следует адаптироваться к современным информационным реалиям, активно использовать новые форматы и платформы, такие как социальные сети, видеохостинги и мессенджеры. Необходимо учитывать особенности восприятия информации различными аудиториями [13].

Развитие данного направления также связывают с рядом перспективных мер:

1. В первую очередь, требуется гарантировать защищенность репортеров, освещающих события в зоне проведения специальной военной операции, снабдив их необходимым оснащением и обучением.

2. Кроме того, важно увеличить возможности получения информации журналистами о развитии СВО, гарантируя прозрачность и доступность деятельности государственных структур [7, с. 26 –29].

3. Не менее значимым представляется повышение квалификации военных корреспондентов, обучая их приемам работы в сложных обстоятельствах, методам борьбы с ложной информацией и обеспечению защиты информации [7, с. 38].

4. Наконец, необходимо наладить тесное взаимодействие с населением, отвечая на возникающие вопросы и развеивая опасения, предоставляя правдивую и непредвзятую информацию о специальной военной операции.

В заключение отметим, что военная журналистика имеет первостепенное значение в период специальной военной операции, поскольку оказывает влияние на взгляды общества, борется с ложными сведениями и оказывает поддержку военным. Изучение российского и международного опыта дает возможность определить

преимущества и недостатки различных стратегий освещения вооруженных столкновений, а также сформировать предложения по улучшению деятельности военной журналистики в текущих реалиях. Эффективное выполнение задач, стоящих перед военной журналистикой, является значимым элементом обеспечения информационной защиты страны и достижения успеха в информационной борьбе.

Список литературы

1. Амиров, В. М. Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук : спец. 10.01.10 «Журналистика» / Амиров Валерий Михайлович ; ФГАОУ ВО «Урал. фед. ун-т». – Екатеринбург, 2021. – 47 с.

2. Бурганова, Л. А. Реконструирование структуры образа военного конфликта / Л. А. Бурганова // Социс. 2003. № 6. – С. 56–63.

3. Варганова, Е. Л. Современные российские исследования СМИ: обновление теоретических подходов / Е. Л. Варганова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2015. – № 6. – С. 5–26.

4. Головлев, М. СВО. Клаузевиц и пустота. Политологический анализ операции и боевых действий / Михаил Головлев . – 2-е изд. – М.: Книжный мир, 2023. – 295 с.

5. Коц, А. И. 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2023. – 464 с.

6. Меркулова, Е. М. Средства вербализации жертвы в российском и американском военных

дискурсах // Политическая лингвистика. 2012. – № 4. – С. 140.

7. Мартыненко, Е. В. Гуманизм и принципиальность журналиста в современных условиях геополитической перестройки мира // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». – 2014. – № 4. – С. 10 – 44.

8. Орехова, Л. А. От «Солдатского вестника» – к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 189– 206.

9. Сладков, А. В. «Курская область» [18 сентябрь 2024 г.] // Сладков+. Неофициальные мысли о войне. Частный канал Александра Сладкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/Sladkov_plus/11424 (дата обращения: 23.03.2025).

10. Смолин, И. В. Различие методов репрезентации «чужого» в текстах СМИ, посвященных вооруженному конфликту в Южной Осетии / П. В. Смолин // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92). – С. 70–84.

11. Стешин, Д. А. Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара. – М. : ИД «Комсомольская правда», 2023. – 448 с.

12. Трофимова, Г. Н. К проблеме формирования смыслов современных медиа [Электронный ресурс] / Г. Н. Трофимова // Медиаскоп. – 2021. – Вып. 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/2694> (дата обращения: 22.03.2025).

13. Ходаковский, А. С. «С началом полномасштабной войны» [1 августа 2024 г.] // Александр Ходаковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/s/aleksandr_skif?before=3275 (дата обращения: 23.03.2025).

14. Чудинов, А. П. Дискурсивный поворот в российской политической метафорологии / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Г. Скворцов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – №37. – С. 110 – 115.

Dmitrenko Alina Alexandrovna,

1st year graduate student of the Department of
Journalism and Publishing Lugansk State Pedagogical
University, the author's
027145368984@rambler.ru

The role and place of military journalism during a special military operation. Russian and foreign experience

In the conditions of the SVR, the task of military journalism goes far beyond simple reporting from the scene, acquiring strategic importance in the information war. This article is devoted to the analysis of the role and place of military journalism during its period, as well as a comparison of Russian and foreign experience in covering such conflicts.

Keywords: military journalism, disinformation, military operation, propaganda.

Зубко Дарья Валерьевна,
канд. филол. наук, заведующая кафедрой
журналистики и социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный
педагогический университет»
zubkody@hgpurf.ru

Репрезентация патриотизма и ценностей мира в поликодовых спецпроектах российских медиа

Исследовательское внимание в статье сосредоточено на выявлении тематических доминант репрезентации патриотизма и мира в поликодовых спецпроектах российских массмедиа в период когнитивно-мировоззренческого и военного противостояния России и коллективного Запада. Определены ведущие смысловые векторы в рамках анализируемых тематик. Представлены наиболее успешные практики репрезентации вопросов ценностей патриотизма и мира средствами поликодowości в отечественных СМИ.

Ключевые слова: спецпроект, поликодовый текст, лонгрид, патриотизм, мир, специальная военная операция, Великая Отечественная война.

В условиях глобального вооруженного и когнитивно-мировоззренческого противостояния между Россией и коллективным Западом в период специальной военной операции России на Украине тема репрезентации патриотизма как ключевой ценности российского народа становится в массмедиа одной из насущных и отвечающих общественному

запросу. Так, по наиболее свежим данным ВЦИОМ, от 29 марта 2024 г., к патриотам себя относит 94% опрошенных россиян, а в качестве безусловных патриотов самоидентифицируется 62% реципиентов (что на 10% больше, чем в 2023 г.) [1]. Устойчивый рост патриотических настроений свидетельствует о поддержке гражданами политического курса правительства, интересе к родной культуре и истории, принятии большей части населения России общегражданской российской идентичности.

Аналогична ситуация в массмедиа: по данным сервиса журналистских запросов Pressfeed, наблюдается устойчивый рост обсуждения темы патриотизма лидерами мнений. В 2024 г. эксперты использовали и глубоко раскрывали составляющие термина «патриотизм» в комментариях для СМИ 224 раза. Для сравнения: в 2021 г. это число составило всего 32 комментария [3].

Термин «патриотизм» имеет греческий корень «патрио» и означает: «соотечественник», «род», «родина», т.е. в данном термине в качестве ведущих фиксируются следующие принципы: принадлежность к определенному роду, этнической или ментальной (смысловой) группе, общее национальное сознание народов, проживающих на одной территории, гражданственность. С. Г. Ивченков и Е. В. Сайганова фиксируют актуальное определение патриотизма: «нравственный и политический принцип, социальное чувство ответственности, деятельное отношение, содержанием которого является любовь к Родине, национальная гордость и эмоциональная готовность пожертвовать своими интересами ради Отчизны» [2].

Данное определение глубоко раскрывает суть данного термина как жизненной ценности человека.

Ценность, по мнению М. Рокича, представляет собой «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования» [5].

И. Б. Орлов фиксировал еще в 2014 г., что патриотизм в современной России является общепринятой (или доминирующей) ценностью, т.к. поддерживается более чем 3/4 населения страны [4]. Данный факт нашел свое юридическое подтверждение в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором в числе прочих традиционных (общепринятых и передающихся из поколения в поколение, формирующих базис культуры и общественного сознания общественной группы) ценностей перечисляются патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память, преемственность поколений, единство народов России.

С учетом вышеизложенного, к темам, напрямую связанным с патриотизмом, возможно отнести следующие: защита Отечества, созидательный труд на благо родины, сохранение родной истории, уважение к предкам, почитание героев прошлого и настоящего. Данные вопросы являются магистральными для значительной части мультимедийных спецпроектов отечественных массмедиа последнего десятилетия.

Наряду с ценностью патриотизма значима ценность мира. Мир возможно интерпретировать через смежные понятия: «гуманность», «терпимость», «уважение», «поликультуризм», «содружество», «покой», «созидание». Мир – это отсутствие вражды, насилия, противоборства, нетерпимости. Ценность мира и миротворчества в условиях военных конфликтов сложно переоценить. Трансляция принципов гуманности, взаимопомощи, терпимости, поликультуризма средствами медиа значима и необходима для России.

Отметим, что попытки дискредитации понятия «мир» и использования его в контексте политической борьбы предпринимались представителями внесистемной оппозиции в период начала специальной военной операции – весной 2022 г. Вместе с тем важно указать, что созидательная гуманная сущность патриотизма семантически тождественна миру.

С позиции тематического разнообразия к материалам, транслирующим ценности мира, можно отнести следующие: публикации о многообразии культур народов России, научных открытиях на благо человечества, гуманности к врагу, стремлении к урегулированию конфликтов, устроении мирной жизни в возвращенных регионах России.

Для исследования были выбраны поликодовые материалы глубокого погружения федеральных СМИ России: ТАСС, Лента.ру, «Коммерсантъ», МИА «Россия сегодня», «Известия». Для анализа были избраны цифровые мультимедийные спецпроекты федеральных изданий с возможностью интерактивного взаимодействия пользователя с контентом, при подготовке которых авторы использовали не менее трех семиотических систем. Указанные материалы были

тематически соотнесены с основными выявленными репрезентуемыми направлениями – патриотизм и мир.

Федеральные издания активно применяют в практике производства формат мультимедийных лонгридов, их визуальное наполнение и логика нарратива разнообразны: комикс-истории, игры, тесты, многокомпонентные материалы глубокого погружения.

Обозначим ряд ключевых содержательных векторов поликодовых материалов, опубликованных в период 2015-2025 гг. Важно уточнить, что именно данный период характеризуется в России расцветом мультимедийных спецпроектов.

– Тема подвига народов СССР в период Великой Отечественной войны. Значимые проекты: «15 ударов Красной армии», МИА «Россия сегодня»; «День, когда началась война», «Коммерсантъ»; «900 дней жизни», ТАСС; «Дорога жизни», ТАСС; «Великая победа», «Лента.ру»; «Историческое сражение», «Известия»; «Мы будем вспоминать», «Известия»; «Бессмертный город», «Известия»; «Сражение за металл: как шла невидимая битва за ресурсы для победы», «Известия».

– Военный и гражданский подвиг россиян в период СВО. Значимые проекты: «Герой по соседству», «Лента.ру»; «Неизвестные герои», «Лента.ру»; «Доброволец. Моя Родина возвращается», «Аргументы и факты»; «Есть много индивидуальных историй», «Известия»; «Поддержка с земли», «Известия»; «Под бесконечный гул снарядов. Как расцветала мариупольская весна», «Известия».

– Память о подвиге героев отечества. Значимые проекты: «Павшие без вести», ТАСС; «Разведчики, изменившие историю», «Лента.ру»; «По следам героя», «Известия».

– Историческое наследие России в невоенных сферах. Значимые проекты: «Жизнь замечательных людей», «Лента.ру»; «50 лет БАМу», ТАСС; «Знай наше», спецпроект Политехнического музея и МИЦ «Известия».

– Специфика регионов России, мультикультуризм. Значимые проекты: «Бескрайний крайний», ТАСС; «Русский север 2.0. Новая история Заполярья», «Лента.ру»; «Полярное око», «Известия»; «Разные. свои», «Известия»; «Море внутри», «Известия»; «Россия без границ», «Известия»; «Новороссия: наследие императоров», «Известия»; «Прогулки по неизвестной России», «Известия»; «Херсонес Таврический», «Известия».

– Воссоединение исторических регионов с Россией и устройство мирной жизни в них. Значимые проекты: «Крым. 10 преимуществ, которые полуостров дал России за 10 лет», «Известия»; «Возвращение домой: как живут новые регионы после воссоединения с Россией», ТАСС; «Возрождение», «Известия».

– Сильная позиция России на мировой арене. Значимые проекты: «Крах однополярного мира», «Лента.ру»; «Неизвестное будущее», «Лента.ру».

– Достижения наших сограждан в науке, культуре, производственной сфере в исторической ретроспективе на благо страны и всего человечества. Значимые проекты: «Наука побеждать», «Известия»; «Кулибин», «Известия»; «Пора-пора порадоваться», «Известия»; «В космосе жить и работать можно», «Известия».

– Современные достижения России в науке, медицине, искусстве, промышленности, логистике. Значимые проекты: «Меняющие мир», «Лента.ру» и Минобрнауки России – о современных ученых России и

их открытиях; «Стальные династии» – проект «Лента.ру» и компании «Евраз» о династиях сотрудников горнодобывающей и металлургической промышленности; «Разделяя жизнь», «Известия»; «БАМ: строительство второй ветки 2.0», «Известия»; «Сделано с Россией», «Известия».

– Противодействие идеологиям терроризма и экстремизма и героизм силовиков («Буденновск. Хроника», «Лента.ру»; «Беслан. Боль всей страны», «Известия»).

Патриотический нарратив данных материалов очевиден и многоаспектен, их воспитательный и образовательный потенциал масштабен: демонстрация данных проектов может использоваться педагогами школ в контексте «Разговоров о важном», применяться на уроках истории, в контексте просветительских мероприятий для молодежи.

Такие материалы характеризуются красочностью, интерактивностью, многоаспектностью, в большинстве случаев – нелинейностью повествования. Включают в себя: интерактивную инфографику, графические элементы оформления, фото, видеоролики, слайд-шоу, анимацию, игры, тесты. Подобного рода поликодовые (т.е. включающие в себя многообразие элементов кодификации информации) цифровые материалы имеют очевидный сильный воздействующий потенциал, более эффективно, чем традиционные привычные журналистские публикации, создают у аудитории эффекты присутствия, соучастия, сопереживания, позволяют взаимодействовать с контентом, что, как правило, положительно воспринимается реципиентами, удерживает их внимание.

Указанные характеристики и факты свидетельствуют о значительном потенциале мультимедийных медиапроектов в контексте патриотического просвещения населения и репрезентации темы патриотизма, в целом.

Список литературы

1. Аналитики выяснили, в каких контекстах россияне все чаще говорят о патриотизме // Газета.ру. – 22.04.2024. – Режим доступа :<https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/22/22840292.shtml?updated> (дата обращения: 08.06.2025).

2. Ивченков, С. Г. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения / С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова // Вестник Института социологии. 2019. – Том 10. – № 1. – С. 96-109. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>

3. О современном российском патриотизме // ВЦИОМ. – 29.03.2025. – Режим доступа :<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 08.06.2025).

4. Орлов, И. Б. Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал / И. Б. Орлов // Государственная идеология и современная Россия : Материалы Всероссийской научно-общественной конференции, Москва, 28 марта 2014 года / Центр научной политической мысли и идеологии; Редакционно-издательская группа: С. С. Сулакшин (руководитель), В. Э. Багдасарян, В. Н. Лексин. – Москва: Наука и политика, 2014. – С. 107-113.

5. Rokeach M. The Nature of Human Values. – N-Y.-L., 1973.

Zubko Darya Valerevna,
Candidate of Philological Sciences
Kherson State Pedagogical University
zubkodv@hgpurf.ru

**Representation of patriotism and values of peace
in polycode special projects of the Russian media**

The research attention in the article is focused on identifying the thematic dominants of the representation of patriotism and peace in polycode special projects of the Russian media during the period of cognitive, ideological and military confrontation between Russia and the collective West. The leading semantic vectors within the analyzed topics are identified. The most successful practices of representing issues of values of patriotism and peace by means of polycode in the domestic media are presented.

Key words: special project, polycode text, longrid, patriotism, peace, special military operation, Great Patriotic War.

Лабуш Николай Сергеевич,
доктор полит. наук, профессор,
профессор кафедры международной
журналистики Санкт-Петербургского
государственного университета
ns_labush@mail.ru

Правда и кривда на войне и о войне

В статье излагаются проблемные вопросы возможности соблюдения объективности информации, циркулирующей в коммуникационном обмене между различными субъектами в обществе в условиях войны и в период ведения боевых действий. Рассматривается соотношение объективности и правды, возможности и необходимости соблюдения принципов журналистской этики в информировании общественности, предлагаются меры по повышению эффективности информационной политики.

Ключевые слова: война, журналистика, общество, боевые действия, правда, объективность, ложь.

Относительно стабильные периоды общественного развития позволяют разобраться с хаосом протекающих событий, характеризующихся экстремальными формами политического процесса, к которым относиться война и вооруженный конфликт. Но утвердившиеся в мирных условиях многие бытовые понятия и научные категории в нестандартных обстоятельствах не могут полноценно выразить

сущность происходящих процессов. К этим категориям и понятиям относятся «правда» и «истина». Антиподом к ним выступает бытовое понятие – неправда, или ложь.

Оценка этими категориями содержания медийного контекста имеет важное и практическое и теоретическое значение. Причем необходимо учитывать те обстоятельства и ситуации, при которых даются оценочные суждения. Одно – информация поля боя, но иное – национальное и даже глобальное информационное пространство, формируемое многочисленными участниками информационного обмена. Мы акцентируем внимание на оценочных суждениях о военных событиях исторической давности, так и проводимой в настоящее время специальной военной операции.

Основная часть.

Категория «правда» не относится к научным. В естественных науках она вообще не используется. А вот у гуманитариев истина познания отождествляется с правдой. Данную связь философы, писатели, мыслители устанавливают через соотношение с истиной, действительностью, объективностью и даже справедливостью.

Отмечается, что правда относится к понятиям русской культуры и не переводится на другие языки. Правда выступает в роли определяющего мировоззренческого, познавательного и нормативного принципа русской духовности. И если истина соответствует объективной действительности, то правда - духовной. Даль определял правду как истину на деле, истину во образе, справедливость, а правдивость как полное согласие слова и дела. Хотя

философы отмечают дискуссионность категории объективности в журналистике и констатируют «дифференцированность трактовки объективности в журналистике: от однозначной точности репрезентации реальности до использования разнообразных мнений по поводу происходящего» [2, с. 101].

При частом употреблении понятия *правда* в современных условиях, когда приходится отстаивать свои позиции, убеждения правоту поступков и действий, правду истории, делается особый акцент на субъективном и преходящем характере правды по сравнению с характером истины.

Отсюда и разноликость правды, представленной и в художественных произведениях и в религиозно-философских трактатах и в бытовом употреблении: начиная с сермяжной правды и горькой правды, заканчивая религиозно-политическим афоризмом «Не в силе Бог, а в правде», зафиксированным в первой версии «Повести о житии Александра Невского и получившим большую степень распространения благодаря кинематографу.

Антагонизмом правды выступает неправда, или ложь. Несколько слов и о кривде. В классических словарях русского языка кривда определяется как неправда, ложь, понятие, противоположное правде. [3, с. 301; 1, С. 377].

Рассматривая проблему соотношения правды и лжи (или неправды) на войне и о войне, необходимо оговорить ряд нюансов.

Во-первых, следует учитывать особое состояние как общества, так и психологического состояния личности, погруженного в информационные потоки в условиях войны. Война создает специфическую среду

как жизнедеятельности человека [4], функционирования национальной медиасистемы, а также предопределяет условия деятельности журналистов [5].

Во-вторых, формулируя постановку проблемы в разных обстоятельствах – «на войне и о войне», мы сознательно разделяем характеристику обстановки пользования информацией в этих условиях.

На войне. При таком аспекте целесообразно характеризовать использование всех видов информации, как специальной, так и массовой, притом конкретно, в условиях боевой обстановки. И хотя этот аспект не является предметным для нашего рассмотрения, можно заметить, что боевые условия не только не отвергают, но и предполагают с одной стороны точное (правдивое) пользование информацией, начиная с добычи и использования разведывательной информации, заканчивая сведениями (точными, а значит правдивыми) для организации всех видов наступления и обороны. И наоборот, считается успешным введение противника в заблуждение, распространение для него ложной информации, способной нанести урон организации боевых действий. Именно для таких условий подходит утверждение о том, что «война есть искусство обмана». Ибо и правда и ложь (не правда) используется для главной цели – победить врага. Мы сознательно не углубляемся в различие категорий «ложь» и «обман», хотя эта проблема находится в научном дискурсе (примечание 1) Обман противника (не правда) на войне выступает способом защиты своих интересов и достижения намеченной цели. Для этого хоть и не часто, могут быть использованы и возможности журналистики

О войне. Именно данный аспект правдивой и ложной информации мы намерены рассмотреть в данной статье. Речь пойдет о массовой информации, которая заполняет как национальное, так и глобальное информационное пространство. И потребителями которой выступают широкие массы населения, на реакцию которых и рассчитывают ее производители, формируя общественное мнение.

Проблема очень обширная, ведь она затрагивает все в общество в целом, государственные и коммерческие массмедиа, профессиональных журналистов, военкоров и блогеров, историков и ученых, кинематографистов и писателей. Все они при данном анализе могут выступать субъектами процесса медиакommunikации. Объектом выступает все общество, потребляющее и рефлексирующее не просто на информацию, а на ее содержательный смысл. Ведь у большинства людей, как мы уже отмечали, правда ассоциируется не столько с истиной, которая соответствует объективной реальности (действительности), а с духовной составляющей жизни человека, ее смыслом, целью, ценностью и даже потребностями. Поэтому и возникает феномен двух правд, множества правд.

Видимо поэтому, на наш взгляд, в памяти и в сознании наших граждан и сохранились исторические рецидивы гражданской войны и не законченный ответ на вопрос о том, кто был прав, – красные или белые? Хотя ответ на него сформулировал М. А. Шолохов размышлениями Григория Мелехова, пытающегося найти «настоящую правду», но пришедшего к выводу о том, что, видимо, одной правды для всех не бывает.

И вот эта правда о войне в оценочном ее выражении охватывает огромные временные горизонты: от исторической памяти прошедших войн, до нынешней специальной военной операции. Историческая память требует восстановления правды о совокупности элементов составляющих концепта войны — источниках, причинах, предпосылках, виновниках, условиях, движущих силах, итогах и т.д. Все они складываются в итоговое суждение о справедливом или несправедливом характере войны.

Вероятно, изложенные выше логические построения не совершенны, но они позволяют объяснить относительную объективность существования как правды, так и лжи как на войне, так и о войне.

Борьба за правду о войне имеет давнюю историю. В силу давности времен или в угоду политическим соображениям многие исторические факты умалчивались. Только совсем недавно на романтические «солнечные» художественные описания войны 1812 года «легла тень» фрагментов исторической правды, проникшей из исторических архивов в научные издания и популярные публикации, описывающие жестокие массовые убийства пленных русских при отступлении Наполеона из России. К данным примерам можно отнести и умалчивание правды (не распространение лжи, а умалчивание правды) об участии и пособничестве Гитлеру в годы Второй мировой войны большинства европейских стран.

Стремление к правде о войне имеет не только историческое значение. Недаром Президент В. В. Путин неустанно повторяет о необходимости при

оценке СВО обращаться к первопричине кризиса на Украине и чего не желают понять как политики, так и европейские обыватели. Обывателям это может быть это и прощительно в силу отсутствия знаний истории отношений России и Украины. Потому для них оценка событий проста и непривередлива: кто начал наступление? – Россия! Значит она и есть агрессор. Они не могут или не хотят понять и принять справедливое требование России не продвигать НАТО на восток, не истреблять непокорное население Донецка и Луганска, не лишать родного языка русскоязычное население Украины, и наконец, не культивировать бесчеловечную националистическую (и даже нацистскую) идеологию.

А вот с политиками дело посложнее. Хотя понять алгоритм их действий и логику мышления не трудно. Для одних, это возможность «поквитаться» за поверженных предков во Второй Мировой войне, для других – отомстить за исторические поражения, для третьих, – заявить о себе на европейском политическом поприще и присоединиться к «клубу сильнейших», для четвертых, – излить накопившуюся желчь в отместку за «тяжелую судьбу и жизнь» в стране Советов. Перечень можно продолжить.

Текущий год вновь обращает нашу память к Великой Отечественной войне, 80-летие Победы, в которой мы отмечаем. Истинные оценки этого исторического события содержатся в исторических документах, правда глубже раскрывается через документальные факты, цифры, не так доступные массовой публике.

Ближе к общественному вниманию мемуары участников войны, содержащие часть истины о войне, но даже своими названиями подтверждающие

субъективную трактовку правды о войне. Названия мемуаров, которыми делились маршалы и рядовые говорят сами за себя: Смыслов О. С. Житейская правда войны; Русаков А. П. Вся правда о войне: причины, итоги, потери; Смыслов О. С. Окопная правда войны: о чем принято молчать; Быков В. Жестокая правда войны. Воспоминания пехотинца; Першанин В. «Окопная правда Великой Отечественной. Самые правдивые воспоминания о войне; Огнев А. Против лжи о Великой Отечественной войне»; Рубцов Ю. В. Вся правда о войне. Генеральская правда. 1941–1945 и др. Авторы, – не только участники войны, но и наши современники, работающие на основе архивных документов, вполне законно считают, «что рядовому бойцу война видится с другого ракурса, нежели командиру дивизии, корпуса, командующему армией, фронтом. И тяжкого физического труда, телесных испытаний («шилом побреется и дымом согреется»), грязи, крови, пота на его долю приходится куда больше». И резонно задаются вопросом: но дает ли это солдату заведомо большее, по сравнению с генералом, знание о войне, о ратном деле?» (примечание 2)

Мы не рассматриваем направленность и содержание так называемых трех потоков военной и послевоенной прозы (это не наша задача), но считаем необходимым напомнить, что если первый поток представляли художественно-документальные произведения, в центре которых были реальные исторические лица или события (А. Бек «Волоколамское шоссе» (1944 г.), Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке» (1946 г.), А. Фадеев «Молодая гвардия» (1945 г.), М. Шолохов «Наука ненависти» (1942 г.), то во втором потоке доминировали героико-

эпические произведения, воспевающие подвиг народа (А. Твардовский «Василий Теркин (1942 – 1945 г.), К. Симонов «Живые и мертвые (1959 – 1971). Третий поток составляла батальная проза. Именно в ней рассматривалась судьба отдельного человека в нечеловеческих условиях войны и именно литературу этого блока литературные критики представляют окопной правдой войны: В. Некрасов «В окопах Сталинграда» (1946 г.), Ю. Бондарев «Батальоны просят огня» (1957 г.), Г. Бакланов «Навеки девятнадцатилетние» (1979 г.), К. Воробьев «Убиты под Москвой» (1963 г.), В. Курочкин «На войне как на войне» (1965 г.), В. Гроссман «Жизнь и судьба» (1960 г.). Произведения представителей третьей волны еще называют лейтенантской прозой.

С разной степенью достоверности отразилась правда войны в произведениях военной прозы, созданных непосредственно во время войны или написанных после войны участниками или очевидцами военных событий и созданными спустя многие десятилетия после Великой Отечественной войны, что вполне естественно. С одной стороны, на это влияло личное участие в событиях, их непосредственное восприятие, а с другой, – более полное понимание сути прошедших событий, доступность исторических материалов, документов и фактов.

Социологи выделяют три основных подхода отношения общества к войне: милитаристский, пацифистский и гуманистический. Сторонников первого характеризует военная романтика и превознесение высших доблестей человека на войне, а воюющие люди наделяются сверхъестественными качествами - несгибаемой стойкостью, безграничной

храбростью, необыкновенной жертвенностью во имя высших идеалов. В свою очередь пацифисты начисто отрицают войну как способ разрешения конфликтов. Более того, они отрицают необходимую вооруженную защиту даже в случае военной агрессии. Гуманисты призывают к мирному разрешению противоречий, выступают против войн и вооруженных конфликтов, но война против агрессора воспринимается как необходимость и как законная мера защиты.

Послевоенные, мирные условия жизни позволяют сформировать самые различные взгляды на войну, дать свою личную оценку прошедшим событиям, даже пересмотреть свои взгляды.

На изменение оценочных суждений о правде войны значительно повлияла «оттепель» 60-х годов, расширившая свободу слова и позволившая представить на суд общественности самые разные трактовки хода войны, расширивших «спектр правд» о Великой Отечественной войне, но однозначно оценивающих нашу правое дело в этой войне.

А уж появление по сути противоположных оценочных суждений, а соответственно, «новой правды» было связано с развалом страны и изменением общественно-политического строя, когда не только открылись архивы, появились новые факты и документы, но и существенное влияние оказала и конъюнктура, когда стало выгодно очернять все советское. И все это мы можем назвать факторами влияющие на изменение взглядов части политиков, писателей, творческой элиты, лидеров общественного мнения в части оценочных суждений о Великой Отечественной войне.

В этот период появляется так называемый «эффект В. Астафьева», — известного писателя, фронтовика, вылившего тонны грязи и помоев на итог нашей победы. Была ли доля правды в его творениях? Да, была. Вот тут и вступают в действие оценочные меры объективного и субъективного типичного и не типичного, случайного и закономерного.

Правда о войне может не только подменяться ложью, но скрываться в угоду определенной политической ситуации. Подтверждением тому служат примеры советского периода. Так, скрывалась правда об истинных карателях из числа прислужников нацистов — украинского батальона, уничтожившего жителей Хатыни. В СМИ деликатно обходили факт участия практически всех европейских стран на стороне фашистской Германии в войне против СССР.

Против правды работает недостоверность источников и замена документальных материалов художественными произведениями. Позволим привести оценку данного явления, данную одним из блогеров: «Конечно, в любом произведении, в том числе на историческую тему, фактические ошибки — это очень плохо. Тут не о чем и говорить. Но поражает феномен искусства. Роман-эпопею «Война и мир» и телесериал «Семнадцать мгновений весны» — эти два произведения разных видов искусства и разных эпох — прочно связывает один общий родовой признак. Несмотря на тьму ляпов, читатель и зритель верят всем и всему <...> Причина одна — правда художественного вымысла выше правды факта. Таков закон искусства. Однако при одном условии: если перед нами действительно искусство.

А вот большинству книг и фильмов о Великой Отечественной, написанным и снятым за последние четверть века, – читатель и зритель не верят. И дело не в том, что звездочки на погонах воткнуты не туда, куда было положено по уставу, а у медсестер и снайперш выщипанные бровки стрелками и наспех смыв маникюр. И даже не потому, что все ходы со сволочным особистом и главным героем, владеющим всеми видами современных единоборств, заранее прописаны.

Тут кривда – вранье по-крупному. Между строчками и на втором плане видишь автора, у которого в правом глазу горит неутолимая жажда гонорара, а в левом – мечта о премии за патриотическое воспитание молодежи. На них он и работает» (примечание 3).

В условиях современной гибридной войны запрос на правду о войне и на войне не только не уменьшается, но и возрастает. Пусть по известным и по неизвестным причинам боевые действия российских войск на Украине носят название специальной военной операции, все же характер этих действий соответствует стандартам войны. В силу ограниченности сюжета статьи мы лишь конспективно обозначим ряд моментов касающихся массмедийной составляющей военных действий.

При этом позволим себе кратко напомнить о роли журналистики в этих условиях. Журналисты создают информацию, объясняющую причины конфликта, отражающую настроения сторон в боевых действиях. Массовая информация позволяет создавать визуальную картину происходящих событий и представить взгляды общества и участников

специальной военной операции на возникший конфликт. Массовая информация, позволяет выявить первопричины военного конфликта и его виновников, а также и представить их на всеобщее осуждение. СМИ информируют общество, позволяя быть в курсе событий, иметь возможность сделать вывод о законности и правильности действий властей, связанных с проведением специальной военной операцией. В результате у общества появляется более-менее полноценная картина происходящего, соответствующая объективному положению вещей, – коллективная правда.

Конечно, в условиях интенсивного информационного противоборства, сопровождающего специальную военную операцию и принимающего характер информационной войны возникает вполне закономерный практический вопрос: сможем ли мы победить врага, который использует самые изощренные и грязные приемы и методы, в том числе подлог, обман, искажения информации, подлог и т.д., а мы, соблюдая нормы морали, этики, ограничиваем себя только правдой?

Специалисты утверждают, что можно т.к. правда на нашей стороне. Да, с этим утверждением можно согласиться. Правда нам нужна для мотивации самоотверженности в борьбе и настроенности на победу, для подъема боевого и морального духа. Но, на наш взгляд, только нашей уверенности в победоносном характере правды недостаточно. Для победы с помощью и на основе правды необходимо информационную работу строить так, чтобы, во-первых, наша правда будет достигать врага и на поле брани и в глубоком тылу, и, во-вторых, – противник

будет способен воспринимать правду, оценивать ее, и, в конечном итоге пересматривать свои взгляды, идеи и убеждения.

А для этого необходимо правильно строить информационную политику, своевременно ее корректировать и вносить необходимые изменения как в нормативную базу, так и организационно-технологические процедуры. В частности, в нынешних условиях остро стоит вопрос координации освещения СВО. Как известно «информационный голод» предыдущих десятилетий смененный эпохой «информационного мусора» привел к тому, что рядовому потребителю информации весьма сложно найти правдивую информацию. Конечно, речь не идет о запрете на освещение, а возникает необходимость сокращения количества так называемых «диванных экспертов» и близких к ним специалистов. Припоминаю, что некоторые из них уже на третий день СВО на официальных каналах телевидения задавались вопросом о том, что мы будем делать при выходе на польскую границу.

В этом же ключе может быть поставлен вопрос об организации структуры подобной Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны. Пока при сообщениях на официальных каналах о количестве потерь СВУ, попавших в плен боевиков, разбитой техники врага, лютующих ТЦК, убегавшей в Европу украинской молодежи, у обывателя невольно возникает вопрос: так ли огромен военный потенциал киевского режима, что даже при таких благоприятных условиях продолжается упорное сопротивление врага и такмедленно идет освобождение территорий? И речь не идет о попытках ускорять события, создавая в сознании

россиян наступательного порыва любым путем, а о необходимости создании целостного и правдивого восприятия картины СВО, успехах и реальных трудностях вооруженной борьбы.

Проблема правды и лжи о войне и на войне обостряется в условиях использования искусственного интеллекта, применения фейков. Весьма оригинально и даже забавно выглядят возможности технологического «оживления» исторических персонажей прошедших эпох, но при монтаже этих кадров в документалистику чревато «покушением» на историческую правду. Мы еще не осознали потенциальную опасность применения дипфейков в условиях напряженной международной обстановки и острых фаз вооруженных конфликтов.

Чтобы не потеряться на перепутьях между правдой и кривдой в сложные моменты истории нельзя забывать, что посредством правды о войне должна формироваться мотивация готовности молодежи к защите родины, стремление к отстаиванию традиционных национальных ценностей, а не организовываться очереди на прохождение контрольных пунктов типа Верхнего Ларса в сентябре 2022 года. Чтобы не обманываться, при всех неоднозначных трактовках строк А. С. Пушкина: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...». Здесь она уместна.

Примечания

1. См., например: **Заславнов, Д. А.** Отличие правдивой информации от лживой в современных СМИ [Электронный ресурс] / Д. А. Заславнов // *Russian Linguistic Bulletin*. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. (дата обращения: 10.06.2025).

2. Рубцов, Ю. В. Генеральская правда. 1941–1945 / Ю. В. Рубцов. – М. : Вече, 2017. – 368 с.

3. Ачильдиев, С. В чем правда и кривда вымысла [Электронный ресурс] / С. Ачильдиев. – Режим доступа: <https://mozgokratia.ru/2019/11/v-chyom-pravda-i-krivda-vymysla/> (дата обращения: 15.05.2023).

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. – 1268 с.

2. Зверева, Е. А. Проявление объективности и субъективности в журналистской практике: история и современность / Е. А. Зверева // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 99–102.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. П. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская АН; Российский фонд культуры. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.

4. Самойлов, В. Война и информация / В. Самойлов // Независимое военное обозрение. – 21 апреля. – 2000.

5. Сениявская, Е. С. Психология войны в XXI веке: исторический опыт России / Е. С. Сениявская. – М. : «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 1999. – 383 с.

6. Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / Ред. сост. М. Погорелый, И. Сафранчук. – М. : Генфальд, 2002. – 253 с.

Labush N.S.,
doctor is politic. PhD, professor,
professor of the Department of International
Journalism at St. Petersburg State University
ns_labush@mail.ru

Truth and Lies in War and about War

This article addresses the problematic issues of ensuring objectivity in information circulating within communication exchanges between various societal actors during wartime and periods of armed conflict. It examines the relationship between objectivity and truth, the possibilities and necessity of adhering to journalistic ethics in informing the public, and proposes measures to improve the effectiveness of information policy.

Keywords: war, journalism, society, armed conflict, truth, objectivity, falsehood.

УДК 323.28

Ладыга Людмила Ивановна,
канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры политических наук и регионалистики
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
lall1973@hotmail.com

Аксиология профессиональной террористической деятельности

В представленной статье осуществлен анализ психологических и социальных истоков экстремистской

активности, фокусируя внимание на уникальном психотипе индивида, способного избрать путь насильственных действий против общества.

Центральным концептом выступает не просто абстрактный портрет правонарушителя, а детальная реконструкция внутреннего мира личности, детерминированной комплексом глубинных психологических, идеологических и социокультурных предпосылок. Научный дискурс выстраивается вокруг комплексного понимания механизмов трансформации индивидуального сознания, способного преодолеть базовые моральные ограничения и социальные табу ради достижения радикальных целей.

Ключевые слова: профессиональная террористическая деятельность, политико-правовой анализ.

При анализе криминального профессионализма и оперативно-технической оснащённости террористических групп ключевым элементом исследования становится антропоцентрическая парадигма. Акцент смещается на изучение не только тактико-стратегических компетенций, но и социально-психологическую характеристику субъекта, чья девиантность становится катализатором социальной угрозы. Причинные цепочки взаимодействия между личностными деформациями, идеологическим инструментарием и инфраструктурой террора формируют особый эффект, трансформирующий индивидуальную деструктивность в системную опасность.

Как справедливо отмечает Ю. И. Ляпунов, тезис «вне деятеля нет деяния» приобретает особую важность в

контексте политико-криминологического дискурса. Современные исследования, однако, зачастую редуцируют проблему общественной опасности до узких рамок конкретного акта насилия, игнорируя скрытые механизмы личностной деградации [5, с. 100]. Персонализированный терроризм проявляется не только через физическое насилие, но и через:

1. Способность индоктринации маргинальных групп.
2. Формирование символического капитала страха.
3. Дестабилизацию коммуникаций.

Эмпирические данные свидетельствуют, что харизматические лидеры террористических ячеек, обладающие навыками манипуляции, усиливают резидуальную угрозу даже вне ситуаций непосредственного совершения актов. Это требует пересмотра классических криминологических моделей в сторону холистического подхода, где анализ личности становится не дополнением, а системообразующим элементом деконструкции террора как многофакторного феномена [5, с. 103].

Проведённый анализ выявляет диалектическую взаимозависимость феномена террора и его носителей, где системогенез преступной активности невозможен без взаимодействия идеологии, их структур и исполнителей. Кажущаяся тавтология «без терроризма нет террористов» обретает глубину в контексте теории криминальных систем. Как справедливо подчёркивает Ю. И. Ляпунов, индивид, реализующий преступный замысел, не просто встраивается в систему, но становится её активным катализатором, чьи действия реконфигурируют связи

между идеологическими, ресурсными и операционными компонентами [5, с. 104].

Эмпирические наблюдения подтверждают, что изолированный анализ исполнителя возможен лишь в рамках методологической абстракции. В реальности его функциональная роль проявляется через:

1. Сетевую репликацию – передачу навыков и радикальных установок внутри ячеек.

2. Символическое мифотворчество – создание архетипов «борца» или «мученика».

3. Ресурсную синергию – интеграцию в транснациональные потоки финансирования.

Признание общественной опасности свойством всей системы влечёт за собой парадигмальный сдвиг. Если традиционно негативный заряд приписывался лишь объекту посягательства, то современные исследования выявляют распределённую токсичность всех элементов. Например, инструменты пропаганды, не участвующие непосредственно в актах насилия, формируют культуру террористических идей, девальвируя правовые нормы. Данный тезис требует перехода от атомарного к холистическому моделированию, где антропологический, технологический и иные аспекты террора анализируются как единое многофакторное целое.

Вопрос о природных методологических предпосылках, лежащих в основе понятия «общественная опасность личности преступника», довольно сложен и требует тщательного анализа. В первую очередь, следует осознать, что именно преступление втягивает человека в область, регулируемую законом. Это значит, что личность оказывается под прицелом юридической оценки как возможный источник общественного риска.

Важно подчеркнуть, что общественная опасность – это не простая характеристика индивида, а совокупность его склонностей, мировоззрения, ценностных ориентиров и уровня уважения (или неуважения) к правовым нормам, а также предрасположенность к антиобщественному поведению. Внутренние убеждения человека, его гражданская позиция, духовная зрелость или, напротив, незрелость, взгляды на жизнь и приверженность к определённым идеалам сами по себе, если не выражаются в преступном действии, не могут претендовать на определение «опасной личности», подвергающейся уголовным санкциям.

Следует отметить, что опасность индивида проявляется исключительно через его поведение, и не каждое поведение причисляется к опасному. Это должны быть конкретные действия, относящиеся к особой категории социально опасных и квалифицированные законом как преступление [5, с. 99].

Преступное деяние, подрывающее общественные отношения, придаёт его исполнителю оттенок опасности. Согласно правовым нормам, правонарушитель, являясь частью преступления, вносит индивидуальный и значительный «вклад» в общий уровень угрозы, соответствующий конкретному правонарушению. Это очевидно в случаях с высококвалифицированными преступлениями, обладающими усиленной общественной опасностью. Таким образом, правомерно вести речь о преступлениях, несущих высокую степень общественной угрозы, и, соответственно, о формировании образа преступника как носителя угрозы.

На основании вышеизложенного можно выделить такие аспекты, как рецидивистский характер деяний,

вооруженность и профессионализм в области терроризма. Этим обусловлено и наше понимание личности террориста. Преступления, связанные с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных механизмов, представляют собой значительную угрозу не только для государства и общества, но и для каждого отдельного гражданина. Чаще всего их совершают рецидивисты или преступники, достигшие высокого уровня в криминальной профессии.

Отметим устойчивую тенденцию, когда преступники стремятся к росту уровня своей криминальной профессионализации, проявляющейся в их способности к организованным преступным деяниям [3, с. 35].

Криминальный профессионализм и вооруженный характер преступлений неразрывно переплетены с рецидивной преступностью. В данном контексте главенствующую роль отводят именно профессионализму. Нынешняя обстановка, характеризующаяся усиленным вниманием к организованной и профессиональной преступности, которая с юридической точки зрения определяется множественностью субъектов и преступлений, требует выделения отдельной главы в Уголовном кодексе Российской Федерации. Сейчас это отражено в ст. 205-208, концентрирующихся на понятии множественности преступлений, их форм и видов.

При этом необходим более детальный подход для разработки условий индивидуализации ответственности. Это должно включать в себя анализ структуры преступного поведения, степень профессионализма, превращение преступной деятельности в источник дохода и другие значимые аспекты [3].

В современном криминальном праве, как и в былые времена, преступники-профессионалы зачастую привлекаются к ответственности на тех же основаниях, что и иные правонарушители, которых поймали на второй попытке украсть старый мопед. Однако, согласно мнению ряда выдающихся ученых, лица, обладающие высокими преступными навыками-знаниями, умениями и опытом, а также криминальными связями, позволяющими им оставаться на свободе и продолжать свою незаконную деятельность, должны нести более строгую ответственность.

Среди научного сообщества существует согласие относительно взаимосвязи между «рецидивистом-профессионалом» и феноменом «профессиональной преступности». Это подчеркивает необходимость пересмотра подходов к уголовной ответственности, чтобы адекватно учесть уровень навыков и организацию профессиональных преступников.

Безусловно, тема профессионального терроризма, подразумевающая криминальную специализацию, заслуживает отдельного углубленного обсуждения. Угрозу, которую представляет профессиональный терроризм, отличает его исключительная общественная опасность, вне зависимости от формы проявления. Совершение террористических актов свидетельствует о четкой целенаправленности действий, явном противостоянии государству, обществу и законам, а также подчеркивает стойкое и настойчивое стремление к осуществлению преступной деятельности.

Преступник-профессионал представляет собой сложный тип личности, охватывающий и террористов с солидным «стажем», обладающих необходимыми знаниями, навыками и умениями. Такой уровень

профессионализма неизбежно связан с организованной преступностью и опирается на «коррупционное прикрытие». Характерной чертой таких индивидуумов является специализация в области терроризма. В данном контексте можно говорить о профессиональном вовлечении людей в террористическую деятельность, их подготовке в таких сферах, как обращение с взрывчаткой, снайперское искусство и другим специфическим навыкам.

Подготовка «террористов-самоубийц» доверена профессионалам, которые также принимают активное участие в планировании и реализации ключевых террористических операций. Под их чутким руководством и при непосредственном участии проводятся финансовые мошенничества, а также прочие денежные авантюры, такие как торговля оружием и наркотиками. Профессиональный террорист имеет определенный статус и вызывает особое уважение среди своих единомышленников и сторонников. Это связано с его продвинутыми навыками, мастерством, опытом, а также значимым финансовым положением и связями с коррумпированными элементами. Террорист-профессионал зачастую не испытывает моральных колебаний при совершении своих деяний, демонстрируя полное безразличие. Насилие и корыстная страсть к наживе характеризуют его образ жизни.

Профессиональный терроризм тесно переплетён не только с организованной, но и с рецидивной преступностью, однако в нём присутствуют свои особенности. В первую очередь, это явление характеризуется стремлением к экстремизму и склонностью к дерзким преступлениям. Окружение таких террористов превращает преступную деятельность

в промысел, охватывающий торговлю оружием, людьми и наркотиками. Их действия сосредоточены на преимущественном совершении односторонних особо тяжких преступлений, в том числе похищении людей и захвате заложников. Профессиональные террористы также выделяются специфическими навыками, соответствующими их узкой специализации.

Особенность террористического профессионализма заключается в том, что после отбытия наказания за террористические акты, преступники не прекращают свою деятельность и возвращаются к террору. Здесь речь идет о преступлениях, которые совершаются индивидами, уже имеющими судимость. Для таких лиц характерен высокий уровень криминального профессионализма. Они не просто возвращаются на преступный путь, а продолжают специализироваться на терроризме, используя накопленный за время наказания опыт для дальнейших актов насилия и экстремизма.

Для более глубокого понимания рассматриваемой проблемы мы классифицировали лиц, совершавших террористические преступления, на две группы: те, кто ранее не был судим, и те, кто уже отбыл наказание. Анализ соответствующей статистики ясно показывает, что рецидивные преступления особенно выделяются. Примечательно, что в повторных актах террора можно заметить профессиональный почерк. «Авторы» таких преступлений представляют серьезную опасность для общества. В этом контексте оправдано согласие с мнением А. И. Алексеева: рецидивисты сначала приобретают преступный опыт, который позволяет им действовать более решительно и квалифицированно [2, с. 347]. Общественная угроза многократно возрастает,

когда при повторных терактах видна не только «рука» рецидивиста, но и его профессиональное мастерство. Если теракт совершается профессиональным рецидивистом, его опасность для общества значительно возрастает.

Высокая профессиональная квалификация позволяет такому исполнителю минимизировать риск при достижении своих целей. Профессиональные рецидивисты часто действуют под защитой коррупционеров, что снижает их уязвимость. Личность террориста включает в себя индивидуальные черты, определяемые, в том числе, человеческой природой и человеческим фактором преступления. Но всегда ли следует придавать этому фактору первостепенное значение? Считается, что индивидуальные факторы – это те, которые непосредственно воздействуют на преступные действия террориста и заложены в нем изначально. Однако мы полагаем, что такое понимание недостаточно конкретно и требует уточнения. Если не учитывать субъективные элементы, в основе которых лежат личные мотивы и убеждения, тогда на первый план выступают объективные причины. Именно они становятся ведущими в действиях террориста, определяя его дальнейшие шаги и делая общество уязвимым перед продуманными атаками.

Можно утверждать, что с таким подходом теряется нечто важное – индивидуальные черты личности уходят на второй план. Очевидно, что баланс достигается там, где переплетаются «личность» и «социальная среда». Ключевым здесь является понимание роли личности террориста и его окружения, которые необходимо связывать с понятиями «террористическая организация» или «террористическая

группа». Влияние этой среды на террориста очень сильно и способно формировать его мировоззрение и действия. Развивая идею о степени общественной опасности преступления и характеристиках личности преступника, это имеет особое значение в контексте рассмотрения рецидивных преступлений террористов. Вопрос «рецидив террористического преступления и террорист» становится особенно актуальным в этой связи, подчеркивая необходимость изучения не только внешней среды, но и внутренних мотиваций виновного.

Повторные преступления, вне зависимости от области их совершения, свидетельствуют о существовании подходящих причин и условий, которые подталкивают уже осужденных лиц к возвращению к преступной деятельности. Эти индивиды не прекращают противоправные действия даже под влиянием страха перед повторным наказанием и несмотря на индивидуальные исправительные меры, предпринятые в отношении них.

На основе изложенного можно прийти к таким выводам:

1. Привычка к преступлению. Каждое новое преступление как бы протаптывает дорожку для следующих, понижая у человека «иммунитет» к криминальному поведению и устраняя психологические преграды, мешающие осуществлению преступных замыслов.

2. Усиление криминогенности. В случаях рецидива увеличивается криминогенный характер деяний, что связано с ростом общественной опасности личности преступника.

Специфика террористических преступлений, совершаемых рецидивистами, и особенности

террористами – очевидны. К характеристике этих особенностей следует отнести:

- устойчивую преступно-террористическую направленность личности;
- систематичность совершения преступлений террористического характера;
- стремление к организации террористических групп и сообществ;
- тенденцию вовлечения в террористическую деятельность новых лиц, преимущественно молодежи.

В рамках нашего исследования важно помнить, что оружие традиционно рассматривается как объект криминалистического анализа. Тем не менее, террористические акты, а иные преступления, связанные с использованием оружия, боеприпасов и взрывных устройств, входят в зону внимания криминологии. В последние годы этот аспект привлекает особое внимание из-за резкого роста количества оружия в обществе и его активного применения в преступных целях, что существенно меняет качественные характеристики преступного мира [1, с. 116]. Особое беспокойство вызывает тревожная тенденция: увеличение числа преступлений с применением оружия [4, с. 20]. Безусловно, внутри этих преступлений значимое место занимает вооруженный терроризм, поддерживаемый организованной преступностью, тесно связанный с террористической деятельностью и коррупцией.

Список литературы

1. **Абельцев, С. Н.** Проблема особо тяжких преступлений, совершаемых с применением оружия / С. Н. Абельцев // Вестник Тамбовского университета.

Серия : гуманитарные науки. – 2000. – Вып. 1. – С. 113–118.

2. Алексеев, А. И. Криминологическая профилактика : теория, опыт, проблемы / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. – М. : Норма, 2001. – 481 с.

3. Краткий анализ состояния преступности в России // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 30–42.

4. Корецкий, Д. А. Криминологическая характеристика оружия как орудия преступления / Д. А. Корецкий // Криминологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 19–20.

5. Ляпунов, Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : [учебное пособие] / Юрий Игнатьевич Ляпунов. – М. : Юрид. лит., 1989. – 117 с.

LyudmilaIvanovnaLadyga,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Political Sciences
and Regional Studies
Lugansk State Pedagogical University
lall1973@hotmail.com

The axiology of professional terrorist activity

The presented article analyzes the psychological and social origins of extremist activity, focusing on the unique psychotype of an individual who is able to choose the path of violent actions against society. The central concept is not just an abstract portrait of the offender, but a detailed

reconstruction of the inner world of a personality determined by a complex of deep psychological, ideological and socio-cultural prerequisites. Scientific discourse is built around a comprehensive understanding of the mechanisms of transformation of individual consciousness, capable of overcoming basic moral limitations and social taboos in order to achieve radical goals.

Keywords: professional terrorist activity, political and legal analysis.

УДК [070:316.77]:339.548 (510:73)

Ли Инин,
кандидат политических наук
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
yingyingli2701@outlook.com

**Философский конфликт и цивилизованный
диалог в коммуникации журналистики на примере
китайско-американской торговой войны**

Новостные репортажи никогда не являются простой передачей фактов, но часто содержат глубокую философскую основу и ценностные установки. Являясь одним из важнейших международных экономических конфликтов в нынешнюю эпоху, торговая война между Китаем и США предоставляет журналистам уникальную возможность понаблюдать за противостоянием и интеграцией восточной и западной философий в сообщениях СМИ. В качестве объекта исследования в данной работе взяты репортажи о китайско-американской торговой войне, опубликованные двумя

представительными «Нью-Йорк таймс» и «Жэньминь жибао» с ноября 2024 г. по июль 2025 г. Углубленный анализ отношения философской оппозиции между механистическим мировоззрением и органическим холизмом, подразумеваемым в новостных сообщениях, выявляет ценностные установки и эпистемологические различия, стоящие за медийным дискурсом, и исследует возможность поиска философского примирения конфликтующими способами. Анализируя критические высказывания в отчете, можно выйти за рамки видимости торговых споров и получить представление о глубоком цивилизованном диалоге и философских размышлениях.

Ключевые слова: китайско-американская торговая война, СМИ, «Жэньминь Жибао», «Нью-Йорк таймс», журналистика, философия.

25 ноября 2024 года Трамп объявил, что после вступления в должность он введет 10 тариф на китайские товары, чтобы решить проблему с фентанилом, что спровоцировало эскалацию китайско-американской торговой войны [2]. Эта мера привлекла широкое внимание международного сообщества и оказала многогранное влияние на журналистику и политику. В качестве объекта исследования были взяты публичные репортажи «Нью-Йорк таймс» и «Жэньминь Жибао» о китайско-американской торговой войне, опубликованные в период с ноября 2024 г. по июль 2025 г., которые основаны на роли СМИ и объединяют такие аспекты, как стратегия дискурса, выбор темы и функциональное позиционирование, для сравнения и проанализируйте различия в системе отчетности двух сторон и философскую основу, лежащую в ее основе. Цель

исследования представляется в том, что изучить глубинную логику, стоящую за торговой войной, и различия в ядре цивилизации с двух точек зрения и журналистики и философии. Новизна исследования заключается в том, что оно раскрывает природу торговой войны с двух точек зрения и журналистики и философии, а также открывает новую перспективу для исследований в области глобальной журналистики и международных отношений.

Торговая война между Китаем и США переросла в спор о парадигме развития цивилизации к 2025 году. Согласно анализу, проведенному The New «Жэньминь Жибао» за 2025 год, США обвиняют Китай в дефиците торгового баланса, но игнорируют структурные дисбалансы, вызванные их собственным экспортным контролем [4]. Различия в освещении событий между «Нью-Йорк таймс» и «Жэньминь Жибао» намного превосходят различия в позициях. На самом деле, они являются фундаментальным противоречием между журналистской этикой и мировоззрением. «Нью-Йорк таймс» придерживается логики «четвертой власти», то есть СМИ, и рассматривает СМИ как средство сдерживания и баланса сил. «Жэньминь Жибао» придерживается традиции «рупора общественности» и подчеркивает, что СМИ являются органичной частью управленческого сообщества. Это исследование сосредоточено на измерении роли СМИ и раскрывает генетические конфликты цивилизаций, стоящие за различиями в повествованиях.

«Нью-Йорк таймс» часто использует в своих отчетах о торговой войне термины враждебного семантического поля, такие как «нарушение», «возмездие» и «угроза», чтобы представить операции

технической политики как военную метафору игры с нулевой суммой. Игра в цепочку поставок была представлена как эскалация войны, подчеркивающая, что «десятки отраслей промышленности понесут длительный ущерб» [1], что намеренно усиливает ощущение кризиса. Такой выбор лексики упрощает сложные экономические и торговые взаимодействия, превращая их в парадигму противостояния добра и зла, усиливая коллективную тревогу аудитории по поводу «подрыва национальной безопасности».

С помощью дизайна заголовка и описания событий «Нью-Йорк таймс» создала идеологическую оппозицию: «США защищают правила, в то время как Китай разрушает порядок». Например, в репортаже «Для США и Китая началась новая эра торговой войны» описывается технологический контроль как переходный этап в форме «войны», предполагающий, что Китай подрывает порядок. Кроме того, в отчете подчеркивается, что ограничения США на экспорт полупроводников направлены на «поддержание глобальной технологической безопасности», в то время как контроль Китая за редкоземельными элементами «противоречит Женевскому консенсусу», но при этом игнорируется тот факт, что США взяли на себя инициативу по введению тарифа.

Политические мотивы упрощаются до уровня принятия решений отдельными руководителями, что ослабляет системные структурные противоречия. Такие темы, как «Трамп усиливает торговое давление на Китай...» и «Тарифы Трампа: ...», неоднократно используются в новостных сообщениях, чтобы акцентировать внимание на шаблонах предложений,

приписывая тарифную игру личной воле и маскируя мотивацию Конгресса.

Таким образом, лексика создает враждебные символы, моральные нарративы устанавливают легитимность конфронтации, а личностная атрибуция рассеивает институциональную критику. Суть репортажа заключается в воплощении западного механистического мировоззрения в журналистике [5, с. 130–134].

В новостном репортаже, озаглавленном «Экономика Китая – это море», газета «Жэньминь Жибао» предположила, что «сильные ветры и дожди рано или поздно пройдут, а иметь широкую душу – это суть», подчеркнув, что давление торговой войны превратится в движущую силу развития. В новостном репортаже приводился исторический опыт, такой как «испытание ядерной и водородной бомб и спутника» и прорывы в области чипов, чтобы доказать закон развития кризиса как поворотный момент, а также устранил торговые трения в качестве катализатора модернизации промышленности, например, увеличение экспорта новых энергетических транспортных средств на 43,9%.

«Жэньминь Жибао» использует фразу «сотрудничество сильно, а изоляция слаба», чтобы объяснить необходимость многостороннего сотрудничества и интерпретировать двусторонние последствия торговой войны. Например, из данных следует, что «тарифы в США привели к росту местной инфляции на 3,5%» [9], и в то же время это демонстрирует устойчивость рынка благодаря 75% продажам на внутреннем рынке Китая, что отражает практическую мудрость конфуцианства «двойного назначения» [8, с. 1–9].

Восточная органическая философия, такая как «жизнь и смерть не удивительны» в «Чжоуи» [6, с. 16–23] и даосская истина «Единство неба и человека» [7, с. 112–113], рассматривает вселенную как вечную эволюцию жизненной системы, и все сущее поддерживает динамический баланс друг в друге. «Жэньминь Жибао» сравнивает глобальную цепочку создания стоимости с экологическим сообществом, подчеркнув взаимозависимость китайско-американской производственной цепочки. Например, Apple использует 40% своих производственных мощностей в Китае, а 60% китайских чипов импортируется из США. Это перекликается с философской мыслью «Ли Цзи», что все сущее борется за рост и размножение, но не мешает друг другу.

Таким образом, Современные технологии и социальные сети стали мощными инструментами влияния на общественное мнение и формирования точки зрения на события [3]. «Нью-Йорк таймс» считает себя «надзирателем за конфликтами», применяя конфронтационную риторику и элитарные нарративы для отражения индивидуализма и теории гегемонистской стабильности. «Жэньминь Жибао» позиционирует себя как «создателя управленческого сообщества», используя диалектические нарративы и рамки народной тематики для отражения коллективизма и систематической диалектики.

Философская основа новостных репортажей ни в коем случае не является нейтральной с точки зрения ценностей, но глубоко влияет на когнитивную модель торговых конфликтов и суждения о легитимности политики. Повествование «Нью-Йорк Таймс» об игре с нулевой суммой и гегемонистской стабильности

укрепило общественное психологическое ожидание «разрыва отношений между Китаем и США», в то время как органичное повествование «Жэньминь Жибао» способствовало формированию общественного консенсуса в отношении «поиска точек соприкосновения при сохранении различий в симбиозе». Благодаря постоянным новостным репортажам эти два философских направления сформировали границы и пространство возможностей в представлении своих аудиторий о системе международной торговли.

Наблюдение за китайско-американской торговой войной через призму «Нью-Йорк таймс» и «Жэньминь Жибао» раскрывает философскую мудрость Востока и Запада. Являясь «коллективным учителем философии» современного общества, новостные репортажи обязаны не только фиксировать возникновение торговых конфликтов, но и раскрывать возможности философского диалога и стоящей за ними интеграции цивилизации.

Список литературы

1. A New Era of Trade Warfare Has Begun for the U.S. and China [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2025/06/03/business/economy/us-china-trade-supply-chains.html?ysclid=mbq4sjzs95304564144>. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 03.06.2025).

2. Trump Plans Tariffs on Mexico, Canada and China That Could Cripple Trade [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/11/25/business/economy/trump-tariffs-canada-mexico-china.html?ysclid=mbq2rs57a8515506912>. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 25.11.2024).

3. Ван, Ц. Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов [Электронный ресурс] / Ц. Ван, Г. С. Мельник, Н. С. Лабуш, А. В. Байчик // Litera. – 2024. – № 4. – DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70511 EDN: USCBSI. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70511. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 02.04.2025).

4. «Дисбаланс» в китайско-американской торговле – ложное утверждение [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. – Режим доступа: <http://usa.people.com.cn/n1/2025/0610/c241376-40497695.html>. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 10.06.2025).

5. Джейранова, М. О. Механистическое мировоззрение в философии Рене Декарата / М. О. Джейранова // Форум молодых ученых. – 2018. – № 2 (18). – С. 130–134.

6. Донг, Чун. Жизнь и смерть не удивительны: идея «Жизнь и смерть» и ее философское значение в «Чжоуи» / Донг Чун // Исследование Чжоу И. – 2025. – № 2. – С. 16–23.

7. Ся, Цин. О культурной концепции «единства неба и человека» в китайской журналистике и коммуникативном мышлении / Ся Цин // Журнал Уханьского института науки и технологий. – 2004. – № 7. – С. 112–113.

8. Цзинь, Вэй. Исследование построения нарративного дискурса современной цивилизации в китайском стиле / Цзинь Вэй, Чжан Юй // Журнал педагогического университета Гуйчжоу (издание по социальным наукам). – 2025. – № 1. – С. 1–9.

9. Чиновники ФРС обеспокоены тем, что тарифы приведут к долгосрочной инфляции в Соединенных Штатах [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2025/0207/c1002-40414329.html>. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 07.02.2025).

Li Yingying,
Candidate of Political Sciences
Saint Petersburg State University
yingyingli2701@outlook.com

Philosophical Conflict and Civilized Dialogue in Journalism Communication on the example of the Sino-American Trade War

News reports are never a simple transmission of facts, but they often contain a deep philosophical foundation and value orientations. As one of the most important international economic conflicts in the current era, the trade war between China and the United States provides journalists with a unique opportunity to observe the confrontation and integration of Eastern and Western philosophies in media reports. The subject of the study in this paper is the reports on the Sino-American trade war published by two representative «New York Times» and «People's Daily» since November 2024. Through July 2025, an in-depth analysis of the relationship of the philosophical opposition between the mechanistic worldview and the organic holism implied in news reports reveals the value orientations and epistemological differences behind media discourse, and explores the possibility of seeking philosophical reconciliation in conflicting ways. Analyzing the critical

statements in the report, it is possible to go beyond the visibility of trade disputes and get an idea of a deep civilized dialogue and philosophical reflections.

Keywords: Sino-American trade war, mass media, People's Daily, The New York Times, journalism, philosophy.

УДК 327.821

Литвин Лилия Анатольевна,
канд. полит. наук, доцент,
доцент кафедры политических наук и
регионалистики ФГБОУ ВО «Луганский
государственный педагогический университет»
lily_litvin@internet.ru

«Мягкая сила» как стратегия в современных конфликтах

В статье рассматривается «мягкая сила» как стратегия в современных транссубъектных конфликтах. Дано определение «мягкой силы». Охарактеризована классическая концепция «мягкой силы» Дж. Ная, а также новые подходы к пониманию «мягкой силы». Указаны основные направления в осуществлении «мягкой силы» до конфликта с применением «жёсткой силы» и при уже начавшемся конфликте. Проанализированы особенности осуществления «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. С помощью SWOT-анализа предложены перспективные сценарии данной политики.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жёсткая сила», «умная сила», внешняя политика, технологии, имидж государства, конфликт.

На протяжении многих лет конфликты ассоциировались с применением вооружений, жёстким проявлением военной силы, столкновениями. Однако, с течением времени становилось ясно, что не только вооружённые столкновения могут защитить интересы и дать необходимый результат. Современные конфликты являются продолжением политики государств и демонстрируют всю неоднозначность мирового политического процесса.

Современные конфликты характеризуются такими специфическими особенностями как длительность, возможность «заморозки», перехода в латентную фазу, множественность акторов (не всегда явных), транссубъектность, а также применение различных технологий и антитехнологий. Одной из таких технологий является применение так называемой «мягкой силы». Несколько лет назад многие исследователи даже утверждали, что в будущем не будет применяться классическое вооружение, только «мягкая сила», в том числе, информационные технологии. Конфликты современности опровергли данную мысль, вооружение технологически меняется, усовершенствуется, становится более мобильным. Однако, полностью тяжёлое вооружение не перестали использовать. Поэтому на сегодняшний день можно констатировать применение как «жёсткой», так и «мягкой силы». Более того, политические аналитики утверждают, что «жёсткая сила» становится всё более проблематичным инструментом внешней политики, а «мягкая сила» приобретает всё большую ценность. Кроме того, наблюдается явная тенденция к смешению «жёсткой» и «мягкой» силы в «умной силе», чтобы они дополняли сильные стороны друг друга и

преодолевали слабые. При этом своевременное и грамотное использование «мягкой силы» для достижения своих целей может исключить или сократить «горячую» фазу конфликта, что минимизирует жертвы и расход ресурсов. Следовательно, «мягкая сила» как стратегия в современных конфликтах оправдывает себя в моральном и материальном аспектах. Этим подчёркивается актуальность данной тематики для политической науки, военной стратегии и международных отношений.

Среди российских исследователей данной проблемы так или иначе в своих работах касались такие исследователи как: Е. Ефанова [1], М. Лебедева [3], О. Леонова [4], Е. Панова [5] и другие. Эти учёные рассматривают концепцию «мягкой силы» с разных сторон, анализируют категорию «привлекательности государства». Чаще всего понятие «мягкой силы» используется в дискурсе публичной дипломатии или внешней политики. При этом в отечественной науке и практике не уделяется достаточного внимания рассмотрению «мягкой силы» как стратегии современных, в том числе, текущих, конфликтов, непосредственно технологиям «мягкой силы» приемлемых для государства и общества. В статье предпринята попытка раскрыть данные положения, что и претендует на научную новизну исследования.

Целью настоящего исследования является проанализировать концепцию и практику «мягкой силы» как стратегию современных конфликтов.

Для проведения исследования применяется широкая методологическая основа. Так, используются методы синтеза и анализа, индукции и дедукции. Для анализа субъектов и объектов применения «мягкой силы» применяется институциональный и бихевиористский

методы. Для рассмотрения технологий мягкой силы во взаимосвязи используется системный и синергетический методы. Для исследования первоисточников – контент-анализ. Для прикладного анализа возможности применения технологий «мягкой силы» использовался SWOT-анализ.

Впервые концепцию «мягкой силы» предложил и обосновал Дж. Най в работах «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» (1990 г.), «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике» (2004). По утверждению Дж. Ная, «сила – это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность («мягкая сила»))» [7].

В целом концепция «мягкой силы» Дж. Ная сводится к следующему: происходит переформатирование мышления членов общества, при котором людей заставляют поверить в определённый формат «лучшей жизни». При этом «лучшая жизнь» может нести как конструктивные изменения, так и деструктивные. В основном, деструктивность выражается в потери национальной идентичности, культурных особенностей, конфликта ценностей. Сама концепция изначально имела внешнеполитический контекст, то есть применение «мягкой силы» изначально понимается как экономическое, культурное, информационное влияние, распространение повестки, модели государственного устройства одного государства на другое без военных действий. Внешнеполитические цели государства достигаются не за счёт принуждения, а за счёт привлекательности, доверия, созданного образа [7].

В тесной взаимосвязи с концепцией «мягкой силы» находятся такие категории как «имидж государства», «привлекательность государства», «национальные интересы», «технологии», «политическое манипулирование».

С 2014 г. XXI века меняется понимание концепции «мягкой силы» и применения её на практике. Теперь инструменты «мягкой силы» чаще ассоциируются с манипулятивными техниками, навязыванием ценностей, подменой понятий, гуманитарной интервенцией, культурой отмены.

Как стратегию в конфликтах «мягкую силу» можно интерпретировать так: масштабный план действий, включающий совокупность технологий для влияния на разные сферы жизни граждан другого государства с целью достижения и защиты национальных интересов; внешняя политика государства, формирующая привлекательный образ, открытую дружественную позицию, но предполагающая скрытые стратегические цели и тактические задачи. Инструменты «мягкой силы» действуют таким образом, что объект готов ей подчиниться, считая это своим добровольным выбором.

Чем больше «мягкая власть» используется сторонами конфликта по отношению друг к другу и другим субъектам международных отношений, тем больше возможностей появляется для мирной трансформации конфликта.

М. Куналакис и А. Симони утверждают, что власть в международных отношениях следует рассматривать как спектр, на одном конце которого находится жёсткая власть, а на другом – мягкая. «Мягкую силу» следует понимать не как противоположность жёсткой силы, а как её продолжение с помощью других средств. В контексте

мировой политики гораздо разумнее рассматривать притяжение как отношения, которые строятся с помощью *репрезентативной силы* – нефизической, но тем не менее принудительной формы власти, которая обеспечивается тщательно продуманными средствами [2].

«Мягкую силу» относительно сложнее использовать по определённым причинам. Во-первых, сложнее предсказать результаты, поскольку реакция на «мягкую силу» в большинстве случаев непредсказуема. Другими словами, за исключением некоторых общепринятых ценностей, культурные, политические и другие ценности, присущие одной нации, могут показаться непривлекательными другим. Устойчивое развитие одной страны может привлекать одних, но вызывать чувство соперничества и конкуренцию у других. Привлекательность имеет смысл и может рассматриваться как «мягкая сила» только в том случае, если привлечённая группа людей имеет право голоса в процессе принятия решений политической единицей. Кроме того, в то время как некоторые источники «мягкой» силы могут быть усилены, изменены или созданы искусственно, другие, такие как встроенные культурные ценности, не могут быть созданы искусственно. Следует также отметить, что наряду с изменением характера коммуникационных технологий, установить контроль над результатами становится еще сложнее. Фейковые новости, дезинформация и черная пропаганда распространяются по всему миру в течение нескольких секунд, манипулируя восприятием реальности людьми. Поскольку мягкая власть затрагивает общественное сознание, управление сознанием занимает центральную место.

Существует множество направлений в реализации «мягкой силы» различные по интенсивности влияния. Среди них:

Экономическое направление – предполагает инвестиционную и торговую деятельность, будущее финансовое благосостояние. Успешным примером экономического направления «мягкой силы» является внешняя торговая политика Китайской Народной Республики с экспансией китайских товаров.

Культурное направление – предполагает распространение культурных ценностей, возвышение культурного наследия одного государства; популяризация государственного языка, развитие туризма. Примером является распространение массовой американской культуры, включая популяризацию кинематографа, фаст-фуда, образа жизни в целом.

Образовательное направление – предполагает привлечение студентов в образовательный процесс своего государства, распространение идеи о лучших образовательных учреждениях, стажировки, обмена учащихся.

Научно-технологическое направление – предполагает привлекательный образ научно-технологического потенциала страны.

Политическое направление – это распространение политических идей и ценностей (либеральных или консервативных), защита прав человека, распространение определённой идеологии.

Направление спортивных и иных достижений.

Если конфликт посредством «жёсткой силы» уже состоялся, то применяются иные инструменты «мягкой силы». Среди них называют:

– сила обмена – это средство убеждения путём ведения переговоров и предложение привлекательных компромиссов;

– интегративная сила – это поиск взаимовыгодных компромиссов, которые приведут к преимуществам всех сторон конфликта, рассматривается в сравнении с силой угрозы;

– гуманитарная деятельность – включает медицинскую, продовольственную помощь гражданским, беженцам, военнопленным. Возможно привлечение международных организаций;

– подкуп.

Доктор политических наук О. Леонова среди основных инструментов «мягкой силы» называет: культурный обмен, спорт, туризм; публичная дипломатия; система образования; способность вести информационные войны; межкультурный диалог, национальные диаспоры, миграционная политика; политический пиар; информационные потоки; глобальный маркетинг; популяризация государственного языка в мире; позиционирование государства в глобальной иерархии [4, с. 29-32].

Россия как государство с давней историей и военной мощью имеет множество инструментов для реализации «мягкой силы». Идеологическим основанием данной практики может стать концепт «русского мира», включающий политическую, культурную и ценностную составляющие. В политическом направлении ядром может стать образ сильного эффективного государства, но со сформированной культурой гражданственности. Гражданская политическая культура для отечественной государственности предполагает в первую очередь формирование патриотизма, уважение к Родине,

понимание и отстаивание гражданской позиции, умение критически оценивать внешние влияния, включённость в политический процесс, умение сотрудничать с государством.

Ядром культурного направления является культурное наследие и традиции России, русский язык, идентичность.

Ценностная составляющая предполагает сформированную чёткую систему ценностей – фундаментальных смысловых ориентиров в жизни. На фоне неоднозначного отношения к традиционным ценностям в недружественных государствах российское общество должно стать идеалом гармоничного общества, развивающегося на основе лучших этических и эстетических качеств, глубоком уважении к Конституции, ответственности и профессионализме.

На основании проведённого SWOT-анализа, с помощью которого можно определить сильные, слабые стороны, возможности и угрозы внешней политики относительно «жёсткой» и «мягкой» силы, возможно определить сценарии осуществления технологий «мягкой силы» Российской Федерацией в ближайшие годы.

Наиболее перспективным вариантом развития событий на сегодняшний день представляется соединение «жёсткой» и «мягкой» силы в «умную силу». Данный сценарий предполагает активное использование технологий «мягкой силы» в ближайшие годы, что повышает уровень влияния России на другие страны и в мировой политике в целом. Однако современный высокотехнологический и конфликтногенный мир требует и повышения военной мощи государства (всем известная формулировка «хочешь мира – готовься к войне»). Поэтому баланс применения как «жёсткой», так и

«мягкой силы» – неизбежный вариант современной мировой политики.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. Как стратегию в конфликтах «мягкую силу» можно интерпретировать так: масштабный план действий, включающий совокупность технологий для влияния на разные сферы жизни граждан другого государства с целью достижения и защиты национальных интересов; внешняя политика государства, формирующая привлекательный образ, открытую дружественную позицию, но предполагающая скрытые стратегические цели и тактические задачи. Инструменты «мягкой силы» действуют таким образом, что объект готов ей подчиниться, считая это своим добровольным выбором. У Российской Федерации есть мощный потенциал для максимального использования технологий «мягкой силы» и «умной силы». Поэтому баланс применения как «жёсткой», так и «мягкой силы» – неизбежный вариант современной мировой политики. После установления нового мирового порядка перспективным является сценарий применения преимущественно «мягкой силы» для достижения большего блага с меньшими затратами ресурсов. Вероятнее всего, данный сценарий будет реализовываться на основе цифровых технологий.

Перспективой дальнейшего исследования является анализ конкретных технологий реализации «мягкой» и «умной силы» во внешней политике Российской Федерации.

Список литературы

1. Ефанова, Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства» / Е. В. Ефанова //

Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 417–426.

2. Куналакис, М. Суровая правда о мягкой силе / М. Куналакис, А. Симони // Перспективы публичной дипломатии, Доклад 5. – Лос-Анджелес; Центр общественной дипломатии USC, 2011.

3. Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3. – С. 212–221.

4. Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // О. Г. Леонова // Обозреватель – Observer. – 2013. – № 4. – С. 29–32.

5. Панова, Е. П. «Мягкая сила» как способ воздействия в мировой политике: дис. ... канд. полит. наук / Е. П. Панова. – М., 2012. – 160 с.

6. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ [Электронный ресурс] / Под. ред. Е. Г. Борисова – М. : «Флинта», 2015. – Режим доступа: [file:///C:/Temp/Rar\\$DIa7584.27592/473692.fb2](file:///C:/Temp/Rar$DIa7584.27592/473692.fb2). Загл. с экрана. –(дата обращения: 10.06.2025).

7. Nye, J. Jr. Think Again: Soft Power [Электронный ресурс] // Josef Nye Junior // Foreign Policy. – 2006. – February, 23. – Режим доступа: <https://scispace.com/papers/think-again-soft-power-mktsmh1q4g>. – Загл. с экрана. –(дата обращения: 10.06.2025).

Litvin Lilia Anatolyevna,
PhD in Political Sciences, Docent, Associate
Professor of the Political Sciences and Regional Studies
Department, Luhansk State Pedagogical University
lily_litvin@internet.ru

«Soft power» as a strategy in modern conflicts

The article considers «soft power» as a strategy in modern transsubjective conflicts. The definition of «soft power» is given. The classical concept of «soft power» by J. Nye is characterized. As well as new approaches to understanding «soft power». The main directions in the implementation of «soft power» before the conflict with the use of «hard power» and in the conflict that has already begun are indicated. The features of the implementation of «soft power» in the foreign policy of the Russian Federation are analyzed. With the help of SWOT analysis, promising scenarios of this policy are proposed.

Keywords: «soft power», «hard power», «smart power», foreign policy, technology, state's image, conflict.

УДК 659.4

Лобовикова Елена Александровна,
канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой
гуманитарных, социально-экономических дисциплин,
русского и иностранных языков
ФГКОУ ВО «Луганская академия
Следственного комитета»
lobovikova@yandex.ru

**Социальная реклама как инструмент
противодействия гибридной агрессии в
информационном пространстве
в исторических регионах Российской Федерации**

В статье рассматривается социальная реклама как инструмент противодействия гибридной агрессии в информационном пространстве в исторических регионах России. Автор показывает важную роль социальной рекламы в условиях формирования правовой культуры граждан ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей.

Социальная реклама рассмотрена как инструмент для передачи социально-значимой информации, направленной на противодействие украинской агрессии в условиях информационного противостояния в новых регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: социальная реклама, государственная реклама, правовая культура, информационное пространство, исторические регионы.

Актуальность исследования. В условиях проведения специальной военной операции и интеграции новых регионов (ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей) в состав России представляется актуальным

исследование социальной рекламы как инструмента противодействия гибридной агрессии в информационном пространстве. Особое значение приобретают вопросы обеспечения медиагигиены жителей новых регионов Российской Федерации в условиях современного информационного противостояния.

Отметим, что начиная с 2014 года, с начала военных действий на Донбассе, на территории Украины действовал ряд националистических и экстремистских организаций, запрещенных в Российской Федерации («Правый сектор», «Торнадо», «Айдар», «Азов» и др.) Следственный комитет России и Главное военное следственное управление собирают и документируют сегодня тысячи фактов о злодеяниях боевиков украинских националистических формирований и военнослужащих ВСУ [2, с. 4].

Средствами украинской пропаганды формировались профашистские ценности и установки, враждебное отношение не только к жителям Донбасса, но и Российской Федерации. Об этом свидетельствуют «трофейные» экспонаты, представленные в Луганских музеях. Пропагандистскому воздействию были подвержены все слои украинского общества, начиная от детей и школьников (в качестве примера можем сослаться на детские комиксы в 2-х частях «Приключения Никитки», представленные сегодня в Луганском музее, предназначенные для маленьких жителей Луганской и Донецкой областей, находившихся под контролем Украины с 2014 по 2022 годы).

Кроме того, впечатляет пропагандистское содержание украинских школьных учебников по истории, «Молитвослов воина» и других книг, обнаруженных, начиная с 2014 года ополченцами в

освобожденных ЛНР и ДНР. В Луганских музеях представлены «трофейные» материалы с освобожденных территорий, подтверждающие, что украинскими пропагандистами использовались технологии формирования нацистского сознания жителей современной Украины, вызывая ненависть к жителям Донбасса и России.

Брошюры, плакаты и другие рекламно-агитационные материалы позволяют говорить об агрессивной украинской нацистской пропаганде в условиях информационного противостояния на территории Донбасса и Новороссии.

Отметим, что социальная реклама транслирует культурные коды, обращённые к острым точкам общества. В связи с вышеизложенным понимание языково-культурной специфики социальной рекламы на территории ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей становится особенно актуальным в условиях информационной войны и интеграции новых регионов в состав России.

Изучение истории вопроса. Сегодня видеореклама, радиообращения, плакаты, кинохроника из зоны проведения боевых действий и исторических территорий (ЛНР, ДНР, Запорожская и Херсонская области) являются значимыми инструментами патриотического воспитания подрастающего поколения и сплочения российского общества в деле защиты Родины в условиях информационного противостояния с Украиной и западными странами [7, с. 250].

Доктор исторических наук А. В. Козлов, обращаясь к материалам луганских конференций «Военная журналистика в современном мире» (г. Луганск, 12 апреля 2023 года), «Информационные

процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом» (г. Луганск, 7 ноября 2024 года), изучал рекламно-агитационные практики по тематике специальной военной операции на Украине, выделяя технологии, риски и медиагигиену [1; 4; 6, с. 346–347].

Д. С. Казаренко исследовала освещение СВО западными средствами массовой информации. Автором проанализированы двойные стандарты (на примере Франции и ФРГ) и нейропропаганда как элементы когнитивной войны против России. Исследователь выделила необходимость противостояния агрессивной нейропропаганде в мировом медиапространстве, а также повышение политической и исторической грамотности населения как инструменты противодействия гибридной агрессии в информационном пространстве [5].

Цель статьи – изучить социальную рекламу как инструмент противодействия гибридной агрессии в информационном пространстве в исторических регионах России и выявить особенности отражения в ней общественного мировоззрения.

Методы исследования. Исследование проведено на основе методики сравнительного анализа, синтеза.

Изложение основного материала. Социальная реклама является тем инструментом, с помощью которого отражаются трансформации, происходящие в современном обществе, при этом социальная реклама выступает своеобразным индикатором ценностных приоритетов социума. Отметим, что социальная реклама является не только компонентом мировоззрения, но и специфической деятельностью, организованной для создания текстов, формирующих образ социально одобряемого действия или мнения, который используется

нашим государством как инструмент трансляции традиционных российских ценностей.

В современных условиях в освобожденных регионах Донбасса и Новороссии, используя потенциал социальной рекламы, представляется возможным формирование традиционных российских ценностей, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 2022 года [8].

Для нашего исследования посредством социальной рекламы важна популяризация таких ценностей, как доверие и уважение к государству, защита интересов человека, правовое самообразование, разрешение конфликтов правовыми методами и т.п.

В июне 2025 года Государственная Дума Российской Федерации приняла законопроект о защите русского языка в публичном пространстве. В соответствии с этим, информация (вывески, реклама, указатели), в том числе – в новых регионах России, должна быть представлена на государственном, русском языке. Принятый законопроект предполагает также внесение изменений в законы «О рекламе», «О защите прав потребителей» и др. [3].

В слоганах социальной рекламы в исторических регионах прочно закреплены русские национальные культурные коды и архетипы. Используя технологии метафорической убедительности, социальная реклама иллюстрирует эволюцию дискурса об основах российской государственности и патриотизма.

Формирование патриотизма средствами социальной рекламы – важная часть формирования личности. Патриотическому воспитанию молодежи уделено значительное место не только в образовательной системе, но и в средствах массовых коммуникаций,

наружной, видео-, интернет- рекламе в рамках государственной рекламной кампании в Луганской Народной республике.

На территории исторических регионов, начиная с начала проведения специальной военной операции, размещалась социальная реклама патриотической направленности, призывающая настоящих мужчин встать на защиту родной земли от нацистов: «Все на защиту Родины!», «Остановим нацистов вместе, защитим русскую землю!» (Рис.1).

Рис. 1 – Социальная реклама в ЛНР

В социальной рекламе в ЛНР использовался архетип защитника земли, героя, побеждающего врага. Наш защитник изображен на фоне флага Луганской Народной республики, на плакате также представлен еще один символ мира – белый голубь (Рис.2).

Рис. 2 – Социальная реклама в ЛНР

На рисунке 3 приведена социальная реклама, посвященная Дню воссоединения Донбасса и Новороссии с Россией, который отмечается

30 сентября в нашей стране на государственном уровне. Российский флаг на фоне карты с новыми регионами Российской Федерации, выступает символом единения. Государственная символика, олицетворяющая законность и государственность, выступает гарантом защиты прав и интересов граждан исторических территорий Российской Федерации.

Рис.3. Социальная реклама, посвященная дню
воссоединения
Донбасса и Новороссии с Россией

Сохранение исторической памяти о военном противостоянии, происходящего на территории Донбасса на протяжении последнего десятилетия – задача не только специалистов масс-медийной сферы, но и общественных деятелей, преподавателей высших учебных заведений, школьных учителей. Для этого в луганских школах и вузах проходят встречи с участниками специальной военной операции, создаются музеи, освещающие новейшую историю Донбасса; в целом, много внимания уделяется патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Курсанты Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации имеют возможность почерпнуть знания о событиях на территории нашего края благодаря экспозиции Музея геноцида Донбасса, который открылся по поручению председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Ивановича Бастрыкина в Луганской

академии в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. В музее также представлена патриотическая социальная реклама, как времен Великой Отечественной войны, так и наших дней. Земля Донбасса хранит память о подвигах героев всех поколений; сохраняя эту память, наша задача – используя инструменты социальной рекламы воспитать Гражданина, Патриота России.

Выводы. Социальная реклама транслирует определенные ценности и влияет на формирование ценностных ориентаций членов социума, является одним из важных факторов формирования мировоззрения человека, стереотипов его поведения.

Отметим, что в современных условиях социальная реклама выступает значимым инструментом для снижения негативного идеологического влияния на граждан новых территорий и поддержания государственных интересов Российской Федерации.

Список литературы

1. Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. – СПб. : Медиапайр, 2023. – 232 с.

2. Григорьев, М. С. Черная книга. Зверства современных бандеровцев – украинских неонацистов. 2014 – 2023 / М. С. Григорьев, М. Ю. Мягков. – М. : [б. и.], 2023 (АО «Красная Звезда»). – 160 с.

3. Законопроектот 17 июня 2025 г. № 468229-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об обеспечении использования в публичном пространстве русского

языка как государственного языка Российской Федерации)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/468229-8?ysclid=mc0felhe2742605737>. (дата обращения: 19.06.2025).

4. Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Луганск, 7 ноября 2024 года) / отв. ред. Е. А. Куянцева ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ ; ИП Орехов Д.А., 2024. – 436 с.

5. Казаренко, Д. С. Двойные стандарты и нейропропаганда как элемент когнитивной войны против России (на примере освещения СВО в информационном пространстве Франции и ФРГ) [Электронный ресурс] / Д. С. Казаренко // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11. – №4 (37). – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-4-37/kazarenko-dvoynye-standarty-i-neyropropaganda-kak-element-kognitivnoy-voyny-protiv-rossii-svo/?ysclid=lppfb9jffe732311637> (дата обращения: 10.06.2025).

6. Козлов, А. В. Рекламно-агитационные практики по тематике специальной военной операции на Украине: технологии, риски, медиагигиена / А. В. Козлов // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №3. – С. 344–347.

7. Лобовикова, Е. А. Социальная реклама СВО / Е. А. Лобовикова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния» (Луганск, 7 ноября 2024 года) / отв. ред. Е. А. Куянцева ; ФГБОУ ВО

«ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ ; ИП Орехов Д. А., 2024. – С. 249–259.

8. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m92fnnymxp911428319>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 03.04.2025.

Lobovikova Elena Alexandrovna,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Head of the Department of Humanities, Social
and Economic Disciplines, Russian and Foreign
Languages,
Lugansk academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
lobovikova@yandex.ru

Social advertising as a tool to counter hybrid aggression in the information space in the historical regions of the Russian Federation

The article examines social advertising as a tool for counteracting hybrid aggression in the information space in the historical regions of Russia. The author shows the important role of state advertising in the conditions of the formation of the legal culture of citizens of new regions of Russia.

Social advertising is considered as a tool for transmitting socially significant information aimed at counteracting Ukrainian aggression in the conditions of

information confrontation in new regions.

Keywords: social advertising, government advertising, legal culture, information space, historical regions.

УДК 070.1

Марьина Людмила Петровна,
кандидат социологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета
l.mariina@spbu.ru

**Современные технологии использования медиа
в ходе военных конфликтов:
образовательный контент**

Статья посвящена проблеме использования современных технологий медиа в условиях военных конфликтов. Сегодня военная журналистика, используя традиционные и цифровые средства интерпретации событий, формирует представления о конфликте и его целях. Автор рассматривает информационные войны как компонент политического противоборства. В данном контексте анализируются подходы и факторы, влияющие на возможности использования СМИ в геополитических конфликтах. В предметное поле исследования включаются современные технологии ведения информационных войн на территории Донбасса и Украины с 2022 года по настоящее время, специфика документалистики как способа сохранения исторической памяти и понимания социокультурной динамики региона. Для понимания динамики журналистского образования и профессиональной деятельности

журналиста актуален анализ таких типов идентичности, как профессиональная, этническая, культурная. Автор анализирует как медийные, так и образовательные аспекты журналистской деятельности.

Ключевые слова: военная журналистика, военный конфликт, идентичность, информационные войны, медиатизация, образовательная социализация, цифровизация.

Медийные ресурсы в XXI веке конструктивно влияют на характер развития военных конфликтов. Журналистика как социальный институт общества подвергается социокультурной динамике и как никогда нуждается в корректировке использования технологий воздействия на целевую аудиторию. Цифровизация и медиатизация расширяют профессиональные возможности журналистов в ходе формирования новостной повестки о военных конфликтах, в частности, в нашем исследовании о специальной военной операции [7, с. 124]. Причины актуализации медиа в данном исследовательском поле, следующие: цивилизационные, геополитические, социокультурные. Формирование идеологии журналистики новых регионов осуществляется не только по цивилизационному и культурно-историческому основаниям, но и имеет несколько уровней. Среди них важный для СМИ – социальный, на котором происходит трансформация исторической памяти, смыслов, ценностей и коммуникационный. Современные коммуникативные вызовы информационного общества разрушают накопленный опыт и достижения интеграции как со стороны консолидированного, так и принимающего пространств, и негативно воздействуют на системные

эффекты интеграции и достигаемый тип солидарности в обществе. В данном контексте медийные ресурсы создают аксиологическое поле моделей поведения в обществе.

Для современной журналистики свойственны новые каналы коммуникации: мессенджеры, социальные сети. Использование подобных источников информации трансформирует традиционные методы работы журналистов, выдвигая на первый план задачи наиболее оперативного реагирования на инфоповоды и проблему верификации данных. В условиях военного конфликта подобные вызовы усугубляются целенаправленным использованием информационных каналов для создания альтернативных нарративов и распространения заведомо ложных сведений, что ставит перед военной журналистикой вопрос о балансе между оперативностью материалов и сохранением профессиональных стандартов. После начала специальной военной операции в 2022 году российская военная журналистика обрела особо важное значение для аудитории. Кроме того, обострившийся конфликт совпал с интенсивным развитием новых коммуникационных технологий, что привело к значительным изменениям в медиасфере, в частности в военной журналистике [11]. Так, традиционные форматы стали уступать место цифровым источникам информации, что повлияло не только на способы производства и распространения контента, но и его восприятие аудиторией [3, с. 124]. Актуализируются информационно-коммуникативная и образовательная функции СМИ в ходе обострения международных конфликтов, которые решаются военным путём. Именно «информационные войны и их составляющие – информационно-психологические операции стали

приметой современной геополитики в результате развития информационных технологий, возрастания информационного фактора в конфликтах различного уровня... В данном контексте большим потенциалом для ведения информационных войн обладают средства массовой информации, поскольку продуктивно используют методы воздействия, направленные на искажение, выборочную трансляцию, эмоциональную окрашенность информации» [8, с. 11]. Специалисты в сфере информационных войн выделяют следующие факторы, влияющие на возможности использования СМИ в информационном противоборстве: политический, экономический, научно-технический, военный. Цифровые коммуникации, интернет-технологии повышают возможности СМИ по воздействию на общественное мнение. Во всех этих контекстах наблюдаются общие тенденции динамики использования СМИ, которая обусловлена, прежде всего, цивилизационным фактором [12, с. 124]. Сегодня цифровизация повышает возможности средств массовой информации по воздействию на общественное мнение, усиливает эмоционально-психологическую составляющую коммуникаций путем взаимодействия вербальных и визуальных текстов. СМИ продуктивно используют методы воздействия, направленные на искажение, выборочную трансляцию, эмоциональную окрашенность информации с целью манипулирования общественным мнением, прежде всего, для формирования искаженного представления о ситуации ведения военных действий и целях военных операций. Сегодня цифровизация повышает возможности медиаресурсов по воздействию на общественное мнение, усиливает эмоционально-психологическую

составляющую коммуникаций путем взаимодействия вербальных и визуальных текстов [14, с. 1572]. Общедоступность практически всех источников информации ставит перед журналистикой (в том числе, военной) другую проблему – потерю монополии на информацию. В контексте цифровых источников информации журналисты оперируют преимущественно теми же сведениями, что доступны и обычному пользователю. Наблюдается стирание границ социальных и психологических ролей «автор – адресат», исчезает различие статусов [13]. Предметно-объектное поле статьи предполагает дифференциацию категориального аппарата для анализа медиа о специальной военной операции. Исследователь информационных войн А. В. Князев акцентирует внимание на особом значении когнитивной области в структуре информационной сферы при разработке информационных операций. Когнитивная сфера человека охватывает разум людей, передающих, получающих, реагирующих на информацию или действующих на ее основе. Анализ зарубежных теорий борьбы в информационной сфере показывает, что методология когнитивного искажения новостного контента занимает приоритетные позиции [6].

Эмпирическая база российских медиаресурсов о репрезентации специальной военной операции позволила сделать выводы о тенденциях использования информационных источников при освещении боевых действий за три года СВО. Цифровизация с одной стороны, расширила инструментарий сбора и верификации сведений для журналистов, с другой, внедрила новые стандарты работы: оперативность реагирования на происходящие события. Выявлена

корреляция между жанровой принадлежностью материала и типом используемых журналистом источников информации: цифровые источники преобладают в новостных сообщениях, традиционные – в репортажах, в аналитических статьях наблюдается гибридность источников информации. СМИ России стремятся к разноплановому освещению конфликта. Несмотря на данную тенденцию, информационные ресурсы Минобороны РФ остаются ключевым поставщиком сведений об актуальной обстановке непосредственно в зоне боевых действий. В новостных материалах журналисты используют преимущественно открытые источники информации, что обеспечивает оперативность и распространение журналистских материалов с помощью цифровых площадок. Подчеркнём, что ресурсы Минобороны РФ и региональных администраций остаются ключевым поставщиком сведений об актуальной обстановке в зоне боевых действий. Приоритетный фактор для выбора журналистом типа источника информации является жанр и обстановка, в которой работает военный корреспондент. Компетенциям этой профессиональной деятельности обучают в вузах России. Например, Мария Марикиан – выпускница магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета, военный корреспондент, освещает события специальной военной операции. Она работает в агентстве РИА Новости и известна своими смелыми и правдивыми репортажами с фронта. Мария неоднократно становилась лауреатом журналистских конкурсов за свои материалы, отражающие гуманитарные аспекты конфликта и героизм участников боевых действий.

Таким образом, для современной российской военной журналистики в условиях специальной военной операции характерно широкое использование цифровых источников информации: от анализа оборонных стратегий и оперативного информирования о событиях до репортажей непосредственно из зоны боевых действий. В большей или меньшей степени их можно встретить во всех основных жанрах батальной журналистики: новостных материалах, аналитических статьях, репортажах.

Объект нашего исследования помимо цифровых технологий военного конфликта – телевизионная документалистика о Донбассе в контексте информационного противостояния в силу того, что обладает особым рода убедительностью. Ведь документальный образ формируется на основе сочетания визуального и звукового ряда монтажа, изобразительно-выразительных средств и приёмов является мощным способом эмоционального воздействия на аудиторию [2, с. 161–163]. Документалистика, обращённая к реальности новых российских регионов, становится важным инструментом сохранения и анализа исторической памяти. В её фокусе не только материальные следы конфликта, но и человеческие истории. В документальных фильмах Донбасс становится не просто географическим объектом, но и символом трансформации идентичности

Проблематика документального кино и его роли в сохранении исторической памяти подробно исследуется в трудах отечественных и зарубежных авторов таких как: М. И. Андрониковой, Ю. М. Лотмана, З. Кракауэра, С. Н. Ильченко, А. А. Руденко, А. Я. Юровского,

Л. Кулешова, Л. Джулай, С. А. Муратова, В. Ф. Познина, Г. С. Прожико, В. В. Орехова, О. С. Чайки.

Однако репрезентация новых российских регионов, таких как Донбасс, в документальном кино, а также специфика создания коллективного портрета жителей этих территорий остаются недостаточно изученными, в частности, не охватывают полноценно методологические и творческие аспекты, что обуславливает необходимость дальнейшего исследования данного предметного поля. Эмпирическую базу составляют документальные фильмы, представленные телевизионными и сетевыми проектами, посвящённые Донбассу и другим новым российским регионам, а также материалы, полученные в ходе интервьюирования жителей региона и наблюдения за их жизнью. Дополнительно использованы данные федеральных телеканалов и независимых медиаплатформ, освещающих социальные и культурные аспекты региона (документальные фильмы телеканала RT Documentary «Герои Донбасса. Комбат» (2023), «Донбасс. Изнанка войны» (2023), «Донбасс. Поэтому я здесь» (2023), «Общими молитвами» (2024); проект ВГТРК «Донбасс. Зеркало для героев» (2023); фильм Владимира Аграновича «Донбасс. Признанный» и другие).

Современные исследователи подчёркивают способность военной документалистики восполнить дефицит информационной целостности, позволяет зрителю проникнуть в суть происходящего через осмысленное и многогранное представление о военной реальности. Как отмечает В. В. Орехов, «ежедневно человек видит десятки новых роликов с поля боя. Но видит ли он полную картину войны? Он видит лишь

отдельные участки сражения, не имея возможности охватить взглядом всю батальную панораму» [9]. Этот разрыв между множественностью фактов и отсутствием целостного понимания требует от документалистов перехода к более комплексным формам повествования. Такие художественные и технические решения, как съёмка «с плеча», отказ от постановочных сцен, грубый, «неровный» визуальный ряд – всё это создаёт эффект присутствия. Военные документалисты стараются не просто фиксировать события, а делать это так, чтобы зритель почувствовал сопричастность происходящему. Подобные приёмы активно используются в современных проектах, например, в фильме «Общими молитвами», где операторская работа хорошо передает реальность происходящего: «живая» камера, съёмки в полевых условиях и отсутствие подготовки героев перед камерой усиливают ощущение живого присутствия зрителя. Аналогичный приём можно наблюдать в фильме «Донбасс. Изнанка войны», где динамичная съёмка и отказ от постановочных кадров помогают передать тяжёлую повседневную жизнь жителей прифронтовых территорий. Особое значение приобретают жанровые трансформации. Например, сторителлинг: нарратив строится на личных историях, которые позволяют зрителю ассоциировать себя с героями и проникнуться их опытом; портретирование как способ ценностной трансляции личности и события.

Как пишет исследователь Т. В. Алексеева, «исключительность документальных фильмов заключается в правдивом отображении явлений окружающей действительности. Благодаря отображению реальности без выдуманных сюжетов степень воздействия документальной картины на сознание

человека существенно повышается» [9 с. 85]. Эти слова точно описывают вектор развития документалистики о Донбассе, особенно после начала специальной военной операции в 2022 году. В этот же период начали возвращаться к истории начала конфликта на Донбассе в 2014 году и на российском телевидении стали появляться документальные проекты, основанные на архивных кадрах. Например, фильм «Донбасс. Лето 2014» производства RT Documentary (2022) рассказывает о начале боевых действий и связывает истории людей в наши дни. В фильме использованы кадры боёв и разрушений, приводятся многочисленные свидетельства местных жителей.

На первый план стали выходить индивидуальные и коллективные портреты – героев войны, волонтеров, священников, жителей воюющих регионов. Через судьбы людей формируется эмоционально насыщенный, многоголосый образ региона. Как отмечает донецкий исследователь О. С. Чайка: «Проекты о Донбассе своей основной целью ставят <...> создание такой системы образов, которая позволит зрителю погрузиться в атмосферу изображаемых событий» Основные фильмы, которые будем брать для анализа, «Герои Донбасса. Комбат» (2023), «Донбасс. Изнанка войны» (2023), «Донбасс. Поэтому я здесь» (2023), «Донбасс. Признанный» (2022), «Доброволец» (2022), «Донбасс. Зеркало для героев» (2023) и «Общими молитвами» (2024), реализуют именно этот подход. Каждый из них строится вокруг конкретных историй, но в совокупности формирует целостный образ региона [10].

Образовательный контекст документалистики представлен выпускной квалификационной работой (научно-творческой) Александры Ильиничны Багаевой

«Образ новых российских регионов в современной документалистике», научный руководитель доцент СПбГУ Татьяна Алексеевна Соломкина, 2025 год [5].

Творческая составляющая ВКР – авторский документальный фильм в жанре коллективного портрета «И цветут абрикосы...» (режиссёр Александра Багаева, 2025) представляет собой попытку средствами киноискусства передать реальные голоса, судьбы и образы жителей Донбасса – не как абстрактных участников конфликта, а как живых людей, каждый из которых оказался внутри исторического события. Основная задача заключалась в том, чтобы через частные истории героев показать целостную картину жизни региона в условиях продолжающегося противостояния. В центре внимания – не боевые действия как таковые, а то, как эти события отражаются в личных биографиях, переживаниях, бытовых деталях. Именно через документальную фиксацию повседневного и, на первый взгляд, незаметного, складывается подлинный социальный и эмоциональный портрет времени.

Герои фильма – депутат, священнослужители, поэтесса, журналист, волонтеры, мирные жители – были показаны в их естественной среде, без постановки, с максимальным уважением к их жизни и деятельности. Их речи, взгляды, бытовые действия стали частью исторического свидетельства. Через личные истории, визуальными и вербальными средствами репрезентации создаётся коллективный образ жителя Луганщины, и даже шире – Донбасса. Натуральные и символические планы: разрушенные дома, пустые улицы (дорога в Северодонецк), природные ландшафты, которые передают последствия военных действий. Автор использует три взаимодополняющих слоя

конструирования образа: материальный – личные вещи героев (интерьер кабинета депутата, сборник стихов поэтессы Елены Заславской) выступают как материальные свидетели эпохи; телесная память – крупные планы становятся невербальным повествованием; речевая специфика – раскрывает быт жителей Луганщины, волонтерскую помощь.

Звуковой ряд существует как равноправный компонент нарратива, взаимодействующий с визуальным образом. Вербальный и визуальный ряд гармонично дополняет музыкальное сопровождение: хор храма святого Благоверного князя Александра Невского – «Господи помилуй»; хор Сретенского монастыря – «Звуки, не теряют любовь»; «С нами Бог», мужской хор; «Горе мое горе», народная песня; Сретенский хор – «Когда мы были на войне» (интервью с военным журналистом Николаем Долгачёвым), «Сербиянка» (интервью с поэтессой Еленой Заславской); «Бог в меня верит»; «Ах, ты степь широкая»; колокольный звон. Через звуковую партитуру вводятся элементы быта героя, атмосфера и среда обитания. Звуковое оформление влияет на настроение повествования аудиовизуального произведения, его динамику и ритм. Звуковое оформление способствует раскрытию внутреннего мира героев, изображая близкие ему вещи.

Таким образом, авторский проект подтверждает, что жанр коллективного портрета сочетает в себе документальную достоверность и художественную выразительность. Его ключевая особенность – глубокое раскрытие личности через призму её жизненного опыта, ценностей и связи с окружающей средой. Автор творческого проекта использует следующие выразительные средства создания коллективного образа

Донбасса, его жителей: крупные планы предметов быта, крупные планы лица героев фиксируют мимику, взгляд – детали, передающие его внутреннее состояние; звуки раскрывают повседневность; речь человека, ее ритм, интонация и тембр голоса; музыкальный ряд как символ идентичности: культурной, гражданской, национальной; натуральные и символические планы: заброшенные дома, пустые улицы, природные ландшафты, которые передают атмосферу военных действий, послевоенной разрухи.

Документальный фильм студентки Санкт-Петербургского государственного Университета Ильиничны Багаевой «И цветут абрикосы...» стал попыткой осмыслить происходящее через голоса самих жителей – тех, кто продолжает строить, помогать, верить и жить. Ключевая методологическая база заключалась в использовании принципов наблюдения и доверительной съёмки. Интервью проводились в привычной для героев среде: дома, в пути, на рабочем месте или в местах, связанных с их повседневной жизнью. Кроме того, активно применялся метод наблюдения – камера просто сопровождала героев, не вмешиваясь в происходящее. Зрителю таким образом передавалось ощущение присутствия, погружения в реальность. Важно было не только то, что говорили герои, но и как они это делали – паузы, интонации, мимика, поведение в кадре тоже становились частью повествования.

Сегодня журналистика как ведущий агент социализации и культурный феномен транслирует информацию о различных сферах жизнедеятельности общества, динамика которой обусловлена внешними и внутренними факторами. Данный контекст обуславливает необходимость выделения в гуманитарной

науке критериев для анализа специфики формирования идеологической концепции журналистики как образовательной системы и профессиональной таких, как: географический, исторический, экономический, политический, культурный, коммуникационный. Анализ интеграции журналистского образования и профессиональной деятельности журналиста новых регионов РФ в заявленном концептуальном контексте целесообразно проводить по следующим направлениям: историческая память как основа цивилизационной интеграции; идентичность и ценностное поле как показатели социальной интеграции; цифровизация как коммуникационный уровень интеграции.

Таким образом, новые технологии обучения журналистике в вузах России – это образовательный продукт конкретных специалистов, теоретиков и практиков в сфере журналистики и медиакоммуникаций. Ролевая идентификация преподавателей, личностный фактор профессионального журналистского образования реализуются в новых реалиях, но при этом учитываются социокультурные традиции наряду с современными медийными и цифровым технологиями, которые обеспечивают динамику как профессиональную, так и образовательную.

Список литературы

1. Алексеева, Т. В. Документальное кино как отражение действительности [Электронный ресурс] / Т. В. Алексеева // Инновационные технологии в кинематографе и образовании: материалы и доклады VIII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2022. – С. 85–86. – Режим доступа:

<https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kbnscjr>(дата обращения: 21.06.2025).

2. Бабенко, В. А. Документальный образ как часть современной визуальной культуры / В. А. Бабенко // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – № 2. – Т. 2. – Тольятти: ВУиТ, 2018. – С. 161–166.

3. Вашкевич, И. В. Военные корреспонденты в локальных конфликтах: этика и профессионализм [Электронный ресурс] / И. В. Вашкевич // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. – 2021. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-korrespondenty-v-lokalnyh-konfliktah-etika-i-professionalizm>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 12.04.2025.

4. Военная доктрина Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.02.2010 N 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 7. – 724 с.

5. И цветут абрикосы... Документальный фильм [Электронный ресурс] / реж. Александра Багаева. – 2025. – Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/i/8B2pJFpba2Zd7w>. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 21.06.2025).

6. Князев, А. В. Некоторые вопросы теории информационных операций ВС США, связанные с использованием СМИ / А. В. Князев // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения : сб. матер. – СПб. : Медиапарт, 2020. – С. 115–116.

7. Марфицына, А. Р. Цифровой контент современных СМИ как среда для формирования цифрового этикета в условиях массмедиа /

А. Р. Марфицына // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т.16. – №1. – С. 117–184.

8. Марьина, Л. П. Динамика использования СМИ в информационных войнах: новые тенденции / Л. П. Марьина // Медиа в современном мире. 59-е Петерб. чтения: сб. матер. Междн. научн. форума в 2-х т. – СПбГУ, 2020. – С. 11–24.

9. Орехов, В. В. Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям [Электронный ресурс] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Том 10 (76). – №3. – С. 52. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-zhurnalistika-v-epohu-svo-ot-fiksatsii-faktov-k-obobscheniyam>. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 11.04.2025).

10. Чайка, О. С. Роль документального военного кино о Донбассе в формировании морально-нравственных ориентиров [Электронный ресурс] / О. С. Чайка // МедиаВектор. – 2022. – С. 191. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-dokumentalnogo-voennogo-kino-o-donbasse-v-formirovanii-moralno-nravstvennyh-orientirov>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 21.06.2025.

11. Специальная военная операция: полгода спустя [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 6 сентября 2022 г. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spetsialnaya-voennaya-operacija-polgoda-spustja>. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 21.06.2025).

12. Червонящий, В. В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий /

В. В. Червонящий // Практический маркетинг. – 2023. – №5. – С. 123–126.

13. Шагдарова, Б. Ю. Интернет-журналистика и новые медиа [Электронный ресурс] / Б. Ю. Шагдарова, К. К. Вильмова// Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2018. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zhurnalistika-i-novye-media>. – Загл. с экрана. (Датаобращения: 21.06.2025).

14. Grishanina, A., Maryina, L., Liseev, R., Lai, L. (2023). Digitalization as Strategies for Public Self-management of the Cultural Environment During the Pandemic. In: Beskopylny, A., Shamtsyan, M., Artiukh, V. (eds) XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”. INTERAGROMASH 2022. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 574. Springer, Cham. – https://doi.org/10.1007/978-3-031-21432-5_168. P. 1571–1579.

Maryina Ludmila Petrovna,

Candidate of Sociology, Assistant Professor of the theory
of Journalism and mass communications department
St.Peterburg State University
l.mariina@spbu.ru

Modern technologies and the use of media in military conflicts: educational content

The article is devoted to the problem of using modern media technologies in the context of military conflicts. Today, military journalism, using traditional and digital means of interpreting events, forms an understanding of the

conflict and its goals. The author considers information wars as a component of political confrontation. In this context, the article analyzes approaches and factors that influence the use of media in geopolitical conflicts. The research focuses on modern technologies of information warfare in Donbas and Ukraine from 2022 to the present, as well as the specifics of documentary journalism as a means of preserving historical memory and understanding the socio-cultural dynamics of the region. To understand the dynamics of journalistic education and the professional activities of journalists, it is relevant to analyze such types of identity as professional, ethnic, and cultural. The author analyzes both the media and educational aspects of journalistic activities

Keywords: military journalism, military conflict, identity, information wars, mediatization, educational socialization, and digitalization.

УДК 32.327.8

Михайловская Оксана Георгиевна,
канд. полит. наук, доцент,
заведующий кафедрой
политических наук и регионалистики
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
ks-04@mail.ru

Символическое насилие в политическом дискурсе воюющих сторон: от риторики к действию

В статье предпринята попытка теоретико-аналитического осмысления дискурсивных практик символического насилия в контексте вооружённого

конфликта. Особое внимание уделяется механизмам конструирования образа врага, а также медийным формам воздействия, включая пропаганду, лозунги и визуальные мемы. Анализируется роль политического дискурса в «нормализации» насилия и его долгосрочные последствия, такие как радикализация, политическая поляризация и формирование коллективной травмы.

Ключевые слова: символическое насилие, вооружённый конфликт, политический дискурс, пропаганда, образ врага.

Современные вооружённые конфликты сопровождаются не только физическим противостоянием, но и ожесточённой борьбой в системе символов, образов и политической риторики. В условиях обострения противостояния между сторонами конфликта происходит радикализация политического языка, он становится инструментом вражды, маркируя «своих» и «чужих».

Особое значение сегодня приобретает феномен символического насилия – тонкой, эффективной формы воздействия, скрытой под видом «нормальности», патриотизма или защиты интересов нации. Через дискурсивные стратегии радикализированный язык порождает реальное насилие, трансформируя конфликты из дипломатического и идеологического противостояния в масштабную гуманитарную катастрофу.

Изучение символического насилия как части политического дискурса в условиях конфликтов представляет собой важную исследовательскую задачу, позволяющую лучше понять механизмы эскалации, мобилизации, идеологического контроля и легитимации насилия. Анализ перехода от риторики к действию

становится особенно актуальным в контексте глобальной милитаризации сознания, усиления националистических нарративов и утраты доверия к институтам мирного разрешения конфликтов.

В рамках статьи применён комплекс методов качественного исследования, позволяющих провести многослойный анализ феномена символического насилия в условиях вооружённого конфликта. Основу методологической базы составил дискурсивно-аналитический подход, направленный на выявление структур, механизмов и практик конструирования враждебных нарративов в политическом и медиакоммуникационном пространстве. Данный подход позволил зафиксировать характерные речевые стратегии, включающие элементы дегуманизации, стереотипизации и эмоциональной мобилизации, а также проследить их роль в легитимации насилия.

Сопоставительный анализ медиадискурсов, проводившийся с опорой на материалы новостных источников, социальных сетей и визуальных мемов, способствовал выявлению универсальных и специфических форм символического давления.

Элементы семиотического анализа использовались для интерпретации символических кодов – лозунгов, визуальных образов, речевых конструкций, транслируемых через массмедиа и политическую риторику. Также применялись элементы нарративного анализа для изучения устойчивых историко-культурных сюжетов, влияющих на восприятие образа врага и оправдание насилия.

Политический дискурс представляет собой не просто совокупность речей и текстов, а динамичное поле, на котором происходит борьба за власть и влияние. В

этом пространстве различные политические субъекты будь то государственные деятели, партии, общественные движения или СМИ, соперничают за право определять смысл происходящих событий, формировать общественное мнение и управлять поведением граждан. Язык и символы, используемые в политическом дискурсе, служат инструментами, с помощью которых происходит не только передача информации, но и конструирование легитимности власти.

Власть в данном контексте воспринимается как способность контролировать не только материальные ресурсы и институты, но и когнитивные и символические сферы общества. Путём управления смыслом и рамками обсуждения, политические акторы закрепляют свое доминирование и отстраняют оппонентов, создавая тем самым иерархию влияния. Особенно ярко эта борьба проявляется в условиях социально-политических конфликтов, когда дискурс становится ареной для выработки образа «врага», мобилизации сторонников и оправдания конкретных действий.

На протяжении истории насилие рассматривалось как один из наиболее действенных инструментов политического воздействия и достижения целей. Однако в современных условиях развития наблюдается устойчивое снижение допустимости его использования в публичной политике. Это связано как с институциональными изменениями, так и с изменением ценностных установок в обществе.

Поворотным моментом в осмыслении насилия в политическом контексте стала вторая половина XX века, когда философия межсубъектного взаимодействия поставила вопрос о легитимности любого принуждения. Так, Юрген Хабермас в своей теории коммуникативного

действия подчеркнул необходимость рационального согласования позиций, исключающего насильственные формы влияния на индивида [1]. В этом контексте политическая коммуникация переосмысливается как пространство для выработки консенсуса, а не доминирования.

Тем не менее, на практике политические отношения по-прежнему характеризуются конфликтностью. Властные взаимодействия включают в себя борьбу противоположных интересов, где одна из сторон стремится навязать свою волю другой. Когда речь заходит о крайних формах давления, можно говорить о насилии как выражении антагонистических отношений между субъектами и объектами власти. Оно исключает признание интересов другой стороны и часто сопровождается подавлением, устрашением или физическим воздействием.

В условиях вооружённого конфликта дискурсивное поле становится ареной интенсивного символического насилия, ключевым механизмом которого выступает конструирование образа врага. Политический дискурс, медийная риторика и официальная пропаганда вовлекаются в процесс создания устойчивых смысловых конструкций, направленных на оправдание насилия, мобилизацию общества и легитимацию политических решений. Одним из наиболее устойчивых инструментов этого процесса выступает практика дегуманизации, которая направлена на лишение противника «человечности» для снижения моральных барьеров. Так, в годы Второй мировой войны, евреи в нацистской пропаганде изображались как «паразиты», «вирус», «чужеродное тело», подрывающее чистоту

нации. Эта форма дегуманизации легла в основу идеологического оправдания Холокоста.

Так же элементом дискурсивного оформления образа врага является создание стереотипов, что предполагает использование упрощённых, эмоционально окрашенных и часто негативных характеристик, присваиваемых этническим, национальным, политическим группам. Стереотипы выполняют функцию когнитивного упрощения реальности, но в условиях конфликта они приобретают агрессивный и мобилизационный характер, сводя сложные политические и исторические процессы к борьбе «своих» и «чужих». Во время интервенции США в Ирак в 2003 году, в западной прессе и официальных речах часто использовались стереотипы о «агрессивных мусульманах», «варварской культуре Ближнего Востока», «диктатуре иракцев», неспособных к демократии. Это упрощение сложной реальности позволяло представить войну как «цивилизационную миссию» по освобождению народа от тирании.

Особое значение в рамках дискурсивных практик приобретает использование исторических нарративов. Апелляция к прошлому, особенно к событиям коллективной травмы, поражения или героизма, позволяет «встроить» текущий конфликт в более широкий контекст борьбы за выживание или справедливость. В этом случае противник представляется как продолжение «вечного врага», а собственные действия — как исторически оправданные и даже неизбежные. Такие нарративы способствуют формированию устойчивого дискурса памяти, в котором конфронтация становится частью идентичности. В 1990-е годы в ходе конфликта между сербами, хорватами и

боснийцами активно эксплуатировались образы исторических обид, в частности, резня в Ясеноваце, оккупация Османской империей, Вторая мировая война. Политики и СМИ каждой стороны апеллировали к «вечным врагам» и «исторической миссии» своего народа, чтобы оправдать военные действия и этнические чистки.

Таким образом, дискурсивные практики в условиях вооружённого конфликта – это не просто средства коммуникации, но инструменты смысловой войны. Посредством дегуманизации, стереотипизации и исторической реконструкции реальности формируется образ врага, который становится функциональным элементом политического управления и мобилизационного ресурса. Анализ этих механизмов позволяет глубже понять, как язык и символы становятся оружием в борьбе за интерпретацию происходящего и за контроль над общественным сознанием.

Сегодня в условиях вооружённых конфликтов ареной символической борьбы становится медиапространство, где главным ресурсом выступает способность влиять на массовое сознание. Пропагандистские сообщения, визуальные мемы и политические лозунги не просто сопровождают военные действия, но формируют идеологические рамки восприятия конфликта. Эти медийные формы становятся средствами символического давления, нормализующими насилие, закрепляющими образ врага и мобилизующими аудиторию.

Пример использования таких форм ярко виден в информационном сопровождении масштабной военной операции Израиля против Ирана, начатой в июне 2025 года. Эта операция, получившая в израильских СМИ

название «Восходящий Лев», сопровождалась не только точечными авиаударами по иранской военной и ядерной инфраструктуре, но и тщательно выстроенной медийной стратегией, направленной на легитимацию силовых действий и формирование нужного образа противника.

Израильская сторона активно использовала язык угрозы и самозащиты, акцентируя внимание на необходимости нейтрализации потенциального ядерного удара со стороны Тегерана. В пропагандистском дискурсе особое место занимали такие понятия, как «превентивная безопасность», «глобальная стабильность» и «борьба с террористической экспансией». Через официальные каналы, новостные платформы и социальные сети транслировались эмоционально насыщенные заявления политических лидеров, визуальные образы подготовки ракетных установок Ирана, карты предполагаемых маршрутов ударов по израильским городам. Все это формировало у аудитории ощущение неминуемой угрозы, оправдывая масштабное применение силы.

Символическое давление дополнялось визуальными и вербальными средствами, лозунгами о защите нации, патриотическими видеороликами, интервью с семьями жертв ракетных обстрелов, кадрами из разрушенных израильских школ и жилых домов.

С иранской стороны в ответ развернулась кампания, направленная на демонстрацию жертвенности и героизма. В иранских медиа Израиль представлялся как агрессор, действующий в интересах внешних держав, а удары по гражданским объектам подавались как попытка сломить волю иранского народа. В качестве инструментов воздействия использовались религиозные образы, символика сопротивления, а также нарративы о

«священной защите». Пропагандистские материалы активно распространялись через государственные СМИ и цифровые платформы, включая социальные сети и мессенджеры, где публиковались лозунги, видеоролики и изображения с изображением разрушений, призванные вызвать сочувствие и солидарность как внутри страны, так и за её пределами.

Таким образом, пропаганда выступает важнейшим компонентом гибридного противостояния. Она становится неотъемлемой частью стратегического планирования и оказывает существенное влияние на развитие ситуации как внутри стран, так и на международной арене.

Одним из ярких примеров использования лозунгов как риторического оружия в условиях вооружённого конфликта является украинский националистический призыв «Слава Україні! – Героям слава!». Этот лозунг, активно использовавшийся членами Организации украинских националистов (ОУН), в том числе «бандеровцами», получил широкое распространение в общественно-политическом и медийном дискурсе современной Украины. Использование этого лозунга как риторического оружия показывает, как простая вербальная конструкция стала, с одной стороны маркером коллективной принадлежности к «украинству», с другой – триггером, закрепившим границы между «своими» и «чужими». Как элемент символического насилия участвует в дискурсивной борьбе за власть над интерпретацией событий, радикализацией и усилением конфликта, отражая глубокие разломы внутри и между обществами.

Таким образом, пропагандистские кампании, визуальные мемы и политические лозунги в условиях

войны функционируют как средства институционализированного символического насилия. Они не только распространяют определённые смыслы, но и структурируют восприятие действительности, создавая эмоциональные и когнитивные рамки, в которых насилие, контроль и исключение становятся допустимыми. Эти практики позволяют государству и другим акторам мобилизовать население, нейтрализовать сомнения и конструировать устойчивую политическую лояльность.

Политический дискурс, насыщенный элементами символического насилия, не является безобидным риторическим инструментом. Он оказывает системное воздействие на общественное сознание, трансформируя моральные ориентиры и границы допустимого. В условиях конфликта он становится механизмом, способным не только легитимировать насилие, но и порождать его. Кроме того, способен формировать его долгосрочное «наследие», закрепляя насилие как норму, а вражду – как часть общественного порядка. Преодоление этих последствий требует системной работы с общественным сознанием, исторической памятью и языком публичной политики.

Список литературы

Хабермас, Юрген. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С. В. Шачин, под ред. Д. В. Складнева. Послесл. Б. В. Марков. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.

Mikhaylovskaya Oksana Georgievna,
Candidate of Political Sciences.
PhD, Associate Professor,
Head of Political Sciences and Regional Studies
Lugansk State Pedagogical University
ks-04@mail.ru

**Symbolic violence in the political discourse of the
warring parties: from rhetoric to action**

The article attempts a theoretical and analytical understanding of the discursive practices of symbolic violence in the context of armed conflict. Special attention is paid to the mechanisms of constructing the image of the enemy, as well as media forms of influence, including propaganda, slogans and visual memes. The article analyzes the role of political discourse in the «normalization» of violence and its long-term consequences, such as radicalization, political polarization and the formation of collective trauma.

Keywords: symbolic violence, armed conflict, political discourse, propaganda, image of the enemy.

Романов Алексей Аркадьевич,

доктор филол. наук, профессор,
профессор кафедры фундаментальной и
прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Тверской
государственный университет»

romanov_tgsha@mail.ru

Малышева Екатерина Валерьевна,

доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры
международных отношений ФГБОУ ВО «Тверской
государственный университет»

ekkmal@bk.ru

Морозова Оксана Николаевна,

доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры
государственного управления ФГБОУ ВО «Тверской
государственный университет»

oks20091402@yandex.ru

Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния

В статье рассматривается меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния. Авторы приходят к выводу, что цель любой информационной войны при любом существующем множестве факторов деструктивно-дезруптивного воздействия сводится к признанию таких факторов доминантными.

Ключевые слова: информационное противостояние, информационная война, информация, адресат, медиа-смысл.

Введение и постановка проблемы.

Информационное противостояние и противоборство, информационные «войны» есть, в сущности, разновидности одной базовой (стратегической) технологии: технологии достижения информационного превосходства или доминирования над своим соперником. В той или иной разновидности они берут свое начало с незапамятных времен, используя различные формы своей медийной репрезентации в виде таких носителей посланий или медиумов как *а)* обыкновенные слухи, сплетни, анекдоты (резонансная информация или докисическая медиальность), *б)* книги, газеты, письма, листовки (печатная медиальность), *в)* кино, радио, телевиденье, искусство (т.е. «визуальная медиальность» идеологической сферы «смыслов и образов, зрелищ, симулякров, форм игры, «семиургией», в которой «никакие знаки смыслом уже не обладают», а предполагают виртуозность системы представления, но никак не истину», по Ж. Бодрийяру [1, с. 189–192] и сетевые Интернет-коммуникации.

С появлением Интернета остальные средства как бы отошли на второй план, так как Интернет оказался лучшим средством (медийной средой) для распространения информации и манипулирования ею от момента реализации замысла, создания и модификации медийного продукта до его распространения и потребления. По выражению Антонио Менегетти, Интернет превратился «в автономное вычислительное устройство, самостоятельно плодящее собственные известия»: он «воспроизводит сам себя, сам вырабатывает и распространяет информацию, сам себя питает, уподобляясь змее, впившейся в собственный хвост». Поэтому сетевая Интернет-коммуникация для

А. Менегетти – «огромная информационная сеть, делающая нас свидетелями события планетарного масштаба, которое вышло из-под контроля индивида и, развиваясь, неизбежно приводит к результатам, превосходящим нашу способность управлять и контролировать» [3, с. 11].

Тем не менее, всеобщая компьютеризация социума, создание глобальных средств массовой коммуникации и информации, а также внедрение и развитие новейших информационных технологий (ИТ-технологий) как в промышленном производстве, так и в быту, приводят к прогрессирующему росту информационного противоборства (также: информационной войны, борьбы, противостояния) во всех сферах деятельности человека: социально-нравственной, политической и экономической. Уместно заметить, что, по мнению Дж. Аркиллы, информационная война (Informationwarfare) уже давно занимает центральное место в политике, экономике и военном деле [9] современного общества-государства. Примем также во внимание, что в настоящее время этот «инструментарий деструктивно-дезруптивного воздействия» уже давно не ограничивается только пределами его мирного применения. Больше того, добавим, что сегодня «батальный характер деструктивно-боевого информационного воздействия» нашёл активное применение в информационно-культурном пространстве, в поп-культуре, а также в производственно-экономической сфере, менеджменте и в системе кадровых агентств [5, с. 271–308; см. также: 4; 7; 8].

Становится понятно, что востребованность *батальной сущности* информационного деструктивно-боевого воздействия обуславливается тем, что свойства

«информационная боевитость» и «информационная батальность» присущи многим процессам в деятельности человека. Так, например, такая боевитость информационного воздействия присуща достаточно мирным процессам принятия решений, поскольку во всех областях конкурентного столкновения тех или иных предложений проявляется борьба не только за выбранное решение, но даже и против альтернативных решений.

Поэтому очевидно, что сегодня понятие «информационная война» становится крайне размытым и неопределённым. И больше того, в этой связи приходится, к сожалению, констатировать, что на сегодня среди исследователей нет единого подхода к проблеме понятия «информационная война» (информационные войны), также как и нет единой и точной семантической «приложимости» понятия «информационная война» к конкретной референтной области предметов, процессов, действий, которые могут относиться к разным сферам жизнедеятельности человека. Как показало исследование по баттлам рэп-дискурсии, информационная «воинственность» оказалась подверженной функциональным дрейфам, в результате чего она превращается в обыкновенный, срежиссированный симулякр-игру [5, с. 277–290]. В связи с этим, оказывается целесообразным рассмотреть феномен «информационная война» с позиций «коммуникативно-когнитивного дискурс-конструкционизма» в современном сетевом обществе.

Методы анализа. Поставленная в работе задача решается с использованием регулятивно-деятельностного подхода к анализу дискурсивных образований в виде когнитивно-коммуникативных единств, которые в работе именуются как регулятивные дискурс-конструкты. В

основе регулятивно-деятельностного подхода «Динамическая модель регулятивной коммуникации», разработанного в Тверской научной школе, лежит лингвопрагматическая модель динамической регуляции коммуникативного взаимодействия и ее единиц – когнитивно-регулятивных конструкторов (когнитивных регулятивов) как специфических ментальных знаков туннельной направленности. Доминирующими приёмами и методами описания являются лингвистические, лексико-семантические и семантико-синтаксические, речеактовые, коммуникативно-конструктивные, когнитивно-дискурсивные методы, задействованные на отдельных этапах многоаспектного комплексного анализа отобранного эмпирического материала.

В качестве теоретико-методологического посыла также выступает деятельностное понимание коммуникации как целенаправленной связи между участниками батальной (боевой) интеракции, которое обуславливает применение синтеза когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов при использовании инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики и психосемиотики. Избранный подход коррелирует с принципом антропоцентризма и помещает в фокус лингвистического анализа языковую личность как в качестве субъекта речевой деятельности, так и в качестве когнитивного агента языкового сознания.

Результаты исследования. Сегодня развитие средств массовой коммуникации и информатизации общества позволяет классифицировать общество наиболее развитых в отношении ИТ-технологий стран как информационное или как «сетевое», то есть общество, которое основывается на умении всех и каждого

получать и обрабатывать получаемую информацию в широком смысле этого слова, что, тем не менее, делает такое общество информационно уязвимым. Неслучайно, подчеркивая эволюционную взаимосвязь развития массовой коммуникации и общества, специалисты прогнозируют, что какой будет эволюция коммуникации, таким будет и человек [1; 2; 4]. Отмеченная исследователями взаимосвязь массовой коммуникации и общества позволяет выделить отличительные черты современного «информационно-сетевого» (коммуникативно-сетевого) общества, среди которых в первоочередном порядке называют:

а) превращение информации в товар массового потребления, её производство, воспроизводство и быстрое распространение в огромном количестве [1; 2; 3; 4];

б) создание больших информационных пространств за счет развитой сети средств коммуникации и связи как внутри отдельных стран, так и между;

в) разработкой и применением новых механизмов информационного влияния на отдельную личность, на групповое и массовое общественное сознание города, региона, страны или объединений стран в связи с формированием разнообразных ресурсов по охвату максимального количества целевых аудиторий;

г) ведение жёсткой конкурентной борьбы за репутационное и бенефактивное (т.е. направленное непосредственно в свою пользу) позиционирование стран, регионов, корпораций, банков и различных ассоциаций как в глобальном экономическом пространстве, так и на рынках потребления ресурсов и туризма, за доверие инвесторов, за благоприятное освещение в информационном пространстве, за

партнерские отношения с другими странами на разных уровнях, включая правительственный уровень, чтобы позволить себе на выгодных условиях включаться в структурированное мировое пространство.

С переходом к информационно-сетевому обществу конкурентное позиционирование нередко приводит к коммуникативному и информационно-психологическому противоборству и даже открытому противостоянию, подтверждая хорошо известную закономерность современности: кто владеет информацией, тот владеет миром. В обозначенном противостоянии массмедиа играют крайне заметную и важную роль. Так, в частности, интернет способен переводить информационные противоборства и противостояния, а также различные информационные «шумы», «волны», «лавины», «атаки» и «вбросы» на *новый качественный и более эффективный уровень*, позволяя им стать *быстрыми, дешёвыми, безграничными и доступными*, отражая тематико-смысловые и прагматические характеристики «тактической реальности» в сегодняшней «текущей современности».

О реализации этих свойств интернет-среды как коммуникативно-информационного медиума может свидетельствовать, например, расширение географического пространства «цветных революций» в мире. В указанном смысле эффективная медиальность интернет-сети становится удобным, малозатратным и массовым носителем и *распространителем механизма различных боевых «заразительных» или «вирусных» идей, посланий, призывов*. В этом отражении тематико-смысловых и прагматических характеристик *значимая роль отводится **механизмам** конструирования **боевых, подрывных** медиа-смыслов как в глобальном*

киберпространстве, так и в пространстве разнообразных публичных коммуникаций. С определенной долей уверенности можно даже говорить о том, что посредством широкой сети публичных коммуникаций, в том числе и коммуникативного киберпространства как своего специфического медиума, «организованное, т.е. функционирующее на регулятивной основе, по А. А. Романову, информационно-сетевое общество *формирует свой боевой* «регулятивный мир». Этот мир базируется на боевой деструктивно-дезруптивной информации в широком смысле, а не на реальности мира, так как в глобальном коммуникативно-сетевом «мире» информация об окружающем мире есть батальная «информационная реальность», которая отличается от действительной реальности, ибо транслируемая различными медиа *боевая информация* продуцирует воспринимаемую нами (коллективным адресатом) боевую «информационную реальность» для создания механизма «*своего понимания социального опыта*».

Отмеченный механизм конструирования *боевых, подрывных* медиа-смыслов позволяет порождать особые информационно-медийные смыслы, которые способны по-своему, по-особому, иным образом объяснять и трактовать разнообразные и не связанные между собой проявления опыта индивида в опоре на такие глобальные «характеристики, как «вера», «представляемое», «мимезис», «идеология» и «субъективность».

В этом смысле становится понятным, что «представляемое» в пространстве информационно-коммуникативного взаимодействия является «идеологией», а не реальностью, поскольку представляемая реальность – это уже «продукт дискурса».

Поэтому знаковые (вербальные и авербальные) боевые информационные «*послания не фиксируют реальность, а только кодируют её*», представляя лишь образные фрагменты воспроизводимой или конструированной реальности и окрашивая их «*идеологически*» в медийном пространстве, т.е. в боевой дискурсивно-медийной реальности.

Очевидно, что задача отмеченного «идеологического кодирования и окрашивания» боевых масс-медийных посланий должна сводиться к конструированию такой глобальной реальности, в которой, по Ж. Бодрийяру [1, с. 188–190, 195], «рациональная коммуникация» теряла бы смыслы и переводила бы их «в плоскость зрелищного», симулякра, а её место смогли бы занимать «вручаемые» членам сообщества сконструированные боевые знаки-послания, которые «не обладают ни качеством, ни референцией», а, по сути, тратят свои силы на то, чтобы «завораживать и околдовывать», «лишать «массы потребителей медиа воли к сопротивлению, борьбе, противостоянию в пределах смысловой «плоскости зрелищного» или симулякра в пределах медиа-смыслов «видеомира». Такой поворот от рациональности знаков-посланий к «постановочной зрелищности» смысловой реальности есть «схема сокрушения полюсов и круговращения моделей», в пределах которой «развёртывается матричная симуляция фиксации истины» [1, с. 198]. Работа такой схемы обусловливается выработкой и последующим функционированием механизма «*своего*» понимания социального опыта.

Выводы. Факторбоевого информационного воздействия на коллективного адресата способствует порождению механизма, способного ингибировать

процессы порождения реальных смыслов, в результате чего «рациональная коммуникация» теряет смыслы и переводит их «в плоскость зрелищного», в мир симулякра. Блокировка реальных смыслов ставит своей целью не изменять отношения коллективного адресата к такого рода смыслам, а изменять его поведение. Поэтому цель любой информационной войны при любом существующем множестве факторов деструктивно-дезруптивного (боевого) воздействия сводится к признанию таких факторов доминантными, причиняющими изменение поведения коллективного адресата.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Фантом современности. Тени молчаливого большинства, или конец социального / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр // Призрак толпы. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 180–280.

2. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. Пер. с англ. Н.М. Тышлевич; под науч. ред. А. И. Черных. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

3. Менегетти, А. Онтология и меметика / А. Менегетти. Пер. с итал. – М. : Психологическое издательство, 2002. – 149 с.

4. Романов, А. А. Грамматика деловых бесед : многр. / А. А. Романов. – Тверь: «Фамилия»; «Печатное дело», 1995. – 240 с.

5. Романов, А. А. Агональная эристика политической рэп-дискурсии: Типовые разновидности, функции и сущностные характеристики : моногр. / А. А. Романов, Л. А. Романова. – М. : Флинта, 2024. – 360 с.

6. Романов, А. А. Агрессивные коммуникативные практики «мягкой силы» в политической дискуссии и контрдискуссии (на материале публичных интервью В. В. Путина) [Электронный ресурс] / А. А. Романов, Л. А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 32–74. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 15.03.2025).

7. Романов, А. А. Управление персоналом: Психология влияния : моногр. / А. А. Романов, А. А. Ходырев. – М. : Лилия, 2000. – 216 с.

8. Романов, А. А. Управленческая риторика : моногр. / А. А. Романов, А. А. Ходырев. – М. : Лилия, 2001. – 216 с.

9. Arquilla, J. The Strategic Implications of Information Dominance / J. Arquilla // Strategic Review. – 1994. – vol. 22. – No 3. – P. 24–30.

Romanov Aleksey Arkadyevich,

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Professor
of the Department of Fundamental and Applied linguistics of
Tver State University
romanov_tgsha@mail.ru

Malysheva Ekaterina Valerievna,

Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of International Relations of
Tver State University
ekkmal@bk.ru

Morozova Oksana Nikolaevna,

Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of State Administration of Tver
State University
oks20091402@yandex.ru

Memetic mechanism of construction of media- meanings of information confrontation

The article considers the memetic mechanism of construction of media-meanings of information confrontation. The authors conclude that the purpose of any information war with any existing set of factors of destructive-disruptive influence is to recognize such factors as dominant.

Keywords: information confrontation, information war, information, addressee, media-sense.

Прутков Григорий Владимирович,

доктор филологических наук,

профессор Института медиа

НИУ «Высшая школа экономики»

pruttkov@gmail.com

Трансформация традиций западной военной журналистики: от войны во Вьетнаме до СВО (1964–2024)

Настоящая статья представляет собой всесторонний анализ эволюции западной военной журналистики в период с 1964 по 2024 год, охватывая ключевые конфликты от войны во Вьетнаме до Специальной военной операции (СВО) на Украине. Исследуются фундаментальные трансформации, вызванные технологическими инновациями, геополитическими сдвигами и изменениями в отношениях между СМИ, военными структурами и обществом. Особое внимание уделяется переходу от модели «патриотической» журналистики к критическому освещению, введению механизмов цензуры, роли Интернета и социальных сетей, а также феномену гибридных войн с акцентом на информационные операции и дезинформацию. Анализ основан на исторических примерах, эмпирических данных из медиаисследований, статистике общественного мнения (например, из опросов Gallup и Pew Research Center) и теоретических концепциях медиаведения и коммуникаций. В статье подчеркиваются этические вызовы для журналистов в эпоху всепроникающей

пропаганды, предлагаются рекомендации по сохранению объективности и защите свободы слова. Общий вывод акцентирует внимание на том, как освещение войн влияет на общественное восприятие конфликтов и политические решения, подчеркивая необходимость баланса между национальной безопасностью и правом общества на информацию. Дополнительно рассматриваются современные тенденции до 2024 года, включая влияние AI и цифровых платформ на журналистику.

Ключевые слова: военная журналистика, война во Вьетнаме, гибридная война, дезинформация, пропаганда, медиацензура, СВО, информационные операции, embedded journalism, социальные сети, этические дилеммы, общественное мнение.

За последние шестьдесят лет западная военная журналистика претерпела радикальные изменения, обусловленные не только технологическим прогрессом, но и глубокими геополитическими трансформациями, а также эволюцией общественного восприятия вооруженных конфликтов. Период от начала эскалации войны во Вьетнаме в 1964 году до текущих событий в рамках СВО на Украине в 2024 году представляет собой эпоху, когда средства массовой информации не просто отражали реальность войн, но и активно формировали их исход, влияя на общественное мнение, политические стратегии и даже исходы боевых действий. До Вьетнама преобладала модель «патриотической» журналистики, где репортеры выступали в роли союзников военных, подчеркивая героизм солдат и национальные интересы.

Этот подход был характерен для освещения Первой и Второй мировых войн, где цензура и

самоцензура журналистов способствовали поддержке усилий союзников. Однако война во Вьетнаме стала поворотным моментом: относительно свободный доступ к фронту, а также развитие телевизионной журналистики позволили показать «грязную» сторону конфликта, что привело к росту антивоенных настроений и «вьетнамскому синдрому» в американском обществе.

Последующие конфликты – Фолклендская война (1982), вторжение в Гренаду (1983), Первая война в Персидском заливе (1991), Вторжение в Ирак (2003), операции в Афганистане и «Арабская весна» (2011) – иллюстрируют эволюцию стратегий контроля над информацией. Военные, извлекая уроки из Вьетнама, ввели «пулы» журналистов, чтобы минимизировать негативное освещение и подчеркнуть технологическую «чистоту» войн. С появлением интернета и социальных сетей в 2000-х годах информация стала распространяться мгновенно, демократизируя журналистику, но также усиливая проблемы дезинформации и пропаганды.

В современной эпохе гибридных войн, включая события на Украине с 2014 года и Специальной военной операции с 2022 года, информационная война стала неотъемлемой частью военных стратегий. Все стороны конфликта используют социальные сети, ботов и ИИ для манипуляции общественным мнением, что размывает границы между фактами и вымыслом. Это создает этические дилеммы для западных журналистов: как оставаться объективными в условиях цензуры, угроз безопасности и потока дезинформации?

Цель настоящей статьи – проследить эти трансформации на основе хронологического анализа, оценить их влияние на восприятие конфликтов обществом и обсудить вызовы для журналистики.

Методология включает исторический анализ, сравнительное изучение медиапокрытия ключевых событий, обзор научной литературы по медиаведению, а также анализ эмпирических данных из опросов общественного мнения (например, *Gallup* и *Pew Research Center*) и отчетов организаций вроде *Committee to Protect Journalists* (CPJ). Статья структурирована по ключевым эпохам, с акцентом на факторы изменений, стратегии освещения и последствия. В заключении предлагаются рекомендации для будущих практик военной журналистики.

Данная тема актуальна в контексте текущих глобальных вызовов, где дезинформация угрожает демократическим процессам. Как отмечают исследователи, освещение войн не только информирует, но и мобилизует общество, влияя на политические решения и международные отношения. Анализ этого периода позволяет понять, как эволюция медиа формирует наше понимание конфликтов и подчеркивает необходимость этических стандартов в журналистике.

Для понимания трансформаций западной военной журналистики полезно обратиться к ключевым теориям медиаведения. Концепция «CNN-эффекта» подразумевает, что визуальные образы войны ускоряют политические изменения, как это произошло во Вьетнаме. Теория *agenda-setting* объясняет, как СМИ определяют, что общественность считает важным, формируя нарративы конфликтов. В контексте гибридных войн актуальна теория «информационной войны» Франка Хоффмана, где дезинформация становится оружием. Эти теории используются для анализа изменений в освещении войн.

Война во Вьетнаме: зарождение нового формата

Война во Вьетнаме (1964–1975) ознаменовала фундаментальный сдвиг в западной военной журналистике, сломав традиционную модель сотрудничества между СМИ и армией. До этого периода, в конфликтах вроде Корейской войны (1950–1953), журналисты часто интегрировались в военные структуры, предоставляя патриотическое освещение, которое подчеркивало успехи и минимизировало неудачи. Вьетнам же стал первой «телевизионной войной», где нецензурированные репортажи напрямую влияли на общественное мнение, способствуя антивоенным протестам и политическим изменениям.

Ключевые факторы перемен:

1. Неудача во Вьетнаме и разочарование общества. Американская стратегия, ориентированная на эскалацию вовлеченности (с 16 тыс. военных советников в 1963 году до 543 тыс. солдат в 1969 году), привела к огромным потерям: свыше 58 тыс. погибших американцев и миллионов вьетнамских жертв. Общество, изначально поддерживавшее антикоммунистическую риторику президента Линдона Джонсона, постепенно разочаровывалось в целях войны, видя отсутствие прогресса и растущие расходы (около \$168 млрд по ценам 1975 года). Опросы *Gallup* показывают падение поддержки с 61% в 1965 году до 28% в 1971 году, что было напрямую связано с медиаосвещением. Это разочарование усилилось после публикации «Пентагонских документов» в 1971 году, раскрывающих ложь администрации.

2. Свободный доступ к информации. Журналистам предоставлялся относительно свободный доступ к фронту без строгой цензуры, в отличие от предыдущих войн. Репортеры, такие как Дэвид Хальберстам из *The New York Times* и Нил Шихан, публиковали материалы о коррупции в южновьетнамском правительстве, военных неудачах и разрыве между официальными отчетами Пентагона и реальностью на местах. К 1968 году в Южном Вьетнаме работало более 600 журналистов, что позволило создавать независимые репортажи. Это привело к концепции *uncensored war*, где СМИ действовали как четвертая власть.

3. Рост антивоенного движения. Протесты, такие как марши на Вашингтон (1967–1969) и студенческие выступления в Кентском университете (1970), усиливали давление на СМИ для критического подхода. Журналисты отражали эти настроения, освещая инциденты вроде резни в Майлаи (16 марта 1968 года), где американские солдаты убили от 347 до 504 мирных жителей. Репортаж Сеймура Херша в 1969 году, опубликованный в *The New York Times*, вызвал международный скандал и судебные процессы, подорвав доверие к армии. Антивоенное движение включало разнообразные группы, от студентов до ветеранов, и СМИ играли роль в их мобилизации.

4. Развитие телевизионной журналистики. Телевидение принесло войну в гостиные американцев: кадры напалма, горящих деревень, раненых солдат и возвращающихся на родину гробов усилили эмоциональное воздействие. Знаменитый репортаж Уолтера Кронкайта на CBS в феврале 1968 года, где он назвал войну застойной после Тетского наступления,

стал поворотным моментом. Это повлияло на решение президента Джонсона не баллотироваться на второй срок и начало деэскалации. По данным исследований, телевидение стало основным источником информации для 65% американцев, что усилило антивоенные настроения. Телевидение также ввело *living-room war*, где визуальные образы формировали общественное мнение.

Критическое освещение привело к разрыву отношений между прессой и военными: журналистов обвиняли в предательстве и потере войны, что заложило основу для «вьетнамского синдрома» – *reluctance* к вмешательству в зарубежные конфликты. Репортажи о жертвах среди гражданского населения (оценочно 2 млн вьетнамцев) сделали войну «грязной» в глазах общественности, способствуя выводу войск в 1973 году и падению Сайгона в 1975 году.

В теоретическом плане это иллюстрирует концепцию «CNN-эффекта» (хотя CNN появился позже), где визуальные образы ускоряют политические изменения. Исследования показывают, что негативное освещение *Tet Offensive* (1968), несмотря на военную победу США, было воспринято как поражение, что изменило общественное мнение. Женщины-корреспонденты, такие как Маргарет Хиггинс и Глория Эмерсон, также внесли вклад, освещая гуманитарные аспекты и ломая гендерные стереотипы в профессии. Их репортажи подчеркивали жертвы среди гражданских, добавляя эмоциональную глубину.

Как отмечает историк Марк Мойяр, антивоенные настроения в СМИ и академии усилили поляризацию в американском обществе. В целом, Вьетнам трансформировал журналистику из патриотической в

расследовательскую, но также сделал ее уязвимой для обвинений в предвзятости.

Эпоха ограниченного доступа и «войны в прямом эфире»: от Фолклендов до Ирака (1982–2003)

После Вьетнама западные военные, особенно в США и Великобритании, ввели строгий контроль над СМИ, чтобы минимизировать негативное освещение и избежать общественного *backlash*. Эта эпоха характеризуется «уроками Вьетнама»: ограниченным доступом, цензурой и акцентом на технологическую «чистоту» войн.

Новые стратегии контроля:

1. «Пулы» журналистов. В Фолклендской войне (1982) британские военные ограничили доступ: только 29 репортеров сопровождали флот, с полной цензурой всех материалов. Это позволило контролировать нарратив, фокусируясь на успехах и минимизируя потери (255 британских солдат погибло). Аналогично в Гренаде (1983) США полностью запретили независимый доступ на начальных этапах, что вызвало критику от прессы за нарушение Первой поправки. В Панаме (1989) «пулы» были введены, но с задержками в передаче информации.

2. Ограниченный поток информации. Военные предоставляли только одобренные данные, фокусируясь на успехах. В Первой войне в Персидском заливе (1991) «пул» из 1600 журналистов работал под надзором, с запретом на самостоятельные репортажи. Это привело к доминированию официальных брифингов, где подчеркивалась точность «умных бомб» (хотя реальная точность составляла около 9%, по данным GAO).

3. Акцент на «умных» технологиях. Освещение подчеркивало точность ударов, минимизируя жертвы.

Однако реальные потери среди иракцев (около 100–200 тыс.) были недооценены, а инциденты вроде бомбардировки убежища в Багдаде (13 февраля 1991 года, 408 погибших гражданских) получили ограниченное внимание. Это создало иллюзию «хирургической» войны.

Несмотря на ограничения, технологический прогресс и альтернативы, спутниковая связь и мобильные телефоны позволили обходить цензуру. Журналисты обращались к гуманитарным организациям (например, Красному Кресту) и местным источникам для альтернативных перспектив. Первая война в Ираке стала «войной в прямом эфире»: CNN транслировал бомбардировки Багдада в реальном времени, создавая иллюзию «хирургической» войны и поддерживая общественную поддержку на уровне 80–90%. Питер Арнетт из CNN, освещавший события из Багдада, стал символом независимой журналистики, несмотря на обвинения в пропаганде.

Эта эпоха демонстрирует дихотомию: контроль укрепил доверие к официальным нарративам, но также вызвал критику за манипуляцию. В сравнении с Вьетнамом, где свобода привела к поражению в общественном мнении, здесь медиа стали инструментом пропаганды, усиливая «ралли-эффект» (сплочение вокруг флага). Исследования показывают, что ограничения в Гренаде и Фолклендах повлияли на политику в Заливе, где пресса была использована для демонстрации технологического превосходства.

В Фолклендах цензура скрывала потери, что подорвало доверие к СМИ. Уроки этой эпохи повлияли на освещение войны в Ираке 2003 г., где контроль стал

еще строже. Это привело к дебатам о роли СМИ в демократических обществах.

Вторжение в Ирак (1991) подчеркнуло роль телевидения: трансляции ударов создали видимость происходящих боев, но скрыли гуманитарные последствия, такие как «шоссе смерти» (где погибли тысячи отступающих иракцев). Это привело к дебатам о этике: журналисты балансировали между доступом и объективностью.

Эпоха интернета и новых медиа: от Ирака и Афганистана до «Арабской весны» (2003–2011)

Вторжение в Ирак (2003) и операции в Афганистане ознаменовали эру цифровых медиа, где Интернет и социальные сети демократизировали журналистику, позволяя любому стать репортером, но также усложнив проверку информации и усилив дезинформацию.

Ключевые изменения:

1. Рост числа «независимых» журналистов и блогеров. *Embedded journalism*, введенный Пентагоном в 2003 году, позволил 600 репортерам жить с военными единицами, предоставляя доступ, но ограничивая перспективу. Блоги солдат (милблогеры) и гражданских, предоставляли альтернативные взгляды на оккупацию. В Афганистане (2001–2021) независимые репортеры освещали коррупцию и жертвы среди гражданских (около 241 тыс. погибших, по данным *Brown University*).

2. Появление социальных сетей. Платформы социальных сетей позволяли мгновенное распространение. В Ираке видео дронов и солдатских съемок циркулировали, обходя традиционные СМИ. Скандал с пытками в Абу-Грейб (2004), раскрытый CBS

с фото от солдат, подрывал поддержку войны, вызвав падение рейтинга Буша с 71% до 41%.

3. Распространение видеоматериалов от участников. *User-generated content*, такие как видео казни Николаса Берга (2004) или утечки *WikiLeaks* (2010), изменили динамику. В «Арабской весне» (2011) социальные сети мобилизовали протесты в Тунисе, Египте и Ливии, где журналисты использовали *Twitter* для реального времени обновлений. Социальные СМИ сыграли ключевую роль в организации, как показывает исследование Вашингтонского университета.

Вызовы и этические дилеммы

Достоверность стала проблемой: фейковые новости, такие как ложные утверждения об оружии массового поражения в Ираке, распространялись быстро, приводя к критике СМИ. «Эффект CNN наоборот» заставлял политиков реагировать на вирусный контент, как в случае с фото из Абу-Грейб. Этические вопросы включали защиту источников, конфиденциальность и ответственность за контент, особенно когда журналисты рисковали объективностью в пользу военных.

Эта эпоха иллюстрирует сдвиг к «гражданской журналистике», где традиционные СМИ конкурируют с контентом, создаваемым самими пользователями, усиливая поляризацию. Исследования *Penn State* показывают, что *embedded* репортажи были более позитивными по отношению к военным, чем *unilateral*. В Афганистане социальные сети помогли освещать талибанские атаки, но также распространяли пропаганду. Однако они также стали платформой для дезинформации, что усложнило работу журналистов. Исследования показывают, что социальные медиа формировали политические дебаты.

Современная эпоха: гибридные войны и информационные операции (2011–2024)

С 2011 года, начиная с «Арабской весны» и конфликта на Украине (2014), войны стали гибридными. Они интегрируют военные действия с информационными операциями, где дезинформация – ключевой инструмент.

Характерные черты:

1. Активное использование дезинформации и пропаганды. Все стороны используют социальные сети для нарративов: при освещении украинского конфликта обе стороны обвиняют друг друга в использовании фейков и информационной пропаганды. Так, действия постановочных российских военных, снятых украинской стороной, неоднократно освещались в крупных западных СМИ, которые принимали такую информацию как правдивую.

2. Поляризация общественного мнения. «Информационные пузыри» усиливают разделение аудитории, когда пользователи видят информацию преимущественно только с одной стороны, разделяясь с пользователями, находящимися в другой стране.

Влияние на военную журналистику

Во время СВО отмечается усиление цензуры: западные платформы блокируют российские источники (RT, Sputnik), а российские журналисты подвергаются угрозам. Также заметен стремительный рост количества фейков в интернет-пространстве.

Анализ показывает, что западная журналистика борется с этими вызовами через фактчекинг, но остается уязвимой к манипуляции из-за развития в том числе таких инструментов, как искусственный интеллект.

Трансформация западной военной журналистики от относительной свободы во Вьетнаме до тотального контроля в гибридных войнах отражает сложный баланс между технологиями, политикой и этикой. Ключевые уроки: необходимость независимости, фактчекинга и защиты журналистов. Рекомендации включают развитие MIL (*media and information literacy*), международные стандарты против дезинформации и этические кодексы для *embedded reporting*. Дополнительно предлагается создание глобальных платформ для фактчекинга и обучение журналистов кибербезопасности. От решения этих задач зависит не только будущее журналистики, но и здоровье демократических обществ в эпоху информационных войн. В перспективе до 2025 года AI может как помочь в верификации, так и усилить дезинформацию, требуя проактивных мер.

Список литературы

1. Vietnam War and the media// Britannica
<https://www.britannica.com/event/The-Vietnam-War-and-the-media-2051426>
2. Journalism in Vietnam War · DSC Class Support - His 189 – UCSC <https://dsc-omeka-typhoon.library.ucsc.edu/s/journalism-in-vietnam-war>
3. Government Media Policy during the Falklands War <https://kar.kent.ac.uk/50411/1/198J.%2520M.%2520Thornton%2520PhD.pdf>
4. The Gulf Conflict 1990-1991: Diplomacy and War in the New World Order. Princeton University Press, 1993. (Lawrence Freedman, Efraim Karsh)

Pruttskov Grigory Vladimirovich,
Doctor of Philosophy,
Professor of HSE Media Institute
pruttskov@gmail.com

**The Transformation of Western Military Journalism
Traditions: From the Vietnam War to the Special
Military Operation (1964–2024)**

This article presents a comprehensive analysis of the evolution of Western war journalism from 1964 to 2024, covering key conflicts from the Vietnam War to the Special Operations Mission (SO) in Ukraine. It examines the fundamental transformations brought about by technological innovations, geopolitical shifts, and changes in the relationship between the media, the military, and society. Particular attention is paid to the transition from a model of «patriotic» journalism to critical reporting, the introduction of censorship mechanisms, the role of the Internet and social media, and the phenomenon of hybrid warfare with an emphasis on information operations and disinformation. The analysis is based on historical examples, empirical data from media research, public opinion statistics (e.g., Gallup and Pew Research Center polls), and theoretical concepts from media studies and communications. The article highlights the ethical challenges for journalists in the era of pervasive propaganda, offering recommendations for maintaining objectivity and protecting freedom of speech. The overall conclusion focuses on how war coverage influences public perceptions of conflicts and policy decisions, highlighting the need to balance national security with the public's right to information. It also considers current trends up to 2024, including the impact of AI and digital platforms on journalism.

Keywords: war journalism, Vietnam War, hybrid warfare, disinformation, propaganda, media censorship, CBO, information operations, embedded journalism, social media, ethical dilemmas, public opinion.

УДК 070.1

Сидоров Виктор Александрович,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
v.sidorov@spbu.ru

Медиапамять как эхо войны: ценностные интерпретации актуального прошлого

(Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 24-28-00577,
<https://rscf.ru/project/24-28-00577/>)

Рассматривается актуализация исторической памяти, ее место и роль в пропаганде на медиатекстах первого года проведения СВО. Объект изучения – информационные сообщения и репортажи в программе «Время» (1-й канал ТВ) и дискурс писателя Захара Прилепина. В результате устанавливается, что обращение акторов медиа к памяти о Великой Отечественной войне является составной частью пропаганды: сообщения о СВО приобретают сакральность, а их дискредитация понимается как разрушение ценностного строя общества.

Ключевые слова: историческая память, пропаганда, медиадискурс, медиатексты

Сегодня феномен исторической памяти разделился на традиционно воспринимаемую память как неотъемлемое свойство исторического знания, и коллективную память о прошлом в качестве характеристики общественного сознания. «Подлинный предмет Истории, – писал А. Тойнби, – жизнь общества, взятая как во внутренних, так и во внешних ее аспектах» [6, с. 45]. Однако с атрибуцией исторической памяти сложнее – ее предмет то ли в границах научного знания, то ли за его пределами, так как ее актуализация включается в практику политической пропаганды, а пропагандистам свойственно проводить понятные для аудитории параллели между прошлым и настоящим, придавать современное звучание минувшему. Ф. Анкерсмит далеко не случайно уверяет, что важен только исторический опыт, так как раскрытие исторической памяти – удел публицистов [1, с. 23–29, 189]. Правда, такой подход не оставляет места эмоциям, что противоречит сущности феномена: историческая память – воспоминание народа, его душа, поэтому не может анализироваться без эмоциональной составляющей. Воспоминание про общее переживание – важнейшая часть культуры, без нее не будет идентичности социума. Это так же принципиально, как и решающее условие функционирования исторической памяти, заключающееся в «особом механизме создания, воспроизводства, хранения и забвения коллективно-разделяемых представлений о прошлом – медиапамяти» [3, с. 75].

Медиапамять воплощается в пространстве «второй реальности», которое обладает особым человеческим смыслом и рассматривается во всех

медийных аспектах пространственно-временных представлений, а также внутреннего времени общественной жизни. Таким образом, исторический опыт вмещает в себя, и совмещает в себе, совокупности и фрагменты уже состоявшегося и тем самым продлевается в будущее. Медиа и память трансформируют друг друга, соприкасаясь на базе культуры. Марк Блок когда-то определил, что «граница между современным и несовременным определяется не хронологией, а событиями... в пространстве социальных взаимодействий и символических практик» [4, с. 36]. Спроецируем это на несомненный факт нашего времени, когда возникновение цифрового пространства привело к всеобщей медиатизации – не только всего, что сегодня окружает человека, но и того, что окружало когда-то. Спроецируем и тогда обнаружим, как в медиасоциуме наблюдается одновременное присутствие совокупностей данных разных эпох. Происходит ранее невиданная интеграция информации – образов, символов – из разных пластов истории, при том, что историческая память подвластна ситуации времени, отчего в сознании общества намеренно / непреднамеренно фокусируется на локальных участках истории.

Актуализация медиапамяти обостряется, когда требуется найти условия консолидации социума. А согласие о смыслах прошлого – ключевой момент консолидации. Достижение согласия – процесс взрывной, революционный, обусловлен построением нового понимания истории и разрушением прежнего. Взрыв происходит в открытой всем стратам общества медийной среде. Так формируется коммуникативная память, в которой прошлое сворачивается в символические фигуры, а культурное обретает черты сакрального.

Пропаганда занимает особое место в процессе, потому что «стремится к максимальному расширению аудитории и, следовательно, делает акцент на работу с массовой аудиторией, поэтому она апеллирует только к тем оценкам, которые разделяет большинство населения» [5, с. 151].

В современной России дискурс исторической памяти сосредоточен на страницах прошлого, отмеченных подчас диаметрально противоположными оценками участников дискурсов о настоящем и будущем. В контексте текущей военно-политической ситуации, вызванной Специальной военной операцией, наибольшее ожесточение в идейном противостоянии в медиа вызывает память о Великой Отечественной войне – ее истории и ее итогах. Фокус памяти на страницах истории войны инициирует социально значимый дискурс, в котором находят место неоднозначные оценки актуализируемых фактов минувшего. Медиадискурс как «эхо войны» в условиях проведения СВО, когда радикально изменилась политическая ситуация в России и мире, находится в эпицентре публичной сферы. Таким образом, в основе исторической памяти человека и общества – актуальная информационная среда. В ней формируются смыслы медиапамяти.

Смыслы и ценности исторической памяти – детище культуры общества на всех этапах его развития. В наши дни они находят медийное воплощение и воспринимаются в качестве «золотого запаса» культуры нации. «Исторический опыт – дар мгновения. Он приходит, не возвещая о себе, и не повторяется по нашему желанию» [1, с. 23–29, 189]. Такое мгновение – действительно дар времени и пространства, который

приходит к человеку из текучести медиа. Текучесть будто бы ослабляет силу рожденного образа, тогда как на деле образ удваивает реальность: «медиаобразы заменяют индивиду его собственные воспоминания» и становятся частью его воспоминаний, поэтому «история создается и пересоздается в ходе реализации коммуникативных практик» [2, с. 43–44, 48].

С началом СВО в обществе растет внимание к ежедневным сообщениям СМИ из зоны военного конфликта. Вместе с тем растет запрос на осмысление феномена войны как социального явления. Запросы отражаются в динамично расширяющемся медиадискурсе: 1) в традиционных СМИ, которые в основном представляют официальные/полуофициальные источники сообщений, и 2) в сетевых медиа, которые в основном представляют неофициальных субъектов информационных отношений в обществе (журналисты, писатели, ученые).

С учетом сказанного настоящее исследование основано на следующих методологических предпосылках:

– произошедшая в XXI-м столетии технологическая революция в области информационных отношений в обществе вместе с рядом причин социального характера предопределила радикальные общественные перемены, приведшие к возникновению медиасоциума – «второй реальности», без которой уже не мыслится жизнь нашего современника;

– в медиасоциуме выстраиваются дискурсы по актуальным проблемам общественной жизни; дискурсы показывают невиданное прежде включение аудитории в медийное взаимодействие, акторами которого в настоящее время являются политики, писатели, ученые,

деятели культуры, СМИ;

– историческая память рассматривается в диалектическом единстве объективных и субъективных факторов функционирования в медийной среде; объективное начало выражается в культурных традициях общества помнить прошлое и находить в нем образцы для подражания; субъективное начало – в доминирующей в данное время идеологии, пропагандисты которой находят в истории актуальные факты, в разных медиаканалах сопоставляют их с текущей ситуацией, формируя соответствующую определенным политическим задачам историческую память медиасоциума.

Итоги исследования получены на основе контент-анализа отобранных для углубленного рассмотрения отдельных выпусков программы «Время» и некоторых медиатекстов писателя и общественного деятеля Захара Прилепина. Размещенные в сетевой среде, тексты получили свое продолжение в дискурсе читательского актива. Выборка сюжетов из программы «Время» (недельный шаг выборки – выпуск передачи каждую среду, 21:00 мск) и текстов писателя ограничена хронологическими рамками – первым годом проведения СВО – и репрезентируется обращениями авторов к исторической памяти общества.

Итоги контент-анализа программы «Время» позволяют понять, что официальные/полуофициальные традиционные медиа, которые, по данным социологов, наиболее близки прежде всего для граждан страны старше 45 лет, обеспечивают выполнение идеологического заказа по укреплению поддержки обществом целей СВО: военная тематика в программе «Время» переведена на событийный уровень, но более

глубоко – проблемный уровень переживания войны в обществе – не затрагивается. Та же тенденция наблюдается в сетевом пространстве.

Итак, за скобки официального медиадискурса вынесены те страницы исторической памяти, содержание которых побуждает обратить внимание на социальную проблематику, скажем, война как переживание каждого, кто был к ней причастен, – на фронте или в тылу. Вместе с тем, обращает на себя внимание тенденция к возвращению из героического прошлого имен, событий, символики, позволяющих целенаправленно актуализировать такие страницы исторической памяти, которые пробуждают гордость за прошлое семьи, своего села, города и т. д. Эта интенция также включает в себя активную позицию авторов репортажей в их противодействии фальсификации истории. Наиболее яркий пример – выпуск программы «Время» за 22 июня 2022 года, полностью пронизанной памятью о трагедии и героике прошлого страны и актуализацией народной памяти. Интенция подчеркнута в названиях материалов: «Свеча памяти», «Фильм “Начальник разведки” удостоен премии “За верность исторической правде”» и т. д. (примечание 1).

По фактам распределения тематики материалов в выпусках программы «Время» выделяется важный фактор в построении модели медиадискурса исторической памяти, выраженный в смысловой интеграции двух линий, составляющих основу информационного костяка программы:

- новости, официальная хроника Специальной военной операции;
- репортажи, сообщения как «эхо минувшей войны», оживляющие память о героических страницах

прошлого и победах страны.

В этом аспекте итоги анализа выпусков программы «Время» за 2022 год выглядят следующим образом (см. Табл. 1).

Таблица 1

**Актуализация исторической памяти
в программе «Время»**

(1-й канал ТВ. 24.02.2022–31.12.2022)

1. Героические будни СВО, память о героях Великой Отечественной войны	
1.1. портреты героев СВО	42 (информационные сообщения)
1.2. репортажи о героях и героизме в ходе СВО	10 (репортажи)
1.3. укрепление и спасение исторической памяти	14 (информации, репортажи)
2. поддержка СВО патриотическими организациями и обществом	20 (репортажи, информационные сообщения)
3. разоблачение современного нацизма, русофобии, практик западных СМИ, активная позиция России как элементы контрпропаганды	21 (репортажи, информационные сообщения)
	Итого: 107 материалов

Рассматривая публицистику Захара Прилепина, следует, прежде всего, подчеркнуть политическую позицию автора, которая накладывает особый отпечаток на пропагандистские начала его текстов. Работая в медийной среде в качестве блогера и при этом в основном

поддерживая официальную доктрину в освещении СВО, он находит свои серьезные отличия от нее, что не позволяет выступлениям писателя походить на официоз. Это обстоятельство во многом объясняет живую реакцию аудитории, отчего в итоге тут же разворачивается заинтересованный медиадискурс. В рефлексиях со стороны аудитории блога более других представлена тема малодушия и предательства на примере поведения тех деятелей культуры, которые с началом СВО уехали из страны и заняли по отношению к ней враждебную позицию. Захар Прилепин пытается оживить память участников медиадискурса, напоминая страницы истории Великой Отечественной войны. Причем не просто приводит своевременные убедительные примеры, а вводит в ткань рассуждений мысли о тесной связи военных действий и культуры (примечание 2).

Эту позицию блогер развивает в другом медийном выступлении «И с тех пор победили навсегда...» (примечание 3). Он сравнивает литературу наших дней и периода Великой Отечественной войны, снова разоблачает тех деятелей культуры, кто занял антироссийскую позицию. Публицист сопоставляет их политические взгляды с гражданской позицией большинства деятелей советской культуры, которые с началом Великой Отечественной войны встали на защиту Родины. Медиадискурс, сложившийся после этого выступления писателя, уменьшился по сравнению с предыдущим. Но это не просто численное изменение числа участников дискурса, а перемена в его качественном составе. В первом случае медиатекст писателя формировал аудиторию, склонную к эмоциональному реагированию на сказанное; во втором – собирал готовых к рациональному

обсуждению позиции Захара Прилепина. И видно, что автор в данном случае намеренно ориентировался на них, и поэтому внес в свои дневниковые записи размышления о подлинных корнях развернувшейся войны, об актуальных интересах России и потребностях фронта. Углубленный анализ политической ситуации вокруг проведения СВО вызвал реакцию квалифицированной части аудитории, тем самым показав ее многослойность. Это обстоятельство, кстати говоря, требует расширения современного научного представлений о ней.

По итогам анализа первых двух выступлений отметим своевременность идеи Захара Прилепина об институализации, укреплении, обновлении корпуса пропагандистов на телевидении и радио, но – особенно – в современной медийной среде, потому что против «бабушки с красным флагом», по мысли писателя, выступают не только украинские нацисты, но и недруги из теряющей свои корни так называемой культурной элиты России.

В этом плане остановимся на еще двух медийных материалах Захара Прилепина. Так, развивая мысль о необходимости политической пропаганды, писатель заговорил о блогерах-военкорах как об особо важном для военного времени институте и с которыми «с завидной периодичностью встречается президент, потому что они реально носители серьезного пласта информации... слишком много институций военных и околвоенных пытались уничтожить институт военкоров... это знаменитые люди, они у разворовавших бюджеты, проигравших сражения и подававших неверную информацию президенту вызывают абсолютную ненависть» (примечание 4).

Писатель завершает эту нить рассуждений,

подводя своеобразный итог в 199-м выпуске «Уроков Русского» первому году проведения СВО. Так, он заявляет: «В каждой эпохе есть те, кто во времена ратные не прячется в башне и не смотрит на все это сверху вниз, а тянет вместе с русским мужиком, солдатом, сержантом, офицером, генералом этот крест. Например, писатель Алексей Толстой, который из-за травмы не мог стать военным, но таки попал на фронт в августе 1914-го как корреспондент. Как военкор он лично прошел по военным фронтам, написал великое множество отличных публикаций. Много чего повидал Толстой и в Гражданскую войну. А к началу Великой Отечественной он был главный, основной, самый весомый – после смерти Горького – писатель Советской России. Кто по праву в современной России занимает ту же нишу, что Алексей Николаевич Толстой, являясь патриархом русской прозы и неистовым патриотом?» (примечание 5).

Анализ некоторых медиавыступлений Захара Прилепина в 2022 году – первом году проведения СВО – следует завершить выделением высказанной им идеи, которая многое объясняет в осмыслении актуальной потребности заново посмотреть на методологию современной политической пропаганды: «Пора возвращать Украине – Украину, России – Россию, нас – нам, историю – правде. Идёт великая война символов. Не забывайте, что наши символы – стократ сильнее» (примечание 6). Историческая память начинается в символическом поле, там, где представления о прошлом укрупнены до медийных образов-символов, которые не просто актуализируются, а становятся оружием пропагандиста. В медийном пространстве противостояние идеологий выглядит, прежде всего, как бескомпромиссное столкновение символов,

олицетворяющих те или иные ценности. И в этом аспекте последующее примирение сторон проблематично, так как ценностные противоречия менее всего поддаются урегулированию.

Историческая память создает «вторую реальность» как субстанцию, существующую исключительно в сознании индивидов, построенную образами и символами прошлого, настоящего, будущего. С одной стороны, образы и символы тесно связаны с реальностью социума, без которой не могут ни зародиться, ни быть артикулированными. С другой, они являются идеальными объектами, и их присутствие в медийной среде кратковременно – ограничено рамками текущей ситуации. Однако общественно-политическая жизнь знает такие ситуации, которые никогда не утрачивают своей актуальности. Всецело это можно отнести к исторической памяти о Великой Отечественной войне. Именно поэтому слова поэта «Просыпаемся мы, и грохочет над полночью то ли гроза, то ли эхо минувшей войны» в современном медийном пространстве как традиционных СМИ, так и в блогосфере снова и снова выдерживают испытание на устойчивость и злободневность. Таково свойство исторического сознания общества, и так оно воспринимает, что видно из медиадискурса, выступления Захара Прилепина.

Актуальные события СВО воспринимаются через призму героического прошлого страны, приобретают черты сакральности. Следовательно, любая попытка критического отношения к ним становится чужеродной, выглядит как нарушение ценностных традиций. Пропагандистские эффекты интеграции отмеченных линий пропаганды в телеэфире дополнены оптимизмом

сюжетов (в каждом выпуске программы) о преодолении Россией последствий западных санкций в экономике и финансовой сфере: внимание аудитории обращается к актуализируемым страницам истории – так было в прошлом, так повторяется сегодня. Таким образом, модель исторической памяти строится на основе выбора локуса истории, на который направляется внимание аудитории, в котором видимые ценностные суждения прошлого находят понятную всем связь с актуальным настоящим. Локус истории не выбирается произвольно актором медиадискурса, он объективен для его взгляда на современность, и смена актора – тележурналист или писатель-блогер – практически не меняет выбор локуса. Однако следует обратить внимание на явное несходство между практиками официальных/полуофициальных каналов пропаганды и блогеров: в отличие от журналистской практики, представленной в программе «Время», сдержанной в отношении социально-философского анализа локусов истории и современности, в выступлениях Захара Прилепина наблюдается явный отклик на запрос общества по осмыслению феномена войны как социального явления, как общенародной трагедии и воли к сопротивлению.

Отметим праксеологический аспект: введение в медиадискурс о СВО соответствующих фактов истории формирует контекст для новостей о текущих событиях и героях военной операции, тем самым обеспечивается их сакрализация, которая в особой мере воздействует на сознание аудитории. Так достигается пропагандистский эффект акторов медиадискурса.

Вместе с тем, наличие фактов исторической памяти в наиболее важном для социума медиадискурсе обладает духовно-нравственной значимостью –повышает

уровень исторических знаний общества, решает актуальную задачу по противодействию фальсификации прошлого, в частности истории Великой Отечественной войны. Таким образом, модель введения фактов исторической памяти в медиадискурс подразумевает применение методов пропаганды для утверждения нравственных ценностей общества и подлинных знаний истории. Методология использования фактов исторической памяти для решения задач в области пропаганды идентичности российского социума включает в себя:

во-первых, отражение духовного настроения социума в его интенциях соединить незабываемое прошлое с конфликтным настоящим;

во-вторых, инклюзия идеологии государства в интенции исторической памяти общества (медийной аудитории).

Примечания

1. Выпуск программы «Время», 22.06.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/issue/2022-06-22/21:00> (дата обращения: 05.03.2025).

2. Симфония о капитуляции, 05.04.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27375/4568031/> (дата обращения: 05.03.2025).

3. Прилепин, 3. И с тех пор победили навсегда... Дневник апреля, 29.04.2022 / 3. Прилепин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://denliteraturi.ru/article/6546> (дата обращения: 05.03.2025).

4. Прилепин, 3. «Элиты по-прежнему верят, что

“фарш” можно провернуть обратно»: почему третья мировая может начаться в любой момент и возможен ли развал России, 20.11.2022 / З. Прилепин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/572472> (дата обращения: 05.03.2025).

5. Прилепин, З. Родину не выбирают. Выбирают оружие / З. Прилепин // Уроки русского. – № 199, 16.12.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ntv.ru/peredacha/Uroki_russkogo/m65587/o712343/ (дата обращения: 05.03.2025).

6. Прилепин, З. Идёт великая война символов / З. Прилепин // Ваши новости, 23.03.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vnnews.ru/zakhar-prilepin-idyot-velikaya-voyna-si/> (дата обращения: 05.03.2025).

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с нидерланд. – М. : Изд-во Европа, 2007. – 612 с.

2. Артамонов, Д. С. Медиапамять в эпоху цифры / Д. С. Артамонов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2023. – 180 с.

3. Артамонов, Д. С. Медиапамять: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 65–83.

4. Репина, Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени / Л. П. Репина // *Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. – 2020. – Т. 20, вып. 1. – С. 34–40.

5. Родькин, П. Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти. Критический очерк / П. Е. Родькин. – М. : Совпадение, 2016. – 70 с.

Б. Тойнби, А. Дж. Постигание истории /
А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. – М. : Айрис-Пресс, 2002. –
637 с.

Sidorov Viktor,
Doctor of Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University
v.sidorov@spbu.ru

Media memory as an echo of war: value interpretations of the current past

(The study was supported by a grant from
the Russian Science Foundation № 24-28-00577,
<https://rscf.ru/project/24-28-00577/>)

The actualization of historical memory, its place and role in propaganda in media texts of the first year of the SVO are considered. The object of study is information messages and reports in the program «Time» (Channel 1 TV) and the discourse of the writer Zakhar Prilepin. As a result, it is established that the appeal of media actors to the memory of the Great Patriotic War is an integral part of propaganda: messages about the Great Patriotic War acquire sacredness, and their discrediting is understood as the destruction of the value system of society.

Keywords: historical memory, propaganda, media discourse, media texts.

ВОЕНКОР: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ, ПРАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 070.422:355.08:929 Сладков

Беспалова Дария Васильевна,
студент 1 курса магистратуры направления
подготовки «Журналистика»
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
diavidiavi@yandex.ru

Практики современного журнализма в работе военкоров (на примере творчества А. В. Сладкова)

В статье рассматривается военная журналистика как особое направление, требующее от журналистов профессионализма, навыков и понимания военного дела. Кроме того, очерчен круг проблем, с которыми сталкиваются военкору во время работы. В рамках исследования выделены методы работы современных военкоров, их подход к выбору и представлению тем, готовность к экстремальным ситуациям, умение использовать социальные сети и визуальные материалы.

Ключевые слова: конфликт, война, корреспондент, информационная война, военкор, СМИ.

Военная журналистика является особым направлением, требующим от медиаспециалиста не только профессионализма и навыков в данной сфере, но и хорошего понимания военного дела и способности объективно освещать события на поле боя. Принципы и

цели военной журналистики направлены на предоставления объективной и достоверной информации о военных событиях, их анализ, формирование общественного мнения и сохранение памяти [1].

Перед тем, как приступить к описанию практик современного военкора, следует очертить круг проблем, с которыми он сталкивается на практике.

Одной из главных проблем является недостоверность информации. Зачастую журналисты сталкиваются с тем, что им необходимо балансировать между информированием общественности, сохранением безопасности мирного населения, военнослужащих, своей собственной, а также между разглашением конфиденциальной информации и уважением принципа конфиденциальности источников.

Кроме того, злоупотребление информацией, манипуляции идеями и дезинформация создают множество проблем, в том числе подрывают доверие аудитории к журналистской работе [3].

Изменение методов работы военкоров связано в первую очередь с развитием технологий, появлением социальных сетей и цифровых платформ для распространения информации. Практически у каждого сегодня есть доступ в социальные сети, в которых можно делиться информацией с аудиторией. И это даёт определённые преимущества: оперативность, интерактивность, выход в прямой эфир, обратную связь в виде комментариев. Всё это помогает держать связь с аудиторией и доносить информацию очень быстро [2].

Проанализировав методы и стратегии работы современных военкоров в социальных сетях на примере творчества Александра Сладкова, мы выделили

следующие характеристики его профессиональной деятельности как военкора:

1. Современные военкоры поднимают в своих материалах различные темы, включая события в армии, социальные проблемы, политическую обстановку, тактику, жизнь мирного населения и другие актуальные вопросы. Это позволяет воссоздать полную картину происходящего и обратить внимание на существующие проблемы.

2. Военный корреспондент должен быть готов к экстремальным ситуациям, иметь навыки выживания, знать, как оказать первую медицинскую помощь и уметь принимать правильные и незамедлительные решения в сложных ситуациях. Подобная работа требует не только профессионализма, но и мужества, соблюдения этики и несения полной ответственности за свои действия [5].

3. Помимо сбора, анализа и публикации информации о новейших образцах военной техники, обстановке в армии и работе спецслужб, военные журналисты занимаются ведением репортажей с передовой и написанием статей. Например, достаточно распространенной практикой является подготовка сводок новостей, где пишут о произошедшем за день. Это требует умения быстро реагировать, подбирать, анализировать и сопоставить информацию из разных источников [4].

4. Военкор должен обладать специальными знаниями о военной тактике, стратегии и оружии. Важно то, что нужно разбираться в теме, анализировать и сопоставлять факты. То есть военкор подаёт не сухую информацию, а подкрепляет её примерами и собственными размышлениями, что делает информацию понятнее и интереснее.

5. Материалы должны быть легкими и доступными для восприятия. В социальных сетях часто можно увидеть голосовые сообщения с комментариями различных экспертов, военнослужащих. Это помогает прояснить многие моменты и создаёт впечатление причастности к военным событиям. Также в лентах военкоров преобладают посты, написанные простым, понятным и даже экспрессивным языком. Так аудитория лучше усваивает информацию, и получается избежать сложных терминов.

6. Большую роль в медиаматериалах играет визуальная составляющая. Это позволяет зрителям в полной мере почувствовать сопричастность и своими глазами увидеть происходящее. Зачастую военкор выступает одновременно в роли корреспондента, фотографа, оператора и монтажера.

Одним из самых известных российских военных журналистов является Александр Валерьевич Сладков – специальный корреспондент Дирекции информационных программ «Вести» Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), член Общественного совета при Минобороны РФ, член рабочей группы по мобилизации при президенте России.

Он родился в 1966 году в пгт Монино Московской области. Военная тема была близка для него с самого детства: отец служил в военно-политической академии им. Ленина, дядя по матери и дед также были связаны с армией. Сам Александр с раннего детства мечтал стать горным стрелком и даже собирался поступать в пехотное училище в Орджоникидзе, но судьба сложилась иначе. Он окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. После этого началась его служба.

Уволился из Вооружённых сил лишь в 1992 году в звании старшего лейтенанта.

В этом же году связал свою жизнь с журналистикой. Первым местом работы для А. Сладкова стала газета «Время» в городе Щелково. Одновременно с этим он успевал подрабатывать и учиться на журфаке, который окончил экстерном.

С 1993 года успел проявить себя на радио «Голос России» и «Радио России». Именно там он начал освещать события из горячих точек. С этого же года начал работать на телеканале «Россия».

В качестве военного журналиста Александр Сладков осветил множество вооруженных конфликтов: войну в Приднестровье, гражданскую войну в Таджикистане, грузино-абхазский конфликт, контртеррористические операции в Чечне, а также боевые действия в ходе военных операций НАТО в Афганистане, Ираке, Иране, Югославии. В Чечне занимался освещением освобождения заложников. А во время второго чеченского конфликта находился в Дагестане, где в южной части также был конфликт.

С 2002 по 2015 гг. занимался выпуском «Военной программы», в которой рассказывал о том, что происходит в армии: о развитии вооружения и военной техники, современных методах ведения боёв, службе по контракту в вооруженных силах России, истории.

Несмотря на риск и опасность для жизни, продолжал освещать военные конфликты. Так, в 2008 году Александр получил ранение в Южной Осетии. Военкор направлялся в Цхинвал, когда автомобильная колонна, в которой находилась и машина съёмочной группы «Вестей», попала под обстрел. Жизнь Александру Сладкову спас российский майор Денис Ветчинов,

погибший при этом же обстреле. Военкор тогда получил ранение в ногу. В память о подвиге майора и в целом о событиях грузино-осетинской войны всего через год Сладков выпустил документальный фильм «Спасти любой ценой». В 2014 году Александр Сладков начал активно освещать боевые действия в Донбассе.

Александр Сладков является автором множества книг о войнах, которые видел своими глазами: «Обратная сторона войны», «Грозный. Буденновск. Цхинвал. Донбасс», «Швабра, Ленин, АКМ. Правдивые истории из жизни военного училища», «Армия США. Как всё устроено» и др. Также военкор занимался созданием документальных фильмов: о спасении детей в Беслане («Неизвестный солдат. Последняя командировка»); о военных событиях в Чечне («Найти и уничтожить. Конец банды Гелаева»); о боевых столкновениях в Таджикистане («Огненная застава. Оставшиеся в живых»); о начале боевых действий в Донбассе («Мы – Донбасс!»); о событиях Русской весны («Крым. Моя весна»).

За свою деятельность и освещение военных конфликтов Александр Сладков имеет множество наград, в том числе государственных (орден Почёта, два ордена Мужества, орден Дружбы Южной Осетии). Является лауреатом множества премий за профессиональную деятельность – три премии ФСБ России, премия Правительства РФ «за личный вклад в развитие репортёрской деятельности и военной журналистики».

Особый интерес для нас представляет деятельность Александра Сладкова в социальных сетях, в частности в Telegram. Именно его материалы составят эмпирическую основу нашего исследования.

Военкор создал свой телеграм-канал «Сладков +» еще в 2018 году. На тот момент он активно публиковал в

нем новости, касающиеся ситуации в Сирии и в Донбассе. В последующие три года количество постов значительно уменьшилось – они появлялись не чаще одного раза в полтора-два месяца.

Свою работу в полной мере канал восстановил лишь после начала СВО. На момент лета 2022 года новости в нем стали публиковаться ежедневно, сейчас они также продолжают выходить ежедневно в количестве не менее 2 постов в сутки. По состоянию на март 2025 года количество подписчиков канала составляет более 850 тыс. человек.

Для того чтобы выявить особенности массово-информационной деятельности Александра Сладкова, мы изучили публикации в его телеграм-канале за период с февраля по март 2025 года в количестве 295.

Как уже было отмечено выше, в последнее время динамика публикаций достаточно высокая и составляет в среднем 5-7 постов и репостов в день. Тематика публикаций по большей части касается боевых действий, однако ими не ограничивается.

Александр Сладков пишет не только о событиях в Донбассе, хотя эта тема остается одной из ключевых. Довольно часто он проводит параллели между боевыми столкновениями и военными конфликтами прошлых десятилетий и нынешними. Так, военкор затрагивал тему конфликта в Африке, Чечне, Афганистане и др., в том числе приводил примеры событий, свидетелем которых являлся лично. Часто Александр комментирует действия и высказывания западных оппонентов, что говорит о глубоком погружении военкора в информационную повестку и умение оперативно ее обрабатывать и комментировать.

Однако большая часть тем все же касается СВО: действия и нарративы украинских властей, реакции на них российских властей, обстановка на фронте, обстрелы не только территории Донбасса, но и других регионов России. Часто на канале появляются интервью или комментарии экспертов.

Также можно встретить персонифицированные или попросту личные истории автора, который либо же пропускает факты через себя, либо является прямым участником событий. Нередко Сладков пишет своего рода аналитику, хотя ее сложно назвать таковой в полной мере. В большей степени это рассуждения на тему отдельных событий СВО (заявления противника, тактика ВСУ, быт участников СВО и другие). Подобные рассуждения наталкивают читателя на мысли и побуждают продолжить рассуждение самим, ведь несколько фактов нам предоставили – нужно лишь связать их воедино.

Так как Александр Сладков часто бывает на передовой, многие его публикации касаются жизни там: быт бойцов, эвакуация населения, в том числе много историй об эвакуации животных, беседы с участниками СВО, командирами и экспертами, которые рассказывают о ситуации на фронте.

Telegram-канал Сладкова не является новостным, это скорее информационный блог с элементами аналитики, где автор делится своими наблюдениями, впечатлениями, размышлениями и видением событий.

Проанализировав посты из телеграм-канала «Сладков +» за февраль – март 2025 года, мы выделили следующие методы, которыми пользуется Александр Сладков при освещении боевых действий.

Во-первых, это метод наблюдения. Он имеет перед собой четкую цель и отражает не только особенность наблюдаемого объекта, но и личность и качества наблюдателя. В своих материалах Сладков использует метод наблюдения как основной. Причем, анализируя деятельность военкора, мы видим, что он отдает предпочтение длительному наблюдению: находится в «горячих точках» довольно длительное время, полностью проникает в атмосферу событий и в какой-то мере становится их активным участником. Большую часть постов Сладков иллюстрирует посредством фото или видео, чтобы в полной мере передать свои впечатления. Нередко военкор использует свои архивные материалы, чтобы доказать или подтвердить сказанное, либо же провести параллель и акцентировать внимание.

Другой метод, который достаточно часто можно заметить у Александра Сладкова, – это интервью. Интервью как метод сбора информации представляет собой особый вид исследовательского общения с отдельным человеком. Отличительной особенностью этого метода является то, что форма разговора с интервьюером приближена к обычному разговору, что способствует созданию непринужденной атмосферы общения.

Интервью Сладков берет у участников военных действий, очевидцев, часто общается с экспертами, нередко также и с военнопленными, чтобы полноценно отобразить происходящее. Журналист, когда берет интервью, не всегда виден в кадре, иногда не слышно даже его вопросов, однако можно догадаться, что они были.

Метод анализа документов широко распространен в практике журналистики, и Александр Сладков также активно его использует. В своих материалах он представляет информацию читателям в виде кратких исторических справок, ссылается на интервью и заявления командиров, лидеров общественных мнений и в целом на информацию, которую публикуют другие СМИ и военкоры. Причем он не просто ее копирует, но анализирует и пропускает «через себя».

Методы социологического исследования, а именно эксперимент, провокация или анкетирование в телеграм-канале «Сладков +» нами обнаружены не были.

Отдельного упоминания заслуживают используемые Александром Сладковым фото-, аудио- и видеоматериалы. Зачастую, касаясь фото, это кадры с передовой, где можно видеть самого военкора или окружающую его обстановку. Достаточно часто можно наблюдать, что Сладков использует архивные фотографии и даже видео, которые были сделаны много лет назад во время других его поездок в горячие точки. С помощью таких фотографий он проводит параллель с нынешними событиями или иллюстрирует свой опыт. Что касается видеоматериалов, то это также видео с передовой, часто встречаются видео с дронов, что говорит об использовании современной техники в условиях боевых действий. Также на канале публикуется достаточно много голосовых сообщений, в которых эксперты и военнослужащие комментируют то или иное событие, ситуацию и т. д.

Язык публикаций носит преимущественно разговорный характер, что сближает с аудиторией и делает информацию доступнее, однако же это заставляет в ней сомневаться. Более того, Александр Сладков

употребляет в своих постах ненормативную лексику, что не характерно для классической журналистики, но свойственно гонзо-журналистике. Также подобное сближает его с читателями и позволяет понять, что он такой же человек, как и они.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Сладков, помимо материалов с военной тематикой, размещает на канале рекламу, как скрытую, так и прямую. Это говорит о том, что канал является в том числе коммерческим. Также довольно много материалов Сладков заимствует посредством репостов из дружественных телеграм-каналов, с которыми взаимодействует (например, «Адекватный харьковчанин» и «АРХАНГЕЛ СПЕЦНАЗА Z»).

По нашему мнению, постоянная аудитория телеграм-канала «Сладков+», не использующая другие информационные каналы, остается не полностью осведомленной, не имеющей полноценной картины военных действий. Это связано с тем, что информация, предоставляемая военкором, не полностью отражает происходящее и является односторонней. В связи с этим у читателей могут возникнуть пробелы в восприятии конфликта, а также сложиться неверное впечатление о происходящем.

Таким образом, проанализировав работу современного военкора, мы можем сделать вывод, что сегодня в материалах военных корреспондентов преимущество отдаётся небольшим постам, написанным простым и живым языком. То есть журналист должен обладать навыком рассказать просто о сложном, а также уметь объяснить непонятные моменты. Приветствуется большое количество фото и видео, так как это возможность не только напрямую узнать о

происходящем, но и увидеть близких. Сегодня военкор должен уметь быстро, правдиво и просто подать информацию, анализировать её и в целом быть готовыми к многозадачности.

Список литературы

1. **Демидова, Т.** Роль СМИ в период вооруженного конфликта / Т. Демидова, Г. Баймухаметова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-period-vooruzhennogo-konflikta> (дата обращения: 25.02.2024).

2. **Олешкевич, В.** Телеграм-журналистика: информационные проекты в мессенджерах как новые массмедиа / В. Олешкевич // Меди@льманах. – 2022. – №5 (112). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-zhurnalistika-informatsionnye-proekty-v-messendzherah-kak-novye-massmedia> (дата обращения: 25.02.2024).

3. **Современная российская военная журналистика:** опыт, проблемы, перспективы / ред.-сост. М. Погорелый, И. Сафранчук. – М.: Гендальф, 2002. – 253 с.

4. **Тертычный, А.** Военный анализ в СМИ / А. Тертычный // Журналист. – 2008. – № 9. – С. 48–59.

5. **Элбакян, Н.** Снаряжение и работа журналистов в полевых условиях. Правовые основания доступа к информации в боевых условиях и некоторые особенности взаимодействия журналистов с силовыми ведомствами / Н. Элбакян, В. Элбакян // Справочник для журналистов, работающих в районах военных действий. – М.: Права человека, 2002. – 68 с.

Bespalova Daria Vasilyevna,
1st year Master's degree student in Journalism
Lugansk State Pedagogical University
diavidiavi@yandex.ru

**The practice of modern journalism
in the work of military officers (using the example of the
work of A. V. Sladkov)**

The article considers military journalism as a special field that requires professionalism, skills and understanding of military affairs from journalists. In addition, the range of problems faced by military personnel during their work is outlined. The research highlights the working methods of modern military personnel, their approach to choosing and presenting topics, their readiness for extreme situations, and their ability to use social networks and visual materials.

Keywords: conflict, war, correspondent, information war, military commander, mass media.

Бояркина Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры журналистики
Института медиакоммуникаций,
медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет им. В. И. Вернадского»
boiarkiana-natalia@list.ru

**Фронтовые дневники Анны Долгаревой:
содержательно-жанровая специфика**

В статье анализируется книга военных очерков Анны Долгаревой с точки зрения содержательного и жанрового своеобразия. Отмечается, что в основе представления материала лежит портретный очерк. Путем создания портретной галереи героев современной войны – добровольцев, мобилизованных, мирных жителей, автор рисует стереоскопическую картину, через которую осуществляется репрезентация мировоззренческих установок, смысловых интерпретаций происходящих процессов, определяющих выбор героев. Сумма этих представлений призвана дать некое приближение к пониманию смысла и значения совершающихся событий, которые в народном сознании еще недостаточно отрефлексированы.

Ключевые слова: Специальная военная операция, война, Донбасс, военный корреспондент, портретный очерк

В складывающемся корпусе новой военной литературы книга Анны Долгаревой «Я здесь не женщина, я фотоаппарат» занимает особое место. Оно обусловлено особым значением документалистики в переломные моменты истории, когда оказываются крайне востребованными и непосредственный фактический материал, дающий современнику представление о разворачивающихся в режиме реального времени событиях, и субъективный взгляд их живого участника и очевидца, являющий всегда некое осмысление, некую более или менее целостную картину происходящего, по меньшей мере, с точки зрения данного действующего лица. Это способ постижения исторической действительности и человека путем синхронного осмысления и донесения всего самого сокровенного, что может быть прочувствовано только изнутри событий, без какой-либо временной дистанции, без поздних искажений и привнесений [3, с. 3].

Книга Долгаревой, в первую очередь, показывает горе Донбасса, свидетелем которого она являлась, пока Россия туда не пришла и трагедия Донецка и Луганска не заняла соответствующее ей место в информационной повестке. По мнению самого автора, сборник ее журналистских очерков раскрывает причины начала Специальной военной операции [5].

Увидеть ситуацию в Донбассе до и после начала СВО изнутри помогает избранный подход, состоящий в воссоздании в серии портретных очерков образов участников событий – мирных жителей, ополченцев, участников СВО, где автор оказывается не просто хроникером, а одним из действующих лиц, переживающим трагедию глубоко лично и вовлеченным в нее не только личной драмой, хроникерской

деятельностью репортера, но и работой волонтера и поэта (в ходе военкоровских поездок Анна Долгарева также выступала перед бойцами с чтением своих стихов).

Погружению в ситуацию способствует использование формы дневника: «эта внутренняя форма уводит от серийности и безликости донбасских трагедий, дает возможность увидеть лицо, встретить человека, почувствовать наличие имени у постоянно растущих потерь. Формальный “эпос”, который миллионы наших сограждан получают в разных телеграммах, оживает в “лирике” и “драме” многочисленных бесед, интервью под ракетами и дронами» [4]. Последняя также дает материал для осмысления роли военных корреспондентов и новых стандартов работы военкоров: для автора это «особая информационная система», которая с помощью «живой авторской подачи» рождает «ощущение сопричастности» [6].

Изучению способа представления реальности войны в книге Долгаревой посвящена данная статья.

Книга Анны Долгаревой «Я здесь не женщина, я фотоаппарат» состоит из 70 очерков, охватывающих период до и после проведения Специальной военной операции. Они представляют собой расшифрованные записи, которые делались военным корреспондентом на протяжении девяти лет, с 2015 по 2024 гг., в ходе поездок в зону проведения боевых действий.

География очерков повторяет маршрут военкора, передвижения которого по донецкой и луганской территориям определяются активностью боевых действий. Дороги на Горловку, Ясиноватую, Александровку пересекаются с путями в населенные пункты с менее «звучными» названиями – Трудовские, Кировск, Новосветловка и др. Замедляет ход, по словам

самого автора, дневник в Мариуполе, куда корреспондент прибывает уже на третий день, 22 марта 2022 г., после его освобождения и создает одни из первых свидетельств злодеяний укронацистов; в Изюме, где Долгарева работала в начале сентября 2022 г., непосредственно накануне отступления российских войск. Значимой географической точкой повествования также становится Лисичанск: отступление из города и борьба за него (вплоть до 3 июля 2022 г., когда осуществлен его захват российскими войсками, ознаменовавший собой полное освобождение ЛНР) отражены в рассказах бойцов 14-й батальона территориальной обороны ЛНР «Призрак». Последний занимает одно из центральных мест в очерках Долгаревой. В записках также по рассказам участников реконструированы штурмы Светличного и занятие окопов под Авдеевкой.

По признанию автора, при подготовке книги очерки не подвергались специальной обработке, представляя собой так называемый сырой материал, не проходивший правки редактором СМИ, ни стилистической, ни концептуальной: в результате чего он лишен прежде всего того нейтрального тона, который свойственен контенту официальных массмедиа.

Сохраняя формально журналистский дискурс, который прежде всего связан для автора с максимальным приглушением субъективного начала в тексте, книга не могла получиться нейтральной, потому что основана на глубоко личном переживании конфликта. Анна Долгарева отправляется на войну после гибели любимого, военкорство для нее становится одной из возможных форм участия в разворачивающейся общероссийской драме: «Сначала я решила пойти

воевать в его батарею, потом встретила человека, который сказал мне, что я неплохой журналист <...> – Да и вообще, – добавил он, – по “Минску-2” артиллерию отводят от фронта, военкором у тебя шанс погибнуть реально выше» [2, с. 8].

Линия автора выписана в интерлюдиях, в которых ярко живописуется быт военного корреспондента на Донбассе. Впрочем, описание условий и особенностей работы и, главное, рефлексия относительно того, что и как должен делать корреспондент – как действовать и реагировать, присутствует во всем тексте. Это, собственно, и позволяет автору определить свои записки как дневниковые – поднаготная работы военкора. Не вынесенные за границы кадра сомнения в данных официальной медийки, в целесообразности замалчивания наших потерь, в безальтернативности Минских соглашений; несоблюдение правил безопасности – чехол без плит, потому что не хватает денег на бронеплиты, и ненадетая каска, потому что она сужает угол обзора; ненадлежащее поведение в зоне проведения стрелкового боя; журналистские промахи из-за психологической усталости и ненависть к профессии – из-за того, что приходится задавать неудобные и ранящие вопросы...

Два основных фактора в большей степени влияют на поведение военкора – страх и переживание чужой боли. Причем и первый, и второй преодолеваются погружением в самую гущу событий. С той только разницей, что страх, часто не физической гибели, а масштаба грозящих событий и возможных потерь, то есть неизвестности, является фактором временным и несущественным: когда есть возможность действовать, страх отступает, особенно если ты в тяжелом бронежилете, от которого так устаешь, что уже не

думаешь об опасности (как в эпизоде, в котором военкору приходится спастись от налета дронов в главе «Минометчики “Отважных”»). Но страшнее всего – говорить с людьми, убитыми горем. «Человек абсолютно беспомощен, когда рядом с ним происходит чужое горе. Чтобы не сойти с ума от этой беспомощности, человек начинает придумывать разные психозащиты. <...> У меня своя психозащита: когда на Донбассе начинался ад, я уезжала туда. Снимала, записывала, разговаривала с жителями обстреливаемых поселков, с измученными чумазами военными, и вроде как была при деле. Мне говорили, что я ищу смерти; или спрашивали, как я это выдерживаю. А это была моя собственная защита от обжигающего пламени чужого горя» [2, с. 114].

Автор начинает заниматься сбором гуманитарной помощи, чтобы хоть как-то помочь людям: с наборами продуктов и лекарств было легче – корреспондент чувствует себя «менее бесполезной перед лицом человеческой трагедии» [2, с. 215]. Однако радость от возможности помочь, а значит, хоть немного облегчить чужую боль, совсем короткая. Через какое-то время в Мариуполе военкор, от переполненного чужим горем сердца, старается избегать несчастных: ей «не повезло» натолкнуться на женщину, у которой недавно снарядом убило сына, и он умер на руках у матери, после чего корреспондент даже не подумала записать разговор с освобожденной бабушкой, которая была заперта в своей квартире из-за заклинившей двери. Эмпатия остается для Долгаревой непреодоленной проблемой. Истинная тяжесть положения мирного населения заставляет корреспондента после Мариуполя практически перестать работать с гражданскими, а после Изюма – прекратить совсем.

До этих трагических эпизодов новейшей российской истории корреспондент Долгарева в ходе своих поездок много общается с населением. По ее собственным словам, ей хотелось достучаться до украинцев, чтобы они убедились, что их страна убивает мирных жителей. Расстрел обывателей, выбегающих к колонкам из подвалов, где они неделями прятались от обстрелов и где приходилось пить воду, слитую из труб; воронки во дворах, наполненные гильзами и телами людей, в основном стариков, оставшихся без помощи, в том числе медицинской, – вот самые яркие приметы текущего конфликта в рассказах военкора. Из других ледящих душу примет: тихие дети, которые не говорят совсем или почти совсем после того, как начались обстрелы; и старики и инвалиды, брошенные своими детьми, убежавшими от обстрелов в Россию или на Украину. Среди героев книги есть и эти, рожденные текущим противостоянием, образы коммунальщиков – увековеченные в стихотворении поэта Долгаревой «Погибшим коммунащикам Донбасса», без преувеличения достойного войти в вечный синодик русской военной лирики:

И Серега приходит в рай – а куда еще?
Тень с земли силуэт у него чернит.
И говорит он: “Господи, у тебя тут течёт,
кровавый дождь отсюда течёт,
давай попробую починить” [1].

В книге стихотворный Серега имеет реальных прототипов – газовщика Кировска Владимира, потерявшего малолетнюю внучку, и электрика из Александровки Александра Леонтьевича Черкаса, видевшего смерть сына, невестки и приемного внука, – коммунальщиков, которые под обстрелами, презирая

опасность, поддерживают жизнь в постоянно обстреливаемых городах. Первому, между прочим, принадлежит знаковая фраза о невозможности примирения между сторонами – «мы ведь детей хоронили» [2, с. 101].

Создание образов воинов у Долгаревой связано с другой установкой: «люди умирают во второй раз, когда о них забывают. Когда я ехала на войну журналистом, я хотела, чтобы погибшие бойцы не умирали во второй раз. Мне кажется это очень важным. Я хочу, чтобы остались не только две фотографии с косой черной полоской. Я хочу, чтобы вы тоже запомнили и представили: весна, окоп, дует ветер, и Саша в глухой балаклаве с автоматом, в карих глазах – искорки солнца, и осетин с большой лопатой, смеется. Пусть они будут вечно» [2, с. 69].

Мольба о том, чтобы герои выжили, чтобы текст о них не стал некрологом, – рефреном звучит в долгаревских очерках. Зарисовывая портреты воинов, очеркист не может отвязаться от невольной мысли о том, сколько отмерено этим людям. Мальчик с серым котенком на руках; светлоглазый хулиган в панаме, в камуфляже, с пистолетом; командир, нежно глядящий белый цветок земляники, – такими видит бойцов читатель, и если они умирают, то потом, где-то за кадром. Подобное смещение временных пластов создает особый эффект.

В одном из очерков командир признается, что не знает, сколько лет убитому бойцу – никогда не интересовался. Ополченцы всех возрастов у Долгаревой – подросшие дети, которые «уходят в зеленку, в солнечный свет» [2, с. 243]. И кто-то уже не возвращается, сам становясь светом, исполняясь света

невечернего, а кто-то возвращается – в окопы, оставшиеся с прошлой войны, которые приходится углублять новому поколению русских воинов.

Поэтому долгаревское «мои мертвые» – как она говорит обо всех героях своих очерков, прочитывается как «наши мертвые»: те, кто стоит на этих самых рубежах, извечно. И в ослепительном солнечном свете по лику не различить возраста воина – солдата той войны, или этой, необъявленной. Для Долгаревой они – воинство Христово, архетипы.

И в связи с этим особое значение имеет показ того, какая стихийная сила подняла людей и привела в старые новые окопы.

Долгарева создает галерею портретов бойцов, в каждом из которых преломляется спектр переживаний общероссийской драмы, которая, по крайней мере, до начала специальной военной операции, не была концептуально сфокусирована. Для каждого из бойцов война – необъявленная и потому странная – началась не одновременно в 2014 г.: для кого-то 5 марта, когда он стоял в Донецке в уличных протестах с Алексеем Мозговым (командир бригады «Призрак», один из самых влиятельных полевых командиров ЛНР); для кого-то в июле, когда стало ясно, что протестное движение в Харькове задавили; для кого-то летом, когда он увидел фотографию окровавленной четырехлетней девочки из Славянска; для большинства – 2 мая после событий в Одессе, когда «многие люди в разных концах бывшего Союзе внезапно решили, что им надо в донбасское ополчение» [2, с. 91].

Героев Долгаревой «переклинило» от разных эпизодов в этой цепочке роковых событий, и они отправились в самую гущу конфликта вопреки

распространенным мнениям, в том числе транслируемым их самыми близкими людьми: о том, что это внутренний конфликт украинцев; война алкоголиков и неудачников, которые не могут вписаться в мирную жизнь; противостояние, в котором от твоего участия ничего не изменится; наконец, вопреки собственному ощущению проигранности войны... Корреспондента, в частности, крайне поражает, как при убежденности в проигранности войны человека, тем не менее, ведет на нее иррациональная вера в необходимость и правоту своего дела, которое в наиболее общем виде можно сформулировать как отстаивание идеи Новороссии.

Мотивация у них самая простая: потому что если думать, что от тебя ничего не зависит, то не было бы и восстания, ничего этого не было бы; потому что не могут быть напрасными жертвы и нельзя допустить новых – украинцы здесь устроят концлагерь; потому что «не хочется, чтобы к матери домой приходили всякие» [2, с. 311].

Широко представлена в очерках, как это принято говорить, психология человека с ружьем с ее традиционным комплексом проблем: преодоления страха, приспособления к неудобствам походной жизни, ответственности за вверенные боевые подразделения и т. д. Первый бой, первое причинение смерти человеку, потеря товарищей, привыкание к войне – отрефлексированы героями Долгаревой. Для них страшнее всего на войне затишье и приказ «не стрелять». Страх преодолевается необходимостью держать боевой порядок и злостью: «Злость, – наконец, тяжело произнес он. – Когда вспоминаешь, как ребенка вытаскивал... а он спрашивает: “Где моя ножка?” Это село тут одно недавно расстреляли. Я как раз там в магазин зашел. Побежал,

вытащил... Ребенок пяти лет. Ножка висит на лоскуте кожи. Где родители – не знаю. Злость, да» [2, с. 246]. Они вдохновляются стихотворениями «Мужество» Ахматовой и «Снова грущу о шинели» Друниной, читают «Бородино» и цитируют «Белую гвардию» Булгакова. Они жалеют врага.

В очерке «Как взяли Светличное» бойцы закапывают трупы врагов голыми руками – лопат не было, землю со стенок окопов, в которых лежали тела, сгребали руками. Врагов называют братом, хотя на стенах нацистские значки и надписи с призывами убивать «русню».

В целом в книге Долгаревой враг представлен в собирательном образе снайперов, развлекающихся бессмысленной стрельбой по мирным жителям, идущим на работу, за водой или к мусорному баку, и в конкретных образах: митингующей мелитопольской тетки в заношенном сером пуховике, в каком ходит пол-России, и двух пленных – «заробитчан», которые не воспринимают произошедшее как катастрофу, видимо, не способные оценить масштаб и трагизм совершающихся событий.

В одной из своих газетных статей Илья Эренбург – корреспондент Первой мировой войны, высоко оценивая книгу Барбюса «Огонь», называл ее документом, который еще ждет творца, но который для современников говорит больше, чем самые долговечные книги.

В дни продолжающегося противостояния книга Анны Долгаревой, которая представляет собой галерею портретов участников «первого Донбасса» и СВО – добровольцев, мобилизованных, мирных жителей, является особо ценным материалом. В нем явлены лики

наших современников, в которых отражается, по-своему преломляясь, стихийно проявившееся самосознание народа. Собранные вместе портреты разных людей, по-разному переживающих историческое событие, создают стереоскопическую картину, через которую осуществляется репрезентация мировоззренческих установок, смысловых интерпретаций происходящих процессов, определяющих выбор героев. Сумма этих представлений призвана дать некое приближение к пониманию смысла и значения совершающихся событий.

В этом, пожалуй, главная ценность книги Долгारेвой: читатель вынужден искать себя на большом коллективном портрете – в этой исторической общности, оказавшейся перед большим историческим вызовом. При том что и первая, и второй еще только выкристаллизовываются – отсюда и разноголосица мнений относительно Специальной военной операции, и отсутствие образа врага и представления об угрозе, с которой он связан.

Закономерно главной темой очерков становится тема самоопределения героев, которые в разных личных обстоятельствах делают свой выбор, отказываясь от привычной, понятной, комфортной жизни, от социального статуса ради неизвестности. При этом неизвестность многогранна: непредрешенный итог конфликта, непредрешенность судьбы воина и неиспытанность его характера, еще не проверенного опасностями, физическими трудностями и неудобствами, психологическими потрясениями.

Созданию эффекта сопричастности, погружения в ситуацию во многом способствует избранный способ повествования: с автором – активным участником конфликта, и с центральной темой памяти,

реализованной в экспериментах со временем. Корреспондент в книге не просто хроникер, но человек, потерявший на войне близких, для которого трагедия Купянска и Изюма – горе уроженки Харькова. Записки корреспондента – не только хроника, но личный фотоальбом, вместивший вечно живые образы воинов нынешней войны.

Список литературы

1. Долгарева, А. Стихи / А. Долгарева // «Нева». – № 10. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reading-hall.ru/contents.php?id=3435> (дата обращения: 20.05.2025).

2. Долгарева, А. Я здесь не женщина, я фотоаппарат. Фронтовые дневники. – М. : АСТ, 2024. – 352 с.

3. Маркусь, А. М. Военные мемуары и дневниковая проза Великой Отечественной войны. Жанрово-стилевые особенности : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Маркусь Анна Михайловна. – Челябинск, 2017. – 22 с.

4. Татаринов, А. Ради будущей Пасхи. О фронтовых дневниках Анны Долгаревой / А. Татаринов // Родная Кубань, 05.03.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_16731.html (дата обращения: 20.05.2025).

5. Троицкая, В. Анна Долгарева: «Моя книга хорошо отвечает на вопрос о причинах начала СВО» / В. Троицкая // Петербургский дневник, 28.04.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbdnevnik.ru/news/2025-04-28/anna-dolgareva->

moya-kniga-horosho-otvechaet-na-vopros-o-prichinah-nachala-spetsialnoy-voennoy-operatsii (дата обращения: 20.05.2025).

6. Троицкая, В. Поэт Анна Долгарева: «Новые времена задают новые стандарты» / В. Троицкая // Петербургский дневник, 27.04.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbndnevnik.ru/news/2023-04-27/poet-anna-dolgareva-novye-vremena-zadayut-novye-standarty> (дата обращения: 20.05.2025).

Boyarkina Natalia Vladimirovna,
Ph. D. in Philology,
senior lecturer of the Department of Journalism,
Institute of Media Communications,
Media Technologies and Design
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
boiarkiana-natalia@list.ru

Anna Dolgareva's front-line diaries: content and genre specifics

The article analyzes the book of military essays by Anna Dolgareva in terms of content and genre originality. It is noted that the presentation of the material is based on a portrait sketch. By creating a portrait's gallery of heroes of the modern war – volunteers, mobilized, civilians, the author creates a stereoscopic picture through which the ideological attitudes and semantic interpretations of the processes that determine the choice of heroes are represented. The sum of these ideas is intended to provide some approximation to understanding the meaning and significance of the events that

are taking place, which have not yet been sufficiently reflected in the popular consciousness.

Keywords: Special military operation, war, Donbass, war correspondent, portrait sketch

УДК [070.422:355.08]:070.43/.44

Дегтярева Ольга Викторовна,
кандидат политических наук,
доцент Северо-Западного института управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(СЗИУ РАНХиГС),
ФГБОУ ВО «Азовский государственный
педагогический университет»
(г. Бердянск, Запорожская обл.)
olgaspb2008@mail.ru

**Журналистика войны и журналистика мира на
службе военного корреспондента: ретроспективный и
фрейм-анализ**

В исследовании анализируется представление СВО в медиадискурсах в свете растущего влияния роли военкоров, которые обладают потенциалом для формирования общественного мнения. На примере публикаций в СМИ о военных журналистах – Евгении Поддубном и Александре Сладкове, – входящих в число самых цитируемых в 2024–2025 гг., и контенте их телеграм-каналов рассматривается, как медиа

формируют нарративы и медиаобразы посредством стратегического фрейминга.

Ключевые слова: СВО, военный корреспондент, мирная журналистика, когнитивная война.

СМИ играют ключевую роль в создании нарративов и формировании общественного мнения о военных противостояниях. Учитывая серьезные гуманитарные последствия войн, анализ того, как конфликты освещаются в медиа, приобретает еще большее значение для аудитории. Хотя существует множество исследований, посвященных освещению войны в СМИ, они часто фокусируются на отдельных событиях или ограниченных временных рамках, упуская из фокуса эволюцию нарративов и медиаобразов. Изучая закономерности и различия в подаче информации в традиционных и новых медиа, мы увидели, как разные подходы влияют на освещение войны и на потенциальный дисбаланс в ее освещении. В этом исследовании мы устраняем этот пробел, проводя лонгитюдный фреймовый анализ освещения ими войны на примере исследования публикаций СМИ о военных журналистах – Евгении Поддубном и Александре Сладкове, – входящих в число самых цитируемых в 2024–2025 гг. по данным мониторинга «ПрессИндекс». Предметом исследования выступили особенности формирования образа военного журналиста через формируемый медиаконтент. Целью данной работы является исследование тенденции формирования образа военкора в медиадискурсе России и степени его воздействия на общественность. Сформулированная цель предопределила выбор методов исследования и постановку следующих задач: 1) определить теоретико-

методологические подходы к концептуализации понятий «военкор», «военный журналист», «спецкор», «медиаобраз»; выявить и проанализировать динамику использования языковых средств формирования образа в исследуемых материалах.

Для достижения поставленных в работе задач использовалась совокупность научных методов, таких как: контент-анализ, фокусированное интервью, лексико-психологический и семантический анализ, статистический анализ, сравнительный анализ, фрейм-анализ. Эмпирическую базу исследования составил корпус публикаций СМИ с упоминанием военных журналистов – Евгения Поддубного и Александра Сладкова – в выгрузке 50 контекстов. Хронологические рамки исследования охватили период с 11.12.2024 года по 11.06.2025 года, включающие обострения украинско-российского конфликта и мирные инициативы. Используя технику обработки естественного языка – тематическое моделирование – с генеративной вероятностной моделью LDA, исследование выявляет общие фреймы. С помощью распознавания именованных сущностей (roBERTa) интерпретация этих фреймов обеспечивает всесторонний анализ нарративов, доминирующих в поле политической коммуникации в условиях продолжающейся СВО. Исследование дополнено фокусированными интервью с военными журналистами, например, с Александрой Павловой («Отважная Ася») [1] и Сергеем Мирным («МИРНЫЙ-МЕДИА») [2].

Отечественные исследователи все чаще обращаются к проблеме медиаэффектов. Однако, в отличие от западной научной традиции, в отечественной мысли доминирует критическая парадигма Энтмана [3],

предполагающая доминирование медиа, в пространстве которых фреймы выступают ограничителями политической активности граждан. При конструктивистском подходе [4] фрейминг выступает инструментом, через который аудитория интерпретирует действительность, отсюда возникают искажения в понимании и репрезентации событий. При когнитивном подходе эффект фрейминга проявляется в осмыслении того, как происходит потребление и переработка информации, как сообщение запоминается аудиторией и что влияет на принятие ею решений (суждения, поведенческие паттерны). Несомненно, в условиях постреальности, когда «постправда» становится более объемным понятием, а не сводится лишь к мультипликации событий, напротив, важно установить набор инструментов, управляющих и конструирующих эту реальность. При таком подходе аудитория, которая эмоционально поддерживает и ярко проявляет позицию, привлекает к себе еще большее внимание СМИ и, тем самым, искажает событие в свою сторону.

В этой связи представляется целесообразным с помощью фрейм-анализа изучить нарративы в СМИ, способствующие выявлению политических ориентаций и предпочтений аудитории. Анализ того, как военные журналисты представляют конфликт, облегчает понимание того, как медиасистема может формировать восприятие своей аудитории в соответствии с разными политическими или идеологическими подходами. В этом случае СМИ выступают частью стратегических коммуникаций, скоординированные действия (через сообщения, изображения, видео) которых призваны информировать, влиять, убеждать аудиторию, и направлены на сигнализацию или взаимодействие с

выбранной аудиторией для поддержания национальной цели [5].

Согласно теории мирной журналистики Й. Галтунга [6], место и роль СМИ рассматривается в соотношении с гражданским обществом и государством. В такой трехсторонней модели капиталу СМИ отводится важная роль коммуникационного канала, равноудаленно находящегося от остальных акторов. Однако применительно к информационной и когнитивной войне, которая сопровождает СВО, важно учитывать особенности выстраивания политической коммуникации постсоветских стран, с активным участием в ней акторов финансово-промышленных групп, действия которых предопределили генезис формирования медиасистемы России и Украины.

В этой связи важно отметить концепцию взаимозависимости между политикой и массмедиа. Такое соотношение не предусматривает устоявшегося равновесия сил. Так, политическая сила может «встретить» как слабые, так и сильные медиа, и наоборот.

То, как коммуникация может приобретать разные формы, проявления и соотношение сил хорошо иллюстрируют основные типы политической коммуникации, описанные В. Геллнером [7]. Он рассматривал отношения между политикой и СМИ на примере взаимоотношений между партиями и СМИ. То обстоятельство, что соотношение сил между политикой (или партиями) и СМИ могут по-разному проявляться, он учел и описал пять основных типов политической коммуникации: бюджетно-бюрократический, патерналистско-иерархический, представительско-демократический,

популистско-медиакратический, индивидуалистско-анархический.

Согласно патерналистско-иерархическому типу политической коммуникации, слабые СМИ противостоят сильным партиям. При таком типе существует четкое доминирование политики и партии, которые доминируют над медиа. Власть в таком случае исходит от государства, выразителем которого становится политическая партия. СМИ могут транслировать и выражать интересы политической силы. Как правило, массмедиа играют роль инструмента для реализации партийно-политических интересов. То есть, с точки зрения власти, СМИ являются слабыми [7, с. 21]. Примером такого типа политической коммуникации являются постсоветские государства Восточной Европы. Хронологически, предполагается, что патерналистско-иерархический тип политической коммуникации постепенно сменяет следующий – представительско-демократический. Последний характеризует соотношение, при котором сильные СМИ противостоят сильным партиям. Устанавливается равноценное соотношение сил между массмедиа и политикой, соответственно, баланс силы и противодействующей силы: СМИ становятся свободными и независимыми в формировании своей редакционной политики. Политические партии можно считать сильными в таком случае, если им удастся оказать воздействие на основные черты процесса формирования общественного мнения и политическую волю, если они при этом исполняют типовые функции партий [7, с. 23]. Партии тоже могут быть «слабыми», если через свою структуру и содержательную часть не способны играть независимую роль в процессе

формирования общественного мнения и политической воли. Это бюджетно-бюрократический тип политической коммуникации, при котором центральные государственные институты формируют процесс политической коммуникации практически «по собственному мнению» [7, с. 20]. В таком случае наблюдается одностороннее доминирование государственно-административной сферы: ни СМИ, ни партии не играют заметной, независимой роли. Медиа не имеют редакционной автономии и выступают регулируемыми коммуникационными каналами. Они не имеют стабильных структур и не могут противостоять мощной административной бюрократии. Естественно, СМИ являются важным рупором для политики. Передача информации СМИ для политической силы означает одновременно также утрату контроля над содержанием коммуникации, потому что цели коммуникации массмедиа неконгруэнтны целям партий (политики). Обычно политика предоставляет СМИ решающую информацию, правда, не всегда в той форме, в которой хотелось бы СМИ, и избирательно, однобоко, часто манипулируя ими. Было бы странно ожидать от политики, чтобы она предоставляла медиа информацию по первой потребности, а от СМИ – чтобы они были платформой или трибуной политики. По мнению Геллнера, в случае с индивидуалистско-анархическим типом политической коммуникации речь идет об инсценизации событий. В условиях интернет-коммуникации эту модель характеризует конструирование псевдореальности с помощью СМИ и при условии технически развитых интернет-ресурсов. Партии и СМИ выступают предельными явлениями при такой политической коммуникации.

Применительно к России конфликт с Украиной стал катализатором изменений, которые произошли и в политической, и в медиасистеме. СВО выступило системообразующим фактором. Расширились каналы распространения информации. Социальные сети при поддержке государственного аппарата превратили спецкоров и репортеров в настоящих «народных журналистов», которые с помощью уникального визуального контента с мест боевых действий предлагали альтернативную традиционным СМИ реальность. Военкоры стали настоящими «героями спецоперации Z», «голосом вооруженного народа», «солдатами сражающейся страны» [8]. О росте популярности военных журналистов говорят упоминания о них в СМИ (Рис. 1, Рис. 2).

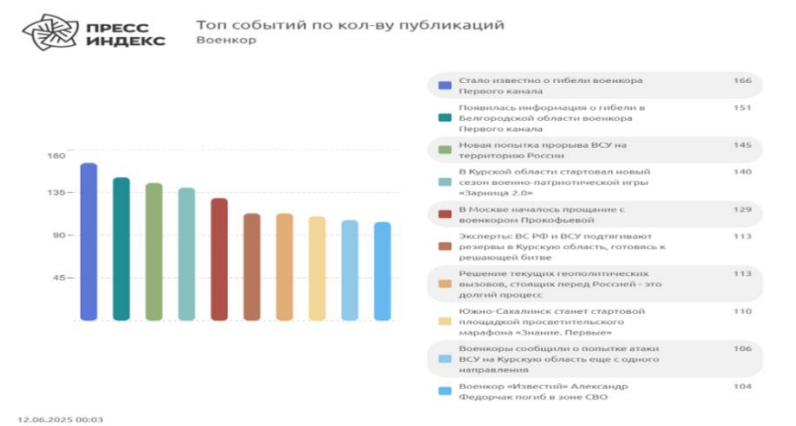

Рис. 1. Топ событий по количеству публикаций в СМИ с упоминанием военкоров

Рис. 2. Динамика публикаций в СМИ с упоминанием военкоров

Несомненно, военный дискурс является важнейшей частью информационных и психологических операций, проводимых параллельно с военными действиями. Вооруженный конфликт стал стимулятором языкового выражения множественных стереотипов и предубеждений, существующих в массовом сознании россиян. Анализ текстов о войне позволил вскрыть не только особенности военного дискурса, но и дискурсивные характеристики манипуляции общественным сознанием, семантику и риторiku информационных операций.

Концепт «война» можно определить как действия различного рода, направленные на ослабление, деморализацию и уничтожение (или самоуничтожение) противника. Дискурсивное измерение войны состоит из двух компонентов: социального и когнитивного. В первую очередь, военный дискурс принадлежит к социальному измерению войны. Социальный компонент включает ежедневный военный дискурс, «дискурс – социальная практика». Социальные практики характеризуются когнитивным измерением (знания,

мнения, верования, нормы и ценности, убеждения и стереотипы, идеологии и т.п.). Стереотипы и предрассудки могут пролить свет на некоторые причины конфликтов и особенности их протекания. В то же время дискурс – основной источник, генерирующий и распространяющий убеждения, представления и предрассудки, которые занимают важнейшее место в военном дискурсе. Поэтому важно рассматривать стилистику и риторику дискурса (риторические приемы, речевые акты, стратегии и т.п.). Такие структуры обычно относят к элементам социального контекста. Например, в своих телеграм-каналах Евгений Поддубный и Александр Сладков чаще концентрируются на таких темах, как «Военная операция и стратегия», «Политическая реакция и позиция», чем на «Гуманитарном кризисе и гражданских последствиях». Оба военкора в большей степени используют фрейм военной журналистики, а не журналистики мира. Журналистика войны выстраивает дискурс по принципу разграничения «мы-групп» и «они-групп», («свои – чужие»; «наши – враги»). При этом создается и поддерживается негативный имидж «они-групп» и положительный имидж «мы-групп», часто упоминается, «кто первый начал?» конфликт. Сегодня все чаще журналистику мира подменяет собой журналистика решений, при которой СМИ демонстрируют разную тематику сообщений, подчеркивая в большей степени решения, а не акцентируя внимание на самих проблемах. При таком подходе журналисты часто в своих материалах опираются на результаты исследований для соблюдения концепции баланса сил, мирных инициатив. Несомненно, область исследования широка и не позволяет в рамках данной статьи представить весь

объем информации. Однако вынуждает нас обратить внимание на такую актуальную область знания.

Список литературы

1. Телеграм-канал «Отважная Ася». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/voenkor_asya (дата обращения: 10.06.2025).

2. Телеграм-канал «МИРНЫЙ-МЕДИА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/zp_media (дата обращения: 10.06.2025).

3. D'Angelo. News framing as a multiparadigmatic research program: A response to Entman // Journal of Communication. – 2002. – № 52. – PP. 870–888.

4. **Van Gorp, B.** The constructionist approach to framing: Bringing culture back in / B. Van Gorp // Journal of Communication. – 2007 – № 57. – PP. 60–78.

5. **Paul, C.** Strategic Communication: Origins, Concepts, and Current Debates / C. Paul // Contemporary Military, Strategic, and Security Issues. – Praeger, 2011. – 256 p.

6. **Galtung, J.** State, Capital, and the Civil Society: The Problem of Communication // J. Galtung // Towards Equity in Global Communication / [R. Vincent, K. Nordenstreng, M. Traber]. – Cresskill, 1999. – PP. 3-21.

7. **Gellner, W.** Medien und parteien, grundmuster politischer kommunikation / Winand Gellner, Hans-Joachim Veen (Hrsg.) // Umbruch and Wandel in Westeuropäischen parteiensystemen. – Frankfurt/Main : Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1995. – 236 p.

8. **Пахалюк, К. А.** Вот вы дичь перепуганная: мобилизация в телеграм-каналах / К. А. Пахалюк // Социодиггер. Мобилизациявчераисегодня. – 2023. – Т. 4, № 1-2(24). – С. 70–82.

Degtyareva Olga,
candidate of the political sciences, Associate Professor
The North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration
olgaspb2008@mail.ru

**War journalism and peace journalism in the service of a
war correspondent: retrospective and frame-analysis**

The study analyses the Special Military Operation representation in media outlets in light of the growing influence of the war correspondent, which have the potential to shape public opinion. For example, the publications about military journalists – Evgeny Poddubny and Alexander Sladkov – are among the most cited in 2024–2025, is seen as a media form narratives and media images through strategic framing.

Keywords: Special Military Operation, war correspondent, cognitive warfare.

Каторгина Дарья Юрьевна,
старший преподаватель кафедры
журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
katorginalnu@yandex.com

Новая этика массово-информационного пространства военных журналистов

Статья посвящена исследованию влияния новой этики на профессиональное поведение военных журналистов. Рассматриваются ключевые принципы новой этики, её применение в практике военкоров и специфика функционирования цифровых платформ, таких как телеграм-каналы, в формировании общественного мнения и обеспечении прозрачности информационной среды. Особое внимание уделено работе военного корреспондента Семёна Пегова, чьи публикации служат примером внедрения новых этических норм в современную военную журналистику. Анализируется роль цифровых каналов распространения информации, взаимодействие журналистов с широкой аудиторией и важность соблюдения высоких профессиональных стандартов в экстремальных ситуациях.

Ключевые слова: новая этика, военный корреспондент, журналистская ответственность, современные медиа, этические принципы.

Современный мир характеризуется изобилием информации, которая насыщает общество с различных сторон: газеты, журналы, телевидение, интернет, книги, лекции, шоу и т.д. Все это неотъемлемая часть нашей жизни, в которой роль журналистов, в частности военкоров, становится все более значимой.

Военные конфликты и события на международной арене продолжают оставаться важными темами, привлекающими внимание общества. В таких условиях военкоры играют ключевую роль в освещении происходящего, передавая информацию с места событий и делая это с точностью, независимостью и объективностью.

Военная журналистика является особым направлением, требующим от журналиста не только профессионализма и навыков в сфере журналистики, но и хорошего понимания военного дела, способности объективно освещать события на поле боя. И здесь важно помнить об этической составляющей в работе журналиста.

Новые этические стандарты и принципы поведения становятся все более актуальными в различных сферах жизни, включая профессиональную деятельность. В частности, с появлением новых технологий, развитием социальных медиа и усилением внимания к вопросам справедливости и равенства, вопросы этики приобретают особое значение.

Исследование новой этики в профессиональной сфере помогает определить, как этические принципы влияют на качество и достоверность информации, а также выявить возможные проблемы и предложить пути их решения. Кроме того, изучение новой этики

способствует формированию более глубокого понимания этических вопросов и стандартов.

Таким образом, актуальность данной темы не вызывает сомнений, так как она позволяет изучить и проанализировать новые этические принципы и стандарты, которые могут помочь улучшить качество профессиональной деятельности и способствовать созданию более справедливого и инклюзивного общества.

Новизна исследования заключается в анализе применения принципов «новой этики» в контексте профессиональной деятельности Семена Пегова, что позволяет изучить особенности реализации этических принципов в практической работе журналистов и выявить возможные проблемы и противоречия, связанные с их применением.

Сегодня в научном дискурсе термин «новая этика» приобретает всё большую популярность, охватывая широкий спектр явлений, среди которых выделяются культура отмены, противодействие домогательствам, предвзятости, проявлениям насилия, ксенофобии и расизма, определение индивидуальных границ, а также принципы инклюзивности и др.

Следует отметить, что на сегодняшний момент отсутствует глубокий социально-философский анализ понятия «новая этика», несмотря на наличие ряда полемичных высказываний. Концепт активно фигурирует в современных средствах массовой информации и специализированных онлайн-платформах («Культура», «Афиша», «Сноб»), однако его употребление нередко характеризуется внутренней противоречивостью интерпретаций. Например, специальный проект журнала «Афиша», посвящённый «новой этике», охватывает

такие темы, как критический взгляд на кинематограф, инклюзивные практики, вопросы цензуры, проблемы домогательств, злоупотреблений властью, культурной апроприации, поведения стэкинга и сферы компьютерных игр. Портал «Сноб» публикует под рубрикой «новая этика» публикации о «шэйминге моды», философских аспектах трансгуманизма, литературных тенденциях и межличностных отношениях.

С «новой этикой» тесно связывают «культуру отмены» как современную форму остракизма в публичном пространстве. Часто дискуссии в социальных сетях относительно вопросов этического характера стремительно превращаются в кибербуллинг, иными словами, откровенную травлю пользователей сети. Рассуждения о понятии «новая этика» изобилуют заимствованиями из английского языка, что затрудняет осмысление общественных процессов, скрывающихся за ними. Термин «новая этика» чаще употребляется в русскоязычной информационной среде, чем в зарубежной [3, с. 15, 35].

Если обратиться к Википедии, то мы увидим, что она дает следующее определение: «новая этика» – это «концепция, появившаяся в современной России и описывающая изменения на Западе, связанные с преодолением неравенства и дискриминации». При этом в той же статье присутствуют указания и на другие значения «новой этики» – «концепция, появившаяся в Германской империи около 1900 года и связанная с переоценкой ценностей Ницше и женской эмансипацией», а также «концепция, изложенная немецким психологом Эрихом Нойманом в 1949 году и связанная с отказом от деления на добро и зло» [4]. Так, исследователей, проявляющих интерес к вопросу «новой

этики», предупреждают о её многослойности и внутренней противоречивости.

Исследователь М. Н. Эпштейн отмечает, что концепт «новая этика» – явление отечественное и «должно быть осмыслено прежде всего в ее историческом контексте» [6].

Изучение данного вопроса и выводы, к которым приходит Эпштейн, схожи с идеями Э. Скидельского. Эпштейн полагает, что, уже начиная с 70–80-х гг. XX века, этика становится все более авторитарной: «Происходит все более строгая институализация морали, которая становится господствующим общественным институтом» [6]. По убеждению Эпштейна, за концептом «новой этики», помимо идеологических установок, скрыта ещё и формирующаяся цифровая власть будущего, способствующая деградации сущности человеческого бытия. Важно понимать, что ни идеология, ни технологический прогресс не вправе доминировать над этическими нормами. Таким образом, новая этика обязана ориентироваться прежде всего на личность человека, учитывая её уникальность и индивидуальность. Эпштейн формулирует «алмазное правило нравственности», которое должно отразить суть новой этики: «Поступать так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других» [6].

Таким образом, обращение к истории развития понятия «новая этика» позволяет увидеть его противоречивое содержание, за которым кроется сложность и многоаспектность тех социальных явлений, которые его представляют.

Появление понятия «новой этики» в журналистике связано с изменением общественных ценностей и

развитием новых технологий, которые влияют на то, как журналисты собирают, обрабатывают и распространяют информацию. Новая этика в журналистике подразумевает более строгое соблюдение принципов объективности, точности и полноты информации, а также учет интересов всех заинтересованных сторон.

Потребность в формировании новой этики существенно обострилась в период пандемии, представившей собой масштабный вызов, перед лицом которого общество продемонстрировало свою уязвимость. Данная концепция проявила себя на уровне антропологического переосмысления, технологических инноваций и трансформации социальной культуры. [2, с. 124]. Связующим звеном между уровнями стали коммуникативные практики современного медиaprостранства.

Известный российский журналист, военный корреспондент и блогер Семён Пегов сегодня является одним из ярких представителей военной журналистики, который уже более десяти лет освещает военные события непосредственно находясь в горячих точках. Журналист начал свою карьеру военкором, работая в разных странах, включая Египет, Сирию и Нагорный Карабах. Однако настоящую славу получил во время командировок на Украину с того момента, как он отправился туда по заданию редакции LifeNews в 2014 году, а затем уже как автор собственного медиапроекта «WarGonzo».

Соблюдение этических принципов при сборе и интерпретации информации журналистом из зоны вооруженного конфликта существенно влияет на содержание публикуемых в печатных изданиях текстов. Кроме того, эти требования в разной степени формируют

авторскую позицию, моральные и нравственные установки, которые явно или неявно присутствуют в текстах, включая боевые репортажи, аналитические корреспонденции или комментарии, касающиеся вооруженных конфликтов [5, с. 37]. Объективность, несклонность к предвзятости и нравственность – это главные критерии, определяющие профессионализм журналистов.

Принципы реализации новой этики к журналистским и медийным ассоциациям условно разделены на три группы. Первая группа положений связана с обеспечением безопасности жизни потенциальных жертв со стороны журналиста. Вторая группа принципов касается профессионализма представителей СМИ. Третья группа принципов касается обеспечения безопасности журналистов. Приведенные факты подтверждают существование множества подходов в области профессиональной этики журналистов, работающих в зоне вооружённых конфликтов. Разработанные кодексы поведения адаптируются к актуальным условиям эпохи, согласовываясь с общественными ценностями, государственными установками, а также принимая во внимание особенности религиозных и этнических традиций, определяющих освещение военных событий средствами массовой информации.

Конечно, этический кодекс сам по себе не является законодательным документом и не может быть использован для юридических оценок действий журналиста. Однако этические нормы, установленные профессиональным сообществом, являются нравственным ориентиром, регулирующим действия журналиста, работающего в зоне вооруженного

конфликта, и способствуют доверию к информации, которую он передает.

Именно благодаря активному ведению собственного телеграм-канала «WarGonzo» реализуется профессиональная этика журналиста в деятельности Семена Пегова.

Необходимо подчеркнуть, что использование телеграм-каналов в современных условиях стало очень распространенным способом передачи информации. Telegram представляет собой интегрированную цифровую платформу и коммуникационную среду, обеспечивающую взаимодействие авторов с целевой аудиторией и оказывающую воздействие на неё. Со временем востребованность телеграм-каналов стала основываться на персональной адресной доставке контента, чётко направленного на заинтересованную аудиторию в режиме реального времени. Данные каналы становятся пространством для активного сетевого взаимодействия с подписчиками, играющими ключевую роль в процессе формирования современных медиатекстов.

Активное вовлечение подписчиков и специфические характеристики коммуникаций обуславливают повышение привлекательности Telegram как перспективной социальной медиаплатформы. Сегодня мы наблюдаем процесс интеграции традиционных электронных массмедиа с телеграм-каналами, что служит индикатором текущего состояния отечественного медиаландшафта.

Популярность телеграм-каналов обусловлена высоким спросом на информацию о ходе военных действий. Классические средства массовой информации не могут полностью удовлетворить потребности в

хронологическом освещении событий, но журналисты смогли добиться успеха в этой области, сообщая в ленту новостей до ста и более форматных и неформатных сообщений с мест событий [1, с. 114].

С начала Специальной военной операции С. Пегов на регулярной основе находится в Донбассе и освещает происходящие там события. Военкор, рискуя жизнью, следует одному из главных правил этики журналиста – достоверности. Он часто находится в гуще событий, что позволяет передавать читателям актуальную информацию из зоны проведения спецоперации.

Информацию с места событий журналист старается передавать максимально оперативно. Количество публикаций в его канале за сутки в среднем составляет около 10 постов и репостов. Тематика публикаций в большей степени касается боевых действий, однако ими не ограничивается. Часто на канале появляются интервью, комментарии экспертов, военнослужащих. Ежедневно и еженедельно военкор выставляет фронтовую сводку, из которой можно коротко и наглядно узнать о делах на фронте. Подобные сводки иллюстрированы инфографикой, что позволяет наглядно оценить размах боевых действий и уровень осведомленности самого военкора, а также говорит о том, что он не голословен в своих суждениях и публикациях.

Довольно часто можно встретить личные истории различных героев. Это могут быть военнослужащие, жители освобожденных территорий или даже сам автор, которые рассказывают о произошедших с ними событиях. В аналитике С. Пегова меньше простой разговорной речи и больше фактов. Его размышления и анализ помогают разобраться в ситуации и осмыслить ее.

Семён Пегов также большую часть времени проводит на передовой и в своих публикациях преимущественно пишет о простых бойцах, общается с командирами, которые рассказывают о ситуации на фронте. Очень много материалов с освобожденных территорий – военкор общается с местными жителями, посещает многие места, где может увидеть и показать, как продолжается жизнь в условиях войны. Кроме того, Пегов пишет о том, свидетелем чего являлся он лично.

Telegram-канал Пегова является в большей степени новостным, хотя это можно и назвать новостным блогом, где автор делится различной информацией, дополненной своими личными наблюдениями, впечатлениями, размышлениями и видением событий. Так, этические принципы в работе журналиста по-прежнему играют важную роль, однако они приобрели новые оттенки и новые вызовы. Сегодня мало быть честным, открытым, предоставлять информацию, сегодня журналисту необходимо адаптироваться под новые платформы, уметь общаться с аудиторией, противостоять фейкам, а самое главное в погоне за лайками помнить, что оперативность не должна уступать место достоверности.

Таким образом, новая этика в современном медиадискурсе имеет несколько важных значений. Во-первых, она способствует формированию более справедливого и равноправного общества. Она основана на принципах уважения к личности, разнообразию и равенству, и медиасфера играет важную роль в распространении этих идей. Во-вторых, новая этика помогает улучшить качество контента, предоставляемого медиа. Она стимулирует журналистов и редакторов быть более ответственными и

внимательными к своим источникам и героям. Это также позволяет избежать ситуаций, когда контент может вызвать негативные последствия для кого-либо. В-третьих, новая этика способствует развитию медиа как пространства диалога и сотрудничества.

Список литературы

1. Амиров, В. М. Телеграм-каналы и медиатизация боевых действий: особенности репрезентации / В. М. Амиров // Военная журналистика в современном мире. – Санкт-Петербург : ООО «Медиапапир», 2023. – С. 113–115.

2. Бехманн, Г. Современное общество: Общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн ; перевод с немецкого А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой, Д. В. Ефременко, В. В. Каганчук, С. В. Месяц. – Москва : ООО «Издательская группа «Логос», 2010. – 248 с.

3. Карпова, Л. М. «Новая этика» в контексте современной российской культуры: pro et contra / Л. М. Карпова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – №3 (32). – С. 14–19.

4. Новая этика // Википедия : свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_этика (дата обращения: 09.03.2025).

5. Соловьева, С. В. Этический кодекс российского журналиста: принципы, нормы, стандарты / С. В. Соловьева, С. И. Серебrenникова // Наука и культура России. – Самара: СамГУПС, 2023. – С. 36–43.

6. Эпштейн, М. Новая этика или старая идеология? / М. Эпштейн // Знамя. – 2021. – № 8

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/novaya-etika-ili-staraya-ideologiya> (дата обращения: 07.03.2025).

Katorgina Darya Yurievna,
Senior Lecturer at the Department
of Journalism and Publishing
Lugansk State Pedagogical University
katorginalnu@yandex.com

The new ethics of the mass information space of military journalists

The article is devoted to the study of the influence of the new ethics on the professional behavior of military journalists. The article examines the key principles of the new ethics, its application in the practice of military personnel and the specifics of the functioning of digital platforms such as Telegram channels in shaping public opinion and ensuring transparency of the information environment. Special attention is paid to the work of war correspondent Semyon Pegov, whose publications serve as an example of the introduction of new ethical standards in modern military journalism. The article analyzes the role of digital channels for the dissemination of information, the interaction of journalists with a wide audience and the importance of maintaining high professional standards in extreme situations.

Keywords: new ethics, war correspondent, journalistic responsibility, modern media, ethical

Колобова Светлана Викторовна,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный
университет им. А. И. Куинджи»
prgaga@mail.ru

Служение как ценность в деятельности женщин военных корреспондентов

Рассматривается служение как ценность в деятельности женщин-военных корреспондентов в различных аспектах. Служение можно определить как деятельность, придающую смысл и цель жизни человека, позволяющую ему чувствовать себя полезным и значимым для общества. Оно также может включать в себя самоотверженность, жертвенность и стремление к благополучию других. Для женщин-военных корреспондентов деятельность как служение становится не просто работой, но и экзистенциальной ценностью, позволяющей им не только проявлять свою профессиональную компетентность, но и вносить вклад в мирное разрешение конфликтов, раскрывая истину и поднимая важные для людей вопросы. В моральном плане служение предполагает патриотизм, гуманистические устремления, высокие моральные идеалы, развитое чувство долга, чести и достоинства, чуткую совесть, альтруистические мотивы, трудолюбие, профессионализм, приоритет духовных ценностей над материальными, жертвенность.

Ключевые слова: служение, экзистенциальная ценность в деятельности, женщин военные

корреспонденты, мотивация служения, ценности служения.

Служение – это одна из самых древних и универсальных форм человеческой деятельности, которая охватывает широкий спектр действий, направленных на помощь другим и улучшение общества в целом. Оно не только способствует решению конкретных задач, но и формирует ценности, которые объединяют людей и помогают им находить смысл в жизни.

Каждый человек, вступая на путь служения, приносит в него свои уникальные ценности и жизненные установки. Смысл служения выходит за рамки простого акта помощи; он включает в себя духовные аспекты, которые затрагивают вопросы предназначения и личной реализации. Нормы служения, этические и профессиональные, определяют стандарты, в которых осуществляется эта деятельность, обеспечивая ее эффективность и соответствие высоким моральным требованиям.

Цель исследования – изучить сущность служения как ценности в деятельности женщин-военных корреспондентов, выявить его мотивацию, смыслы.

Объектами служения могут выступать различные направления, которые зависят «от личных ценностей, значений и мотивов. Это может быть служение Богу (или религии), преданность идее, мечте, делу, долгу; направленность на службу людям, своей стране (Отечеству, Родине), или же служение своей профессии» [1, с. 41].

Служение можно рассматривать как особую форму профессиональной деятельности, которая

включает в себя не только выполнение определенных задач, но и стремление к помощи другим, социальной ответственности и самоотдаче.

Для более точного выявления понятия служения следует отличать значение глаголов «служить» и «работать». Работать – значит выполнять профессиональные задачи или обязанности, где акцент делается на трудозатратах, производительности и выполнении определённой роли за материальное вознаграждение; основная цель работы – получение дохода, построение карьеры. «Служить» означает выполнять обязанности с направленностью на помощь и поддержку другим людям; этот процесс основан на самоотдаче и искренности.

Следует отметить, что понятие «служение» раскрывает не сам вид деятельности, а её характер. Например, важной составляющей служения является альтруизм – стремление помогать другим без ожидания личной выгоды. Также оно характеризуется ответственностью и постоянным стремлением к улучшению как индивидуальной, так и общественной жизни. «Под служением в психологии труда и психологии развития мы понимаем добровольную деятельность, обусловленную эмоционально-ценностным преданным отношением человека по отношению к объекту служения, при котором он ощущает себя ответственным добросовестно выполнять любую взятую на себя работу в любых условиях» [1, с. 41].

Итак, служением является бескорыстная внутренняя позиция, деятельность человека по выполнению своих профессиональных функций. В служении человек чувствует себя ответственным и

обязанным добросовестно выполнить свою работу. Служение можно охарактеризовать как деятельность, направленную на удовлетворение потребностей других людей или общества в целом.

Служение охватывает различные мотивы, побуждающие индивида к бескорыстной деятельности в интересах общества. По мнению А. Я. Кибанова, «мотивация – это процесс побуждения себя и других к определенной деятельности. Мотивация трудовой деятельности – это процесс удовлетворения работниками своих потребностей и ожиданий в выбранной ими работе, осуществляемый в результате реализации их целей, согласованный с целями и задачами предприятия, и одновременно с этим это комплекс мер, применяемых со стороны субъекта управления для повышения эффективности труда работников» [6, с. 15].

Также мотивами служения могут стать реализация личностного потенциала, общественное признание, самовыражение и самоопределение и др. Люди часто действуют из желания помочь другим, не ожидая взамен выгоды, – тогда речь идет об альтруизме. Кроме того, человека может мотивировать и эмоциональное удовлетворение – радость от того, что он помогает другим.

Как отмечают П. В. Худякова и О. В. Аршанская, «мотивация – это процесс сознательного выбора человеком того или иного типа поведения, определяемого комплексным воздействием внешних (стимулы) и внутренних (мотивы) факторов» [7, с. 160].

«Ценностные ориентации – отражение в сознании человека жизненных принципов, ведущих целей и мировоззренческого восприятия» [6, с. 34].

К ценностям служения можно отнести следующие.

Ответственность. Осознание своей роли и обязательств перед коллегами, клиентами и обществом в целом. Это включает в себя выполнение своих обязанностей на высоком уровне, понимание того, что труд может приносить пользу другим, улучшать жизнь людей и способствовать общему благосостоянию.

Сотрудничество. Ценность командной работы и взаимодействия с другими для достижения общих целей, включает в себя уважение к мнению других и готовность помогать.

Профессионализм. Стремление к высокому качеству работы, постоянному обучению и развитию навыков, этическое поведение и честность. Сюда также можно отнести открытость к новым идеям и подходам.

Личностное развитие. Понимание служения как пути к самосовершенствованию, освоению новых навыков и росту как личности.

Рассматривая феномен служения в контексте профессии военного корреспондента, можно выделить такие ценности, как честность, непредвзятость, любовь к людям, уважение, способность к сопереживанию.

Согласно исследованию ценностного отношения к профессии Т. Н. Михайловой, «среди возможных ценностей служения выделились познание (интеллектуальное развитие личности, возможности по расширению кругозора); продуктивная жизнь (максимально полная реализация предоставленных возможностей, индивидуальных способностей); развитие (духовное и физическое совершенствование); творчество (развитие и реализация творческого потенциала); уверенность в себе (свобода от внутренних и внешних

противоречий и сомнений, внутренняя гармония самого с собой)» [5, с. 70].

Женщины-военные корреспонденты часто сталкиваются с общественными предрассудками и стереотипами, считаясь более уязвимыми и менее способными к выполнению такой опасной и ответственной работы. Однако именно благодаря своей настойчивости, профессионализму и способности к эмпатии они могут донести до зрителей глубинные аспекты военного конфликта, показав его человеческое лицо.

Служение женщин-военных корреспондентов становится их способом самореализации, позволяя им чувствовать себя полезными и востребованными, выражая свои взгляды и ценности через свою работу. Кроме того, благодаря своему профессионализму и аналитическим способностям, женщины-корреспонденты вносят важный вклад в общественный диалог о военной проблематике, помогая людям понять ее сложность и масштабы.

В рамках нашего исследования мы опросили 11 женщин-военных корреспондентов, которые в данный момент работают в зоне проведения СВО, им был задан вопрос: «Считаете ли Вы деятельность военного корреспондента служением? (В некоторых профессиях, таких как медицина, право, образование, журналистика термин “служение” может подразумевать выполнение своих обязанностей с учетом интересов и благополучия других людей. Это связано с этикой профессии и обязательствами перед людьми)». Сто процентов респондентов ответили на данный вопрос положительно.

Мы попросили журналистов ответить также на вопрос, почему они так считают, и получили следующие

ответы: «Сострадание и ответственность за своё дело, чувство справедливости», «Это больше чем работа. Это служение своей стране, своему народу, армии», «Потому-то, это работа для людей и ради людей, показать то, что другие не смогли снять, проехать туда, куда ещё никто не смог», «Помощь людям (гражданским и военным) в тяжелых жизненных ситуациях, рискуя своей безопасностью и жизнью. Для меня это и есть служение людям», «Потому что невозможно на этой работе работать плохо, не думая о людях в трудной ситуации, важно проехать под обстрелом в опасное место, помочь людям», «Потому что это работа с ненормированным рабочим днём, в сложных условиях, и если ты не понимаешь, для чего ты это делаешь, ты не сможешь работать», «Я могу проявить себя именно как человек, как личность».

Остановимся более подробно на исследовании мотивации к служению у женщин-военных корреспондентов. Мы исходим из положения, что мотивация служения формируется на основе внутренних и внешних факторов. Эти факторы определяют, почему человек выбирает такую деятельность и что движет им в процессе работы.

Мотивация служения включает как внешние факторы (социальное признание и общественные ожидания), так и внутренние, связанные с личными моральными убеждениями и потребностью помогать.

Внешняя мотивация включает социальное признание и общественные ожидания. Например, престиж профессии может быть стимулом для выбора такого рода деятельности.

Внутренняя мотивация связана с личными моральными и этическими убеждениями, потребностью в

самореализации и желанием приносить пользу другим. Это может быть стремление помочь нуждающимся, обеспечить справедливость или облегчить страдания. Внутренняя мотивация часто является главным двигателем служения, так как оно приносит глубокое удовлетворение от осознания своей полезности для общества.

Важно учитывать, что служение часто сопровождается высокой эмоциональной нагрузкой. Человек, работающий в социальной или медицинской сфере, может быть мотивирован не только материальными выгодами, но и желанием сделать мир лучше, помочь, поддержать других.

«Отметим, что существует несколько критериев проявления мотивационной готовности.

1. Причина при выборе профессии военного корреспондента (детская мечта, материальные стимулы).

2. Имеющееся отношение к профессии военного корреспондента (ощущение престижности, статусности).

3. Отношение к военной ситуации (неравнодушие, желание участия и причастности)» [4, с. 38].

Ниже представлены результаты частотного анализа мотивов деятельности женщин военкоров в виде облака слов (Рис. 1).

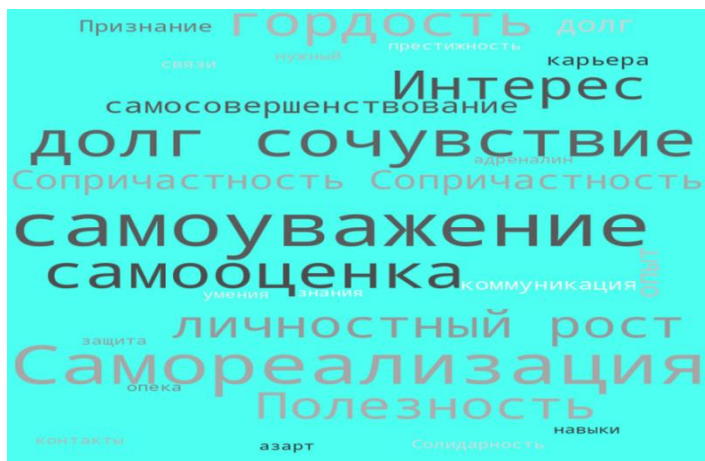

Рис. 1. Мотивы деятельности женщин-военкоров

Структуру мотивов к служению можно представить в следующей классификации: общественные мотивы, познавательные мотивы, прагматические мотивы, мотивы подражания [3, с. 22].

Далее мы представим результаты нашего исследования (Рис. 2, 3, 4, 5).

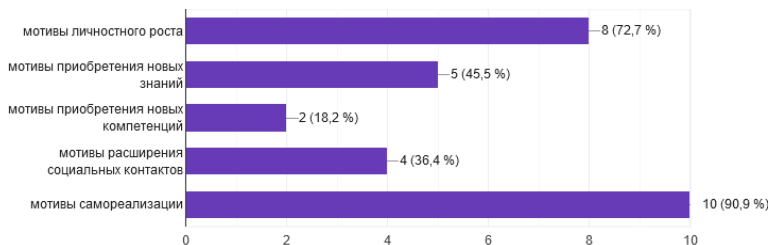

Рис. 2 Прагматические мотивы, которые важны для вас

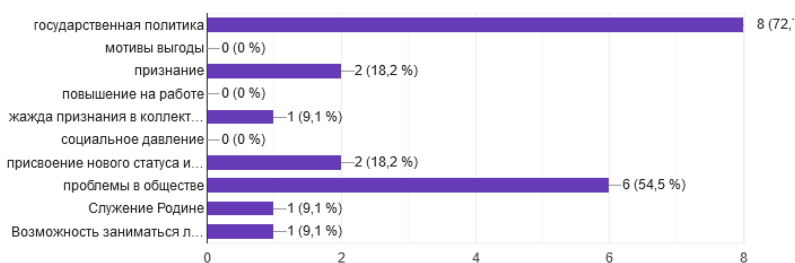

Рис. 3 Внешние мотивы

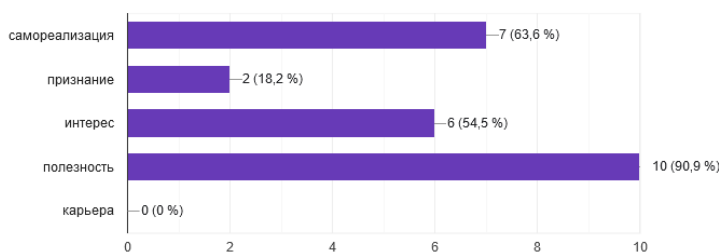

Рис. 4 Нематериальные мотивы

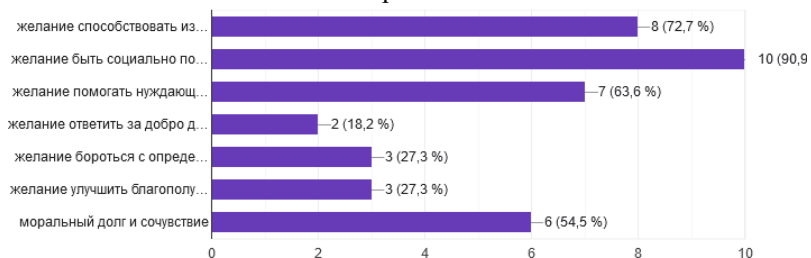

Рис. 5 Идеалистические мотивы

Таким образом, служение женщин-военных корреспондентов не только ценно для них самих, но и для общества в целом. Их работа позволяет более глубоко понять военные конфликты, выражать свои ценности и участвовать в формировании общественного

мнения. Жизнь военкора – это постоянный выбор между безопасностью и опасностью, комфортом и дискомфортом, личным благополучием и служением обществу. Само существование в зоне боевых действий бросает вызов фундаментальным экзистенциальным вопросам: что значит жить, какая цель моего существования, какова моя роль в этом мире?

Служение в данном контексте не ограничивается патриотическим долгом или идеологической мотивацией. Оно представляет собой более глубокую экзистенциальную потребность – стремление придать смысл собственному существованию посредством вклада во что-то большее, чем личная жизнь. Военкор, сталкиваясь с ужасами войны, смертью и страданиями, ищет способ трансформировать этот опыт в нечто значимое, несущее ценность. Он служит не только своей аудитории, предоставляя объективную информацию о событиях, но и служит истине, борясь с пропагандой и дезинформацией.

Наше исследование показало такие важные аспекты деятельности военкоров, как: долг, сочувствие, сопричастность, польза обществу. Военкор сталкивается с человеческой болью и страданиями, что часто заставляет его испытывать глубокие эмоции. Его служение проявляется не только в профессиональной объективности, но и в сочувствии к людям, вовлеченным в конфликт. Это гуманистическое измерение работы военкора имеет экзистенциальную ценность, поскольку указывает на человечность и взаимосвязанность людей даже в условиях жестокости войны.

В заключение отметим, что служение для военкора – не просто профессиональный долг, а экзистенциальная ценность, которая придает смысл его

существованию в условиях экстремального опыта. Это поиск истины, сохранение памяти, выражение сострадания. В этом служении военкор утверждает свою свободу и ответственность, сталкиваясь лицом к лицу с трагедиями и создавая свой собственный смысл в условиях экстремальной реальности.

Список литературы

1. **Бехтерев и современная психология личности:** сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. 2–4 октября 2020 г. – Казань: НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2020. – 226 с.

2. **Карпенко, Т. Ю.** Нормы и этика служения: профессиональные стандарты и личная мотивация / Т. Ю. Карпенко // Вестник психологии труда. – 2022. – 19(2). – С. 210–222.

3. **Козлова, О. В.** Эмоциональный труд и служение: ценности и нормы в профессиональной деятельности / О. В. Козлова // Психология труда и организации. – 2020. – 21 (7). – С. 159–171.

4. **Колобова, С. В.** Мотивационные аспекты деятельности военных корреспондентов / С. В. Колобова // Медиатизация практик современного общества: проблемы и перспективы : Материалы всероссийской (с зарубежным участием) научно-практической конференции, Владимир, 19 декабря 2023 года. – Владимир : Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2023. – С. 38–42. – EDN BSKGQI.

5. **Михайлова, Т. Н.** Ценностное отношение к профессии как основа воспитания и образования

курсанта вуза МВД России / Т. Н. Михайлова // Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (51). – С. 70.

6. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход : монография / Ю. А. Токарева, Н. М. Глухенькая, А. Г. Токарев ; Урал. федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. – Шадринск : ШГПУ, 2021. – 216 с.

7. Худякова, П. В. Современные представления о системе мотивации труда / П. В. Худякова, О. В. Аршанская // Journal of Economy and Business. – 2020. – С. 160.

Kolobova Svetlana Viktorovna,

Senior Lecturer

Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi

prgaga@mail.ru

Service as a value in the activities of female war correspondents

The report examines service as a value in the activities of female war correspondents in various aspects. Service as an existential value can be defined as an activity that gives meaning and purpose to a person's life, allowing them to feel useful and important to society. It can also include dedication, sacrifice, and striving for the well-being of others. For female war correspondents, activity as service becomes not just work, but also an existential value, which allows them not only to demonstrate their professional competence, but also to contribute to the peaceful resolution of conflicts by revealing the truth and raising important questions for people. In moral terms, service presupposes patriotism, humanistic aspirations, high moral ideals, a

developed sense of duty, honor and dignity, a sensitive conscience, altruistic motives, hard work, professionalism, the priority of spiritual values over material ones, and sacrifice.

Keywords: service, existential value in activity, women war correspondents, motivation for service, values of service.

УДК 070.19

Куянцева Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики и
издательского дела ФГБОУ ВО «Луганский
государственный педагогический университет»
elenakul@list.ru

Кризис стандартов западной журналистики при освещении специальной военной операции

В статье очерчена проблема кризиса устоявшихся стандартов журналистики – объективности, сбалансированности и непредвзятости при освещении боевых действий. Также обозначены реакции противоборствующих сторон – России и стран коллективного Запада – на происходящие процессы в медийной сфере. Запад оправдывает предвзятое отношение к России при освещении СВО, поддерживая Украину и не реагируя должным образом на гибель журналистов. Исследована реакция российских военкорov на условия их работы в горячих точках.

Ключевые слова: военная журналистика, военкор, стандарты журналистики, объективность, сбалансированность.

Освещение боевых действий было важно всегда, и с течением истории выработались определенные стандарты в информационном сопровождении войн. Очень важно было как можно скорее узнать исход битвы, понять значение победы или поражения для дальнейшего хода войны. Не менее важной в связи с этим стала проблема объективности и правдивости в полученной информации. В научном дискурсе сложилось традиционное видение европейской журналистики, спешащей удовлетворить свежими правдивыми новостями потребителя как некий эталон.

Российская журналистика в своем историческом пути то пыталась подражать западноевропейским традициям сбалансированности и оперативности в освещении значимых событий, то обозначала свой специфический путь в журналистике. В 90-е гг. XX столетия после разрушения советской модели СМИ в российском научном дискурсе на несколько десятилетий вырисовалось противопоставление западной и российской системы медиа не в пользу последней. Сравнение зачастую было устроено таким образом, что сопоставлялось лучшее с худшим, достоинства с недостатками. Например, в исследовании отечественной военной журналистики ученые отмечают, что «свободной и независимой военной журналистики у нас практически никогда не существовало. Начиная с первоисточков – газеты «Военный инвалид», которая из независимой благотворительной все же перешла в разряд официальной газеты Военного министерства – до

современных изданий: газета «Красная звезда», журналы «Армейский сборник», «Военная мысль», которые являются печатными органами Министерства обороны Российской Федерации» [4, с. 381].

В каком государстве освещение военных конфликтов правдиво, сбалансировано, объективно и отдано на откуп независимым журналистам – вопрос очень сложный. Предполагаем, что в лучшем случае, в государстве, которое никоим образом не участвует в описываемом конфликте.

После завершения Второй мировой войны в международной журналистской практике были сформулированы новые стандарты освещения военных конфликтов: предполагалось, что будут учтены все сложности работы журналистов во время мировых войн для того, чтобы профессионалы смогли доносить объективную информацию из горячих точек.

Международное право (в соответствии со статьей 79 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям) предполагает, что журналист в зоне вооруженного конфликта работает в статусе гражданского лица при условии соблюдения им требований – не брать в руки оружие, не использовать собственность работников СМИ в военных целях. Журналисты не должны быть объектом нападения ни для одной из сторон конфликта. Умышленное нападение на журналиста, повлекшее телесные повреждения или смерть лица, является военным преступлением. В случае захвата журналисты не будут являться военнопленными. Положения о военнопленных относятся лишь к военным корреспондентам, так как они формально имеют право на сопровождение вооруженных сил, пройдя аккредитацию [3, с. 24].

После мирового военного конфликта возникали новые, менее масштабные, внешне зачастую региональные, но в реальности – те же войны, трансформированные под новые веяния времени. Вместе с изменениями в характеристиках войн происходили и изменения стандартов работы журналиста на войне. Благородные призывы к гуманному отношению к военным корреспондентам, возникшие после Второй мировой, постепенно стихали.

Характеризуя войну в Сирии, эксперты отмечают особенности современных боевых действий: А. А. Колотило обращает внимание, что «... сейчас ... ведутся войны вопреки всем законам – не только законам и правилам ведения войны, но и гуманизма, человечности – со стороны террористов...» [2]. Его слова находят отклик и у медиатеоретиков: «последствия не отвечает реалиям современного мира. Очевидно и то, что выработанные для иных времен стандарты международного гуманитарного права, которые довольно успешно «работали» в прошлом, неадекватны условиям наших дней, когда геополитические проблемы безопасности стали брать верх над гуманитарными соображениями, а военно-силовые методы разрешения споров превращаются в преобладающее средство не только решения территориальных, национальных и религиозных проблем, но и способом удовлетворения политических амбиций отдельных государств» [2]. Почему журналисты, работающие в горячих точках, не смотря на благородные призывы международного сообщества создать им приемлемые условия для работы, все чаще сталкиваются с ситуацией, когда их вероятная участь – быть в числе тех, кого хладнокровно устранят, по возможности в первую очередь? Не смотря на то, что

официально многие эксперты придерживаются мнения о том, что «роль журналиста на войне по своей сути ничем не отличается от его роли в других условиях. Формы работы, специфика, пределы допустимого – вот они отличаются. А роль – та же, что и везде: предельно подробно и объективно освещать происходящее» [2].

Причины усиления агрессии по отношению к военным корреспондентам понятны – это войны информационного фронта: «... талантливый журналист может убедительно доказать, что виновата противоположная сторона. Но смысл не только в том, чтобы доказать кто виноват, а показать ужас войны, которую надо заканчивать» [2]. Современные вооруженные конфликты демонстрируют прецеденты, когда репрессии применяются к людям, призывающим к окончанию войны на конструктивных условиях.

Важность работы сотрудников СМИ в зоне боевых действий несомненна и является их законным правом и даже долгом перед обществом, ожидающим правдивого освещения событий в горячих точках. Особое положение журналистов, работающих в условиях вооруженных конфликтов, их права и защита обеспечиваются международными правовыми нормами, но, как отмечают многие эксперты, теоретики и особенно практикующие журналисты – это в теории. На бумаге все гладко, все нормы защиты профессиональной деятельности прописаны, – отмечает отставной военный в прошлом, сейчас преподаватель А. Г. Михайлов [примечание 3, с. 15]. В реальности проблем много. Связаны они, прежде всего, с риском для жизни представителей СМИ. Также следует учесть, что в новых военных конфликтах появились новые возможности

применения оружия, например, беспилотников, от которых прежние меры предосторожности не спасают.

С началом вооруженного конфликта на Донбассе в 2014 году стало особенно очевидно, что международные законы о деятельности журналистов в горячих точках не работают. Именно лето 2014 года показало, что обозначение журналистов надписями *PRESS* на шлеме или бронежилете – это указание, куда нужно выстрелить противнику в первую очередь. Гибель российских журналистов не вызвала возмущения или действенного осуждения со стороны международных правозащитных организаций. Между тем, как украинские СМИ при поддержке западных медиа эмоционально реагируют на гибель украинских журналистов в зоне ведения боевых действий. Причины прицельной стрельбы по российским журналистам в начале военного конфликта на Донбассе понятна: была предпринята попытка не дать им работать в горячей точке, освещать события правдиво, что могло показать Украину как государство, проявляющее агрессию к своим русскоговорящим гражданам. Это было не нужно ни Украине, ни прозападному «мировому сообществу».

В 2014 году российские журналисты, следуя международному праву и стандартам профдеятельности, ехали освещать события на Донбассе, не скрывая того, что они журналисты. Именно этот год оказался очень кровавым для работников СМИ: погибли корреспондент ВГТРК Игорь Корнелюк и звукорежиссёр Антон Волошин, оператор «Первого канала» Анатолий Клян, фотокорреспондент МИА «Россия сегодня» Андрей Стенин и сотрудники информационного подразделения ДНР «ИКОРПУС» Сергей Коренченков и Андрей Вячало. Возле Славянска при невыясненных обстоятельствах

погиб итальянский фотокорреспондент Андреа Роккелли и переводчик Андрей Миронов.

Реакция мировой общественности – констатация факта опасности работы на Украине. Через несколько лет гибель российских журналистов стала обыденностью.

В настоящее время все журналисты, работающие в зоне боевых действий, утверждают, что чем незаметнее журналист среди солдат, тем больше шансов у него остаться в живых. Выявленный даже по косвенным признакам журналист – приоритетная мишень для противоборствующей стороны. Один из ярких примеров привел Артем Юндас, активно работающий в зоне проведения СВО в Луганской Народной Республике: его коллега-оператор был в джинсах, и именно по этой детали украинские военные высмотрели в нем представителя СМИ и открыли огонь.

Доцент РЭУ имени Плеханова полковник Александр Перенджиев назвал такую ситуацию военным терроризмом, цель которого запугать российских журналистов, чтобы они боялись работать, освещать ситуацию в зоне СВО: «Это делается целенаправленно. Думаю, что выделены специальные группы или подразделения, которые этим занимаются. Их задача – убивать российских журналистов» [приложение 1].

Охоту на российских журналистов подтверждает и директор ГТРК «Луганск» Николай Долгачев: «Мы отмечаем, что участились попытки нанесения ударов по гражданской инфраструктуре со стороны противника, в том числе по гражданским людям, находящимся в прифронтовой и фронтовой зонах. В значительной степени это касается журналистов» [примечание 1 <https://iz.ru/1685597/vladimir-matveev-iuliia-leonova-andrei->

fedorov/priamo-v-efire-pochemu-rossiiskie-zhurnalisty-stalicteliu-vsu].

Никакие нормы международного права, конвенции о защите прав журналистов в горячих точках уже не работают. Тем не менее, журналисты продолжают работать в зонах боевых действий, приспосабливаясь к новым условиям неработающих международных стандартов. «Будем помнить погибших, желать возвращения домой живым», – сказал член Совета по правам человека Александр Брод в интервью «Известиям» [примечание 1].

Следующая проблема, о которой говорят журналисты, работающие в зоне боевых действий, – это проблема этического выбора: что нужно писать, а что не нужно. Если кто-то из «наших» совершил некрасивый или недопустимый поступок – стоит об этом писать в условиях ведения войны, где любая информация, выложенная в медийное пространство, будет прочитана и «своими», и противниками? Все неудачи и промахи «своих» будут оружием в информационной войне, неизменно сопровождающей горячую на фронте. Каждый журналист согласен с тем, что нельзя не говорить о возникших проблемах на поле боя, ведь озвучивание проблемы – это путь к ее решению. С другой стороны, любой журналист, имевший опыт работы в горячих точках, однозначно скажет, что не все можно и нужно говорить и озвучивать.

Артем Юндас в беседе с будущими журналистами – студентами Луганского государственного педагогического университета также говорил о моральных дилеммах на войне: «Конечно, они бывают, да хотя бы начнем с того, что, когда у тебя получается разговаривать солдата, ты же понимаешь, что не все это

можно пустить в эфир. По разным этическим нормам, и не только, что-то пропустить в эфир, а человек тебе душу изливает, говорит, как есть, как накипело, он говорит про жизнь, говорит тебе про войну, он просто говорит тебе про самого себя, искренне и видя в тебе слушателя. А ты даже кусочек этого не сможешь использовать в своём сюжете или репортаже: либо тема не та, либо это просто, ну не то. Есть просто вещи, которые ты видишь в устройстве армии, как что работает, и тебе не понятно, почему это так организовано».

Итак, образовавшийся после Второй мировой войны миф о возможных нормализованных условиях профессиональной деятельности журналиста, рухнул. Подверглись сомнению незыблемые стандарты журналистики: объективность освещения событий, сбалансированность мнений, честность и непредвзятость.

Пока Россия не сталкивалась с военными действиями на своей территории или у своих границ, в ее научном дискурсе можно было увидеть тяготение к западным стандартам освещения событий в горячих точках. Стоит отметить, что украинские исследователи оценивали объективность как главное достижение западной журналистики, ориентир на которую взяла украинская медийная сфера.

В 2014 после ухода Крыма из состава Украины и фактическое отделение Донбасса, украинские СМИ интерпретировали произошедшее как проявление агрессии со стороны России. Освещение украинско-российских отношений стало весьма эмоциональным со все более вырисовывающейся русофобией. Сочетание русофобии и ориентир на европейские стандарты журналистики в украинском медиадискурсе имели в основе своей определенное противоречие: если подать

объективно и сбалансированно мнение донбассцев и крымчан в украинских медиа, то это может привести к пониманию позиции бывших регионов Украины, исторически тяготеющих к России.

Украина начала терять свой информационный суверенитет еще после первого майдана 2004 года. Поэтому отстаивать в медийном пространстве свои национальные интересы к 2014 году она уже не могла: подавляющее большинство СМИ принадлежали прозападным олигархам или финансировались западными «кураторами», официальные власти Украины также находились под влиянием США и Великобритании. Проблема со сбалансированным освещением событий в «мятежных» бывших областях Украины становилась все более выраженной.

Если еще в 2014-м году в украинском информационном пространстве встречались призывы уважительно относиться к жителям Донбасса, то в последующие годы в публикациях все чаще проявлялось неприязненное отношение к русскоговорящим гражданам Украины, отрицание общей с Россией истории, все ярче проступали националистические идеи.

Много негативной информации в украинских медиа наблюдалось о «переселенцах» ЛНР и ДНР, и журналистам приходилось реагировать на это, чтобы снизить напряженность: «Мы действительно реагировали на негатив в журналистских материалах о переселенцах, связывались с редакциями, – говорит об этом исполнительный директор ИМИ Оксана Романюк. – Но у меня сложилось впечатление, что журналисты в целом стали меньше писать на такую “скользкую” тему. За счет этого и негативных статей стало меньше» [6].

В одной из статей в львовском журнале «Медиакритика» в 2014 году есть обозначение проблемы предвзятого освещения событий: в обостряющейся ситуации «возникает целиком оправданная и понятная потребность, с одной стороны, ограничить вражескую информацию, с другой стороны – усилить в медиапространстве линию патриотизма» [5, с. 34], но автор все же напоминает, что нужно это сделать корректно, не утратив демократических достижений, у журналиста при подаче материала возникают эмоции, он не может оставаться в стороне, к тому же явной становится и зависимость многих «независимых» СМИ [5, с. 34]. Поэтому звучит призыв журналистам оставаться достойными своей профессии и понять, что «важно не смешивать патриотизм и агрессивный национализм, любовь к родине и ненависть к чужой стране (или части своей), грамотную журналистику и желание изменить мир в соответствии со своими вкусами, творчество и разрушения» [5, с. 34].

В дальнейшем негативные выпады в сторону донбассцев стали все ощутимее. «Жители зоны ОРДЛО» постепенно превращались в «донбасят», проживающих в отверженных регионах, лишенных «цивилизационных» благ и признанности всего мира, поэтому там остаются в основном пенсионеры, ожидающие льгот и выплат от России.

В 2015 году украинские медиаэксперты стали признавать, что при освещении событий в зоне АТО в погоне за оперативностью теряется качество: нет времени разрабатывать тему, есть сильная привязка к инфоповодам, эмоционально и предвзято показаны участники конфликта на Донбассе. Эксперты «Телекритики» обращают внимание, что телеканалы

тяготеют к эмоциональной подаче информации о конфликте на Донбассе, в частности – к героизации ВСУ и демонизации другой стороны» [6].

Такую ситуацию украинские эксперты оправдывают тем, что украинцам сложно писать о войне нейтрально, если они – сторона конфликта. Часть экспертов настаивает на объективности, предлагает при освещении выработать свой «этический словарик» [примечание 2], часть полагает, что даже в признанной британской журналистике при освещении конфликта в Ираке не получилось избежать «пропаганды» и «фрейминга».

Журналисты вскоре стали признавать, что «для нас нормально героизировать свою армию», поскольку это не заказ, а «мы так на самом деле думаем» [6]. В медийном поле Украины вырисовывалась логическая схема: изменились условия работы журналистов, изменилась и редакционная политика изданий. Журналисты и ученые заговорили о невозможности работать на основе общепризнанных стандартов во время военных действий: «Когда берутся за основу для работы журналистов стандарты страны без войны, то это совсем не те стандарты, которые действуют в стране, где есть война. Также отличаются стандарты, если страна воюет на чужой территории и если война идет на собственной территории» [примечание 2].

Американская журналистка Мэри Мицо указала, что почти все стандарты защиты свободы слова были выработаны после Второй мировой войны, когда уже не было угрозы национальной безопасности. Ее мысль продолжают украинские авторы, задавая вопрос: насколько эти стандарты в самом деле применимы для страны, которая в состоянии войны [примечание 2].

Львовский профессор Борис Потятиник в эфире телепроекта «Школа журналистики» (от 6 января 2022 г.), анализируя опыт мировой журналистики во время разных войн XIX–XXI столетий, указывает на изменения в украинской журналистике – она выходит за определенную матрицу, война способствует тому, что мировая журналистика тоже вынуждена будет это сделать, если еще не сделала это до сих пор за два года войны. Когда в журналисте с объективным и сбалансированным взглядом на событие, есть еще и гражданин, эмоциональный, с принципиальной реакцией на эти же события, то не может быть однозначной трактовки. Поэтому стандарты, которые в мирное время являются важной основой и необходимым инструментом для работы журналистов, во время военного противостояния требуют коррекции или хотя бы нового толкования [1].

Украинский медиаэксперт Отар Довженко полагает, что стандарты журналистской деятельности очень рациональны, их нельзя отбросить, потому что они базируются на общечеловеческих ценностях, более того, он настаивает, что во время войны стандарты нужно соблюдать тщательнее, и они совершенно не противоречат потребностям медиа, государства, общества, причем отмечая, что есть определённые линии, поскольку в стране война.

Запад, вооруживший и поддерживающий Украину во время военных действий с Россией, также столкнулся с кризисом так долго декларируемых им норм в работе журналистов – объективностью, непредвзятостью, сбалансированностью.

Из имеющихся шести стандартов качественной журналистики – достоверность, точность, полнота,

баланс мнений, оперативность и не подмененные комментариями факты, наибольшую дискуссию вызвал стандарт «баланса мнений» или «другой точки зрения», который оказалось сложно соблюсти во время боевых действий.

Американский историк Тимоти Снайдер, на которого охотно ссылаются украинские исследователи, рассматривал альтернативную точку зрения как некорректную, в особенности если она российская: «ссылаться на российские заявления наряду с украинскими несправедливо в отношении украинцев; в этой войне то, что говорили российские спикеры, почти всегда было неправдой, тогда как то, что говорили украинские спикеры, по большей части было достоверным» [1].

Например, в украинском медийном пространстве, демонизирующем Россию, ее президента и все, что связано с его деятельностью, пресс-секретарь Дмитрий Песков показан человеком, которого даже опасно цитировать, потому что он «фальсифицировал каждый аспект этой войны с самого ее начала» [1].

Итак, в геополитическом конфликте между Россией и странами Запада, вылившегося в боевые действия на территории Украины и Донбасса (с 2022 года вошедшего в состав России) особенно ярко проявил себя кризис «идеальных» стандартов для работы журналиста. Объяснить его возможно двумя способами: признать нереальными западные стандарты или же оправдать нарушения этих стандартов.

Российские журналисты быстро осознали невозможность беспристрастного освещения военных действий (огромная популярность гонзо-журналистики, например, Семена Пегова, эмоциональность военкоров

на передовой, например, Александр Сладков, экспертов и ведущих, обсуждающих ход СВО, например, эмоциональный Соловьев, тонкий сарказм Никонова, критика беспристрастной хроники от Минобороны, востребованность блогеров Саня во Флориде, Бессонов, Юрий Подоляка, Михаил Онуфриенко). Сам характер российской журналистики, богатую традициями острой публицистики, не предполагал по сути никогда беспристрастного освещения боевых действий, тем более, если одна из сторон – сама Россия.

Запад оказался в куда более сложной ситуации, пытаясь оправдать кризис своих же стандартов в условиях ведения современных военных конфликтов. В сочетании с попытками отмены и изоляции России, а также нивелирования ценности жизни российских военных журналистов, честно выполняющих свой долг, Запад в применении технологий информационных войн в сегодняшних реалиях показал полное разрушение стандартов освещения военных действий и перечеркнул все гуманитарные наработки в сфере профдеятельности журналистов.

Список литературы

1. Дворянин, П. Розуміння стандарту: пошуки нових правил у журналістиці війни / П. Дворянин // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. – 2024. – Випуск 54-55. – С. 43–57.

2. Козлов, А. В. Круглый стол «Роль журналиста на войне: правовые, этические и профессиональные аспекты» / А. В. Козлов, А. Ш. Салихов // Актуальные проблемы МГП и СМИ. – 2017. – № 1. – С. 13–24.

3. Матвеева, Т. Д. Перед лицом новых военных угроз / Т. Д. Матвеева // Актуальные проблемы МГП и СМИ. – 2017. – № 1. – С. 24–28.

4. Рымарева, Е. Н. Современная военная журналистика: профессиональные и этические стандарты / Е. Н. Рымарева, Е. С. Долгина // Мир науки, культуры, образования. – № 2 (105). – 2024. – С. 380 – 382.

5. Чабаненко, М. Журналістика і пропаганда: у пошуках правильних рішень / М. Чабаненко // МедіаКритика. – 2014. – № 21. – С. 34 – 36.

6. Шардалова, Э. Українські медіа висвітлюють війну емоційно й некритично – дослідження. – URL: <https://ua.ejo-online.eu/2715/etyka-ta-yakist/українські-медіа-висвітлюють-війну-е> (дата обращения 24.09.2025)

Примечания

1. Гарантии опасности: ВСУ продолжают охоту на журналистов. – URL <https://iz.ru/1712258/sofiia-prokhorchuk-roman-kretcul-bogdan-stepovoi/garantii-opasnosti-vsuv-prodolzhaiut-okhotu-na-zhurnalistov>

2. Іщенко, Н. Свобода слова під час війни [онлайн], «День». – Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/article/media/svoboda-slova-pid-chas-viyny> (2017), (дата обращения 06.01.2024).

3. Круглый стол «Роль журналиста на войне: правовые, этические и профессиональные аспекты» // АСПЕКТЫ». – 2017. – №1. – С. 15

Kujantseva Elena Alexandrovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Lugansk State Pedagogical University
elenakul@list.ru

The crisis of Western journalism standards in covering the special military operation

The article outlines the problem of a crisis in established journalistic standards – namely objectivity, balance, and impartiality – when covering military conflicts. It also highlights the reactions of the opposing sides – Russia and the countries of the collective West – to the ongoing processes in the media sphere. The West justifies its biased stance towards Russia when covering the Special Military Operation (SMO), by supporting Ukraine and failing to adequately respond to the deaths of journalists. The reaction of Russian war correspondents to their working conditions in hot spots is also examined.

Keywords: military journalism, war correspondent, journalistic standards, objectivity, balance.

Левкович Валерия Александровна,
старший преподаватель кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»
levkovich_v@internet.ru

**Специфика медиаобразовательных
профессиональных компетенций военных
журналистов**

В статье предпринята попытка разобраться с понятийным аппаратом медиаграмотности в аспекте военной журналистики. В материале исследуется значение медиаграмотности для подготовки военных журналистов и для повышения критического восприятия информации. Рассматриваются различные образовательные программы и методы обучения медиаграмотности, направленные на развитие навыков анализа, оценки и интерпретации информации, представленной в СМИ. Анализируются примеры успешной интеграции медиаграмотности в систему подготовки военных журналистов.

Ключевые слова: медиаграмотность, военная журналистика, критическое мышление, виды медиакомпетенций, профессиональное медиаобразование.

Тема медиаобразовательной деятельности как общего характера, так и специализированного сегодня актуальна как в научных кругах, так и в образовательных организациях. Постоянное взаимодействие с гаджетами, регулярное нахождение в виртуальном мире требует

осознанного подхода к восприятию информации. В реальной же картине мира мы сталкиваемся с тем, что среднестатистический человек осуществляет виртуальную деятельность без соответствующей подготовки. Виртуальная жизнь воздействует на общество: происходит нарушение коммуникационных процессов, аудитории сложнее выявлять причинно-следственные связи событий, развитие «клипового мышления» приводит к невозможности воспринимать объемные материалы, требующие концентрации внимания.

«Результатом воздействия этой среды на жизнь современного общества явилось повсеместное интегрирование естественных форм деятельности человека в расширенное объективно-виртуальное пространство. С одной стороны, это обеспечило модернизацию практически всех сфер жизнедеятельности человека, а с другой – образовало широкую проблемную область исследования социальной философии, поскольку данный процесс привнес кардинальные изменения в информационное пространство, окружающее человека» [2].

Когда происходит конкретизация темы до уровня военной журналистики, проблемное поле расширяется. Современные вооруженные конфликты имеют дополнительный метод «оружия» – информационное продвижение. Постоянное воздействие на аудиторию, односторонняя подача, фейковость сообщений и другие факторы провоцируют развитие пропагандистской направленности. В силах военной журналистики играть роль ключевого актора по формированию общественного мнения. Однако каким образом будет подан материал по качеству воплощения – во многом зависит от

журналиста. Для обеспечения отстраненности в подаче ситуаций требуется повышенный уровень медиаграмотности как для работников СМИ, так и для аудитории.

Цель данного исследования заключается в сравнении нескольких, наиболее популярных, образовательных программ по совершенствованию медиаграмотности среди журналистов, специализирующихся на военной проблематике. На основе результатов исследования предпринята попытка выделить базовые компоненты, необходимые для первостепенного освоения медиакомпетенций.

В научной литературе недостаточно внимания уделяется комплексному исследованию взаимосвязи между военной журналистикой и медиаграмотностью в контексте современных конфликтов. Существующие исследования часто фокусируются на отдельных аспектах проблемы, таких как влияние пропаганды на общественное мнение или этические проблемы военной журналистики, но не рассматривают их во взаимосвязи с уровнем медиаграмотности аудитории и стратегиями повышения ее эффективности.

«Журналисту, включенному в военную систему, сложно дистанцироваться от корпоративных интересов и сосредоточиться на критическом анализе действий оборонных структур и руководства страны, на оценке эффективности военных расходов. Поэтому не менее практически значим подход, который ориентирован на подготовку в гражданских университетах журналистов-аналитиков, способных не только осуществлять качественный военный анализ, но и разбираться в широком круге военно-политических проблем» [1].

Несмотря на важность роли военной журналистики в информировании общества, существует ряд проблем, связанных с ее функционированием в условиях современных конфликтов, а именно:

- затрудненность в обеспечении нейтральной подачи, ведь военные журналисты особенно часто сталкиваются с давлением конфликтующих сторон, угрозой личной безопасности и ограниченностью в поступлении информации;

- потоки дезинформации, то есть поступление на электронный адрес журналиста или в мессенджерах информации от «доброжелателей», которая регулярно оказывается фейковой. В такой ситуации необходимо сделать правильный выбор между оперативной сенсацией, которая может оказаться полностью ложной, и выдержанной паузой для перепроверки информации. Каждый военный журналист в кооперации со своей редакцией принимает решение, влияющее на аудиторию;

- невысокий уровень медиаграмотности среди населения, что требует особого подхода к подготовке материалов. Недостаточная медиаграмотность населения делает его уязвимым для манипуляций и способствует распространению фейковых новостей, что подрывает доверие к СМИ и затрудняет формирование адекватного восприятия реальности;

- этические нерешенные сложности в рамках работы военной журналистики. Регулярно эту тему поднимают исследователи теоретической и практической части журналистской деятельности, ведь военные журналисты сталкиваются с моральными дилеммами, связанными с необходимостью соблюдения профессиональной этики, защиты источников

информации и обеспечения безопасности собственных жизней.

«На данном этапе развития общества совершенно очевидно, что медиа становятся посредником между современным человеком и новым смысловым пространством. Поскольку каждый человек индивидуально моделирует свое ценностное поле, влияние массмедийного комплекса должно быть сформировано таким образом, чтобы процесс смыслообразования происходил незаметно, за короткий промежуток времени и при этом сохранялся длительный эффект» [3].

Исследование выстраивалось на методе анализа существующих программ повышения квалификации для военных журналистов.

«Бастион-2024». Программа содержит блоки практических сведений по работе журналиста в критических условиях. Занятия проводят в полевых условиях с моделированием реальных кризисных ситуаций. Также происходит взаимодействие с теми, кто выполняет боевую задачу. По заявлениям организаторов, комплекс нацелен на выработку навыков, которые помогут сохранить жизнь и здоровье, а также адекватно действовать в экстремальных ситуациях. В течение 10 дней участники – журналисты разных СМИ – совершенствуют навыки в области практической медицины и имеют возможность обменяться опытом внутри журналистского сообщества. Данные курсы обучают практическим навыкам с точки зрения оказания первой помощи и проверке себя в условиях военного положения, например, при разрывающихся звуках снарядов или при движении техники.

Мастер-класс университета Синергия. Мастер-класс разделен на 10 уроков. В процессе обучения участников знакомят с особенностями этического подхода показа военной техники и войск, с нюансами законодательства в данной области. Помимо указанных выше разделов в программе указано обсуждение специфики деталей при прямом эфире. В завершении курса участники посмотрят на свои социальные сети с двух точек зрения: как источник информации и как точка зрения. Планируется, что завершающее будет затрагивать тему психологической подготовки, ведь театр военных действий только на экране может выглядеть эпично, в реальности нужно соблюдать много правил при освещении и при этом достойно выглядеть в кадре необходимо и журналисту. В процессе обучения слушатели учатся самоорганизовываться, относиться тщательнее к источникам информации и развивают креативный подход по поиску героя и локаций. Можно сделать вывод, что данная программа совмещает в себе знания как профессиональной медиаобразовательной части, так и по базовым моментам, а заявленные спикеры – действующие журналисты, регулярно оказывающиеся на передовой, в самом центре событий, могут поделиться нюансами работы с точки зрения практического компонента.

Школа военного корреспондента. Проект, призванный обратить внимание на особенности работы в зоне СВО. В рамках курса лекций от действующих военкоров участники получают не только технический опыт, который полезен для осуществления журналистской деятельности, но и узнают истории человеческих судеб от корреспондентов, которые по тем или иным, в основном этическим, причинам, не попали к

массовой аудитории. Лучшие авторы, освоившие теоретический блок и подготовившие лучшие практические работы, имеют возможность отправиться на территорию зоны СВО, чтобы собрать необходимый материал и в целом разобраться самостоятельно в специфике подачи.

Проанализировав несколько ведущих программ повышения квалификации, нацеленных именно на работу военных корреспондентов, следует отметить, что тема медиаграмотности среди данного подвида журналистики, крайне актуальна. Обозначение ключевых медиакомпетенций, без которых работа в зоне СВО может быть затруднена или искажена, неотъемлемый элемент обучающей программы.

Перечислим первостепенные навыки профессиональной медиаграмотности военкора:

- критический анализ информации, полученный от источников. Этот этап выявляет пропаганду, предвзятость, дезинформацию, анализ контекста и оценку достоверности предоставляемых или полученных сведений;

- цифровая безопасность включает защиту устройств общения и передачи информации от взлома. Для этого требуется регулярно очищать устройства и производить их смену;

- этическая и законодательная составляющие в данном подвиде журналистики занимают особое место, ведь ответственное освещение событий может спасти жизнь команде и населению. В реальной практике, к сожалению, встречаются случаи, когда журналист и оператор выбирают неправильный ракурс и в кадр попадают объекты стратегического значения. Это говорит о нарушении правил безопасности;

– технические навыки включают в себя аспекты создания контента, умений по продвижению созданного материала;

– коммуникационные навыки завершают перечень, но их нельзя считать по значению менее значимыми. Без доверительного диалога, без четко заданных вопросов, без понимания канвы беседы (будь то представитель командования или житель поселка, подвергающийся обстрелам) материал получается совершенно разрозненным, без цели.

Таким образом, необходимо отметить, что в существующих курсах, мастер-классах и программах для военных журналистов в содержании отмечен медиаобразовательный урок, однако в рамках точечных насыщенных разными подтемами занятий обозначить целостный механизм невозможно.

Список литературы

1. Корконосенко, С. Г. Образование для военных журналистов [Электронный ресурс] / С.Г. Корконосенко, З. В. Хубецова // Челябинский гуманитарий. – 2020. – №3 (52). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-dlya-voennyh-zhurnalistov-vybor-podhoda>. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 24.03.2025).

2. Макеев, С. Н. Влияние расширенной объективно-виртуальной реальности на жизнь современного общества [Электронный ресурс] / С. Н. Макеев // Манускрипт. – 2016. – №7-1 (69). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rasshirennoy-obektivno-virtualnoy-realnosti-na-zhizn-sovremennogo-obschestva>. – Загл. с экрана. (дата обращения: 20.03.2025).

3. Чайка, О. С. Кинофестивали как средство актуализации ценностного аспекта в документальном военном кино / О.С. Чайка // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. – М. : Фак. журн. МГУ, 2024. – С. 204–205.

Levkovich Valeriya Alexandrovna,
senior lecturer at the department of journalism
Donetsk State University
levkovich_v@internet.ru

The specifics of media education professional competencies of military journalists

The article attempts to understand the conceptual framework of media literacy in the aspect of military journalism. The article explores the importance of media literacy for the training of military journalists and for increasing critical perception of information. Various educational programs and methods of teaching media literacy aimed at developing skills in analyzing, evaluating and interpreting information presented in the media are considered. The examples of successful integration of media literacy into the system of training military journalists are analyzed.

Keywords: media literacy, military journalism, critical thinking, types of media companies, professional media education.

Лю Луфэй,
аспирант
ФБГОУ «Санкт-Петербургский
государственный университет»
st073842@student.spbu.ru

**Эволюция военной журналистики в Китае: от
национальной пропаганды к глобальному
медиадискурсу**

В статье анализируется эволюция военной журналистики Китая посредством характеристики содержания и подходов национальных СМИ к освещению вооруженных конфликтов трех исторических периодов: Война сопротивления японским захватчикам (1931–1945), войны в Персидском заливе (1991), войны в Ираке (2003).

Выявляются тенденции перехода от пропаганды к гибридным стратегиям, сочетающим фактологию и идеологию, рост технологической адаптации и сохранение критики западной гегемонии.

Ключевые слова: военная журналистика, китайские СМИ, пропаганда, глобализация, многополярный мир, медиадискурс.

В эпоху цифровой геополитики, где медиадискурс становится полем битвы за интерпретацию войн, китайские военные репортажи демонстрируют уникальную траекторию трансформации.

От патриотической риторики периода Сопротивления Японии до мультиперспективного освещения иракского кризиса, данный процесс отражает не только технологический прогресс в сфере коммуникаций, но и стратегическую адаптацию медиадипломатии КНР в условиях меняющегося миропорядка. В этом исследовании на основе сравнения трех исторических этапов рассматривается, как система национальной пропаганды со временем менялась и превращалась в более сложный формат, совмещающий идеологический контроль и влияние международных стандартов публичной коммуникации.

Основываясь на исследованиях китайских ученых, изучающих военные конфликты, можно условно выделить три периода, в основе которых лежат конкретные исторические военные события: война сопротивления японским захватчикам, война в Персидском заливе, война в Ираке.

В современной истории Война сопротивления японским захватчикам-это война не только вооруженная борьба и экономическое противоборство, но и духовные преодоления, имеющие далеко идущие последствия. В период сопротивления Японии, СМИ и пропаганда играли ведущую роль, воздействуя на общественное сознание и придавая духовный импульс национальной борьбе.

Статья представляет, как менялась военная журналистика в Китае, в ней анализируются публикации национальных СМИ разных эпох, применяя методы контент-анализа и сравнения. Такой подход помогает проследить, как медийный дискурс эволюционировал: от акцента на пропаганду постепенно переходил к

многоаспектному и детальному освещению военных конфликтов.

В военное время, печатная пресса стала неотъемлемым инструментом правительства, позволяющие донести до жителей, не только жизненно важную информацию, но и идеологические установки и ценностные политические ориентиры.

Когда в 1937 году началась полномасштабная японская агрессия против Китая, борьбу с захватчиками возглавило правительство Китайской националистической партии Гоминьдана (КМТ). В условиях постоянных боевых действий руководство КМТ вынуждено было эвакуироваться из столицы, переместив свой центр в западный город Чунцин. В этот период медиасфера приобрела особое значение – газеты и печатные издания стали ключевыми инструментами информационной войны и мобилизации населения. Благодаря поддержке властей и потребности общества в новостях, газетная индустрия в западном регионе страны заметно ускорила свое развитие в годы войны.

«Согласно точным статистическим данным, в период расцвета журналистики в Чунцине одновременно выходило двадцать две газеты и двенадцать информационных агентств рассылали статьи» [1]. Антияпонские базы (стратегических баз в тылу у противника) под руководством Коммунистической партии Китая (КПК) создавали различные газеты и периодические издания, которые попадали в солдатские и офицерские коллективы, к сельским жителям и сыграли важную роль в мобилизации населения и организации сопротивления вражескому вторжению.

В научной работе «Исследование пропаганды общественного мнения во время войны сопротивления»

рассматривается пропагандистская деятельность газет «Central Daily», «Синьхуа Daily» и «Да Кун Бао», выходившие с июля 1937 по август 1945 г. [4]. В ней автор анализирует, как эти издания формировали общественное мнение во время войны, мотивировали население на сопротивление против японской агрессии. Основное внимание уделяется сравнению различных типов публикаций: от информационных бюллетеней и комментариев до специальных выпусков, в том числе посвящённых «инциденту 7 июля» (Примечание 1) и ключевым сражениям того времени.

Из трех рассмотренных изданий «Да Кун Бао» (коммерческая, но в целом лояльная гоминьдановскому правительству) отличалась самой подробной и насыщенной подачей военных новостей. В то же время, «Синьхуа Daily» (официальный орган КПК) выделялась акцентированием на информационных бюллетенях, среди прочего, передавая важные новостные сводки. Однако «Central Daily» (официальная газета гоминьдановского правительства) в свою очередь, демонстрировала выраженную тенденциозность в пользу своей партии и характеризовалась менее объективным, односторонним освещением событий, применяя стереотипные методы в своей пропагандистской деятельности.

Важным событием пропагандистской работы в тот период было публикация документа Центральным комитетом КПК 20 июня 1941 года, который назвал газеты, публикации и книги «самым острым оружием» партийной пропаганды и агитации. Заявление подчеркивало важность полноценного и эффективного использования СМИ как инструмента для достижения партийных целей. Этот документ послужил дальнейшему

росту и формированию пропагандистского потенциала СМИ и заложил основы героической летописи сопротивления агрессору.

В период антияпонской войны пропаганда, осуществляемая Коммунистической партией Китая, сыграла ключевую роль в мобилизации нации и достижении победы. Мао Цзэдун (В этот период Мао Цзэдун занимал должность председателя Центрального военного совета КПК) в книге «О долгой войне» подчеркивал необходимость обширной политической мобилизации для победы в национально-революционной войне [2].

Китай в это время проходил через напряженный период внутренней борьбы и противодействия внешней агрессии. Соперничество Гоминьдана и КПК, на фоне агрессии со стороны Японии, привело к (появлению) «теории гибели страны» (Примечание 2) и создало атмосферу пессимизма. В таких условиях Мао Цзэдун написал «О долгой войне», чтобы поднять дух сопротивления и веру в победу.

Однако, идеи сформулированные Мао Цзэдуном в данной работе, первоначально не получили широкого признания и поддержки. Гораздо более сильное воздействие на общественное сознание оказали героические поступки, совершаемые во время войны и о которых сообщалось в печати). Например, герой Люй Лью, как сообщалось в газете «Jinchaji Daily», своим отказом от сдачи, несмотря на угрозы и пытки со стороны японской армии, показал пример истинного мужества и отваги, который стал воплощением героизма для многих граждан.

Война в Персидском заливе в начале 1990-х годов проходила в то время, когда Китай столкнулся со

многими проблемами во внутренних и внешних делах, поскольку находился в период углубления реформ и открытости, социальных преобразований, и испытывал давление, препятствующее выходу из международной дипломатической изоляции страны. Этот фон послужил основой для того, чтобы китайские СМИ при освещении войны балансировали между «антивоенным нарративом» и «дипломатией», а также отражал двойную потребность во внутренних реформах и международном прорыве.

В то время телевидение в Китае только начинало развиваться и еще не имело широкой аудитории, поэтому основная масса людей продолжала получать новости преимущественно из газет. Основываясь на данных базы People's Daily, возможно отметить, что за 43 дня, с 18 января по 1 марта 1991 года, газета опубликовала 349 статей, в которых термин «Залив» среднестатистически упоминается ежедневно в 8 статьях [5]. Это составляет 8,74% от общего числа 3993 публикаций в «People's Daily», что свидетельствует о значимости, придаваемой войне в редакционной политике издания.

Из общего количества новости, 24% (84новости) публикаций были посвящены дипломатическим попыткам разрешить кризис, что свидетельствует о предпочтении мирного пути урегулирования конфликтов. Другие 14% (52новости) описывали текущее положение дел на военном фронте. В свою очередь, 11% (40новости) отразили китайскую позицию в конфликте и подчеркивали поддержку её союзниками.

Анализ распределения публикаций по странам выявляет характерные особенности китайского информационного поля того времени. Например, о развитии ситуации в США журналисты написали 74 раза, тогда как события в Ираке появились лишь в 31 статье.

Такой дисбаланс демонстрирует, что основные медийные ресурсы были сосредоточены на освещении позиций и шагов крупнейших мировых игроков.

Отдельного внимания требуют комментарии о широком влиянии войны на международные отношения и позицию в них стран третьего мира – эта тема освещалась в 16.9% (59 статей). Такой объем публикаций демонстрирует, как идеологические установки и внешнеполитические приоритеты Китая отражаются в медийном дискурсе.

Как показывает анализ освещения войны в Персидском заливе в газете «People's Daily», основной идеей освещения по-прежнему было подчеркивание жестокости войны и ее негативного влияния на мир, выражение неприятия военных конфликтов, вмешательства США и других крупных держав, отстаивание идеи о том, что арабские проблемы должны решаться самими арабами, выражение надежды на мирное решение кризиса в Персидском заливе с помощью международного посредничества. Кроме того, больше внимания уделялось влиянию войны на развивающиеся страны, что в определенной степени отражало сохраняющееся влияние идеологических факторов на внешнеполитические решения и освещение событий в стране в тот период.

Несмотря на то, что информационное агентство «Синьхуа» открыло филиал в Кувейте и имело быстрый доступ к информации, возможности китайских СМИ по сбору международных новостей в тот период все еще были ограничены технологиями, что приводило к некоторому отставанию в доступе к информации, поступающей в «People's Daily» в режиме реального времени, и большинство репортажей опиралось на

официальные релизы и других информационных агентств, а не на независимых журналистов с передовой.

В качестве партийного издания, «People's Daily» не только системно поддерживает государственную политику и осторожно выбирает, какие деликатные темы освещать, всегда акцентируя в материалах миролюбивый настрой страны, но и демонстрирует общую линию китайских официальных СМИ в трактовке важных международных событий.

С продолжающимся развитием китайской экономики и укреплением ее национальной мощи, особенно после успешного вступления Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году, взаимосвязь между экономическим развитием Китая и мировой политической экономикой еще более углубилась, и в этом случае мирная и стабильная международная обстановка, особенно в соседних странах, имеет особое значение для развития Китая. С течением времени и по мере того, как Китай укрепляет свои позиции на мировой арене, страна всё яснее ощущает влияние ограничительных международных норм. В этой ситуации китайскому обществу всё важнее осознавать значимость и влияние глобального информационного пространства. В этот период возникла уникальная возможность для китайских журналистов – освещение войны в прямом эфире. Причем это происходило при «тесной опеке» американской стороны – беспрецедентный случай в истории китайской журналистики.

Китай неизменно продвигает идеи мирного урегулирования, и его государственные СМИ акцентируют внимание на антивоенных настроениях – это выражается как в красноречивых образах, так и в

призывах прекратить насилие, делая акцент на поиске дипломатических решений.

«People's Daily» как ведущая газета страны, отражала эту линию в своих материалах, часто содержащих антиамериканские заявления и критику. Редакционные статьи газеты рассказывали о проблемах в независимости, объективности и беспристрастности американских СМИ в условиях войны, как это было описано в заголовке от 7 апреля 2003 года. «Различия в представлении новостей в разных странах стали заметны даже при освещении одних и тех же событий. Так, «China Daily» нарисовал картину противостояния войскам США около Багдада, в то время как «New York Times» говорил об их быстром продвижении практически без сопротивления. Заголовок газеты «New York Times» в этот день гласил: «Войска быстро продвигаются вперед, практически не встречая сопротивления». Заголовок гонконгского издания China Daily гласил: «Все больше американских войск приближается, а Багдад все еще силен» [3, с. 149]. Такой подход иллюстрирует, как «People's Daily» и другие китайские медиа выражали официальную точку зрения, одновременно критикуя американскую интерпретацию событий – это подчеркивает различия в том, как страны воспринимали и представляли ход войны.

Когда «People's Daily» освещало конфликт в Персидском заливе, оно не ограничилось лишь военной перспективой, но также отразило реакцию китайского народа на события в Ираке. Такой подход демонстрирует, что китайские СМИ обращают больше внимания на мировые события и настроения общества, влияя на формирование взглядов граждан и направления государственной политики.

«Изучение новостных сообщений «People's Daily» о конфликтах в Персидском заливе и Ираке демонстрирует интересные тенденции в отношении китайской журналистики к международным конфликтам. Во-первых, оба сюжета подчеркивают нежелание Китая прибегать к силовой методике урегулирования международных споров, отдавая предпочтение дипломатическим и политическим мерам. во-вторых, в отличие от ограниченных источников информации о войне в Персидском заливе, большинство информации об Иракской войне поступало от собственных журналистов китайских СМИ, находившихся на передовой. И Сян Синь, анализируя новости приходит к выводам, что тем не менее отчёты о войне в Персидском заливе больше акцентировали внимание на последствиях для развивающихся стран, в то время как сообщения о войне в Ираке уделяли меньше внимания этому аспекту» [3, с. 149].

В целом освещение войны в Ираке в «People's Daily» характеризуется следующими особенностями: во-первых, оно нацеливает на поддержание мира во всех частях планеты; во-вторых, подчеркивает важность соблюдения руководящих принципов действий в рамках ООН; и, в-третьих, утверждает, что любое решение должно защищать законные права и интересы Китая и стран региона, а также суверенитет Ирака. Такая позиция не только отвечает национальным интересам, но и отражает принцип объективности и беспристрастности.

В новостях также освещаются экономические последствия войны, особое внимание уделяется влиянию колебаний мировых цен на нефть на экономику и энергетическую безопасность Китая, что отражает

повышенную озабоченность Китая в тот период стабильностью развития.

Сравнение освещения войны в Персидском заливе и войны в Ираке позволяет выделить следующие особенности:

1. Смещение акцентов: если при освещении войны в Персидском заливе больше внимания уделялось воздействию ее влияния на развивающиеся страны, то при войне в Ираке преимущественное внимание уделялось в пользу многомерного представления (позиции правительств, судьба гражданского населения, антивоенное движение).

2. Изменение источников информации: в отличие от ограниченных источников информации о войне в Персидском заливе, большинство информации об Иракской войне поступало от собственных журналистов китайских СМИ, находившихся на передовой.

Проследив трансформацию китайской журналистики в течение этих периодов, можно отметить следующие тенденции: переход от прямой пропаганды к сложным стратегиям, сочетающим фактологию и идеологию; рост роли интерактивных форматов и глобального охвата аудитории; сохранение идеологической линии – критика западной гегемонии и поддержка многополярного мира.

Несмотря на изменяющиеся формы коммуникации в китайских СМИ, они сохраняли свою основную функцию – достижение национальных интересов и были направлены на защиту государственной идеологии, обеспечение социальной стабильности и противостояние внешнему давлению. Так, при освещении международных конфликтов китайские СМИ выдвигают на первый план такие нарративы, как «контргегемония»

и «многополярность», которые соответствуют национальным стратегиям. Под влиянием глобализации системы СМИ в разных странах постепенно сближаются и следуют схожим принципам работы (например, свобода прессы, коммерческая направленность, многоголосие). Китайские СМИ не просто следовали этой общей тенденции, а выстроили свою собственную медиасреду, в которой особое место занимает приоритет национальных интересов. Такой подход позволил сформировать уникальную систему подачи информации, отличающуюся вниманием к внутренней повестке и самостоятельному взгляду на внешние события.

При использовании СМИ в качестве геополитического инструмента, особенно в условиях вооруженных конфликтов, для продвижения своих интересов Китай опирается на «мягкую силу». Такое поведение вызывает споры: западные СМИ называют его «чрезмерно пропагандистским» и недостаточно независимым, а некоторые страны ограничивают китайские СМИ по соображениям национальной безопасности (например, Тикток). Особенность китайских медиа заключается в том, что они сталкиваются с рядом противоречий в освещении войн и вооруженных конфликтов основным из которых является поиск баланса между объективностью журналистских материалов и жизненной необходимостью соблюдения и достижения государственных интересов.

Исследование обозначенных проблем вносит вклад в изучение медиакommunikаций, демонстрируя, возможность журналистики в Китае сочетать традиции пропаганды с современными технологиями, формируя гибридную модель медиадискурса.

Гибридная модель медиадискурса – это сочетание пропагандистских и объективных элементов в освещении событий, когда медиа балансируют между контролем государства и требованиями аудитории к достоверности. Такой подход позволяет учитывать как внутренние, так и внешние информационные запросы. При этом китайская военная журналистика находится в условиях двойного влияния: с одной стороны – необходимость соответствовать твердым политическим и нормативным внутренним требованиям, с другой – необходимость адаптации к определенным глобальным стандартам и условиям в сложной международной обстановке.

Примечания

1. Инцидент 7 июля 1937 года (Лугоуцяоский инцидент) – вооружённое столкновение между японскими и китайскими войсками у моста Лугоуцяо под Пекином, послужившее формальным началом Второй японо-китайской войны (1937–1945 гг.).

2. Теории гибели страны. Теория возникла потому, что в то время у Китая не было боевых условий, чтобы противостоять японскому вторжению. Главным пропагандистом теории гибели нации был Ван Цзинвэй, лидер Гоминьдана, основная идея которого заключалась в том, что сопротивление Китая иностранной агрессии может привести только к гибели нации и государства, и что упорствовать в сопротивлении войне было бы безответственно по отношению к нации.

Список литературы

1. Лай, Г. История новостной коммуникации в Китае / Лай Гуанлин. – Тайбэй: Книжный магазин Санмин, 1992. – С. 180.

赖光临:《中国新闻传播史》,台北:三民书局,1992年版,第180页.

2. **Мао, Ц.** О долгой войне (май 1938 года) / Мао Цзэдун. – Народное издательство, 1991.
毛泽东:《论持久战》(1938年5月),人民出版社,1991年版.

3. **Сян, С.** Сравнение освещения войны в Ираке в СМИ Китая, США и Гонконга / Сян Синь // Журнал мировой журналистики. – 2015. – № 4. – С. 149.
向筱. 伊拉克战争中美港三地媒体报道比较 // 世界新闻. – 2015年第四期, 149页.

4. **Цао, Я.** Исследование пропаганды общественного мнения в период войны: магистерская диссертация / Янь Цао. – Хунаньский национальный университет, 2011.
曹炎:《抗战时期舆论宣传研究》. – 湖南师范大学, 2011年.

5. Графическая база данных People's Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.people.com.cn/rmrb/20240509/1?code=2>
–Дата обращения: 11.06.2025.

Liu Lufei,
PhD Student
Saint Petersburg State University
st073842@student.spbu.ru

The Evolution of Military Journalism in China: From National Propaganda to Global Media Discourse

This article analyzes the evolution of Chinese military journalism through the content characteristics and methodological approaches of national media in covering armed conflicts across three historical periods: the War of Resistance Against Japanese Aggression (1931–1945), the Gulf War (1991), and the Iraq War (2003). The study identifies a transition from propaganda toward hybrid strategies integrating factual reporting with ideological frameworks, increased technological adaptation, and persistent criticism of Western hegemony.

Keywords: military journalism, Chinese media, propaganda globalization, multipolar world, media discourse

УДК 070.48:355.01

Малькевич Александр Александрович,
кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой социальных коммуникаций
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Азовский государственный педагогический
университет»
alexander.malkevich@inbox.ru

Статус военного журналиста на СВО: проблема, определения, понятия

В статье осуществляется попытка выявить основные проблемы определения статуса военного журналиста в период СВО в России. Это обусловлено

спецификой восприятия обществом материалов по тематике спецоперации, а также стремлением журналистов донести происходящее как в аналитическом, так и в репортажном формат. В результате можно наблюдать использование военными корреспондентами ряда приемов художественной литературы, зарождение целого смыслового пласта в новой российской журналистике, появление пула журналистов, работающих в реалиях новых регионов. При этом мы можем говорить о недопонимании роли военного журналиста в регионах и сфере отечественных медиа; отказе в принятии факта особого статуса военного журналиста, работающего в период активных боевых действий; появлении негативного отношения, запрет публичных выступлений и отказ в публикациях, а также нарушениях юридически узаконенных прав военного журналиста. Автор рассматривает причины и последствия проблемы определения ключевого понятия журналистики СВО – «военный журналист».

Ключевые слова: международное гуманитарное право, средства массовой информации, военный корреспондент, защита журналиста.

В отечественной практике «военным корреспондентом» называется журналист, который сопровождает армию и флот во время боевых действий и пишет материалы – необязательно репортажные. К этой же категории журналистов относятся и те, которые работают на прифронтовых территориях, освещая жизнь мирных жителей, затронутых войной. Необязательно это должны быть тележурналисты, и необязательно журналисты обязаны выдавать прямую сводку с мест боестолкновений: Константин Симонов писал, что это –

удел фотографов, в то время как журналист пишущий может записать два-три слова, и из них развернуть полную картину. Именно поэтому военкоры Великой Отечественной стали основой нового корпуса патриотической литературы в СССР: они продолжили «разворачивать» свои впечатления и мысли в стихах и прозе.

Однако в обществе за прошедшие, без малого, сто лет, произошли существенные изменения, вызванные девальвацией ценности самой профессии «журналист». Касаться причин этого процесса мы не будем, но приходится с горечью констатировать: военный журналист как дефиниция не имеет точного определения ни в правовом поле, ни в общественном сознании, ни в профессиональном сообществе. И это влечёт за собой серьёзные последствия для будущего российской журналистики и литературы. Рассмотрим аспекты, которые важны для понимания сути и значимости работы военного журналиста, а также задачи, которые стоят перед российским обществом, которые необходимо решить в контексте обрисованной нами проблемы.

Военный журналист как научная категория

Отметим сразу, что у отечественного понятия «военный журналист» нет аналога в зарубежных источниках [5]. В западных источниках мы можем найти три дефиниции, каждая из которых не является семантически точным отображением терминов «военжур» или «военкор».

1. «Defense Journalist». Журналист по оборонным проблемам – крупный аналитик в солидном издании, который занимается проблемой обеспечения армии, как правило, с экономической точки зрения, иногда – с геополитической.

2. «War Correspondent». Военный корреспондент как таковой.

3. «Hot Spot Reporter». Репортёр, работающий в горячих точках.

Это разделение пошло из США, которые до сих пор являются информационными доминантами глобального пространства. Основы теории военной журналистики заложены в работах Дж. Ольсона, М. Рота, Б. Харриса, Г. МакЛафлина, У. Томаса, Ф. Рисли и других. Анализируя эти работы, узнаём, что «Hot Spot Reporter», например, это любой человек, пишущий из зоны конфликта, вне зависимости от принадлежности к журналистской корпорации – мирный житель, солдат, врач. При этом имеет значение время: только во время эскалации конфликта. В такой трактовке статьи об обстрелах Донбасса в период 2014 – 2021 гг., например, не считаются военной журналистикой.

Во-вторых, на Западе военная журналистика часто оценивается не по точности работы корреспондента, а по финансовой отдаче от материала, который повышает рейтинги СМИ. Таким образом, «военным журналистом» чаще всего называется тот, кто «выдаёт» материал, вызывающий самые сильные эмоции. Это может быть и аналитик, и редактор студии, и руководитель спецпроекта, ни разу не побывавшие в зоне боевых действий. «War Correspondent», оказывается, – только тележурналист, находящийся в кадре. Ни редактор, пишущий ему подводки, ни снимающий сюжет оператор не являются «War Correspondent».

По сути, в западную трактовку дефиниции «военный журналист» входит очень широкий спектр понятий и модификаторов, применяемых ситуативно. Можно констатировать, что профессии военкора как

таковой в США и Европе не появилось: наиболее близка в ней «военный телевизионный репортёр», сегмент узкий, и максимально «хайповый». В целом, можно констатировать, что в западных медиа есть понятие «гражданско-военная журналистика», и какого-то особенного выделения военных журналистов внутри него нет.

В отечественной теории журналистики, к сожалению, тоже нет единого определения: большинство исследований касаются вопроса фрагментарно, опираясь на изучение биографии отдельных персоналий, короткие временные промежутки, отдельные конфликты, либо же рассматривая проблему сегментарно – только в этическом, или только в юридическом поле. Не проработана и онтология семантического поля. В традиции российской журналистики считать военными журналистами принято пишущих профессионалов, состоящих на службе в армии, а военными СМИ – только издания, деятельность которых регламентируется силовыми ведомствами. «Под системой военных средств массовой информации автор понимает организованную совокупность печатных и электронных СМИ (телевидение, радио), учредителями и издателями которых являются военно-силовые ведомства (Министерство обороны РФ, Пограничная служба ФСБ РФ, Внутренние войска МВД РФ, МЧС РФ), а также вневедомственные СМИ, специализирующиеся на военной тематике, которая формирует единое военно-информационное поле и удовлетворяет информационные потребности военнослужащих, членов их семей, служащих силовых ведомств как самостоятельного слоя читателей (зрителей) с целью способствовать

выполнению задач, стоящих перед силовыми структурами» [3, с. 23].

Есть и неофициальная точка зрения, практическая: любой специалист, работающий в горячей точке и занимающийся военной проблематикой, считается военным журналистом. На сегодняшний день это неразрешимое противоречие, которое приводит к серьёзным проблемам в определении позиции военного журналиста, а в практическом преломлении – к ущемлению прав военкоров и тотальной недооценке их работы. Поэтому есть необходимость пересмотреть статус военного журналиста, отказавшись от привязки к силовым ведомствам. «Военным журналистом», по нашему мнению, являются как военные, так и гражданские сотрудники СМИ, работающих в зоне конфликта и освещающие события войны – как касающиеся продвижения армий, так и жизни мирного населения. Более того, к военным журналистам могут быть причислены люди, не имеющие специального образования и не работающие в редакции, но чьи статьи из зоны конфликта отвечают стандартам журналистики и публикуются в официальных СМИ. Именно такая трактовка, на наш взгляд, отвечает современным реалиям.

Медийная повестка в контексте СВО

Итак, мы условились понимать под военной журналистикой «деятельность по сбору, хранению, обработке и передаче социально значимой информации представителем средства массовой информации, непосредственно присутствующим на месте ведения боевых действий». Следует сразу уточнить, что эта профессия сопряжена с рядом сложностей юридического, политического и морально-этического характера, а,

кроме того, обладает рядом усложняющих факторов: гибели или ранения в любой момент нахождения в зоне конфликта; опасности целенаправленного уничтожения по надписи “PRESSA”, что, например, наблюдается в зоне СВО, где украинские снайперы и операторы дронов ведут охоту на российских журналистов. Также существует вероятность ограничения свободным журналистам доступа к информации в виде принудительной её подачи в ходе «пропагандистских туров», о чём высказался Дж. Д. Вэнс, на встрече Д. Трампа с В. Зеленским [1]. Такие ограничения нарушают принцип объективности и непредвзятости. Ещё одной проблемой становится установка редакции, по которой журналисту вменяется в обязанность выражать симпатию одной стороне и антипатию – другой. Придерживающиеся принципа непредвзятости журналисты подвергаются травле: так, вынуждены были покинуть работу и даже стране ряд западных журналистов, не согласившихся очернять Россию вопреки ставших доступными фактам.

Существует и ещё одна специфика освещения медиаповестки во время вооружённых конфликтов в XXI веке: режиссура события. Как мы уже указывали выше, США являются основной силой на медиаполе планеты, и существенно продвинулись в конструировании не только информационных поводов, но и общественной реакции на них. Так, например, зафиксировано, что:

– американские военные не позволяли журналистам проводить репортажи самостоятельно, а только в составе подразделений, к которым их прикрепляли;

– войска США производили обстрелы тогда, когда был назначен прямой эфир, который могли видеть наибольшее число зрителей в Штатах;

– в палестино-израильском конфликте американские консультанты настояли на цензуре для всех представителей прессы, тогда как «Хезболла» предоставила беспрепятственный доступ репортёрам на места боевых действий;

– американские журналисты (и аффилированные с ними СМИ) демонстрируют диаметрально противоположное отношение к сторонам конфликта, выражая сочувствие стороне, которую поддерживает США и осуждение – её противникам;

– в случае отсутствия инфоповодов, подтверждающих «сатанинскую природу» противной стороны, американские СМИ не гнушаются фальсификациями.

Эти характерные черты американской военной журналистики переняли европейские СМИ, а на Украине журналисты прошли полное переобучение, чтобы соответствовать этим стандартам. Поэтому мы можем наблюдать появление в репортажах негативных оценочных категорий «орки», «Мордор», «рашка» и пр.; постановочных репортажей – из Бучи, из «разбомбленного роддома», «взорванной школы» и пр.; слезливые репортажи о гибели украинского ребёнка и, напротив, радостные репортажи о расстреле беззащитных стариков в Курской области; ограничение доступа журналистов к местам боёв; режиссура выступлений «солдат ВСУ с передовой», «мирных жителей» и пр. Как и в случае с войной в Ливии, для постановочных репортажей используются профессиональные актёры и

блогеры, большое количество пиротехники, архивные съёмки и даже кадры из компьютерных игр.

Моральные и этические нормы военного журналиста

В российской журналистике также произошла существенная перемена: отставая от США в разработке прикладных методик действия в зоне военного конфликта, профессиональное сообщество начало уделять повышенное внимание концепции «журналистского долга», проведению дискуссий, программ и форумов, посвящённых морально-этическим нормам; подняло вопрос обеспечения получения правдивой информации с мест событий, распознаванию и опровержению фейков; работе с валом негативных комментариев от интернет-троллей ЦИПСО и граждан Украины, оболваненных пропагандой. Важным моментом стало восстановление концепции профессиональной солидарности, выработки единых представлений о том, кто является противником – как внутренним, так и внешним, а также основных принципов работы властей на местах и федеральных органов государственной власти с журналистским сообществом в период ведения СВО. Профессиональные принципы, выработанные за период 2022–2024 года, состоят в следующем:

1. Если Россия является одной из сторон вооружённого конфликта, необходимо обеспечить доступ журналистов к местам ведения боёв. Учитывая «охоту» на журналистов, эффективно организовывать специальные группы для работы с репортёрами, включая охрану, работу пресс-центра, обеспечение своевременных комментариев российских военных и

политических действий, сопровождение на места боевых действий с задачей прикрытия журналистской группы.

2. Недопустима фальсификация событий, какими бы соображениями она ни была продиктована. В частности, необходимо проверять всю информацию из вторых рук, чтобы не допустить тиражирования фейков. Для этого необходимо организовать обучение журналистов и блогеров-жителей приграничных регионов.

3. В случае, если российский журналист попадает в плен, ранен или убит, этими случаями должны заниматься, в том числе, и дипломаты.

И всё это приводит нас к необходимости приравнивания военных журналистов к участникам боевых действий, с соответствующими правами и преференциями.

Правовые дефиниции

Вопрос этот поднимается уже давно: на Медиафоруме ООН в 2018 году В. В. Путину был задан вопрос о возможности присвоения российским журналистам, работающим в горячих точках, статуса участника боевых действий. На тот момент вопрос был дискуссионный: участник боевых действий – это тот, кто держит в руках оружие, добиваясь справедливости. Но тогда мы исключаем из этой категории военврачей, если они не имеют формального военного звания, капелланов, вспомогательные бригады инфраструктур, транспортников, за исключением военных водителей. Напомним, что аналогичный вопрос вставал и во времена ВОВ: считать ли партизан и подпольщиков участниками боевых действий? А если считать, то кого – только штурмовые отряды и подрывников? Да, действительно, журналист не участвует в боевых действиях, а освещает

их, но он подвергается такой же, если не большей опасности, при этом не имеет возможности защититься, но само освещение происходящего поднимает и укрепляет дух нации, делая её более обороноспособной и подвигая тыл на оказание помощи фронту. Единственным существенным возражением против придания такого статуса стало соображение о том, что журналист станет «законной целью» противника. Но, увы, он уже является желанной целью, пусть и незаконной, - но при этом не имеет никаких гарантий помощи и вознаграждения государства.

Международно-правовой статус журналиста в условиях вооруженного конфликта закреплён в положениях Гаагского и Женевского права. В комментариях к ст. 79 «Меры по защите журналистов» Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. (1977 г.) под «военным журналистом» понимается «корреспондент, репортер, фотограф и их кино-, радио- и телеоператоры, для которых осуществление указанной деятельности обычно является основной профессией». По этому же протоколу журналист может находиться в зоне конфликта как «военный журналист», «военный корреспондент», «свободный журналист в военной командировке». Следует пояснить разницу между этими понятиями. Под «военным корреспондентом» понимается любое лицо, доставляющее в СМИ информацию о событиях в зоне военного конфликта. До развития интернета это крайне редко был кто-то иной, нежели журналист, поэтому часто термины в отечественной журналистике и литературе смешаны до степени сращения. «Военный журналист», как уже было указано выше, журналист, работающий от силового ведомства и имеющий военное звание – это реалии 1970-

х годов, когда были написаны упомянутые выше протоколы. И, наконец, «свободный журналист» – это профессиональный журналист, откомандированный СМИ в зону вооружённого конфликта. Как видим, градация чрезвычайно близка к принятой в отечественной журналистике. Отдельно отметим, что правовой статус военного корреспондента закреплён в «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» и в Третьей Женевской конвенции: там военкоры однозначно отнесены к гражданским лицам, которым обеспечивается вся полнота защиты и права, но при захвате они пользуются правами военнопленных. К сожалению, в условиях СВО, например, где украинская сторона практикует издевательства, пытки, расстрелы, изнасилования, – эти благие намерения не работают, а доказать факты военных преступлений в отношении военных журналистов и военных корреспондентов – крайне сложно. Вызывает недоумение, что некоторые российские авторы [2, с. 228] считают, что «инициативы о внесении в российское законодательство норм о присвоении журналистам, работающим в горячих точках, статуса участника боевых действий, предложения об уравнивании правового положения и правовой защиты различных категорий журналистов нельзя признать обоснованными».

Со своей стороны, мы считаем такую точку зрения устаревшей и неактуальной, и это приводит нас к необходимости пересмотра дефиниций «военный журналист» и «военный корреспондент». Первая должна включать в себя любого профессионального журналиста, работающего по заданию редакции – от военного ли ведомства, или от официального гражданского СМИ – не имеет значения. Эти люди должны быть приравнены к

участникам боевых действий. Категория «военный корреспондент» включает в себя любого человека, являющегося источником информации для СМИ с места событий. Если СМИ включает его в штат, он становится военным журналистом. В противном случае, к нему применяются нормы права для гражданских лиц в зоне военного конфликта.

В корне неправильным будет игнорировать вклад военных журналистов в обороноспособность и боеспособность страны, отводя им роль «механических рупоров». Кроме того, эти журналисты, в большей части своей так же, как это произошло после Великой Отечественной войны, уже сейчас начали формировать костяк новой российской литературы: лишив их возможности получения статуса участника боевых действий, государство, в какой-то мере, лишит легитимности их литературное достояние. Многие журналисты – за три года СВО только российских журналистов погибло более тридцати – но при этом они не получают, даже посмертно, ни военных наград, а их родные – военных выплат. Так что вопрос до сих пор остаётся дискуссионным, но уже очень острым [4].

Список литературы

1. Вэнс обвинил Зеленского в проведении «пропагандистских туров» [Электронный ресурс] // NBCNews от 04.03.25. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/video/vance-accuses-zelensky-of-hosting-propaganda-tours-233464389724> (дата обращения: 20.03.2025).

2. Козлов, А. В. К вопросу о правовом статусе военного корреспондента [Электронный ресурс] / А. В. Козлов // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – №8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k->

voprosu-o-pravovom-statuse-voennogo-korrespondenta (дата обращения: 06.03.2025).

3. Козлов, Д. В. Современные российские военные СМИ как социально-политическое явление / Д. В. Козлов // Власть. – 2008. – № 2. – С. 22-25.

4. Путин назвал число погибших в зоне боевых действий российских журналистов [Электронный ресурс] // РБК от 05.06.24. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6660b0b19a79478371578b25?ysclid=m7xmtn69pg80618831> (дата обращения: 06.03.2025).

5. Сикорский, А. А. Военный корреспондент как научная категория: концептуализация понятия [Электронный ресурс] / А. А. Сикорский // Экономика и социум. – №4 (13). – 2014. – Режим доступа: www.iupr.ru (дата обращения: 06.03.2025).

Malkevich Alexander Alexandrovich,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Social Communications FGBOU
of the Azov State Pedagogical University Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Azov State Pedagogical University»,
alexander.malkevich@inbox.ru

The status of a military journalist in a special military operation: problem, definitions, concepts

The article attempts to identify the main problems of defining the status of a military journalist during the SVO in Russia. This is due to the specifics of the perception of materials on the subject of a special operation by society, as well as the desire of journalists to convey what is happening

in both analytical and reportage formats. As a result, we can observe the use of a number of fiction techniques by military correspondents, the emergence of a whole semantic layer in the new Russian journalism, the emergence of a pool of journalists working in the realities of new regions. At the same time, we can talk about a misunderstanding of the role of a military journalist in the regions and in the sphere of domestic media; refusal to accept the fact of a special status of a military journalist working during active hostilities; the emergence of a negative attitude, a ban on public speaking and refusal to publish, as well as violations of the legally recognized rights of a military journalist. The author considers the causes and consequences of the problem of defining the key concept of SVO journalism - "military journalist".

Keywords: international humanitarian law, mass media, war correspondent, journalist protection.

УДК 070: 177

Серостанова Оксана Борисовна,
канд. философ. наук, доцент кафедры
журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
oxanaserostanova@gmail.com

Профессиональные коллизии журналиста в зоне вооруженного конфликта

Рассмотрены ключевые этические категории, регламентирующие деятельность журналиста, освещающего кризисные ситуации: этика, этическое,

мораль, деонтология, профессионально-этические коллизии. Выделены профессионально-нравственные предопределения журналистики и этические принципы работы военного корреспондента. Проанализирован потенциал института ньюс-омбудсмана в отношении разрешения профессионально-этических коллизий в журналистской практике.

Ключевые слова: этика, деонтология, журналистские коллизии, мораль, этические принципы, ньюс-омбудсмен.

Работа журналиста в зоне вооруженного конфликта сопряжена с огромными рисками и моральными дилеммами. Помимо опасности для жизни и здоровья, журналист сталкивается с необходимостью соблюдения высоких этических стандартов с целью минимизации гражданского населению в процессе выполнения профессиональных задач.

Деятельность журналиста в горячих точка может рассматриваться также двояко, как и двойственно понятие морали. В рамках международного гуманитарного права различают журналистов-комбатантов, которые выполняют функции военного корреспондента и журналистов-некомбатантов, представляющих какое-либо СМИ и по долгу службы направленных в зону военных действий [3, с. 158]. Нравственные позиции журналиста могут выражать, с одной стороны, долженствование или запрет (деятельностный аспект), с другой – выступать в форме одобрения или осуждения (оценочный аспект) [4].

М. В. Ломоносов возводил профессию журналиста в особую форму деятельности, требующую силы и доброй воли. Последняя предполагает умение отделять истину от оценочных умозаключений. «Воля – для того,

чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти», – пишет ученый [6]. В то же время в идеях консеквенциализма Мура находим связь между оценкой поступков и добром (должным) [8, с. 418]. Действие согласно правилам также предполагает наличие противоречий в области понимания того, что будет наиболее лучшим их результатом, если они, например, несут зло: «...цель нравственности заключается в том, чтобы позволить людям причинять страдания без сожаления» [8, с. 422].

Освещая вооруженные конфликты, теракты, протесты, – журналисты вооружаются не только навыком безопасности, но и сталкиваются со сложными этическими дилеммами при информировании аудитории о предполагаемых военных преступлениях и страданиях мирных граждан. Согласно информационному бюллетеню Международной сети журналистов любая кризисная ситуация, от освещения событий в отношении детей, пострадавших в результате вооруженного конфликта до репортажей с линии фронта, предполагает определенные этические принципы. Например, Д. Виндельспехт, среди весомых факторов, влияющих на освещение событий в горячих точках, отмечает важность осознания собственной идентичности в контексте конфликта, знание идеологической составляющей вооруженного конфликта, знание специфики коммуникации с людьми, пережившими травматический опыт [12]. Достаточно часто, журналист сталкивается с этической дилеммой уже после того, как отснял материал. Речь идет об ответственности за публикацию той или иной истории, запечатленной на фото или в интервью, которая может вызвать общественный резонанс.

Международное право, регулирующее вооруженные конфликты, признает особую роль репортера во время войны или вооруженного конфликта. Например, Женевская конвенция предусматривает особую защиту журналистов и сотрудников СМИ. В этических кодексах журналиста также прописаны принципы поведения и освещения кризисных ситуаций. Достаточно часто, журналисты-фрилансеры, попадая в зону вооруженного конфликта, в погоне за прибылью забывают о связи между безопасностью и этикой, создавая контент об ужасах войны. Поэтому так важно понимать значение рассмотрения профессиональных этических коллизий военного корреспондента.

Профессионально-этические коллизии – это противоречия морально-нравственного характера, регламентирующие поведение журналиста в процессе выполнения профессиональных задач.

Принципы профессионально-этического поведения журналиста не раз становились предметом пристального внимания учёных. Общепрофессиональные навыки и требования к личностным качествам военного корреспондента описаны Е. Н. Рымаревой и Е. С. Долгиной [7]. Феномен экзистенциального милосердия как ценностно-смысловой регулятор деятельности военных корреспондентов изучен С. В. Колобовой и Л. Е. Малыгиной [5]. Современные кейсы из практики работы журналистов в зоне вооруженных конфликтов рассмотрены в работах В. М. Амирова [1].

Среди работ иностранных авторов, представляет интерес книга Р. Гутмана и Д. Риффа «Преступления войны: что должна знать общественность», в которой авторы раскрывают в доступной форме вопросы понимания международного гуманитарного права для журналистов, политиков и общественности [10]. Бен Сол

в своих трудах рассматривает правовую базу, применяемую в международных вооруженных конфликтах, чрезвычайных ситуациях, терроризме и других внутренних беспорядках, акцентируя внимание на сложные вопросы их толкования в этическом аспекте [11]. И. Дюстерхёфт описывает существующие меры защиты репортеров в вооруженных конфликтах [9].

Прежде чем указать на основополагающие профессионально-этические коллизии в работе военного корреспондента, стоит обратить внимание на понятие этики, этического.

Основной проблематикой этики в целом выступает возможное смысловое наполнение индивидуально-ответственного поведения, которое принимается обществом в качестве истинного или предпочтительного. Мерилом поступка выступают нормы общества.

Мораль – свод духовных правил, регулирующих поведение человека и его отношение к другим. Основные принципы морали в обществе фундируются на таких качествах как гуманность, справедливость, милосердие, терпимость. Они закладывают основу моральным идеалам, ценностям и нормам должного поведения. Возникает противоречие между долгом и должным как основой профессионально-этического аспекта деятельности человека. Еще со времен Античности данной проблеме уделялось внимание философов (Аристотель, Цицерон, Сенека и др.) и философских школ (стоицизм, неоплатоники). В XVIII веке И. Бентам вводит в научный оборот понятие деонтологии, т.е. знание о долге и должном в профессии. Деонтология сосредотачивается на вопросах этико-правовых основ, ценностных ориентирах в профессии, социальной ответственности и т.п. Этот термин первоначально

использовался в медицине, а затем стал использоваться в других науках.

В настоящий момент деонтология рассматривается в качестве сферы научного знания, предметом которого являются отношения долженствования, без которых невозможно представить труд профессионала. Понятие должного распространяется на каждый предмет реальности. В то же время в работе журналиста есть и понятие долга, связанного с его ролью в формировании картины мира аудитории. При понимании долга журналистом, прежде всего, опираемся на существующие этические стандарты в профессии.

Понятие ответственности журналиста тесно связано с реализацией социальной позиции журналиста, при которой его творчество способствует развитию и достижению социального консенсуса. Например, гражданская ответственность журналиста включает осознание и стремление эффективно реализовать общенациональные интересы. Она реализуется в медиатекстах, ориентированных на воспитание чувства патриотизма, любви к Родине, семейных ценностях и т.п.

Таким образом, можно выделить ряд профессионально-нравственных предопределений журналистики:

- стремление к передаче правдивой информации, так как журналист должен проверять факты, основываясь на достоверные источники;
- независимость от влияния каких-либо интересов (политических, экономических и т.п.);
- умение избегать конфликта интересов;
- объективность и справедливость при освещении событий и мнений;

- уважение права на конфиденциальность и частную жизнь людей;
- защита интересов общества;
- соблюдение высоких этических стандартов в работе в части недопущения плагиата, приемов взяток, манипуляции информацией и т.п.;
- ответственность за профессиональные действия и публикации.

С точки зрения медиаправа, деонтологические нормы деятельности журналиста прописаны в различных документах: Конституция РФ, Закон РФ «О средствах массовой информации», ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетирования», Уголовных кодекс РФ и др.

Одним из важных шагов в решении этико-правовых коллизий в деятельности журналиста стало учреждение Союзом журналистов России «Общественной коллегии по жалобам на прессу». Она рассматривает случаи нарушения прав и свобод как отдельных граждан, так и организаций со стороны журналистов, что может являться основанием для продолжения информационного спора в судебном, правовом или административном порядке.

Действующим регуляторным механизмом в обществе является институт ньюс-омбудсмен, разрешающих споры и конфликты между прессой и субъектами общественного мнения. Это своеобразный механизм саморегулирования, предупреждающий политическую ангажированность и своеволие прессы. Первоначально данный институт появился в Швеции в 1809 году, а затем распространился на Новый свет. С легкой руки Роберта Мейнарда Хатчинса, президента Чикагского университета, появились две

исследовательские группы, объединившие ведущих специалистов в области философии, права, социальных наук и теории массовых коммуникаций. Итогом деятельности Комиссии Хатчинса стал доклад, опубликованный 26 марта 1947 года, в котором было указано: «Если современное общество нуждается в большом количестве средств массовой информации, если СМИ в результате концентрации приобретают такую силу, что становятся угрозой для демократии, если демократия не может решить эту проблему путем демонополизации – то средства массовой информации или будут контролировать себя сами, или будут контролироваться государством. Если они будут контролироваться государством, то мы утратим нашу основную защиту от тоталитаризма и сделаем большой шаг по направлению к нему» [2, с. 4].

В России институт ньюс-омбудсмен стал формироваться постепенно. В частности, в 1994 году заработала Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации. В 1998 году Союзом журналистов России создано Большое жюри, призванное рассматривать конфликты в области СМИ, лежащие в этической плоскости. В 2005 году была образована Общественная коллегия по жалобам на прессу. Она представляет собой эффективный инструмент саморегуляции.

Главный акцент при определении принципов работы журналиста в особых условиях – защита прав человека и влияние профессионального поведения журналиста на деэскалацию ситуации.

К основным этическим принципам работы журналиста стоит отнести следующие:

– безопасность как приоритет, умение тщательно оценивать риски, проходить соответствующую

подготовку и иметь план действий в чрезвычайных ситуациях;

- объективность и беспристрастность в освещении событий, представление разных точек зрения;

- недопустимость распространения пропаганды или дезинформации;

- проверка информации с использованием нескольких источников и критическая оценка полученных данных;

- уважение к жертвам и пострадавшим;

- проявление эмпатии и избегание излишне травмирующих или унижающих достоинство фотографий и видеозаписей;

- защита источников, обеспечение конфиденциальности;

- разграничение между журналистской и гуманитарной помощью;

- соблюдение законов и правил в рамках международных норм и правил поведения журналиста в зонах конфликтов других стран;

- ответственность за последствия публикуемого материала, который может повлечь непредсказуемые последствия.

Таким образом соблюдение этических норм в зоне вооруженного конфликта – непростая задача. Журналист оказывается перед сложным выбором, когда необходимо принять решение в условиях ограниченного времени и информации. Например, как сбалансировать необходимость информирования общественности с уважением к частной жизни жертв? Как избежать манипуляций со стороны участников конфликта?

Соблюдение этических норм является залогом того, что журналистика будет служить правде и

справедливости, а не усугублять страдания людей, оказавшихся в эпицентре насилия. Важно помнить, что каждое слово и каждое изображение, опубликованное журналистом, могут иметь реальные последствия для жизни и судеб людей. Это оказывается не менее важно в условиях быстро меняющегося характера войны, растущими требованиями к СМИ.

Список литературы

1. Амиров, В. М. Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : спец. 10.01.10 «Журналистика» / Амиров Валерий Михайлович ; ФГАОУ ВО «Урал. фед. ун-т». – Екатеринбург, 2021. – 47 с. – Место защиты: УрФУ. – Текст: непосредственный.

2. Бондарева, Л. В. Государство и СМИ в условиях возрастающей коммерциализации журналистики / Л. В. Бондарева. – Текст : непосредственный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2006. – Вып. №7. – С. 1–5.

3. Горбачева, Т. В. Работа тележурналиста в условиях военного конфликта: правовые аспекты / Т. В. Горбачева. – Текст : непосредственный // Идеи и новации. – 2017. – № 1(7). – С. 157-172. – EDN PNLVVS.

4. Деонтология (в философии). Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал: [сайт]. – 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/deontologiya-v-filosofii-b078c1> (дата обращения: 23.03.2025). – Текст : электронный.

5. Колобова, С. В. Экзистенциальное милосердие как ценностно-смысловая регуляция деятельности

военных корреспондентов / С. В. Колобова, Л. Е. Малыгина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2024. – №2(53). – С. 217–226.

6. Ломоносов, М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии / М. В. Ломоносов. – Текст : электронный // Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова : [сайт]. – URL: https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (дата обращения: 23.03.2025).

7. Рымарева, Е. Н. Современная военная журналистика: профессиональные и этические стандарты / Е. Н. Рымарева, Е. С. Долгина. – Текст : электронный // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №2(105). – С. 380–382.

8. Яценко, М. М. Интуитивизм Мура и этика Рассела / М.М. Яценко. – Текст : непосредственный // Вестник МГТУ. – 2011. – Том 14. – №2. – С. 418–422.

9. Düsterhöft, I. The protect of Journalists in Armed Conflicts: How can they be better safeguarded? / I. Düsterhöft. – Text : electronic // Utrecht Journal of International and European Law. – 2013. – Vol. 29/76. – pp. 4–22. – URL: https://www.researchgate.net/publication/255967848_The_Protection_of_Journalists_in_Armed_Conflicts_How_Can_They_Be_Better_Safeguarded(датаобращения: 23.03.2025).

10. Ethics, safety and solidarity in journalism : [website] // South East Media Program of the Konrad Adenauer Stiftung. – 2016. – URL: When Journalists go to war: Ethics, safety and solidarity in journalism (датаобращения: 23.03.2025).

11. Saul, B. The International Protection of Journalists in Armed Conflict and Other Violent Situations / Ben Saul // Australian Journal of Human Rights. – October 8, 2009. – Vol. 14, – No. 1. – pp. 99–140. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1485844>(датаобращения: 23.03.2025).

12. Windelspecht, D. Ethical tips for journalists reporting on conflict / D. Windelspecht // International journalists' network. – April 29, 2022. – URL: Ethical tips for journalists reporting on conflict | International Journalists' Network (датаобращения: 23.03.2025).

Serostanova Oxana Borisovna,
Candidate of Philosophical Sciences
Lugansk State Pedagogical University
oxanaserostanova@gmail.com

Professional conflicts of a journalist in an armed conflict zone

The key ethical categories regulating the activities of a journalist covering crisis situations are considered: ethics, ethics, morality, deontology, professional and ethical conflicts. The professional and moral predestinations of journalism and the ethical principles of the work of a war correspondent are highlighted. The potential of the news Ombudsman institute for resolving professional and ethical conflicts in journalistic practice is analyzed.

Keywords: ethics, deontology, journalistic conflicts, morality, ethical principles, news ombudsman.

Собкова Елена Сергеевна,

бакалавр, журналист

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный
университет»
esobkova@inbox.ru

**Специфика конструирования образов
военнослужащих и волонтеров в вооруженных
конфликтах в рамках дискурсивных технологий
военной журналистики**

В статье рассматриваются общие тенденции конструирования образов военнослужащих и волонтеров в вооруженных конфликтах средствами массовой информации, военными корреспондентами, чья направленность подразумевает освещение Специальной военной операции. Особое внимание автор уделяет дискурсивным технологиям военной журналистики с точки зрения одного из инструментов военной журналистики в многополярном мире. Предполагается, что подобный подход наиболее полно отвечает на запрос о формировании культурного пласта, национальных легенд и мифов, а также способствует приобретению большей фундаментальности событий вооруженных конфликтов, в том числе Специальной военной операции, в памяти народа через последующий живописный, литературный и музыкальный опыт.

Ключевые слова: военная журналистика, многополярный мир, вооруженный конфликт, военнослужащий, волонтер

В условиях гибридной войны, ведущейся против России зарубежными государствами, существует необходимость популяризации участников современных вооруженных конфликтов. Это обусловлено недостаточностью проводимой работы с молодежью и другими социальными категориями российского населения, а также дефицитом современных нравственных и моральных ориентиров. Актуальность поставленной проблемы подтверждается и в настоящее время в рамках проведения Специальной Военной Операции – уже проводятся исследования не только медиалингвистики Специальной Военной Операции и специфики ее освещения, но и осмысляются ее образы и смыслы.

Научная новизна работы предполагает ее использование при разработке методик и рекомендаций по работе с российским населением в рамках преодоления негативизации и демонизации российских военнослужащих и волонтеров, помогающих в тылу и на фронте. Целью статьи является рассмотрение и описание специфики конструирования образов военнослужащих и волонтеров в вооруженных конфликтах в рамках дискурсивных технологий военной журналистики.

Во время исследования автором был использован метод наблюдения и контент-анализа преимущественно материалов военных корреспондентов, средств массовой информации, а также общественных деятелей, чьей направленностью

также является освещение в том числе Специальной Военной операции.

Конструирование образа советского солдата и труженика тыла Советского Союза до Великой Отечественной войны и после позволило организовать целый культурный пласт, нашедший отражение в отечественной литературе, музыке, кинематографе и искусстве. [1, с. 50–55]. Среди примеров – агитационные плакаты, «лейтенантская проза», произведения кинематографа, посвященные подвигу русского народа и снятые на основе литературных произведений, повествующих о военных действиях. Стоит отметить, что вклад был бы невозможен без материалов военных корреспондентов, прикомандированных в то время к тем или иным воинским частям.

Любой вооруженный конфликт – это неминуемое наследие, отраженное в культурном и даже в генетическом коде народа, который в нем участвовал.[3, с. 394–395].Соответственно, вне зависимости от его исхода, на государство ложится не только обязанность социальной, материальной и финансовой поддержки участников вооруженных конфликтов, но и конструирования их образов для последующей героизации. [2, с. 101–115]. Так, во время Первой и Второй Чеченской кампаний, а также контртеррористических операций в Дагестане стали известны следующие сконструированные образы военнослужащих с помощью дискурсивных технологий – подвиг местночтимого мученика Евгения Родионова, бой на высоте 776 6-й роты 2-го батальона 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, крылатая

фраза «Работайте, братья!», произнесенная Магомедом Нурбагандовым перед казнью террористами. Несмотря на локальность событий, каждый гражданин России или слышал, или читал, или имел представление об участниках вооруженных конфликтах.

Прежде чем определять, в чем заключается специфика конструирования образов военнослужащих и волонтеров, стоит определить, что именно мы можем называть дискурсивными технологиями, какие дискурсивные технологии применяются сегодня наиболее полно.

Общественный запрос в начале спецоперации смог удовлетворить в полной мере лишь один мессенджер – Telegram, привлекающий гибким инструментарием военных корреспондентов, не достигнутый иным мессенджером оперативности, возможностью «отсеять» неинтересные источники информации и верификацией имеющихся. Если рассматривать его конкурентоспособность на практике, в Telegram-канале новость появляется в течение временного промежутка от 5 до 10 минут, в то время как на сайте для ее появления требуется около 30-40 минут без заранее подготовленного текста (например, к взятию крупного населенного пункта), а на телевидении – от 3-х часов до 24-х часов в зависимости от того, когда произошло то или иное событие: во время утренних, дневных, вечерних новостей или же в прайм-тайм. Информация в Telegram циркулирует непрерывно за счет аккумуляции каналов в общие сетки или попадания в рекомендательные алгоритмы. Многочисленность пользователей способствует тому, что опубликованная новость в «региональном» или «локальном» канале окажется у «федералов» – такое

наименование приобрели верифицированные или соотнесенные к государственным источникам каналы.

Соответственно, основной дискурсивной технологией является мессенджер Telegram – в нем образуется сознательное гражданское общество («волны» или «ответы» на событие), ведутся дискуссии и обсуждения, в том числе путем использования опросов, публикуются основные новости с полей спецоперации [4, с. 45–57]. А значит, можно сказать, что конструирование образа военнослужащего или волонтера производится не столько средствами массовой информации, сколько аудиторией, откликающийся на положительный образ, и остальным населением. Как дискурсивная технология Telegram играет роль «проводника» между «гражданским» и «военным», между «военным» и «высшим начальством», между «народом» и «государством» во всех смыслах, которые вкладываются в вышеперечисленные понятия, поскольку не сама технология конструирует или создает образ военнослужащего, а ею транслируется образец и эталон, анти-образец и анти-эталон.

На сегодняшний день образ российского военнослужащего обладает символизмом, отличным от того, которым обладали военные в Великую Отечественную войну. Стоит начать с того, что сама по себе Специальная Военная Операция воспринимается наиболее вовлеченной в Специальную Военную Операцию частью общества как вещь сакральная, поскольку уже применяется к ее отношению следующие метонимические понятия – «Священная военная операция», «Битва за Донбасс», «Война за существование». Сакральный смысл заключен в

многослойности ее целей – не только денацификация Украины и ее демилитаризация, но и освобождение от «западного ига», уход от постмодерновой эпохи, возвращение к истокам русского мира, познания заново национальных ценностей и смыслов, заложенных в понятие «Родина».

Так, образ русского солдата конструировался через следующие ассоциации – «освободитель», «спаситель», «защитник» – и эта преемственность прослеживается до сих пор. Однако в условиях не атеистического подхода к изображению воинов участники спецоперации ассоциируются теперь не только как освободители и спасители от новой волны нацизма, но и как воины небесные, как военнослужащие, бьющиеся с Сатаной. Предполагаемым Сатаной или Антихристом здесь выступают в равнозначной плоскости как сама Украина, так и украинские военные.

Библейские мотивы прослеживаются не только в рамках ассоциативных образов, но и в символах, которые бойцов сопровождают – стяги и шевроны Спаса Нерукотворного, нательные кресты, напечатанные специально для военных молитвословы, блиндажные храмы, крещение в зоне боевых действий. Касаемо последнего, нельзя не вспомнить крещение одного из бойцов в Азовском море. Рассматривают с точки зрения богословской философии и некоторые акты театра военных действий – так, российский журналист Марина Ахмедова приводит в пример операцию «Поток», проведенную в Суджанском районе Курской области. По ее мнению, «...Это – история библейского масштаба. У страны нашлись сотни человек, которые спустились ради нее под землю, в

неизведанное, добровольно согласились на такое, какого в истории современного человечества еще не было...» [примечание 1].

Конструирование образа военнослужащего коснулось и его внешнего вида. Так, благодаря Telegram-каналам, следящий за фронтом россиянин при слове «русский солдат», «русский военнослужащий» и далее представляет себе уже не красноармейца или спецназовца времен контртеррористических операций. В современном понимании стандартный военнослужащий – это, в первую очередь, камуфляжная форма расцветки «мох» или «пиксель», оружие, разгрузка, турникет и иные привычные элементы образа.

В первую очередь, стоит отметить, что подходящий тон имиджа теперь «задает» и само Министерство обороны Российской Федерации – созданный Telegram-канал за сравнительно короткое время стал «лицом бренда», где можно увидеть вышеперечисленные элементы обмундирования военнослужащего. Помимо этого, обратимся к репортажам из зоны спецоперации таких масс-медиа как «Readovka», «Mash», «RT на русском», «WarGonzo».

Дискурсивные технологии – собственно, те же Telegram-каналы и отечественные средства информации – позволили дополнить образ военнослужащего и другими деталями. Так, операторы стараются брать в кадр «обереги» в виде детских игрушек и брелочков, если они имеются у военнослужащего, шевроны с шутливymi надписями, такими, как «Мама сказала надеть». Помимо этого,

неразрывен образ военнослужащего с детскими письмами, посылками от волонтеров.

Так, в репортаже Readovka под названием «Дело храбрых – как в Курском приграничье работают морпехи Тихоокеанского флота» заставка содержит не только наименование 155-й бригады морской пехоты Тихоокеанского флота, но и стандартный русский символ – героя советского мультфильма, Чебурашку [примечание 2] Чебурашка висит на разгрузке, и это дает сразу несколько невербальных сигналов – военнослужащий добр, военнослужащий тоже является человеком, которому могут нравиться советские мультфильмы.

В то же время репортаж под названием «Крах бетонной цитадели – как проходила операция «Авдеевская труба» и штурмовалась Авдеевка в специальном репортаже Readovka» показывает военнослужащих с другой стороны [примечание 3]. На заставке боец находится возле разрушенного во время боев жилого массива Авдеевки. Значение взятие Авдеевки велико, и военнослужащий, стоящий практически вровень со зданием, не выдержавшем силы ударов – это отображение усилий, с которыми бойцы ежедневно сталкиваются.

Присущая стилистическая брутальность наблюдается и в репортажах «WarGonzo». С первых кадров репортажа команды WarGonzo «Воюют вместе, едят вместе, лечатся вместе, молятся вместе!» об одном из госпиталей спецназа «Ахмат» зритель видит военнослужащего в военной форме, с бородой и в военном берете, однако диалог с ним выстроен в достаточно трогательной форме [примечание 4]. Репортаж был посвящен уникальному тандему

православной часовни и мусульманской мечети. Выбранная тема подтверждает мнение, что сегодня боец – не только военнослужащий своей страны, но и воин от Бога.

Еще одним сконструированным образом современного вооруженного конфликта стал волонтер, выступающий добровольцем в классическом понимании. Со времен Великой Отечественной войны считается, что фронт невозможен без тыла, а тыл, в свою очередь, невозможен без фронта.

Если говорить о волонтерах Специальной Военной Операции, перед нами предстают уже оформленные образы родных и близких, друзей и знакомых – женщины, плетущие маскировочные сети, в том числе вместе с детьми, помогающие в госпиталях, а также мужчины, которые привозят гуманитарную помощь, эвакуируют мирное население из зоны боевых действий.

Дискурсивные технологии не только позволяют осветить волонтерство, но и популяризировать его. В декабре прошлого года Telegram-канал «RT на русском» опубликовал материал «Мы до победы без выходных. И в праздник оставить парней без подарков не можем» [примечание 5]. Несмотря на кажущуюся простоту фотографий, которые сопровождают материал, на которых волонтер Юлия готовит еду для бойцов вместе с мальчиком, в них заложен смысл, что помогать может каждый – будь то женщина, пожилой человек или ребенок, обучающийся в коррекционной школе.

Кадры репортажа «В курском приграничье работает Ангел: волонтер вывозит из опасной зоны мирных граждан» показывают иную сторону

волонтерских реалий, где «гражданские» выполняют тяжелую работу по спасению своих соотечественников [примечание 6]. Точно так же, как и бойцы, они находятся на «передовой» – на тот момент таковой являлось курское приграничье – и репортаж, опубликованный в Telegram-канал «RT на русском», показывает эту реальность жестоким образом. На кадрах волонтер с позывных «Ангел» работает в курском приграничье и забирает в качестве «трофея» потерянный телефон украинского военного. Стоит подчеркнуть, что именно эта жесткость в освещении важного дела играет огромную воспитательную роль.

Образ волонтера, как и военнослужащего, может раскрываться многогранно – брутально, трогательно, жестко и далее. Одним из трогательных примеров можно назвать материалы Mash на Донбассе «Перед вами самый юный волонтер из ПВР в Ясиноватой. Уже полгода семилетний Даня с мамой помогает беженцам из Авдеевки и других городов» [примечание 7]. Зритель, естественно, не может остаться равнодушным, глядя на то, как семилетний мальчик помогает тем, кто лишился дома во время боевых действий. Во время боевых действий дети не раз проявляли подвиги, и героизация их поступков на сегодняшний день – такая же неотъемлемая часть конструирования образа волонтера. Дискурсивность технологий здесь играет не последнюю роль, так как материал может быть пересказан детям и показан в рамках общественной работы. То же самое можно сказать и про материал Mash «Поделка погибшего мальчика стала оберегом российских военных врачей в зоне СВО», где основным лейтмотив звучит следующим образом: «Помогать до последнего» [примечание 8]. Несмотря на гибель

мальчика от тяжелой болезни, дискурсивные технологии смогли не только оставить его трогательную помощь военным врачам в истории, сохранить образ мальчика, но и сохранить моральные и нравственные послы, которые он закладывал своими действиями в нас.

Таким образом, специфика конструирования образов военнослужащих и волонтеров в рамках использования дискурсивных технологий определяется многослойностью. Так, среднестатистический представитель целевой аудитории будет восхищен и поражен, если образ военнослужащего построен на канонах «брутальности» и «жесткости», но вместе с тем он также будет видеть в нем человека со своей жизнью и судьбой, если военные корреспонденты будут «заострять» внимание на деталях, которые в пору назвать художественные.

Помимо этого, конструирование образа в современных военных репортажах имеет еще одну черту – мифологизация героя сюжета на примере бойцов, участвовавших в операции «Поток», якутского военнослужащего, который одержал победу в рукопашном бою над украинским военным. В заключение можно вспомнить и сконструированный как раз с помощью мессенджера Telegram и иных технологий образ бойца с позывным «Струна», сложившийся из ассоциаций «Мариуполь», «Красный рюкзак», «Командир».

Касаемо волонтеров, специфика здесь иная, поскольку зачастую речь идет о самопожертвовании, о бескорыстной помощи в то время, как военнослужащими двигают внутренние смыслы бытия воином. Материалы о волонтерах редко имеют жесткий

характер, обладая притягательностью для зрителя, который после просмотра репортажа хочет вторить им.

Примечания

1. Marina, Akhmedova. «Все-таки хочется осмыслить Курскую Трубу на уровне более глубоком, чем просто разговоры с бойцами, прошедшими через нее.» [Электронный ресурс] / Marina Akhmedova // Telegram-канал. – Режим доступа: <https://t.me/Marinaslovo/10120> – Дата обращения: 20.03.2025.

2. Readovka. Дело храбрых – как в Курском приграничье работают морпехи Тихоокеанского флота» [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – Режим доступа: <https://t.me/readovkanews/88780> – Дата обращения: 20.03.2025.

3. Readovka. «Крах бетонной цитадели – как проходила операция «Авдеевская труба» и штурмовалась Авдеевка в специальном репортаже Readovka». [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – URL: <https://t.me/readovkanews/74683> – Дата обращения: 20.03.2025.

4. WarGonzo. «Воюют вместе, едят вместе, лечатся вместе, молятся вместе!» [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – Режим доступа: <https://t.me/wargonzo/25393> – Дата обращения: 20.03.2025.

5. RT на русском. «Мы до победы без выходных. И в праздник оставить парней без подарков не можем». [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – URL: https://t.me/rt_russian/225868 – Дата обращения: 20.03.2025.

6. RT на русском. В курском приграничье работает Ангел: волонтер вывозит из опасной зоны мирных граждан». [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – Режим доступа: https://t.me/rt_russian/213360 – Дата обращения: 20.03.2025.

7. Mash на Донбассе. «Перед вами самый юный волонтер из ПВР в Ясиноватой. Уже полгода семилетний Даня с мамой помогает беженцам из Авдеевки и других городов». [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – Режим доступа: https://t.me/mash_donbass/5684 – Дата обращения: 20.03.2025.

8. Mash на Донбассе. «Подделка погибшего мальчика стала оберегом российских военных врачей в зоне СВО» [Электронный ресурс] // Telegram-канал. – Режим доступа: <https://t.me/mash/52268> – Дата обращения: 20.03.2025.

Список литературы

1. Бранденбергер, Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / Д. Бранденбергер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 407 с.

2. Курапова, А. С. Социологическая диагностика образа «героя» как объекта социального конструирования в идеологии молодежи в период проведения специальной военной операции / А. С. Курапова, С. В. Курапов, А. Б. Ильченко // Дискурс. – 2023. – Т. 9. – № 6. – С. 101–115. – DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-101-115.

3. Осьмакова, М. С. Защита культурных ценностей в период вооруженных конфликтов /

М. С. Осьмакова, Е. А. Петрянина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 3 (502). – С. 394–395. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/502/110310/> (дата обращения: 20.03.2025).

4. Шуйская, Ю. В. Лингвистические особенности дискурса телеграм-каналов как нового типа медиа / Ю. В. Шуйская // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 3. – С. 45–57. – DOI: 10.31249/ling/2023.03.03.

SobkovaElenaSergeevna,
Bachelor's degree, journalist.
esobkova@inbox.ru

The specifics of constructing images of military personnel and volunteers in armed conflicts within the framework of discursive technologies of military journalism

The article examines the general trends in the construction of images of military personnel and volunteers in armed conflicts by the media, military correspondents and public figures, whose focus implies coverage of a Special military operation. The author pays special attention to discursive technologies of military journalism from the point of view of one of the tools of military journalism in a multipolar world. It is assumed that such an approach most fully responds to the request for the formation of a cultural stratum, national legends and myths, and contributes to the acquisition of more fundamental events of armed conflicts, including a Special military

operation, in the memory of the people through subsequent pictorial, literary and musical experience.

Keywords: military journalism, multipolar world, armed conflict, soldier, volunteer.

УДК 821.161.1

Тулупов Владимир Васильевич,
доктор филол. наук, профессор, заведующий
кафедрой связей с общественностью, рекламы и
дизайна, декан факультета журналистики
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет»
vltul@mail.ru

Публицисты и беллетристы о войне

В статье рассматривается творчество журналистов и писателей, связанных с воронежской землей, которые в 1941 – 1945 гг. в публицистических статьях, в рассказах и повестях отражали события Великой Отечественной войны. Сочетание публицистического и художественного стилей рождало своеобразные произведения, в которых реальность, документы, трагические факты и события обретали особую образность. Возникал особый творческий – художественно-публицистический – метод.

Ключевые слова: журналист, писатель, публицистика, беллетристика, Великая Отечественная война.

Актуальность исследуемой в статье проблемы очевидна: она связана с выявлением особенностей

отражения военных событий в творчестве беллетристов, в условиях военного противостояния обращающихся к публицистике, и затем, в условиях мира, так или иначе оперирующих реальными фактами, свидетельствами очевидцев событий, документами – в результате чего трансформируется их творческий метод.

Рассматривая литературный процесс на протяжении более чем 80 лет, можно выделить ряд произведений, в которых такой подход обогащает литературную манеру, более того – придает авторскому стилю некую особость. Так одной из любимейших книг уже более полувека у отечественного читателя остается остросюжетный роман Владимира Богомолова «Момент истины. В августе сорок четвертого...» о работе контрразведки СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны. Он основан на реальных событиях, и прототипы всех героев книги – настоящие участники описываемых событий. К тому же считается, что роман отчасти автобиографичен – автор в образе оперуполномоченного-розысчника военной контрразведки старшего лейтенанта Евгения Таманцева по прозвищу «Скорохват» изобразил себя.

Но для начала остановимся на общем и различном в беллетристике и публицистике. Объединяет их прежде всего Слово: ведь и термин «беллетристика», появившийся еще в XVII в. (фр. *belles lettres*) означал изящную словесность, красивое письмо. Под ним понимались и понимаются художественные книги, в силу определенных специфических черт отличающиеся от научной, научно-популярной, учебно-познавательной и публицистической литературы. А. И. Куприну приписывают следующее высказывание: «Ну почему я не

овладел в молодости каким-нибудь ремеслом? Не кормит проклятая беллетристика!» [7]. Хотя подлинные беллетристы, более свободные в выражении своих мыслей и чувств, следуют завету А. С. Пушкина, сказавшего: *«Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствова плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...»*. И в этом смысле известная формула «Беллетрист ставит диагноз, а публицист выписывает рецепт» становится одним из принципов создания произведения конкретного формата. При этом если беллетрист прибегает к дидактике, читатель справедливо считает его произведение несовершенным; если же публицист ограничивается описанием ситуации (проблемы), не давая четких выводов, читатель также вправе критиковать автора, не выдерживающего профессионального журналистского стандарта. То есть публицистика – это не второразрядная литература; среди очеркистов, эссеистов, репортеров есть подлинные мастера слова. Тем более, что в истории отечественной литературы было немало писателей, отдававших дань газете или журналу: в XVIII веке (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов), в XIX веке (С. Т. Аксаков, А. И. Герцен), в XX веке (И. Г. Эренбург, К. М. Симонов) и в настоящее время.

Книга современного прозаика Захара Прилепина «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы» [8] вызвала большой интерес, и прежде всего новым неожиданным взглядом автора, создавшего великолепные новеллы о жизни и творчестве знаменитых русских поэтов в связи с их отношением к войне. Вот имена героев этой книги: поручика Гаврилы Державина,

адмирала Александра Шишкова, генерал-лейтенанта Дениса Давыдова, полковника Федора Глинки, штабс-капитана Константина Батюшкова, генерал-майора Павла Катенина, корнета Петра Вяземского, ротмистра Петра Чаадаева, майора Владимира Раевского, штабс-капитана Александра Бестужева-Марлинского. Апологеты прилепинского таланта высоко оценили это произведение: «Книга в некотором роде полемическая, против тех невежд, кто приписывает русским писателям всякие *Make love not war* и якобы вечную “борьбу с режимом” <...> Толстой же рыдал, видя французский флаг над Севастополем, а Достоевский рвался завоевать Константинополь». «Книга, необходимая каждому русскому для воспитания готовности к защите себя, своей семьи и своей Родины. Боюсь не опоздал ли автор, не опоздали мы? Ну, начинать всё же необходимо». «Отличный образец отечественной патриотической литературы! Одна из тех книг, которые, по моему мнению, обязаны быть в списках внеклассного чтения, как по литературе, так и по истории». «Думаю, старшеклассникам было бы интересно освоить жизненные перипетии офицеров русской литературы в таком ракурсе» [6]. Но некоторыми литературоведами и критиками «Взвод» был «принят в штыки»: «Войны хватает – мира совсем нет!» [2].

Тем не менее, писатели и журналисты продолжают писать историю современности, в которой есть место и войнам [3]. Тому свидетельство – *первая книга памяти о героях-участниках СВО, чья судьба связана с конкретным регионом России, принадлежащая авторству Михаила Федорова и названная «Герои СВО. Воронежцы»*. В своем предисловии к ней губернатор Александр Гусев написал: «Многие жители

Воронежской области сегодня оказывают посильную поддержку нашим Вооруженным Силам и непосредственно землякам, находящимся в зоне СВО. Спасибо вам за это, дорогие друзья! Но именно там, “за ленточкой”, такие слова, как “справедливость”, “патриотизм”, “братство”, в полной мере раскрывают свое значение. Именно там проявляются лучшие человеческие качества. Именно там обычные люди становятся настоящими героями.

Все собранные здесь рассказы о них – очень искренние и трогательные. Поэтому ценность издания – в его абсолютной достоверности» [1].

Воронежская организация Союза писателей России и литературно-художественный журнал «Подъем» в течение нескольких лет проводят литературно-патриотическую акцию «Линия фронта – линия слова», в ходе которой в городах и районных центрах области проходят встречи с читателями. Литераторы ставят целью расширить их знания по воронежской литературе о Великой Отечественной войне, ведь с нашим краем связаны многие имена писателей и журналистов, в творчестве которых тема той войны являлась одной из ведущих. Это Андрей Платонов, Борис Васильев, Григорий Бакланов, Юрий Гончаров, которые в своем творчестве отразили и трагические события 1941 – 1945 гг. Воронежские корни – у Егора Исаева и его поэм «Суд памяти» и «Даль памяти», у Григория Бакланова с его «Навеки девятнадцатилетними» и «Пядью земли», у Юрия Гончарова – автора повестей «Теперь – безымянные», «Дезертир», «Большой марш» и др.

В прифронтовом Воронеже продолжала выходить газета «Коммуна», около полугода издавалась газета

«Красная Армия», в редакции которой работали Александр Твардовский, Александр Безыменский, Евгений Долматовский. Тогда же здесь развивалась литературная деятельность Ванды Василевской, журналистская деятельность Николая Бажана (редактировал газету «За Радянську Україну»), публицистическая деятельность Александра Корнейчука, поэтическая – Андрея Малышко. В Воронеже готовились к выпуску и печатались различные издания Советской Белоруссии; активную творческую деятельность вели белорусские писатели Петрусь Бровка, Кондрат Крапива, Аркадий Кулешов, Петр Глебка [5].

С особым вниманием и почтением газета «Коммуна» относится ко всему, что связано с именем и творчеством выдающегося земляка – русского писателя Андрея Платонова, ведь на мемориальной доске, установленной на исконном родовом здании «Коммуны» на проспекте Революции начертано: «Здесь размещалась редакция газеты “Воронежская коммуна”, где в 1919-1925 гг. сотрудничал писатель Андрей Платонов» [4]. Воронежским школьником Борис Васильев ушел на войну, стал кадровым офицером, и лишь, уйдя в отставку, в середине 1950-х гг., обратился к прозе и драматургии. Наиболее известными стали снятые по его сценариям фильмы «Офицеры», «А зори здесь тихи»; среди его книг на военную тему выделяются повести «В списках не значился», «Неопалимая купина». Представителем лейтенантской прозы был и родившийся в Воронеже Григорий Бакланов. Его первая военная повесть «Южнее главного удара» увидела свет в 1958 г., из последующих его произведений назовём также «Мёртвые сраму не имут», «Июль 41 года».

Тема Великой Отечественной войны до сих пор актуальна и в России, и в большинстве бывших союзных республик СССР. Сохраняя имена героев Великой Отечественной войны, мы укрепляем нацию, и этому благородному делу служат не только историки, музейные работники, кинематографисты, но и журналисты, и писатели. Литераторы уже в годы войны запечатлевали события, публикуя очерки и статьи в газетах, выпуская книги рассказов, выступая по радио. Это были уже сложившиеся мастера слова – такие как А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский, И. Г. Эренбург, Е. А. Долматовский, Е. И. Габрилович и те, кто впоследствии стали известными прозаиками, сценаристами, о некоторых из которых рассказано выше.

Список литературы

1. Герои СВО из Воронежа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pisateli-rossii.ru/novye-knigi/geroi-svo-iz-voronezha/> – Дата обращения: 20.03.2025.

2. Кибальников, С. Что есть и чего нет в книге Захара Прилепина «Взвод» [Электронный ресурс] / С. Кибальников. – Режим доступа: <https://textura.club/chto-est-i-chego-net/> – Дата обращения: 21.03.2025.

3. Командировка на СВО. Воронежские и липецкие писатели совершили поездку по освобожденным районам ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pechorin.net/articles/view/komandirovka-na-svo-voroniezhskiie-i-lipietskiie-pisatieli-soviershili-poiezdku-po-osvobozhdiennym-raionam-lnr> (дата обращения: 20.03.2025).

4. Люди «Коммуны». Андрей Платонов на войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://communa.ru/kultura/lyudi_-kommuny_-andrey_platonov_na_voynе/ – Дата обращения: 20.03.2025.

5. Новоселов, В. Слово опять на фронте [Электронный ресурс] / В. Новоселов. – Режим доступа: <https://podiemvrn.ru/slovo-opjat-na-fronte> (дата обращения: 20.03.2025).

6. Отзывы на книгу «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/zahar-prilepin/vzvod-oficery-i-opolchency-russkoy-literatury-7496785/otzivi/> (дата обращения: 21.03.2025).

7. Поприхин, И. Рецензия [Электронный ресурс] / И. Поприхин. – Режим доступа: <https://proza.ru/comments.html?2010/09/13/796> (дата обращения: 20.03.2025).

8. Прилепин, З. Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы / З. Прилепин. – М. : Изд-во АСТ, 2017. – 732 с.

Tulupov Vladimir Vasilyevich,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Public Relations,
Advertising and Design,
Dean of the Faculty of Journalism Voronezh State
University
vlvtul@mail.ru

Publicists and fiction writers about the war

The article examines the work of journalists and writers associated with the Voronezh region, who in 1941-1945 reflected the events of the Great Patriotic War in their journalistic articles, short stories and novellas. The combination of journalistic and artistic styles gave rise to peculiar works in which reality, documents, tragic facts and events acquired a special imagery. There was a special creative – artistic-journalistic – method.

Keywords: journalist, writer, journalism, fiction, the Great Patriotic War.

Якименко Людмила Николаевна,
канд. филол. наук, доцент, заведующий
кафедрой начального образования
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
yakimenkol@list.ru

Гражданская позиция и социальная ответственность военных корреспондентов

В статье рассмотрены понятия «гражданская позиция» и «социальная ответственность» применительно к профессиональной деятельности и личности военных корреспондентов. Особое внимание уделено перечню внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование гражданской позиции журналистов, освещающих военные конфликты или пребывающих в «горячих точках». Дана характеристика их личностных качеств, позволяющих достойно и честно выполнять свой журналистский долг – незаангажировано информировать аудиторию – читателей, зрителей, слушателей – о происходящем в зоне вооруженного столкновения.

Ключевые слова: гражданская позиция, социальная ответственность, военные корреспонденты, военный конфликт.

Проблема формирования гражданской ответственности и гражданской позиции не только журналистов, но и всех членов общества определяется в диалектико-материалистическом соотношении свободы и ограниченности как единства противоположностей,

выступая формой необходимых природных и социальных связей детерминации, позволяющих индивидам существовать гармонично, но вместе с тем определять своё отношение ко многим социальным явлениям сквозь призму общественных требований и внутренних убеждений. Тем более, что взаимодействие людей, взаимоотношения личности и общества, возможность свободного выбора действий существует в любой социальной общности как отношения общественной зависимости. Таким образом, субъектами ответственности становятся все те, кто являются потенциальными участниками масс-медийного дискурса.

В процессе соотнесения двух категорий – гражданской ответственности и гражданской позиции – мы определили, что вторая категория является отражением первой и определяет её личностный характер. Для гражданской ответственности характерны: высокое сознание и самосознание; интегрированные психические функции, которые дополняются когнитивным, эмоционально-мотивационным, поведенчески-волевым, морально-духовным компонентами; показатель личностной зрелости человека; моральная саморегуляция; совершенствование себя как гражданина страны. Имея набор этих качеств, человек осмысленно и обосновано занимает конкретную гражданскую позицию и, следуя ей, осуществляет свою профессиональную деятельность, например, журналистскую.

Невозможность или нежелание гармонизировать авторскую (журналистскую) позицию и гражданскую может возникнуть под влиянием внешних и внутренних факторов. Среди внешних назовём: исторические условия и предпосылки развития мировой и

отечественной журналистики; социально-политические и военно-политические факторы; информационная политика государства в целом и издания (другого СМИ) – в частности; экономические факторы, финансовое или физическое давление на журналиста; экстралингвистические факторы. Внутренние факторы, определяющие степень выражения или замалчивания авторской позиции, а в большинстве случаев – определяющие и сам характер позиции, также можно рассматривать как психологические особенности журналиста, его установки, убеждения, чувства. Сюда отнесены: состояние нервной системы, самооценка, наличие/отсутствие психологических механизмов защиты, уровень саморегуляции, внутренняя потребность и желание отстаивать свою точку зрения, демонстрировать гражданскую позицию, выявлять её на текстовом уровне.

В полной мере гражданская позиция журналиста может проявиться при создании им «журналистского продукта». Современный зритель, читатель, слушатель должен учиться культуре потребления информации, приобщаться к таким СМИ, которые больше отвечают понятию «высокое искусство», нежели понятию «массовая культура». Масс-медиа формируют (должны формировать) гражданина с сознательной гражданской позицией в координатах демократического, гражданского общества. Вместе с тем следует особое внимание уделить тем проектам и их авторам – журналистам, которые действительно позволяют проявить и отстаивать не только свое творческое «я», но и свою гражданскую позицию – под влиянием внутренних и внешних факторов оставаться верным своим взглядам и убеждениям, доносить их до сознания медиаграмотного и

компетентного зрителя. Речь идёт о журналистах, которые освещают военные конфликты, – военных корреспондентах.

«Военный конфликт» – достаточно распространенное понятие, используемое как «в быту», так и в официальных документах, научных трудах, публицистической литературе. В широком смысле военный конфликт является острой формой соприкосновения сторон по разрешению существенных противоречий в процессе социального взаимодействия с применением вооруженной силы [6, с. 6–7].

В узком понимании – это одна из форм вооруженного столкновения с применением регулярных и нерегулярных вооруженных формирований, которые не переходят в войну [1, с. 7]. А. Клименко определяет его как любое вооруженное столкновение, форму решения противоречий между государствами, различными социальными группами с применением военной силы [5, с. 21]. Военный конфликт происходит в форме: региональной войны (конфликт средней интенсивности); войны между государствами (коалициями государств), которые для достижения своих политических целей используют все имеющиеся силы и средства, не исключая применение оружия массового поражения; локальной войны (конфликт средней интенсивности – войны между государствами, которая ведётся с ограниченными целями, для достижения которых используются обычные средства вооруженной борьбы с ограничением масштаба и района их применения; вооруженного конфликта (конфликт низкой интенсивности) – ограниченного вооруженного столкновения между двумя государствами или вооруженного столкновения внутри государства, которое

является совокупностью военных (боевых) действий и не переходит в войну (когда нет правового акта об объявлении состояния войны) [2, с. 2].

Освещают события вооруженного конфликта военные корреспонденты, из-за этого они же подвергаются наибольшей опасности на поле боя. Международные законы, принятые во второй половине XX века, определяют права и обязанности воюющих сторон, предоставляют журналистам особый статус. Однако данный факт мало влияет на реальную безопасность работников СМИ. Приведем пример: в первое десятилетие XXI века более чем 350 журналистов погибли, выполняя профессиональные обязанности в различных зонах военных конфликтов (так, в 2003 году только во время активной фазы войны в Ираке были убиты 37 корреспондентов; в 1998 году бойцы Талибана казнили иранского журналиста по обвинению в шпионаже), что свидетельствует о повышенных рисках в профессиональной деятельности военкоров. Хотя сейчас нарушители международного законодательства, теоретически, могут быть наказаны органами, которым мировое сообщество делегировало соответствующие функции.

К сожалению, в эпицентре военных действий может оказаться совершенно не подготовленный человек, молодой журналист, «не нюхавший пороха», но работу свою всё равно нужно выполнять качественно. И здесь важно помнить, что, будучи, например, телевизионщиком, за всю съемочную группу отвечает именно корреспондент, который и должен обеспечивать безопасность своей команды. Нельзя послать оператора на передовую, а самому отсиживаться в тылу – всё время необходимо быть вместе. Военный корреспондент ни в

кчем случае не имеет права давать волю эмоциям, он обязан быть немного отстраненными, сосредотачивать внимание на фактах.

В современных условиях глобализации и нарастания антагонизма между странами-претендентами на мировое господство, что проявляется в ряде «цветных революций», гражданских войн, государственных переворотов, осуществленных, чаще всего, по указанию извне, актуализировался вопрос о роли и месте экстремальной журналистики в информационном пространстве и, соответственно, о гражданской позиции военкоров. В нашем случае – военный конфликт в Донбассе (2014) стал настоящим вызовом и экзаменом на профессионализм и стойкость гражданской позиции, ответственности и самосознания для журналистов экстремальных ситуаций.

В своем исследовании, вслед за В. Амировым, под экстремальной журналистикой мы понимаем одно из направлений журналистики, в котором сбор и анализ информации для подготовки публикаций в СМИ ведётся непосредственно в зонах боевых действий, этнорелигиозных и иных вооруженных конфликтов, районах чрезвычайных положений, природных и техногенных катастроф. При этом работа журналиста связана с риском для его жизни и здоровья и осложнена самой ситуацией, в которой он выполняет свои профессиональные обязанности.

К экстремальным условиям работы журналиста обычно относят освещение боевых действий, природных катаклизмов и стихийных бедствий (извержение вулканов, землетрясения, сход снежных лавин, наводнение и т.д.), а также чрезвычайные происшествия (пожары, транспортные катастрофы, криминальные

происшествия и др.). Исследователи предлагают условное разделение экстремальных ситуаций на подвиды: экстремальные ситуации природного и техногенного характера (аварии, катастрофы, стихийные бедствия) и экстремальные ситуации, связанные с человеческим фактором (военные конфликты, террористические акты, массовые беспорядки). Отдельно используется дефиниция «горячая точка» – это «место возникновения напряженной или опасной ситуации».

В подавляющем большинстве существует неписаное правило: к освещению боевых действий, этнических конфликтов привлекаются специально подготовленные журналисты – военные корреспонденты, а чрезвычайные события освещают все работники редакции.

Военный корреспондент, кроме непосредственных профессиональных знаний, должен досконально изучить законодательство – как национальное, так и международное (Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными», 1929 г.; Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям, 1977 г.), регулирующее деятельность работника СМИ в экстремальных условиях, а также позволяющее определить его права, обязанности, защитить в случае попадания в плен или во время ареста, а также иметь «правильную» гражданскую позицию, силу духа.

Следует сказать, что военная журналистика и публицистика как раз и принадлежит к журналистике экстремальных ситуаций. В мировой и отечественной журналистике, особенно прессе, она имеет глубокие корни, определённые традиции, что и позволяет современных «практикам» учиться у своих талантливых предшественников. Как и столетие назад, в современных

конфликтах средства массовой информации представляют собой мобилизующую и боевую мощь, которую используют воюющие стороны. Довольно часто они – такой же боевой ресурс, как танки и воздушная поддержка, поскольку с помощью телевидения и прессы можно достичь больше, чем усилиями офицеров по воспитательной работе. СМИ помогают поднять боевой дух воинов и привлечь международное внимание к конфликту, что мы могли наблюдать в отношении освещения событий в Донбассе (начиная с 2014 года). Кроме того, в современном мире, в эпоху глобальных информационных технологий, СМИ стали важным оружием и в урегулировании вооруженных конфликтов, и, не будем скрывать, в их дестабилизации.

Поэтому и возникают особые этические коллизии при сборе информации во время военных действий: журналистов часто обвиняют в том, что их сообщения только радикализируют конфликт. Как следствие, звучат призывы относительно введения цензуры в освещении военных действий. Однако эксперты убеждены, что замалчивание конфликта СМИ приводит к заполнению информационной ниши слухами, непроверенной информацией, «утками», что ещё быстрее может привести к панике, дезинформированию населения, к потере доверия аудитории к масс-медиа.

Таким образом, журналист должен транслировать всю важную информацию, которую он получил, но при этом не допускать эмоционально-оценочных высказываний, субъективных суждений, распространения непроверенных данных: между оценкой и фактом нужно отдавать предпочтение последнему. При этом следует сразу отметить: профессиональный журналист не создает и даже не воспроизводит события,

а освещает их, информирует аудиторию по поводу того, что произошло в определенном месте в определенное время. А учитывая тот аспект, что во всех экстремальных случаях речь всегда идет о человеческих трагедиях, то просто недопустимо прибегать к любым «искусным» ходам и фальсификациям. Также важно осознавать, что существует тонкая, но важная грань между правом на информацию и правом на безопасность.

Работники СМИ должны избегать приёмов, которые усиливают эмоциональное влияние на аудиторию и подсознательно формируют определенное мнение – речь идёт о манипулировании, агитации и пропаганде, а также о натурализме при описании убитых и раненых, о героизации/сакрализации одной из сторон конфликта, демонизации – другой, индивидуализации/персонификации действующих лиц только из одного лагеря, деперсонализации потерь, символизации военных регалий, глобализации конфликта, о призывах к солидарности в одностороннем порядке, изложении тенденциозно подобранных и вырванных из контекста фактов и тому подобное.

Задачей военкоров, которые собирают информацию в условиях военных действий, является точное и достоверное информирование своей аудитории. Информация должна подаваться «без купюр», кроме предусмотренных законом и нормами этики случаев, чтобы уберечь жизни людей. Следует помнить, что военные – как источники данных – преследуют свои специфические – профессиональные – цели, предоставляя информацию журналистам: дезинформация противника. Поэтому следует осторожно относиться к их сообщениям, проверять их, а если это невозможно,

подчеркивать, что информация поступила только с официального источника.

Часто военные пытаются ограничить возможности журналистов относительно получения данных: «растяжки», гранаты, снайперы, обстрелы вражеской стороны – убедительный довод для медийщиков не передвигаться по территории без соответствующего сопровождения военными, что не даёт возможности журналистам самостоятельно брать интервью, показывать солдат в состоянии шока, раненых или убитых, хотя многие медиа и сами отказываются от того, что может шокировать аудиторию. Журналисты должны уважать человеческое достоинство как живых, так и погибших солдат.

Итак, вся информация должна быть свободной от цензуры и пропаганды.

Журналисты, военные корреспонденты, освещающие «горячее лето 2014 года» в Донбассе, оказались наиболее незащищёнными и уязвимыми на поле боя. Согласно Международному кодексу журналистики, военный корреспондент обязан быть беспристрастным и не имеет права брать в руки оружие даже чтобы защитить себя, поэтому и не удивительно, что во время работы в «горячих точках» он становится легкой мишенью. Кроме того, сотрудники СМИ, активно освещающие противостояние на Востоке Украины, не редко становились и жертвами боёв. А если учесть, что военкоры стараются находиться в эпицентре событий, участвуют в информационной войне, то их, конечно же, берут в плен, обвиняют в диверсиях, приравнивают к разведчикам и диверсантам, что имеет серьёзные, печальные последствия для людей.

Военные журналисты, спецкоры, военкоры – наиболее уязвимая, с точки зрения безопасности, категория журналистов, но и наиболее уважаемая, чтимая и даже в некоторой мере романтически-жертвенная, что-то в стиле героев-революционеров на баррикадах. Многочисленные премии, гранты, знаки отличия и награды находят своих героев среди журналистов-«экстремалов». Так, один из самых известных современных военных корреспондентов ВГТРК Евгений Поддубный в апреле 2016 года стал лауреатом международной премии имени украинского писателя, критика, журналиста Олеса Бузины, утвержденной в России в память о человеке, гражданская позиция которого не соответствовала, даже противоречила позиции официальных властей Киева, за что он и был убит националистом в апреле 2015 года.

Важно, что награду присуждают в семи номинациях – за достижения в области литературы, журналистики и общественной деятельности по таким категориям, как журналистская и политическая аналитика, военная журналистика, литературные произведения, публицистика, телепрограммы и телеаналитика, интернет-издания и блоги, правозащитная деятельность и гражданская позиция. Победителями в номинации «Гражданская позиция» в том же 2016 году стали организаторы песенного флешмоба на вокзале в Запорожье с песней из кинофильма «Весна на Заречной улице» и белорусский спортсмен Андрей Фомочкин, пронёсший по стадиону во время открытия Паралимпиады-2016 знамя России. В номинации «Правозащитная и общественная деятельность» – учредитель и руководитель Международного Союза Антифашистов (МСА) Любовь Корсакова и украинский

правозащитник Татьяна Монтян. В теленоминации – Оливер Стоун с его нашумевшим на тот момент фильмом «Украина в огне», а в номинации «Журналистика и политическая аналитика» – протоиерей Олег Трофимов. Также номинантами Конкурса стали донецкий военкор Михаил Андроник и британский журналист Грэм Филлипс, освещающие события в Донбассе [3].

«Премия характеризует тот дух, которым обладал сам Олесь Бузина, – считал телеведущий и политический обозреватель ВГТРК Андрей Кондрашов. – Мы очень рады за Евгения Поддубного. Спасибо вам огромное, потому что такую премию получить – это гораздо больше, чем получить журналистскую премию. Всякий раз съемочная группа Евгения Поддубного – это телевизионный спецназ. Они на переднем краю. Это был первый репортер, который видел освобожденную Пальмиру. Вот благодаря таким людям, как Женя Поддубный, мы все знаем правду» [7].

8 сентября 2017 года в Большом зале консерватории (РФ) вручали премию Союза журналистов «Камертон» имени Анны Политковской и вспоминали погибших журналистов. Лауреатами стали военкор ВГТРК Евгений Поддубный (за работу в Сирии – документальный фильм «Война») и обозреватель «Новой» Юлия Латынина (в настоящее время признана иноагентом в РФ) с формулировкой: «За правдивость, бесстрашие, настойчивость и профессиональное мастерство». Напомним, что в 2014-м «Камертоном» посмертно были награждены автор «Новой газеты» Андрей Мironov и итальянский журналист Андреа Роккелли, погибшие на Востоке Украины [8]. Всех их также объединяет то, что они никогда не скрывали и четко придерживались своей гражданской позиции.

Список литературы

1. Барынькин, В. Локальные войны на современном этапе (характер, содержание, классификация) / В. Барынькин. – Военная мысль. – 1994. – № 6. – 79 с.

2. Воєнна доктрина України. – Вартові неба, 2004. – № 61. – 6 с.

3. Вручение премии Международного литературно-медийного конкурса имени Олеся Бузины состоится в апреле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://buzina.org/award/2381-award-2017.html?fb_comment_id=1733192020039966_1733579130001255 – Дата обращения: 01.03.2025.

4. Золотарев, В. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / В. Золотарев. – Москва, 2000. – 54 с.

5. Клименко, А. К вопросу о теории военных конфликтов / А. Клименко // Военная мысль. – 1992. – №10. – С. 29 – 32.

6. Рогова, О. В. СМИ и борьба с терроризмом / О.В. Рогова // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире : сборник материалов науч.-практ. конференции. Часть 1. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. – 257 с.

7. Телевизионный спецназ: Евгений Поддубный получил премию Олеся Бузины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2746164> (дата обращения: 01.03.2025).

8. Шенкман, Ян. «Кто кончил жизнь трагически» / Ян Шенкман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1001.ru/articles/post/kto-konchil-zhizn-tragicheski-33691> (дата обращения: 01.03.2025).

Yakimenko Lyudmila Nikolaevna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Head
of the Department of Primary Education
Lugansk State Pedagogical University
yakimenkol@list.ru

Citizenship and social responsibility of war correspondents

The article reveals the concepts of «citizenship» and «social responsibility» applicable to the professional activities and personalities of war correspondents. Special attention is paid to the list of internal and external factors influencing the formation of the civic position of journalists covering military conflicts in «hot spots», as well as the characteristics of their personal qualities that allow them to honorably and honestly fulfill their journalistic duty – to inform their audience about what is happening in the zone of armed conflict.

Keywords: civic position, social responsibility, war correspondents, military conflict.

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК: 316.77; 070

Антоненко Цесанна Андреевна,
ст. преподаватель кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»
c.antonenkodonnu@mail.ru

Место гражданской журналистики в освещении вооружённого конфликта

В современном информационном обществе гражданские проекты занимают особое место в информационном поле (локальном, национальном, мировом) и в соответствующих медиасистемах. Данная статья ставит своей целью изучение роли гражданской журналистики в освещении вооружённого конфликта на примере ретрансляции информационных потоков, связанных с специальной военной операцией России на Украине.

Ключевые слова: гражданская журналистика, военная журналистка, СВО, Донбасс, информационное пространство, медиасистема.

Современное общество характеризуется переходом от пассивного потребления информационного контента к более активным формам взаимодействия с ним. Цифровизация глобализация сыграли ключевую роль в превращении общества-потребителя информации в общество, которое само создаёт, распространяет и

сохраняет информацию по каналам, которые, помимо прочего, являются площадками деятельности профессиональных массмедиа. Таким образом в единой цифровой среде сосуществуют не только журналисты разных изданий, стримеры, независимые медиамейкеры и блогеры, но и люди, не имеющие к журналистике прямого отношения, но, периодически, выполняющие журналистскую функцию.

Начало специальной военной операции стало ключевым событием, которое положило начало активизации гражданской журналистики в России, в частности – в новых регионах, где вооружённый конфликт вышел на новую стадию и заставил людей обращаться к площадкам новых медиа за информацией. Как и любой вооружённый конфликт или военное столкновение, СВО стала индикатором активизации информационной войны, распространения фейков и манипулирования общественностью.

Две выше представленные позиции стали основанием для актуализации изучения военной журналистики, а также гражданской журналистики в России. Это же обосновывает актуальность нашего исследования, которое ставит своими ключевыми задачами объединение двух основных понятий – «военная журналистика» и «гражданская журналистика» в единый феномен XXI века и изучение его специфики.

В этой статье нашей основной задачей является выявление понятийного аппарата гражданской журналистики, а также определение её места в процессе репрезентации вооружённого конфликта. Объект данного научного исследования – современная военная журналистика. Предмет исследования – роль гражданской журналистики в освещении вооружённого

конфликта. Научная новизна работы лежит в дискурсивной плоскости, где мы изучаем роль гражданской журналистики в репрезентации вооружённого конфликта, на примере специальной военной операции и информационного пространства современного Донбасса, которое остаётся малоизученным в российской научной коммуникативистике.

К основным методам данного научного исследования следует отнести:

- индукцию – для формирования выводов об общей ситуации в системе гражданской журналистики на основании частных примеров;

- синтез – для объединения функций и принципов журналистики, а также инструментария новых медиа для определения задач и целей гражданских проектов;

- контент-анализ – для изучения контента гражданских проектов и формирования выводов о процентной доле военной информации среди развлекательного, игрового, социального и аналитического контента;

- обобщение – для подведения итогов исследования и формирования содержательных выводов.

Теоретическую базу исследования составили работы: В. М. Амирова, Н. В. Хлебниковой, Г. В. Лукьяновой и других авторов.

Н. В. Хлебникова пишет, что гражданская журналистика несёт в себе два разных по своей сути понятия, пришедших в Россию из США. Civicjournalism подразумевает деятельность профессиональных медиа с привлечением гражданских лиц. Citizenjournalism представляет из себя деятельность непрофессиональных авторов, осуществляемую в интернете (блогах,

микроблогах, социальных сетях и т.д.). В контексте нашего исследования для нас представляет интерес Citizenjournalism как направление непрофессиональной журналисткой деятельности, связанное с созданием и распространением контента, выполняющего, помимо прочего, журналистские функции.

Пандемия COVID-19 дала значительны толчок развитию блогосферы в Тик-Ток, Инстаграм, Ютьюб и других площадках мультимедийной интерактивности. СВО и «отмирание» (запрет) большинства иностранных социальных сетей на территории Российской Федерации направили аудиторию на разрешённые, оперативные площадки информирования – VK и Телеграм, где можно было быстро получить информацию о ходе специальной военной операции, а также поделиться собственными наблюдениями.

На новых территориях, в частности – в Донбассе – в Телеграм появились сообщества, где люди делились информацией об обстрелах, публиковали аналитику, информацию о продвижении российских войск, постили заявление Президента РФ, Министра обороны и других официальных лиц, поддерживали друг друга, публиковали видео- и аудиозаписи, связанные с военным контентом и т.д. Такие сообщества имеют достаточно большую аудиторию подписчиков. Например: Типичный Донецк – 569, 571 человек; ЧП Донецк – 315, 900 человек; Военный Донецк – 88, 500 человек; АГС_Русского_Донбасса – 192, 700 человек. Это немногие из гражданских проектов, которые ставят своей целью, в первую очередь, информирование аудитории об актуальных, социально значимых событиях в Донбассе и мире.

На платформах гражданских каналов, помимо военного контента, также публикуются кадры мирной жизни в Донбассе: творчество подписчиков, информация об экономических и социальных изменениях в России, график подачи воды и многое другое, что привлекает широкую аудиторию и заставляет подписываться на соответствующие Телеграм-каналы.

Успешность развития Telegram как площадки для распространения информации связана, в первую очередь, с его оперативностью и формированием целых сообществ, в которых простые люди могут предупредить друг друга об опасности и поделиться последствиями агрессивности вооружённых формирований Украины. В. М. Амиров выделяет также анонимность и неформальность, как факторы успеха Telegram. Он пишет: «Каналы передают информацию по мере её поступления, не ставя перед собой задач жанровой упаковки...» [1, с. 114].

Таким образом становится понятно, что развитие гражданской журналистики на новых территориях, в первую очередь, связано с переходом внутреннего вооружённого конфликта (2014 – 2022 годы) в специальную военную операцию (2022 г. – наши дни) и эскалацией военных действий, что подтолкнуло аудиторию к переходу из потребителей в создателей контента. Ещё одним фактором развития гражданской журналистики может послужить кратковременный информационный вакуум, который наступил в период запрета иностранных социальных сетей и перехода массмедиа в Telegram и на другие отечественные площадки.

Вторым краеугольным камнем нашего исследования является военная журналистика и её

взаимосвязь с журналистикой гражданской. Под военной журналистикой мы понимаем направление журналистской деятельности, основной целью которого является освещение военного конфликта межгосударственного или внутrigосударственного характера непосредственно из зоны конфликта. Исходя из этой трактовки, обратимся к материалам выше представленных гражданских Телеграм-каналов, чтобы оценить: относятся ли они к создателям и распространителям военной информации.

За период 26–27 марта «Типичном Донецке» было опубликовано 214 постов (учитывая рекламные сообщения) из них треть – военной тематики (83 поста), остальные посты связаны с социальной жизнью Донбасса: восстановление многоквартирных домов в Мариуполе, открытие новых детских площадок в Донецке, пробки, отопительный сезон и т.д. Среди военного контента – последствия обстрелов Горловки, предупреждения о БПЛА в небе над Донбасса, последствия обстрелов Курска и Белгорода, переговоры России и Украины в Эр-Рияде, заявления, в связи с этим, официальных лиц, работа ВКС РФ по городам Украины.

За тот же период в «АГС_Русского_Донбасса» было опубликовано 263 постов (с учётом рекламных сообщений), из которых более половины – 201 – военной направленности (заявления официальных лиц, военная аналитика, продвижение российских войск на разных участках фронта, последствия обстрелов Горловки, предупреждение о работе ВКС России и активности вражеских беспилотников). Среди не военных публикаций – творчество подписчиков, игровые и рекламные посты, сообщения от Главы ДНР и т.п.

Из выше приведённых цифр следует, что гражданские проекты уделяют первичное внимание именно военной тематике, что позволяет говорить об их сопричастности к формированию общественного мнения о специальной военной операции, а также в целом к распространению военного контента и освещению вооружённого конфликта на Украине.

Ещё одной спецификой гражданских проектов в Донбассе, в частности на площадках Телеграм, являются переключки – интерактивные чаты, где проходит живое общение между подписчиками, но по правилам, установленным модераторами (создателями) этих переключек. Первоначальное назначение таких чатов – оперативное информирование об обстрелах, активности БПЛА, прилётах и т.п. Главное правило любой переключки – писать от первого лица, то, что видел или слышал, сам.

Д. С. Мартьянов и Г. В. Лукьянова подчёркивают, что коммуникация на площадках мессенджеров и социальных сетей носит, в частности, институциональный фактор, который проявляется в «дилемме модератора», которую, в свою очередь, описывают Мартьянов и Мартьянова. Суть дилеммы в том, что модератор, частное лицо, определяет границы свободы слова и выражения, а также обладает легитимным правом исключения из коммуникации тех акторов, которых считает нарушителями. Мартьянов и Лукьянова пишут: «Институционный фактор оказывает существенное влияние на другие аспекты коммуникации, поскольку он не только определяет поведение пользователей, но и ограничивает отдельные группы и ресурсы, что часто связано с политическими и идеологическими причинами. В свою очередь это

оказывает влияние на формирование дискурса и аудитории платформы» [2].

Модераторы переключек регулярно проводят опросы аудитории, выявляя «ботов», а также аудиторию «другой стороны», цель которой – мониторинг ситуации в Донбассе и корректировка огня украинских военных.

В переключке «Военного Донецка» состоит 253, 425 подписчиков. В переключке «АГС_Русского_Донбасса» – 18,242 подписчика. После того, как фронт был заметно отодвинут от Донецка сообщений в переключках стало гораздо меньше, а общение в них – более неформальным. За 26-27 марта в переключке «Военного Донецка» всего 24 сообщений, которые посвящены активности БПЛА над Донецком, работе ПВО, а также работе ВКС РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гражданские проекты, несмотря на их непрофессиональную основу, имеют большую популярность среди аудитории, занимают собственную нишу в пространстве Z-Telegram и служат оперативным источником военного контента.

Отвечая на поставленные задачи исследования, мы можем сказать следующее:

– во-первых, в информационном поле современного Донбасса гражданская и военная журналистика объединены в единый коммуникативный феномен, основными специфическими чертами которого являются: объединение информационной повестки и неформального общения, публикация военной и гражданской информации, создание журналистского контента (в том числе и военного) непрофессиональными авторами, которые не претендуют на журналистские

функции и не обременяют себя профессиональными журналистскими жанрами, принципами и стандартами;

– во-вторых, роль гражданской журналистики в освещении вооружённого конфликта с развитием цифровизации и глобализации заметно увеличилась. Непрофессиональные акторы оказываются значительно оперативнее профессиональных журналистов, а простота и мультимедийность подачи информации привлекает широкую аудиторию на платформах новых медиа, в частности – в Телеграм, что, отчасти, привело к формированию феномена Z–Телеграм;

– в-третьих, гражданские проекты на площадках Телеграм, входящие в медиасистему современного Донбасса, ставят своей приоритетной целью освещение военного контента: сводки, аналитика, карты продвижения вооружённых сил Российской Федерации, мультимедийный военный контент (фотографии последствий обстрелов, видео прилётов по объектам гражданской инфраструктуры, кадры военных РФ с новых позиций и т.п.), истории героев СВО и т.п., что также играет значительную роль в освещении военного конфликта.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что гражданские проекты с сокращением военной информации видятся нам бесперспективными и уступят место профессиональным массмедиа, представленным, в том числе на платформах Telegram и других новых медиа. Сокращение военного присутствия в жизни Донбасса уже заметно влияет на гражданские проекты, уменьшая их аудиторию. Тем не менее, на наш взгляд, гражданские проекты ещё долго будут функционировать в информационном поле Донбасса, позиционируя себя

как источник неформальной, но оперативной информации о социальной жизни, восстановлении и т.п.

Список литературы

1. Амиров, В. М. Телеграм-каналы и медиатизация боевых действий: особенности репрезентации / В. М. Амиров // Военная журналистика в современном мире: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Луганск, 12 апр. 2023 г.) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. – Санкт-Петербург: Издательство Медиapiар, 2023. – С. 113–116.

2. Лукьянова, Г. В. Кросс-сетевой фактор политического дискурса в виртуальных сообществах [Электронный ресурс] / Г. В. Лукьянова, Д. С. Мартыанов // Политэкс. – 2023. – Том 19. – №2. – Режим доступа: <https://politex.spbu.ru/article/view/16680/10930> (дата обращения: 01.06.2025).

3. Хлебникова, Н. В. Гражданская журналистика: к истории становления термина [Электронный ресурс] / Н. В. Хлебникова // Медиаскоп. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/896> (дата обращения: 01.06.2025).

Antonenko Tsesanna Andreevna,
Senior Lecturer of the Department of Journalism
Donetsk State University
c.antonenkodonna@mail.ru

The place of citizen journalism in the coverage of the armed conflict

In today's digital age, civic projects stand out in the media landscape, whether they are local, national, or global. This article delves into the role of citizen journalism, focusing on its impact in reporting armed conflicts. A notable example is the coverage of Russia's military operation in Ukraine.

Keywords: civilian journalism, military journalist, SVO, Donbass, information space, media system.

УДК 32.019.5

Байбатырова Наиля Мунировна,
канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры
журналистики и медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева»
aulova83@mail.ru

Образ участника СВО в современном российском медиадискурсе

Статья посвящена анализу дискурсивных технологий конструирования образа участников

вооруженных конфликтов в современных отечественных СМИ. На примере исследования материалов традиционных и новых медиа рассматриваются лингвистические конструкты, формирующие стереотипизированный образ участника СВО. Сделан вывод о том, что наряду с героизацией, возможны и противоположные стереотипные конструкты.

Ключевые слова: медиаобраз, участник вооружённого конфликта, СВО, медийный дискурс, лингвистические конструкты, образ героя.

В современном информационном обществе массмедиа являются важнейшим институтом формирования общественного мнения. Наше государство переживает переломную эпоху. Проблема изучения образа участника специальной военной операции в отечественном медиадискурсивном поле, его формирования, реконструирования и дальнейшего видоизменения в контексте влияния на сознание российского общества в настоящее время приобретает особое значение. В российских медиа осмысливается роль и место героизма в современном обществе. «Специальная военная операция выявляет и формирует в России новые черты гражданского общества», - пишут в своем исследовании В. А. Ильин, М. В. Морев [2, с. 30]. Образ участника, ветерана СВО, добровольца как раз становится базовым образом героя такого социума, формируемого в России настоящего времени.

Исследователи медиа обращаются к изучению роли СМИ в процессе конструирования и закрепления в социуме портрета участника спецоперации России на

Украине. Н. М. Великая, А. А. Зайцева провели анализ особенностей репрезентации СВО в отечественных печатных СМИ, «которые по сравнению с социальными медиа Интернета пользуются традиционно более высоким уровнем доверия» [1, с. 161]. Для изучения стереотипного образа участника спецоперации в российском медиадискурсивном пространстве был использован критический дискурс-анализа, а также метод выборочного качественного контент-анализа материалов, опубликованных на ресурсах электронных версий федеральных и региональных печатных изданий, в частности, в изданиях «Российская газета», «Известия», «Суоярвский вестник» (Республика Карелия).

В рубрике «Защитники Отечества» федерального издания «Российская газета» регулярно публикуются биографические материалы об участниках спецоперации. В атериале от 13 марта 2025 года представлена история 49-летнего Михаила Ерешкина, чьи слова вынесены в заголовок: «Мне до сих пор снится война» (Российская газета. 13.03.2025. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2025/03/13/mihail-mne-do-sih-por-snitsia-vojna.html>). Герой СВО владимирец Михаил в момент начала военных действий был успешным предпринимателем, помогал дочерям воспитывать троих внуков. Неожиданно для многих знакомых он закрыл бизнес и записался в ряды добровольцев. Далее в публикации повествуется о военной судьбе Михаила, который несколько месяцев находился на первой линии огня, был тяжело ранен и вернулся домой. В тексте присутствуют типичные для приема героизации лингвистические средства восхваления героя СВО. *«Он твердо решил, что это его шанс послужить родине – детей он поднял, силы еще оставались»,* – говорится в

публикации (там же). Используются средства бинарной оппозиции, который усиливают восприятие бойцовского подвига: *«Герой был тяжело ранен 3 сентября 2022 года. Противник наступал на Херсонском направлении, и войска получили команду отойти на левый берег Днепра»* (там же). В финале описывается жизнь Михаила после возвращения домой: *«Михаил долго не мог найти себя в мирной жизни. Ему тяжело было идти на контакт с людьми, общаться, вспоминать и рассказывать о боевых действиях. Но еще хуже было оставаться одному, мучили кошмары и воспоминания»* (там же).

В материале «Современный герой: портрет участника СВО», опубликованном 27 ноября 2024 года в издании «Суоярвский вестник» (Республика Карелия), рассказывается о уроженце города Суоярви Игоре Ленчикове, погибшем участнике специальной военной операции. *«Теперь мы знаем, каким он был. Знаем, что наши герои ничем не отличаются от обычных людей, но есть в них что-то особенное. Они – патриоты, альтруисты, способные к состраданию, сочувствию, самопожертвованию»*, – пишет в заключении биографического материала о герое ученица местной средней школы Алиса Панфилова (Суоярвский вестник, 27.11.2024. Электронный ресурс: <https://gazeta-sv.ru/sovremennyyj-geroj-portret-uchastnika-svo.html>). Такое обобщение, сделанное юным автором, создает стереотипизированный образ героя сегодняшней России. В медиатекстах через описание героических подвигов происходит конструирование идейной концепции духовного лидерства страны. Подчеркиваются характерные черты участников спецоперации и

русской армии в целом: патриотизм и единство, добровольчество и сплочение.

Особое внимание занимают статьи, в которых рассказывается о личном опыте мобилизованных: готовность защищать семью, гордость жен за своих мужей, подготовка и обучение новоиспеченных бойцов, рассказы женщин, становящихся добровольцами для помощи своим сыновьям и мужьям. Кроме того, в статьях речь идет о гуманитарной помощи, оказываемой солдатам простыми гражданами. Подчеркивается активность людей, желание помогать безвозмездно. Эмоциональный фон материалов, в котором рисуется медиапортрет участников СВО, добровольцев, определяется артикулированным патриотизмом. При этом особое внимание журналисты уделяют описанию жизни тех, кто оказался на передовой и не является профессиональным военным. Собирательный образ участника спецоперации формирует медиадискурс победы, единства, борьбы и жертвенности.

Помимо наиболее частотного приема героизации образа участника специальной военной операции в современных русских СМИ существует и противоположная тенденция, которую можно охарактеризовать как намеренную дегероизацию. Явление дегероизации широко известно как трансляция в СМИ негативных стереотипов о конкретных исторических личностях или ставящих под сомнение смысловое поле героизма и подвига в целом.

Дегероизация образа участника СВО осуществляется в русском общественном сознании отдельными медиа. Она связана, например, с обсуждением мобилизации в ряды русской армии людей, отбывающих наказание за уголовные

преступления с целью погашения судимости. Отдельные истории используются в качестве компрометации героя-участника СВО. Происходит трансформация образа героя в СМИ, что приводит к воздействию на сознание аудитории, особенно молодого поколения. Поэтому следует подчеркнуть негативный эффект воздействия стратегии дегероизации на социальную реальность. Дегероизацию можно считать кризисным духовным явлением, которое ведет к компрометации духовной значимости героизма, обезличиванием подвига, сведением героических поступков к случайности. Формирование негативного образа участника боевых действий направлено на снижение героического потенциала нации, разрыв традиций исторической преемственности российского социума. Оппозиционные СМИ могут использовать технологии замалчивания и принижения подвига наших современников, которые защищают родину.

Важным направлением освещения в традиционных и новых медиа является тема создания условий для интеграции участников операции в общественно-политической жизни страны. Материалы федеральных и региональных СМИ сообщают о мерах социальной поддержки граждан, вернувшихся с территорий боевых действий.

Военнослужащим и ветеранам боевых действий важно участие в общественных процессах, возможность влиять на принятие решений, касающихся их жизни и будущего. В качестве примера освещения региональными астраханскими СМИ проблем организации социально-психологической поддержки участников СВО и членов их семей проанализируем материалы новостного портала ГТРК «Лотос». Так,

18 марта 2024 года был опубликован материал «Астраханским матерям и жёнам участников СВО рассказали о мерах их поддержки» (ВГТРК «Лотос», Электронный ресурс: <https://lotosgtrk.ru/news/astrakhanskim-materyam-i-zhyenam-uchastnikov-svo-rasskazali-o-merakh-ikh-podderzhki/>). В журналистском тексте говорится о том, что в Камызякском районе Астраханской области представители регионального Минсоца и отделения Социального фонда России посетили семьи участников специальной военной операции. Они рассказали матерям и женам участников СВО о получении поддержки от региона, включая социальные выплаты, льготы по пенсионному обеспечению и ежемесячные выплаты ветеранам боевых действий. Благодаря этому взаимодействие между семьями и представителями органов власти значительно улучшается. Другой материал, размещенный на данном портале 2 января 2024 года, имеет заголовок «Семьи астраханских участников СВО приняли участие в телемосте» (ВГТРК «Лотос», Электронный ресурс: <https://lotosgtrk.ru/news/semi-astrakhanskikh-uchastnikov-svo-prinyali-uchastie-v-telemostu/>). Автор повествует о том, как семьи бойцов, принимающих участие в специальной военной операции, смогли увидеть и пообщаться с ними, а также поздравить с наступающим Новым годом. Инициатива была поддержана губернатором Игорем Бабушкиным, который открыл первый кабинет видеоконференцсвязи в областном военном комиссариате. Солдаты в свою очередь выразили благодарность администрации губернатора и областного военкомата за организацию телемоста. Предоставленная возможность видеокommunikации с семьями бойцов специальной военной операции является

ярким примером реализации государственной политики по организации социально-психологической поддержки военнослужащих. Освещение подобных инициатив в средствах массовой информации демонстрирует важность поддержки семей участников военной операции со стороны государства для эффективного выполнения служебных обязанностей и обеспечения психологического комфорта бойцов СВО.

Таким образом, анализ информационной повестки российских традиционных и новых СМИ показывает, что в массмедиа в настоящее время сформировался стереотипный образ участника специальной военной операции. Существует две противоположные тенденции, одну из которых можно назвать героизацией. В дискурсивном поле таких публикаций содержатся следующие словосочетания: «благодарность воинам», «гордость», «победа», «соцгарантии», «добровольцы», «бойцы», «родные», «честь», «долг», «братство». Вторая стратегия немногочисленных СМИ направлена на замалчивание или переосмысление личностей героев, их подвигов и достижений.

Список литературы

1. Великая, Н. М., Зайцева, А. А. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества / Н. М. Великая, А. А. Зайцева // *Caucasian Science Bridge*. – 2022. – Т. 5. – № 4 (18). – С. 160–172.

2. Ильин, В. А., Морев, М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества / В. А. Ильин, М. В. Морев // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 9–32.

Baybatyrova Nailya Munirovna,
Candidate of Philology, Associate Professor
Tatishchev Astrakhan State University
aulova83@mail.ru

**The image of a participant of the armed conflict
in modern Russian media discourse**

The article is devoted to the analysis of discursive technologies for constructing the image of participants in armed conflicts in modern Russian media. Using the example of a study of materials from traditional and new media, linguistic constructs that form a stereotypical image of a participant in the armed conflict are considered. It is concluded that along with glorification, opposite stereotypical constructs are also possible.

Keywords: media image, participant in an armed conflict, armed conflict, media discourse, linguistic constructs, hero image.

УДК 007: 304 : 659.4

Безродный Владимир Павлович,
канд. хим. наук, ст. научн. сотр.,
Заслуженный журналист Украины,
доцент кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
v.bezrodnyi@mail.ru

Красникова Анна Сергеевна,
студентка 2 курса магистратуры,
направление подготовки 42.04.02 Журналистика
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
a.krasnikova02@mail.ru

Мемы и медиа: как создаются образы СВО

В работе изучены механизмы конструирования образов врага и героя в цифровых медиа в условиях военного конфликта. На примере российско-украинского противостояния (2022–2024 гг.) анализируется, как сетевые платформы (Telegram, TikTok) и традиционные СМИ участвуют в создании коллективных идентичностей через мемы, визуальные нарративы и символические репрезентации. Особое внимание уделяется технологиям меморизации – процессам закрепления в массовом сознании упрощенных, но эмоционально заряженных образов участников конфликта.

Ключевые слова: меметическое оружие, информационная война, конструирование идентичностей, образы врага и героя, цифровые медиа, пропагандистские стратегии, семиотическая война.

Введение. Современные информационные войны отличаются разнообразием форм. Российские эксперты выделяют, в частности, ментальные войны, нацеленные на трансформацию коллективной идентичности, а также консциентальные и когнитивные войны, которые воздействуют на индивидуальное сознание, используя различные уровни влияния. Общим для всех информационных войн является стремление оказать влияние на индивидуальное и коллективное сознание, причем сроки воздействия зависят от задач, поставленных заказчиком. Технологии, используемые в информационных войнах, варьируются в зависимости от пространства, где ведется борьба за контроль над мыслями, чувствами и действиями людей. В научной и публицистической литературе, посвящённой этой теме, часто подчёркивается опасность применения этих технологий и анализируются примеры использования информационного оружия против России. Однако, несмотря на понятное стремление такого алармизма предупредить российскую аудиторию и подготовить её к информационной борьбе, с подобной позицией можно поспорить.

Информационные технологии по своей сути этически нейтральны, однако они могут выступать в роли оружия, применение которого определяется намерениями использующей его стороны. Как и любое другое оружие, они могут служить как для наступления, так и для обороны. В этой связи представляется интересным анализ успешного опыта России в использовании одного из видов информационного оружия – интернет-мемов.

Феномен мемов привлек внимание одного из наиболее авторитетных исследовательских центров в

области военных технологий – американского Управления перспективных исследовательских проектов (DARPA). Эта организация, находящаяся в ведении Министерства обороны США, традиционно фокусируется на разработке прорывных технологий для сохранения военного превосходства страны, прогнозировании новых угроз и поддержке инновационных исследований. В рамках своей деятельности DARPA подготовила масштабное исследование под названием "Memetic Warfare: The Future of War", в котором подробно анализируются возможности применения мемов как инструмента современной гибридной войны. В работе представлены конкретные примеры и механизмы использования меметических технологий в военно-стратегических целях, что свидетельствует о переходе данного феномена из области культурных исследований в сферу практического военного применения. Сам факт появления такого исследования в стенах ведущего оборонного научного учреждения указывает на растущую значимость меметического оружия в современных конфликтах [3, с.61].

Феномен меметического оружия основан на его способности мгновенно находить отклик в сознании реципиента. Первичный эффект воздействия проявляется в форме узнавания и эмоционального принятия, когда у человека возникает ощущение «я так и знал» или «это про меня». Такой механизм работает благодаря обращению к базовым психологическим потребностям, находящимся в нижней части пирамиды Маслоу [1].

Главная особенность меметического оружия заключается в необходимости достижения максимального распространения в предельно сжатые

сроки. Это связано с ограниченным «сроком годности» инновируса – периодом, в течение которого он сохраняет свою действенность. Для обеспечения вирусного распространения создаются специальные упрощенные когнитивные шаблоны, легко усваиваемые массовым сознанием.

Меметическое оружие не рассчитано на длительное воздействие – его сила в быстром охвате аудитории, а не в глубине проникновения. Это своеобразный «информационный фастфуд», который дает моментальный, но недолговечный эффект, теряя свою актуальность по мере исчерпания первоначального энергетического импульса.

Основная сложность в понимании мема как информационного оружия заключается в разграничении формы и содержания. Мем представляет собой способ «упаковки» содержания – смысла (концепции, фрейма, стереотипа, идеологии) – в привлекательную форму, часто в виде «забавных картинок», для последующего распространения в медиапространстве. Чтобы успешно «доставлять» смыслы, форма мема должна апеллировать к культурным символам, разделяемым целевой аудиторией [5, с. 29]. Сделав эти важные уточнения, перейдём к анализу конкретных примеров применения интернет-мемов в информационной войне.

Разъяренный русский медведь, американский дядюшка Сэм, Украина, которую рвут на части, и, конечно же, Путин. Последний так вообще везде. С ракетами в глазах, рвущий западные санкции на туалетную бумагу, разъезжающий на танке. Какой бы не была война, тем более, если она информационная, в ход всегда идут картинки. А в наше время еще и мемы, видео в Тик-Токе.

В чем же причина популярности мемов, особенно в политической сфере? Юмор, присущий мемам, может служить своеобразным механизмом психологической защиты от тяжёлых политических событий. Кроме того, мемы вовлекают пассивных наблюдателей в активную деятельность: их создание доступно каждому, стирая границы политического участия. Мемы объединяют людей, формируя вокруг себя сообщества. Благодаря своей способности к трансформации мем может стать отправной точкой для целого политического движения.

События на Украине и развернувшаяся в русскоязычном сегменте интернета информационная война спровоцировали взрывной рост политического нейминга. Исчезли редакционные ограничения: если раньше термины создавались в основном крупными СМИ, то теперь они рождаются в онлайн-противостояниях и затем проникают в традиционные медиа.

Конструирование образов врага и героя. В ходе событий в Крыму весной 2014 года феномен «вежливых людей» показал новый способ создания мемов через иронию и языковую игру, отличающийся большой технологичностью благодаря смысловой динамике. Его распространение зависело от скорости охвата аудитории и поддерживающего контента, но со временем мем утратил актуальность для событий на Донбассе. Попытка нейтрализации через контрмем «зелёные человечки», активно продвигаемый СМИ, не смогла вытеснить оригинальный термин, который сохранился как ключевой для описания крымских событий [2].

С начала СВО в украинском информационном поле сформировался новый тип героя – киберволонтера, хакера-патриота, ведущего цифровую войну против

агрессора. Этот образ активно популяризировался украинскими медиа, сочетая в себе черты технологической компетентности, анонимности, став символом цифрового сопротивления. Украинские СМИ действия хакеров, которые взламывали российские государственные сайты, заменяли контент на свои патриотические послания, уничтожали или похищали данные российских структур, подавали не как киберпреступления, а как акты цифрового партизанства, что сближало образ хакера с традиционными героями сопротивления.

Визуально кибергерой часто ассоциировался с маской Гая Фокса – символом анонимности и борьбы против системы (отсылка к движению Anonymous), стилизованными образами «анонимных IT-бойцов» в соцсетях, мемами с подтекстом: «Наш хакер уже в твоей базе данных». Этот образ работал на создание мифологизированного персонажа, чья невидимость и технологическое превосходство должны пугать противника.

В отличие от России, где хакерская активность обычно осуждается, на Украине кибератаки против врага поддерживались на официальном уровне. Волонтерские IT-сообщества (IT Army of Ukraine) координируются через Telegram, власти закрывают глаза на «нелегальные» методы цифровой войны, медиа романтизируют хакеров, сравнивая их с фронтовыми разведчиками. Образ кибергероя в украинских медиа выполняет несколько функций: деморализует противника (создает миф о всемогущих украинских хакерах), поднимает боевой дух (показывает, что война идет и в цифровом пространстве).

Архетипы врага. Один из ключевых образов, используемых российскими государственными СМИ – «бандеровец-нацист». Этот архетип призван показать связь современной Украины с нацистской идеологией, и используется как смысловая рамка для интерпретации действий украинской стороны. Образ опирается на несколько исторических пластов: деятельность ОУН-УПА (Организация украинских националистов), Степана Бандеры, дивизии «СС Галичина». Исторические факты свидетельствуют об их тесной связи с германским нацизмом.

Данный нарратив также связан с поддержкой со стороны нынешних украинских властей украинского национализма, который возводится в ранг государственной идеологии, и действий Степана Бандеры, который почитается как герой Украины и борец за ее независимость. Апеллирование к «фашистской угрозе» в российском медиапространстве опирается на узнаваемые маркеры: татуировки «SS», «волчий крюк», которые демонстрируются у пленных или убитых украинских военных. Усиливает этот образ врага символика (черное солнце, «волчий крюк»), которая используется членами батальона «Азов» – подразделения регулярной украинской армии. Все это подается в российских СМИ как доказательство неонацизма, а стилизованные образы «укронацистов» – агрессивные, с выбритыми висками, в камуфляже и с соответствующей татуировкой дополняют этот мем.

Образ украинских националистов часто дополняется сравнением со свиньями. Эти грубые карикатуры появляются повсеместно – от телеграм-каналов до комментариев под новостями. Особенно популярными стали коллажи, где фото реальных

украинских военных или политиков совмещаются с изображениями хрюкающих животных. В видеомемах часто используются кадры украинских политиков, синхронизированные с хрюкающими звуками. Например, ролики, где речь Зеленского накладывается на визг свиньи, или формат, где воздушная тревога сопровождалась не обычной сиреной, а пронзительным визгом свиньи.

Эти мемы выполняют четкую задачу – максимально дегуманизировать противника. Причем, если в начале СВО такие изображения были относительно редки, то к 2023 году они стали появляться даже в официальных телеграм-каналах, связанных с российскими силовиками.

В российском медиасообществе показывается, что война ведется против «абсолютного зла», против «нацистской угрозы». Архетип «бандеровец-нацист» – это созданный пропагандистский конструкт, призванный дегуманизировать украинскую власть и Вооруженные силы Украины (ВСУ), который опирается на исторические аналогии и серьезную фактологическую базу. И хотя этот мем, все-таки, является серьезной гиперболизацией, поскольку не все украинское общество является сторонником идеологии нацизма, он является эффективным инструментом мобилизации российского общества и воздействия на международное общественное мнение.

Почему это работает? Простота и эмоциональность образа. Ведется воздействие на базовые человеческие инстинкты, и сложная реальность упрощается до простых схем. Мемы с «бандеровцами-свиньями» или «Азовом с татуировками SS» вызывают

мгновенное отвращение, работает рефлекс «это мерзко, значит, это враг».

Следует отметить, что в России на официальном уровне идет четкое разграничение понятий украинский народ и украинская культура, с одной стороны и украинский неонацизм, с другой. Официальные лица Российской Федерации неоднократно это подчеркивали и не отождествляют украинский народ с неонацизмом. Однако в медиасфере и на бытовом уровне данные мемы нередко работают именно в плане такого отождествления.

Зеркальным ответом украинского интернет-сообщества на сформированный образ «бандеровца» стал мем «орк-оккупант» (также «рашистский орк»). Украинские мемы дегуманизируют российских военных, сравнивая их с орками из «Властелина Колец» – примитивными, жестокими и лишёнными морали существами. Российские военные изображаются не как солдаты, а как безликая масса «орков». Акцент делается на жестокость – аллюзии на разграбление городов, убийства мирных жителей. Связь с пропагандой – подчеркивается, что «орки» действуют под влиянием «тьмы» (кремлевской риторики).

Для этого использовались визуальные приемы: мемы с наложением кадров российских военных на орков из фильмов Джексона; коллажи, где техника РФ «превращается» в варварские повозки Саурана. Показываются последствия обстрелов (разрушенные дома), накладывается мрачная музыка (часто саундтрек из «Властелина Колец») и добавляется текст: «Орки оставили это после себя». В украинских СМИ также стали появляться материалы с заголовками: «ВСУ уничтожили дотла колонну рашистских орков».

Почему этот мем работает? Образ орков понятен даже далеким от политики людям. Эмоциональное воздействие – вызывает отторжение через ассоциации с абсолютным злом. Украинская контрпропаганда пародирует российский нарратив о «денацификации», показывая агрессора как истинного варвара.

В России мем вызвал раздражение, появились контрмемы («укронацисты – эльфы»). На Западе образ подхватили СМИ (The Guardian, BBC), описывая «орков» как символ российской армии. На Украине он стал частью массовой культуры – от граффити до мерча (футболки «Слава Україні! Смерть оркам!»).

Фотомонтаж как оружие семиотической войны. Фотомонтаж может использоваться как манипуляция визуальными образами для изменения восприятия реальности, формирования нужных нарративов и воздействия на массовое сознание. Если в XX веке подобные практики были прерогативой государственной пропаганды (достаточно вспомнить сталинские ретуши или нацистские коллажи), то сегодня они стали доступны каждому благодаря цифровым технологиям и социальным медиа. Особую опасность представляет их способность внедряться в коллективное сознание как «вирусы», формируя упрощенные, но эмоционально заряженные интерпретационные схемы.

Особую опасность представляют «гибридные» образы, создаваемые с помощью искусственного интеллекта. Когда политических лидеров визуально ассоциируют с персонажами поп-культуры (Путин как Саурон из «Властелина колец», Зеленский как Леголас) или мифологическими архетипами, происходит принципиальное изменение их восприятия. Такие образы перестают быть репрезентациями реальных людей,

превращаясь в символические конструкции, несущие заранее заданные смыслы – «абсолютное зло» или «инфантильный герой». Нейросетевые технологии типа Midjourney или DeepDream позволяют создавать эти образы с беспрецедентной убедительностью, стирая грань между реальностью и симуляцией.

Современные фотомонтажи превратились в сложные смысловые конструкции, где значение изображения полностью зависит от контекста его распространения. Один и тот же коллаж в разных информационных пространствах может восприниматься либо как шутка, либо как доказательство – особенно в российско-украинском медиапротивостоянии, где обе стороны мастерски перекодируют образы противника.

Настоящая проблема таких практик – не просто искажение фактов, а фундаментальное изменение восприятия реальности. Когда искусственно созданные изображения заполняют информационное поле, они формируют новую цифровую мифологию, стирая границы между правдой, историческими параллелями и AI-фантазиями. Этот феномен, названный исследователями «эпистемологическим хаосом», подрывает доверие ко всем визуальным медиа – от новостных фотографий до исторических свидетельств.

Традиционный фактчекинг часто оказывается неэффективным против эмоционально заряженных мемов. Более перспективным представляется развитие визуальной грамотности – обучение распознаванию монтажных приемов, анализу метаданных изображений, пониманию принципов семиотического воздействия.

С точки зрения стратегии «войны мемов», нельзя полагаться только на одну группу мемов, какой бы удачной она ни казалась. Успех мема непредсказуем: он

может быстро утратить актуальность или даже быть «перехвачен» и переосмыслен противником в своих интересах [4]. Примером тому служит мем с зеркальным фильтром из TikTok. Одни пользователи демонстрировали с его помощью «братство» россиян и жителей Донбасса, складывая руки в форме сердца с надписями «Россия» и «Донбасс» под песню «Брат за брата». Проукраинские пользователи высмеяли этот тренд, используя тот же фильтр и складывая руки в форме сердца, но с надписями «тиктокер без мнения» и «2000 рублей», намекая на оплату подобных видео.

Ярким примером спонтанной интернет-реакции, где абсурд и ирония превратили случайную фразу в вирусный тренд, стал мем «Где боеприпасы?», связанный с фигурой Евгения Пригожина. Этот мем возник на основе видеообращения Пригожина, в котором он эмоционально обвинял военное руководство в нехватке боеприпасов для своих подразделений.

Данный мем сформировал особый образ СВО и российских силовых структур через призму абсурда и сатиры, одновременно став зеркалом отношения общества к официальному медиадискурсу. Фраза Пригожина, вырванная из контекста, превратилась в символ неразберихи на фронте.

В украинских соцсетях мем использовали для высмеивания российской армии, например, с подписью: «Россия – великая держава, но патроны найти не может», в то время как государственные СМИ в России подавали СВО как «специальную операцию с четким планом», но мем (как народная реакция) раскрывал «изнанку», – проблемы снабжения, которые замалчивались – становясь формой гражданского документирования.

Российские СМИ игнорировали оригинальный контекст (критику Пригожиным Минобороны), но не могли предотвратить бытовые версии мема («Где кофе?»). Это показало границы контроля над информацией. Его сила – в игре слов: нельзя запретить шутку про «пропавшие боеприпасы», если она замаскирована под жалобу на «пропавший кофе».

При этом Украина и Запад использовали его, в том числе через СМИ, как оружие пропаганды, усиливая образ «некомпетентной российской армии». Так один мем одновременно развлекал обычных пользователей, раздражал чиновников, служил инструментом информационной войны.

Итог: «Где боеприпасы?» – это пример того, как интернет-фольклор может оказывать более мощное воздействие на общественное мнение, чем официальные доклады, потому что он – неконтролируемый, живой и правдивый в своей иронии.

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что медиасообщество оказывает все более возрастающее влияние на общественное мнение. Если ранее в ходе информационных войн доминирующую роль в создании и формировании образов героев и врагов играли традиционные СМИ при активном участии государственных структур, то в настоящее время в этой сфере возросло участие рядовых пользователей интернета. Это требует практически от всех государственных структур, присутствующих в интернет-пространстве, тщательно взвешивать каждое свое действие с точки зрения возможного его влияния на ситуацию в информационном пространстве.

Список литературы

1. Бубнов, А. Ю. Интернет-мемы в информационных войнах: от развлечения к когнитивному оружию [Электронный ресурс] / А. Ю. Бубнов // Идеология будущего. – 2021. – № 4. – Москва: Российское военно-историческое общество. – Режим доступа : <https://histrf.ru/magazine/article/internet-memy-v-informacionnyh-voynah-ot-razvlecheniya-k-kognitivnomu-oruzhiyu> (дата обращения: 22.03.2025).

2. Жаботинская, С. А. Язык как оружие в войне мировоззрений майдан – антимайдан: словарь-тезаурус лексических инноваций [Электронный ресурс] / Украина, декабрь 2013 – январь 2014 // Интернет-издание. Сайт УАКЛиП, Киев. – 2015. – Режим доступа : http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk_kak_oruzhie.pdf. (дата обращения: 25.11.2021).

3. Коровин, В. Россия и Запад в меметической войне [Электронный ресурс] / В. Коровин. // Изборский клуб. – 2018. – № 4. – С. 60–67. – Режим доступа : <https://histrf.ru/magazine/article/internet-memy-v-informacionnyh-voynah-ot-razvlecheniya-k-kognitivnomu-oruzhiyu> (дата обращения: 22.03.2025).

4. Шомова, С. А. Мемы как они есть [Электронный ресурс] / Учеб. пособие. // М. : Издательство «Аспект Пресс» – 2018. – Режим доступа : https://ngonb.ru/readers/new_items/nauchno-populyarnyy/42948/ (дата обращения: 25.11.2021).

5. Шомова, С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. – С. 28–41.

Krasnikova Anna Sergeevna,

The second course, master's degree,
speciality "Journalism"
Donetsk State University,
a.krasnikova02@mail.ru

Bezrodnyi Vladimir Pavlovich,

Candidate of Chemical Sciences, Senior Researcher,
Honored Journalist of Ukraine, Associate Professor
of the Department of Journalism Donetsk State University,
v.bezrodnyi@mail.ru

Memes and Media: how to create images of SMO

The article examines the mechanisms of constructing images of the enemy and hero in digital media in the context of a military conflict. Using the example of the Russian-Ukrainian confrontation (2022-2024), the article analyzes how network platforms (Telegram, TikTok and state media) participate in the creation of collective identities through memes, visual narratives and symbolic representations. Special attention is paid to the technologies of memorization – the processes of fixing simplified but emotionally charged images of the participants in the conflict in the mass consciousness.

Keywords: memetic weapons, information warfare, identity construction, enemy and hero image, digital media, propaganda strategies, semiotic warfare.

Гурская Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
Agreutt@mail.ru

**Образ героя в российском документальном
кинематографе об СВО (на примере фильма Максима
Фадеева «У края бездны»)**

В статье исследуется образ героя в современной документальной журналистике. С помощью методов эмпирического анализа, сопоставления и типологизации в работе показано, что Максим Фадеев в фильме «У края бездны» о штурме Мариуполя использовал разработанные в документальном кино XXI века способы работы с материалом для создания коллективного образа героя, выражающего ценности штурмового батальона «Сомали» и патриотической части российского общества.

Ключевые слова: Максим Фадеев, документальное кино, военная журналистика, военное кино, СВО, образ героя

Начало СВО в 2022 году поставило перед российским обществом новые проблемы, осмыслением которых занимается современное кино, включая военную киножурналистику и документальный кинематограф. Актуальность исследования документальных фильмов военных журналистов заключается в важности изучения общественного сознания в эпоху социокультурных трансформаций массового государства, когда настроения

и идеи, циркулирующие в обществе, могут оказаться фактором, способствующим как дестабилизации в кризисной ситуации, так и стабилизации и созданию основ для солидарного действия на основе общих ценностей.

В 2024 году вышел документальный фильм Максима Фадеева «У края бездны», посвященный освобождению Мариуполя российскими войсками и милицией народных республик Донбасса в 2022 году. Фильм стал очень популярен на онлайн-сервисах в интернете и вышел в прокат на большом экране в разных городах России в 2024–2025 гг. Цель статьи – определить, какие традиции создания образа героя в российском документальном кино XXI века использованы режиссером в фильме. Методологической основой работы являются принципы формальной логики, историзма, достоверности, а также общенаучные и специально-научные методы искусствоведения: эмпирический анализ, синтез, сопоставление и типологизация, позволившие раскрыть особенности создания образа героя в документальном кино об СВО на примере фильма «У края бездны».

Герой фильма – основная несущая конструкция сюжета, позволяющая режиссеру раскрыть его идейное содержание. Это верно как для художественного, так и для документального кино. Герои, являющиеся смысловыми центрами киноповествования, производят впечатление на зрителя и оказывают эмоциональное воздействие на аудиторию, поскольку они опираются на хранящиеся в культурной памяти мифологемы и архетипы, структурирующие восприятие и художественного, и документального кино.

В художественном отечественном кино конца XX начала XXI веков М. А. Шарапова выделяет следующие типы героев на основе культурных архетипов: языческий герой-богатырь или сверхчеловек и христианский герой-праведник [11, с. 7]. И. Е. Мищенко анализирует художественные фильмы о войне, созданные в России в 2010-е гг. Тематически это фильмы о Великой Отечественной войне. Автор отмечает, что в отличие от европейского кинематографа о Второй мировой войне, российский кинематограф не деконструирует, а укрепляет образ военного как защитника, выполняющего свой долг ценой своей жизни [1, с. 71].

Сформированные художественным кино предпочтения и ценности зрительской аудитории влияют на восприятие документального кино. В документальном кино о войне актуализируется образ героя-богатыря, главная характеристика которого – сила, воинские умения, способность побеждать врага в военном противостоянии. Влияние образа христианского праведника проявляется в готовности к самопожертвованию ради слабых, которых защищает герой.

Как подчеркивают исследователи, феномен героики является мужским социальным конструктом, фундированным в мужской телесности. Герой символизирует и воплощает в своей жизни ценности сообщества, которое он представляет [4, с. 146].

Документальное кино о войне, созданное после 2022 года, опирается на имеющиеся традиции документального жанра, существующие на данный момент в России. А. В. Трухина в диссертации «Автор и герой в современном российском документальном кино» (2017) изучает российскую экранную документалистику

2001–2016 гг. Исследователь обнаруживает два направления в документалистике: горизонтальное и вертикальное, отражающее прозаическую бытовую реальность и выводящее в духовное пространство жизни соответственно [7, с. 9]. Автор также выделяет четыре типа оппозиций, раскрывающих образ героев в российском документальном кино указанного периода: герой и негерой (антигерой); уникальный герой и коллективный герой; обитатель социума и маргинал; кумир и чужак [7, с. 41–77]. Исследовательница определяет следующие динамические процессы в российском документальном кино: усиление интереса к героям и социуму, а также стирание оппозиций [7, с. 10]. Также А. В. Трухина на материале документального кино России 2011–2016 гг. прослеживает динамику роста зрительского и авторского интереса к героям, в то время как антигерои и негерои отходят на второй план [8, с. 47].

Среди методов исследования героя на документальном экране А. В. Трухина особо выделяет выбор героя и способы изображения человека на экране. Взаимоотношения автора и героя рассматриваются на четырех этапах: знакомство с героем, общение с героем, вмешательство в жизнь героя и возвращения к герою после съемок [7, с. 96–106]. Способами изображения человека на экране в документальном кино XXI века являются прямая съемка, интервью и реконструкции [7, с. 129–154]. Согласно выводам А. В. Трухиной, прямая съемка раскрывает героя, если она является длительной и включает следующие моменты: показ критической ситуации, конфликта и максимального напряжения героя; изображение простого течения жизни со всеми ее бытовыми подробностями, а также демонстрацию

сильной эмоциональной реакции героя в результате провокации [7, с. 159].

Документальное кино о Донбассе изучается в Донецке. Так, О. С. Чайка в работе «Специфика создания образа коллективного героя в документальном военном кино о Донбассе» (2021) обращается к творчеству военного журналиста Максима Фадеева, чей фильм стал предметом изучения в данной работе. О. С. Чайка показывает, что в проекте «Донбасс – моя Спарта» режиссер использует наблюдение, интервью, звуковое сопровождение и региональную символику, чтобы отразить эмоции коллективного героя – жителей Донбасса эпохи Минских соглашений [10, с. 327–329].

О. С. Чайка в исследовании российского кино после начала СВО в 2022 году выделяет несколько характерных черт создания коллективного героя, воюющего на фронте: преемственность поколений, религиозные различия, разные языки, стремление к единению [9, с. 55]. Автор делает вывод, что на фронте и в кино, отражающем военные события СВО, создается образ полиэтнического, поликонфессионального, многонационального народа, который борется против общего врага [9, с. 54].

Проблемы документального кино на федеральных телеканалах исследует И. Е. Тарасов в диссертации «Документальное кино в контексте редакционной политики российских телеканалов» (2023). Автор показывает, что документальное кино не получает ключевых позиций в сетке вещания, объем документалистики на телеканалах падает, стратегии популяризации документального кино отсутствуют, зрители документального кино уходят в Интернет [6, с. 9–10]. В 2021 году проведено исследование,

показавшее, что растет популярность онлайн-кинотеатров для продвижения фильмов разных жанров [3, с. 129]. В результате зрители стали более вдумчиво подходить к выбору фильма, узнавать о режиссере и героях, возросла популярность авторского неигрового кино, затрагивающего серьезные социальные и психологические проблемы [3, с. 130].

Осмысление СВО происходит в обстоятельствах уже сформированных зрительских предпочтений части аудитории, требующих аутентичности, внимания к острым проблемам, раскрытия психологии героев даже в документальном формате. Этим требованиям удовлетворяют фронтовые видеоролики, которые, по замечанию В. В. Орехова, являются основным форматом подачи фактических материалов об СВО [2, с. 51].

В то же время происходит постепенный переход журналистики к более крупным формам отражения военных событий в качестве ответа на требование коллективного сознания, перешедшего к этапу формирования целостного представления о войне на основе уже имеющихся фрагментарных данных [2, с. 52]. В. В. Орехов рассматривает как крупную форму только литературные тексты, приводя в пример обобщающих работ книги Д. А. Стешина «Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара» (2023) и А. И. Коца «500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора» (2023). Не только книги, но и документальное кино является ответом на запрос общества о целостном осмыслении происходящих военных событий.

Итак, образ героя и его восприятие зрителями строятся на культурном архетипе, сохраненном в культурной памяти: сильный воин – победитель и

защитник своего общества, выражающий его ценности. Военный подвиг героя фундирован в его телесности. В российском художественном кино сохраняется традиция изображения воина как защитника, верного своему воинскому долгу. Документальное кино опирается на те же образы. В российском документальном кино XXI века существует четыре оппозиции, помогающие изобразить героя по контрасту с его окружением: антигероем, коллективом, маргиналом и чудаком. Растет интерес к герою при падении интереса к антигероям, а также внимание к коллективному герою современности. Выбор героя автором и способы его изображения на экране являются важнейшими методами работы режиссера в документальном кино, причем на первом месте стоят индивидуальные интервью, съемка в течение длительного времени, изображение повседневной жизни героя и наиболее сильных эмоциональных реакций. По ряду причин растет популярность онлайн-кинотеатров и интернет-платформ для распространения неигровых фильмов, отражающих интерес к важным социальным и психологическим проблемам, что играет особую роль в эпоху СВО, когда в общественном сознании сложился запрос на целостное осмысление военных событий. Покажем, как все эти факторы формируют образ героя в документальном фильме Максима Фадеева «У края бездны».

В фильме Максима Фадеева четыре серии. Автор находился в Мариуполе в 2022 году вместе с батальоном «Сомали», в котором служили его герои, и прошел с ними весь путь по городу. Главные герои фильма – бойцы штурмового батальона «Сомали» Роман Воробьев (Воробей), командир штурмового подразделения; Игорь Галактионов (Бабай), ефрейтор, пулеметчик; Дмитрий

Ненашев (Крамар), прапорщик, старшина роты; Роман Брехов (Ром), старший лейтенант, командир взвода; Василий Назаренко (Назар), сержант, командир отделения; Сергей Глушак (Фриц), санинструктор и другие [Реквием]. Все герои погибли в ходе боев за Мариуполь и других военных операций до 2024 года. Фадеев создал фильм-реквием, сохранил память о мертвых, показал зрителю бойцов-мертвецов, бойцов-призраков, которые живы сейчас только в сакральной общности Родины – России, чьи ценности они отстаивают и воплощают самими своим существованием и многолетним военным трудом.

В фильме использованы документальные съемки периода Минских соглашений (2014–2022 гг.), интервью с героями, снятые в разные годы за это время. Так автор использует метод прямой съемки и индивидуальных интервью в течение длительного времени, чтобы показать зрителю, каковы ценности персонажей, что ими движет и почему они взяли на себя военный труд и подвиг. Это любовь к родной земле, стремление защитить ее людей, страдающих от украинской агрессии с 2014 года, военное братство, сложившееся в батальоне за эти годы, верность памяти погибших товарищей. Особо режиссер подчеркивает у своих героев стремление к полноте жизни, с их собственных слов создает образ того, что они защищают: возможность создать семью, растить детей под мирным небом, писать стихи, видеть красоту мира вокруг себя. Ради этих ценностей не только для себя, но и для своей земли герои идут на войну, делают невозможное, сражаются и умирают.

В фильме уделяется большое внимание телесности персонажей: военные действия в Мариуполе показаны как тяжелая работа, перемежаемая редкими минутами

отдыха, когда герои могут покурить, что-то съесть, выпить воды, недолго поспать. Такой же тип повествования реализован и тогда, когда в кадре перед зрителем ожесточенное перемирие Минских соглашений, переживаемое героями с 2014 года на передовой недалеко от Донецка: бои и военный труд сменяются сценами приготовления пищи, перекуров, движения и отдыха в окопах. В фильме также часто показаны раненые: их бинтуют, оказывают им медицинскую помощь, выносят из боя. Действие разворачивается как в донбасской степи, так и в постапокалиптических пейзажах разбитого города Мариуполя, где каждый шаг дается с трудом через преодоление физических трудностей. Так создается образ войны как тяжелого телесного труда, подчеркивается укорененность героического этоса в мужской телесности персонажей.

Итак, с помощью длительного времени прямой съемки, изображения эмоций персонажей и их поведения в ситуации штурма Мариуполя автор создает коллективный портрет штурмового батальона Сомали, соединяя горизонтальное и вертикальное направления документалистики, когда изображение бытовых деталей военных будней способствует выходу к духовной вертикали, позволяя и героям, и зрителям перейти на новый уровень осознания событий. Целостное повествование показывает небольшой и сработанный мужской коллектив с общими ценностями, причем индивидуальность героев только подчеркивает сплоченность и единство коллективного образа. Так автор выполняет запрос зрительской аудитории на создание образа героического персонажа и коллективного героя. Действия этого коллективного героя во время военного противостояния с 2014 года и в период боев за

Мариуполь в 2022 году создают единый сюжет, позволяющий осмыслить события СВО с помощью крупной формы документального кино. Успех фильма в онлайн-кинотеатрах подтверждает отмеченную исследователями тенденцию ухода думающего зрителя на Интернет-площадки, где транслируется неигровое кино, касающееся важных проблем современности.

Таким образом, исследование фильма Максима Фадеева «У края бездны» показало, что документальное военное кино эпохи СВО отвечает на сформированные в обществе запросы на осмысление трагической реальности, создание образа героя и коллективного героя, внимание к острым психологическим и социальным проблемам. Используя разработанные в современном документальном кино способы создания образа героя, Максим Фадеев сохранил на экране военный подвиг воинов Донбасса и мотивацию штурмового батальона «Сомали», в которых воплощаются ценности не только возвращенных территорий, но и большой Родины России.

Список литературы

1. Мищенко, И. Е. Современное кино о войне: опыт сравнительного анализа европейских и российских кинофильмов / И. Е. Мищенко // Культура и цивилизация. – 2020. – Том 10. № 6А. – С. 66–75. DOI: 10.34670/AR.2020.86.35.009

2. Орехов, В. В. Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Том 10 (76). – № 3. – С. 49–61.

3. Пряхина, М. В. Влияние современного российского авторского кинематографа на ценностные

ориентиры молодежи / М. В. Пряхина // Государственная молодежная политика: практики и стратегии : материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск, 02–03 июня 2022 года. – Новосибирск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 128–131.

4. Резвушкина, С. А. Мифологические и философско-антропологические основания архетипа героя в современной массовой культуре / С. А. Резвушкин // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». – 2023. – № 2 (6). – С. 144–151.

5. Реквием по «Сомали». Создатели «У края бездны» – о съемках документального фильма: почему его надо посмотреть // RT. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Z6RgBWvPGA64I9c4> (дата обращения: 24.04.2025)

6. Тарасов, И. Е. Документальное кино в контексте редакционной политики российских телеканалов : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» / Тарасов Илья Евгеньевич; ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». – Екатеринбург, 2023. – 27 с.

7. Трухина, А. В. Автор и герой в современном российском документальном кино: дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения : спец. 17.00.03 «Кино-, теле - и другие экранные искусства» / Трухина Александра Владимировна; ФГБОУ ВО «Всероссийский

государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова». – Москва, 2017. – 179 с.

8. Трухина, А. В. Трансформации концепции героя в современном российском документальном кино / А. В. Трухина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2017. – № 26. – С. 68–75. – DOI 10.17223/22220836/26/7.

9. Чайка, О. С. К вопросу о полиэтнических аспектах в документальном кино о Донбассе / О. С. Чайка // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения : Сборник материалов ежегодного 62-го Международного научного форума. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года / Отв. редактор А. А. Малышев. Т. 2. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2023. – С. 54–55.

10. Чайка, О. С. Специфика создания образа коллективного героя в документальном военном кино о Донбассе / О. С. Чайка // Культура в фокусе научных парадигм. – 2021. – № 12-13. – С. 326–330.

11. Шарапова, М. А. Архетипические основы образа героя в драматургии отечественного кино (на материале кинематографа 1986-2012 годов) : дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения : спец. 17.00.03 «Кино-, теле- и другие экранные искусства» / Шарапова Марина Александровна. – М., 2013. – 168 с.

Gurskaya Olga Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Journalism Department
Vladimir Dahl Luhansk State University
Agreutt@mail.ru

**The Image of a Hero in Russian Documentary
Cinema about SMO (using the Example of Maxim
Fadeev's film "At the Edge of the Abyss")**

The paper examines the image of the hero in modern documentary journalism. Using the methods of empirical analysis, comparison and typologization, the work shows that Maxim Fadeev in the film "At the edge of the Abyss" about the storming of Mariupol used the methods of working with material developed in the documentary films of the XXI century to create a collective image of the hero, expressing the values of the assault battalion "Somalia" and the patriotic part of Russian society.

Keywords: Maxim Fadeev, documentary films, military journalism, war films, SMO, the image of a hero

Чайка Ольга Сергеевна,
старший преподаватель кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»
oschaika@mail.ru

От свидетеля к герою: трансформация личности в документальном военном кино о Донбассе

Статья посвящена особенностям конструирования образа героя в рамках документального кино о военных событиях в Донбассе. Особое внимание уделено определению целей и задач, стоящих перед авторами в процессе формирования образа личности в контексте трансляции системы гуманистических ценностей. Предлагаемый анализ направлен на описание возможностей воздействия образа героя в документальном военном кино на восприятие аудиторией событий и действующих лиц в зоне вооруженного конфликта.

Ключевые слова: документальное кино, образ героя, военные события в Донбассе, трансформация личности, гуманистические ценности.

Вооруженный конфликт в Донбассе с самого начала являлся объектом пристального внимания со стороны военных корреспондентов. Помимо освещения актуальных событий, их деятельность была направлена на конструирование определенного отношения аудитории к участникам боестолкновений, защитникам Русского мира на востоке тогдашней Украины.

В данной работе мы ставим перед собой задачу описать особенности конструирования образа героя в документальном военном кино о Донбассе. Также мы обращаем внимание на цели и задачи, которые возникают перед авторами в процессе создания образа личности в условиях необходимости выстраивания новой системы гуманистических ценностей.

Ещё в период 2014–2015 годов уже активно создавались документальные проекты, представляющие и ныне научный интерес в отношении конструирования образов героев. Например, фильм «Дорога в Луганск» (2014 г.), авторства А. Рогаткина, посвященный исследованию жизни простых людей в населенных пунктах ЛНР, пострадавших в результате боевых действий, в преддверии заключения так называемого первого «перемирия». Другим примером является работа Е. Поддубного «Батя» (2015 г.), где в качестве центрального персонажа выступает первый глава ДНР А. В. Захарченко и ополченческие силы. Представленные проекты, наряду с другими документальными военными фильмами того времени, преобразовали свидетельства очевидцев украинского конфликта в нарративы о героях, возникающих в сложных военно-политических условиях. В настоящее время количество документальных проектов о Донбассе и событиях в зоне специальной военной операции достигает значительных трехзначных чисел. С каждой неделей, с каждым новым этапом сражений и каждым вышедшим в эфир проектом от военных корреспондентов и документалистов становится всё более очевидным, что документальное кино, создавая яркие образы, обладает мощным потенциалом воздействия на аудиторию.

Это способствует формированию причинно-следственных связей в контексте текущих международных военно-политических процессов. Болдырев С. М. приходит к аналогичным выводам о влиянии медиапродуктов на отечественную аудиторию: «современные военные конфликты неизбежно предваряются и сопровождаются информационным противодействием в средствах массовой коммуникации. Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что иногда эффективность информационного воздействия может кардинально повлиять на исход вооруженного противостояния» [2, с. 95].

Безусловно, этот потенциал требует внимательного изучения и должен активно применяться в работе с общественностью. Особенно важно это в свете возникающих в стране проблем с медиапотреблением, которые нуждаются во внимании. Как отмечает Левкович В. А., темы медиазагрязнения информационного пространства, медиазависимости, культуры информационного пространства в условиях СВО, взаимодействия человека и медиаэкосистемы в целом становятся всё более актуальными для нас [3, с. 360].

Документальное кино традиционно рассматривается большинством исследователей как объективное отображение реальности. Однако важно отметить, что личность самого автора-документалиста всё же оставляет свой след в произведении. Это делает процесс наблюдения за тем, как автор превращает свидетелей событий в героев своих фильмов, особенно увлекательным. Он раскрывает их личности, демонстрируя характер и мотивы их решений, что позволяет аудитории глубже понять переживания и

выборы людей. Документальный образ – это не просто выразительное средство и не только один из многочисленных компонентов художественной структуры произведения. Аккумулируя в себе черты нашей современности, он служит уникальным каналом проникновения в действительность, с помощью которого обнаруживаются эстетические начала в самой жизни [6, с. 76].

В целом документальный образ как понятие содержит некое противоречие, поскольку, возвращаясь к основам документалистики как типа журналистского и кинотворчества, документальность предполагает представление героя таким, каков он есть в обыденной «закадровой» жизни». Но говоря о термине «образ» мы не можем опровергнуть тот факт, что он подразумевает определённую степень домысла или вымысла [4, с. 193].

Анализ современной военной документалистики позволяет акцентировать внимание на специфическом характере воздействия данного вида медиапродуктов на зрительскую аудиторию. В отличие от игрового кинематографа и театрального искусства, где нарратив реализуется посредством условных образов, создаваемых актёрами, документальное кино оперирует с реально существующими индивидуумами, чьё поведение и реакции не подвержены предварительной сценарной обработке. Герои документальных фильмов предстают перед зрителем в своей аутентичности, проявляя естественные эмоции и демонстрируя поведенческие паттерны, не обусловленные необходимостью соответствия вымышленному образу. Современная документалистика все чаще акцентирует внимание на индивидуальности героя, подчеркивая его уникальность и неповторимость, что позволяет зрительской аудитории

идентифицировать себя с персонажем и переживать события фильма на более глубоком, эмоциональном уровне.

Главная задача автора-документалиста видится в том, чтобы через замысел проекта раскрыть совокупность свойств и определённых качеств героя. Наблюдая за человеком в действительности, давая оценку его характеристикам, создатель документального кино формирует портрет, который видит и воспринимает аудитория [5, с. 5]. Этот портрет, некий слепок личности, транслирующийся через теле- и киноэкраны, способен повлиять на зрителя и его восприятие тех или иных жизненных обстоятельств. В условиях информационного противостояния этот аспект крайне важен и нужен. Таким образом, документальное кино о Донбассе требует не только обеспечения своей доступности для широкой аудитории, но и разработки систематической классификации данных медиапродуктов с акцентом на представленные в них образы и морально-нравственные ценности, которые они могут транслировать. Необходимо анализировать, какие социальные, культурные и политические аспекты отражаются в этих произведениях, а также как они могут влиять на восприятие зрителей.

Классификация документальных фильмов о Донбассе может включать различные категории, исходя из того, какие характеристики личности героя в них представлены и какие ценности они продвигают – будь то сострадание, солидарность, критическое осмысление конфликтов или стремление к миру. Следует проводить активную работу по выявлению потенциала «военного дока» как инструмента для формирования общественного мнения и распространения моральных норм. В конечном

итоге, это может способствовать более осознанному восприятию новой реальности и формированию конструктивного диалога в обществе.

Игорь Беляев в своей книге «Спектакль документов» выделяет три параметра, на которых держится экранная документалистика: кинофакт, кинопонятие, кинообраз. Кинофакт, как основа хроники, используется в публицистической и образной конструкции содержания. Кинопонятие – обладает большей многозадачностью, принадлежит, в основном, публицистике. Кинообраз состоит из тех же средств, что и кинофакт и кинопонятие, но уже подчиняется законам искусства, где доля условности возрастает, меняется степень «масштабности» объекта. [4, с. 194].

В рамках исследования данного вопроса нами была разработана система образов в документальном военном кино о Донбассе, которая служит основой для дальнейшей классификации медийных проектов. Данная система направлена на выявление и анализ ключевых визуальных и нарративных элементов, представленных в документальных фильмах, с целью их эффективного использования в процессе формирования общественного мнения по различным морально-нравственным вопросам.

На текущем этапе исследования данной темы нами собрана следующая система образов:

- образ города-героя (по аналогии с городами-героями времён Великой Отечественной войны);
- образ лидера (сильная волевая персона, представляющая интересы народа);
- коллективный образ героя (обычные граждане или военнослужащие, которые в кадре повествуют о тех ценностях и смыслах, которые объединяют их с остальными участниками событий на Донбассе);

– образы-«маркеры» (символы и стереотипы, установленные в обществе относительно ЛДНР, символы СВО: тактические знаки «Z», «V», «O», шевроны «мама сказала надеть», «Вежливые люди», питомцы на передовой: гусь Дрон, пёс Балбес, и т.д.);

– образ автора (репортажная подача информации, повествование от первого лица, ценностный аспект фильма обозначает сам автор);

– образ товарищества (военные корреспонденты, музыканты, артисты, которые поддерживали ЛДНР, а после 2022 года также активно поддерживают СВО) [8];

В рамках данной статье мы останавливаемся на образе лидера и коллективном образе героя, так как именно в них мы видим личностное начало, которое довольно часто можно встретить в проектах военных корреспондентов и режиссёров, которые работают на Донбассе, а сейчас и в целом во всей зоне проведения СВО.

В образе персонажа автор сочетает несколько точек зрения: восприятие самого человека, оценку его качеств документалистом и индивидуальное восприятие зрителя, которое каждый дополняет по-своему. К примеру, в фильме «Я опять вернусь. Слово о Захарченко» (2021 г.) авторы проекта, режиссёр Владислав Зиздок и публицист Захар Прилепин, создают многослойный образ Александра Захарченко, первого главы Донецкой Народной Республики. Этот образ становится символом ценностей, которые близки многим жителям Донбасса. В фильме представлены различные аспекты личности Захарченко, основанные на фрагментах его выступлений и интервью, что позволяет глубже понять его характер и мотивацию. Отношение авторов к главе республики, особенно учитывая личные

связи Прилепина с Захарченко, способствует созданию детализированного и многогранного портрета. Важно отметить, что образ Захарченко уже был сформирован в общественном сознании, что делает его значимым не только для жителей Донбасса, но и для более широкой аудитории, следившей за его деятельностью как внутри региона, так и за его пределами.

Правильное использование и толкование этих подходов к демонстрации личности представляет собой важный инструмент для передачи определённых смыслов и ценностей, которые необходимо интегрировать в информационное поле российского потребителя медиаконтента. В условиях современного медийного противостояния, когда противники осуществляют атаки не только в физической реальности, но и в медиапейзаже, становится особенно актуальным формирование контекста для понимания широких общественных процессов.

Анализ процесса формирования образа героя в документальном кино позволяет выделить ряд последовательных этапов. Первоначально осуществляется идентификация личности, потенциально обладающей значимым содержательным потенциалом для раскрытия в рамках фильма. Затем проводится селекция наиболее релевантных характеристик, представляющих интерес для целевой аудитории и соответствующих задачам исследования. Заключительным этапом является метафоризация, заключающаяся в визуальной репрезентации отобранных качеств посредством кинематографических средств. Данный процесс предполагает акцентирование определенных черт характера героя и их последующую

генерализацию с целью создания целостного и обобщенного образа.

Документальное военное кино, посвященное конфликту в Донбассе, может существенно способствовать формированию системы гуманистических ценностей и, следовательно, повышению эффективности противодействия в условиях информационной войны. В связи с этим необходимо продолжить активное исследование данного направления и рассмотреть возможность разработки классификации документальных проектов с целью повышения их качества и более эффективного использования при взаимодействии с общественностью.

Список литературы

1. **Беляев, И. К.** Спектакль документов / И. К. Беляев. – ч. 1. – М: Искусство. – 1997. – 21 с.
2. **Болдырев, С. М.** Манипулятивные технологии телевизионного новостного дискурса украинских СМИ в 2014-2022 г / С. М. Болдырев// ВГУ. Серия: Филология, Журналистика. – 2024. – № 1. – С. 95–97.
3. **Левкович, В. А.** Медиагигиена: понятие и принципы / В. А. Левкович // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 360–363.
4. **Оганесова, Ю. А.** Герои современной теледокументалистики / Ю. А. Оганесова // Вестник ВГУ. Серия: Филология, Журналистика. – 2024. – №2. – с. 193–196.

5. **Трофимова, А. Б.** Режиссура документального фильма-портрета / А. Б. Трофимова // Стратегические ориентиры развития науки и образования : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 сент. 2024 г.) / редкол.: В. И. Кожанов [и др.] – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2024. – С. 8–11.

6. **Федорин, А. О.** О природе документального образа / А. О. Федорин // Кино и время. – Вып. 3. – М. : Искусство, 1980. – С. 60–78.

7. **Чайка, О. С.** Интервью в документальном военном кино: специфика и роль в формировании образа героя / О. С. Чайка // Современное медиапространство Луганщины: вызовы, тенденции развития: сборник материалов Международной научнопрактической конференции (17 марта 2021 г.) / Под ред. А. В. Дроздовой, Н. Ю. Калины. – Луганск : Книта, 2021. С. 210–215.

8. **Чайка, О. С.** Система образов в документальном военном кино: цели, задачи, специфика взаимодействия / О. С. Чайка // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2023. – № 2. – 150 с. – С. 115-122.

Olga Sergeevna Chaika,
senior lecturer at the department of journalism
Donetsk State University
oschaika@mail.ru

**From witness to hero: personality transformation in a
documentary war film about Donbass**

The article presents an analysis of the specifics of constructing the image of a hero in the framework of a documentary film dedicated to the military events in Donbass. Special attention is paid to defining the goals and objectives facing the authors in the process of forming an image of a personality in the context of the translation of a system of humanistic values. The proposed analysis is aimed at identifying the key mechanisms of the impact of documentary films on the audience's perception of events and actors in the zone of armed conflict.

Keywords: documentary films, the image of a hero, military events in Donbass, personality transformation, humanistic values.

Шафир Тимур Владимирович,
преподаватель кафедры
коммуникационных технологий,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет»
tim.shafir@yandex.ru

**Алгоритмы войны: как ИИ формирует образы
участников вооруженных конфликтов в
медиапространстве**

В данной работе исследуется влияние искусственного интеллекта (ИИ) на формирование образов участников вооруженных конфликтов в медиапространстве. Рассматриваются ключевые алгоритмические механизмы, используемые в современных информационных войнах, включая медиатизацию войны, генерацию синтетических медиа, предвзятость алгоритмов, роль социальных сетей и государственные стратегии. Особое внимание уделяется этическим и правовым аспектам применения ИИ в военной журналистике. Работа направлена на выявление рисков, связанных с алгоритмическими манипуляциями, и разработку подходов к их минимизации.

Ключевые слова: Искусственный интеллект (ИИ), алгоритмы, машинное обучение, генеративный контент, дипфейки, пропаганда, медиапространство.

Введение. Современные вооруженные конфликты развиваются не только на полях сражений, но и в информационном пространстве, где искусственный интеллект (ИИ) играет все более значимую роль в

формировании общественного восприятия. Использование алгоритмов для анализа, создания и распространения контента существенно изменяет традиционные методы ведения информационной войны. Медиапространство становится ареной столкновения не только идей и нарративов, но и технологий, которые могут как усиливать пропаганду, так и способствовать объективному освещению событий. В данной работе исследуются механизмы, с помощью которых ИИ формирует образы участников вооруженных конфликтов, их влияние на общественное мнение и возможные риски, связанные с алгоритмическими манипуляциями.

1. Алгоритмическая медиатизация войны

Война всегда была не только физическим противостоянием, но и борьбой за умы людей. Сегодня алгоритмы искусственного интеллекта становятся ключевыми инструментами в обработке и интерпретации информации о войне. Они анализируют огромные массивы данных, прогнозируют поведение аудитории и адаптируют контент под индивидуальные предпочтения. Использование машинного обучения позволяет автоматически выявлять главные темы, интерпретировать события и даже создавать медиаконтент, влияя на массовое сознание. Эти процессы трансформируют традиционные методы ведения информационных войн, делая их более точными и целенаправленными.

2. Образы участников вооруженных конфликтов: как ИИ конструирует реальность

Создание и распространение образов участников конфликта с помощью ИИ включает в себя несколько важных этапов. Первым шагом является сбор, классификация и фильтрация контента – алгоритмы

анализируют новостные ленты, публикации в социальных сетях, официальные заявления и отчёты. Далее алгоритмы участвуют в генерации медиапродуктов, создавая тексты, изображения и видео, которые поддерживают определённый нарратив. Последним этапом становится персонализированное распространение информации, при котором пользователи получают именно тот контент, который соответствует их взглядам и убеждениям. Такой алгоритмический подход формирует устойчивые информационные пузыри, влияя на восприятие конфликта и поляризуя общественное мнение [1, с. 361].

3. Дипфейки и симулякры войны: новая степень информационных манипуляций

Развитие технологий синтетического медиа открывает новые горизонты для манипуляции сознанием. Дипфейки и другие формы генеративного контента позволяют создавать убедительные, но полностью ложные визуальные и аудиоматериалы. Эти технологии могут использоваться для дискредитации отдельных личностей, фабрикация доказательств военных преступлений или симуляции событий, которые никогда не происходили. В результате существенно усложняется процесс проверки информации, а дезинформация получает новый уровень реалистичности. Распространение таких технологий требует развития механизмов верификации и борьбы с фальсификацией контента.

4. Алгоритмическое предвзятое освещение войны

Несмотря на кажущуюся объективность, алгоритмы искусственного интеллекта могут быть предвзятыми. Эта предвзятость может быть обусловлена

исходными данными, на которых обучаются нейросети, параметрами настроек платформ или даже политическими интересами их разработчиков. В результате алгоритмы могут целенаправленно усиливать определённые нарративы, дискредитировать одни стороны конфликта и возвеличивать другие. Такой подход делает алгоритмически формируемый контент не просто отражением реальности, а инструментом манипуляции восприятием войны [2].

5. Социальные сети как поле боя информационных войн

Социальные сети играют важнейшую роль в распространении информации, и именно здесь алгоритмы оказывают наибольшее влияние. Фильтрационные пузыри ограничивают доступ пользователей к альтернативным точкам зрения, а вирусные алгоритмы обеспечивают широкое распространение эмоционально насыщенного контента, даже если он не соответствует действительности. Дополнительно автоматизированные боты и фабрики контента увеличивают поток информации, делая её практически непроверяемой. Таким образом, социальные сети превращаются в ключевое поле битвы информационных войн.

6. Государственные стратегии и алгоритмы войны

Применение ИИ в государственном информационном противоборстве уже стало реальностью. Правительства разрабатывают автоматизированные системы мониторинга информационного пространства, анализируют общественное мнение и ведут контрпропагандистские кампании. Алгоритмы позволяют в реальном времени

адаптировать информационные стратегии, подстраиваясь под изменения медиаполя. Однако неконтролируемое использование этих технологий может привести к масштабному распространению дезинформации и потере доверия к традиционным медиа.

7. Этические и правовые вызовы использования ИИ в медиапространстве

Вопросы регулирования алгоритмических технологий становятся всё более актуальными. Как защитить общество от манипуляций? Какие механизмы контроля необходимы для обеспечения информационной безопасности? Как избежать нарушения прав человека? Ответы на эти вопросы требуют междисциплинарного подхода, объединяющего специалистов в области права, этики, технологий и медиа. Разработка новых нормативных актов, создание инструментов проверки информации и повышение цифровой грамотности аудитории – ключевые шаги к решению этих проблем.

8. Будущее информационных войн: роль квантовых вычислений

Квантовые технологии могут радикально изменить алгоритмическую обработку данных в информационных войнах. Квантовые вычисления позволят в разы ускорить анализ больших массивов данных, что приведёт к появлению более сложных и точных алгоритмов формирования нарративов. Это откроет новые возможности как для стратегического управления информацией, так и для её защиты.

9. Человек против машины: будет ли у журналистики будущее?

Рост алгоритмической генерации контента ставит под вопрос традиционную журналистику. Сможет ли человек конкурировать с ИИ в создании новостей? Будет

ли журналистика полностью автоматизированной? Или же появятся новые форматы, основанные на симбиозе человека и машины? Эти вопросы остаются открытыми и требуют глубокого исследования.

Заключение

ИИ становится мощным инструментом формирования образов участников вооруженных конфликтов, что меняет характер информационной войны. Алгоритмы способны как усиливать пропаганду, так и способствовать объективному освещению событий, в зависимости от их использования. Понимание механизмов алгоритмического воздействия на медиапространство необходимо для выработки стратегий противодействия информационным манипуляциям и защиты информационной безопасности общества.

Список литературы

1. **Шафир, Т. В.** Современные вызовы: защита военнослужащих и гражданского населения от информационно-психологического воздействия / Т. В. Шафир // Трансформация современной войны: Материалы III Всероссийской научной конференции, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, 2024. – С. 359–363.

2. **Баранова, Е.** «США навязывают ИИ свои ценности» Искусственный интеллект скоро сможет менять исход конфликтов и выборов. Чем это опасно? // Lenta.ru – Режим доступа: URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/08/zinovieva/> (дата обращения: 28.03.2025).

Shafir Timur Vladimirovich,
lecturer at the Department of Communication
Technologies,
Moscow State Linguistic University
tim.shafir@yandex.ru

**Algorithms of war: how AI forms images of
participants in armed conflicts in the media space**

This study examines the impact of artificial intelligence (AI) on the formation of images of armed conflict participants in the media space. It explores key algorithmic mechanisms used in modern information warfare, including the mediatization of war, synthetic media generation, algorithmic bias, the role of social networks, and state strategies. Special attention is given to the ethical and legal aspects of AI applications in military journalism. The study aims to identify risks associated with algorithmic manipulation and develop approaches to mitigate them.

Keywords: Artificial intelligence (AI), algorithms, machine learning, generative content, deepfakes, propaganda, media space

МЕДИАЛИНГВИСТИКА ВОЙНЫ

УДК 81'23

Боговая Ольга Федоровна,
старший преподаватель кафедры английского
языка для экономических специальностей
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»

o.bogovaya@mail.ru

Косяк Евгений Леонидович,
канд. юрид. наук, доцент кафедры права и
национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»

e.kosyak.dongu@mail.ru

Дискредитация вооружённых сил Российской Федерации в информационной войне. Используемые лингвистические средства

В статье рассматриваются лингвистические средства, используемые для дискредитации Вооружённых сил Российской Федерации. Определено понятие «дискредитация» и приведены её характерные признаки. Дана характеристика лозунгов и терминов как лингвистических средств, используемых в целях дискредитации Вооружённых сил Российской Федерации. Приведены конкретные примеры использования лозунгов и терминов в указанных целях, проиллюстрировано искажение их фактического смысла в целях дискредитации.

Ключевые слова: лингвистические средства, дискредитация, лозунг, термин.

Специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией с 24 февраля 2022 года с целью освобождения Донбасса и других оккупированных Украиной территорий в регионах, принятых в состав Российской Федерации в ходе проведенных в сентябре 2022 года референдумов, а также с целью демилитаризации и денацификации Украины, несмотря на её поддержку большинством населения России, тем не менее воспринимается негативно некоторыми российскими политическими деятелями, представителями искусства и бизнеса, большинство из которых признаны в настоящее время иностранными агентами.

Данные лица в распространяемых ими в сети Интернет, а также в прозападных средствах массовой информации публичных высказываниях стремятся дискредитировать как саму специальную военную операцию, так и в привлечённых к участию в ней военнослужащих Российской Федерации.

Данная тематика активно поддерживается иностранными средствами массовой информации и иностранным Интернет-сегментом, зачастую финансируемыми спецслужбами государств, недружественных России (США, Великобритания, Франция и т.д.).

Для противодействия указанным экстремистским по своей сути проявлениям, а также в целях защиты интересов Российской Федерации, поддержания международного мира и безопасности, Федеральным законом от 04 марта 2022 года № 32-ФЗ [6] введена

уголовная ответственность за указанные противоправные деяния, и Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьёй 280.3 УК РФ.

С учётом сравнительно небольшого времени существования ст. 280.3 УК Российской Федерации и отсутствия её прямых аналогов в российском законодательстве, действовавшем до 2022 года, исследование как самого феномена дискредитации, так и лингвистических приёмов, используемых при её осуществлении, является достаточно актуальным.

Сама проблема дискредитации использования Вооружённых сил Российской Федерации исследовалась преимущественно в публикациях на юридическую тематику (научные статьи Ахунзяновой Ф. Т., Кумышевой М. К., Семёновой И. В. и др.) и освещалась прежде всего в аспекте юридической квалификации таких деяний. В то же время, дополнительного углублённого исследования требуют сами лингвистические средства, которые могут использоваться и используются при дискредитации.

Целью настоящей статьи является выборочный анализ наиболее распространённых, по мнению авторов, лингвистических средств, применяемых в интернет-контентах при дискредитации использования Вооружённых сил Российской Федерации.

Используемыми авторами публикации методами исследования являются лексический, семантический и эмоциональный анализ, которые позволят выявить слова, чаще всего используемые для дискредитации, понять их скрытые значения и контексты, а также определить эмоциональную окраску экстремистских текстов.

Приступая к изложению проблемы, затронутой в статье, следует, прежде всего, остановиться на

определении самого понятия «дискредитация», после чего перейти к анализу конкретных лингвистических средств, используемых при её осуществлении.

Толковый словарь русского языка определяет «дискредитацию» как «подрыв доверия к кому-либо, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-либо, чего-либо» [7, т. 1, с. 702]. Таким образом, дискредитация как умышленное вербальное действие направлена, прежде всего, на воспитание у читающей аудитории негативного отношения к конкретному субъекту, событию, действию. Дискредитируемый объект позиционируется воспринимающей его аудитории таким, который не заслуживает доверия и вызывает негативное отношение к себе.

Одним из способов дискредитации является распространение сведений, призванных опорочить дискредитируемые субъект, действия, события, то есть придать им негативную, заведомо для распространителя порочащую окраску. Цитируемый Толковый словарь русского языка раскрывает понятие «порочащий» как «нечто компрометирующее, зачастую инсинуационное (клеветническое)» [7, т. 3, с. 749]. То есть, для дискредитации зачастую (но не всегда) характерна клеветническая составляющая, которая предполагает распространение заведомо ложных сведений порочащего характера. Как исключение, внимание воспринимающей аудитории может искусственно концентрироваться на отдельных негативных характеристиках объекта при умышленном замалчивании или преуменьшении его позитивных характеристик. Дискредитирующие сведения могут быть как однозначно толкуемыми, так и завуалированными под видом, в частности, лозунгов и терминов, которые в ином, общераспространённом,

контексте могут и не являться порочащими. Достаточно часто встречаются случаи, когда для дискредитации используются общепринятые лозунги и термины, фактический смысл которых умышленно искажается в используемом авторами контексте.

Как яркий пример дискредитации использования Вооружённых сил Российской Федерации в ходе Специальной военной операции с применением общепринятых лозунгов можно рассматривать идеологически правильный с общераспространённой точки зрения лозунг «Нет войне». Данное выражение действительно является лозунгом (согласно Большому энциклопедическому словарю [1, с. 1628], «Лозунг – это призыв или требование к конкретному действию, выраженное в краткой форме с помощью небольшой фразы или предложения»; он может выражать руководящую идею, задачу или политическое требование), смысл которого состоит в выражении протеста войне. В широком смысле данный лозунг используется участниками антивоенных движений, которые объединяют всех неравнодушных людей для прекращения именно агрессивной войны как недопустимого средства разрешения межгосударственных споров. Ключевой смысл лозунга состоит в воспитании у реципиентов неприятия агрессивной войны. Ещё один вариант такого лозунга – «Нет империалистической войне». В историческом аспекте империалистическими признавались войны, которые велись во второй половине XIX века – первой четверти XX века, то есть в эпоху империализма и были направлены на захват территорий и ресурсов в интересах крупного капитала, сросшегося с государственным аппаратом в странах-гегемонах (например, японо-

китайская война 1894–1895 годов, русско-японская война 1904–1905 годов, Первая мировая война 1914–1918 годов). В таком аспекте лозунг «Нет войне», естественно, был призван противодействовать насильственному изменению карты мира в интересах империалистических государств.

Однако в настоящее время данный лозунг достаточно широко используется противниками Специальной военной операции в микроблогах и в социальных сетях, а также на плакатах во время протестных акций. Ниже приводится один из примеров использования такого лозунга.

Использование автором лозунга «Нет войне» в сочетании с государственной символикой Грузии и Украины (как государств, в отношении вооружённых формирований которых Российской Федерацией в соответствии с действующим законодательством использовались Вооружённые силы Российской Федерации в целях защиты населения соответственно Абхазии, Южной Осетии, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от вооружённой агрессии Грузии и Украины) по своей сути является дискредитацией использования Вооружённых

сил РФ в том аспекте, в котором они используются в рамках специальной военной операции.

Так, согласно общедоступной многоязычной универсальной интернет-энциклопедии (Википедии) под войной понимается «конфликт между политическими образованиями (государствами, племенами, политическими группировками и т.д.), происходящий на почве различных претензий в форме вооруженного противоборства, военных (боевых) действий между их вооруженными силами. Война как состояние между государствами характеризуется открытыми и масштабными боевыми действиями, в ходе которых уничтожаются не только объекты обороны другого государства, но и энергетические, социальные, транспортные и объекты жилой инфраструктур. Война подразумевает захват территории другого государства, понуждение к отказу от идеологии и к смене политического режима, перевод собственной экономики на военный режим, а также частичную или полную мобилизацию» [2].

Само собой разумеется, что специальная военная операция, как и миротворческая операция России, проводившаяся в августе 2008 года на территории Абхазии и Южной Осетии, под определение войны в указанном смысле не подпадает.

Прежде всего, проводившиеся боевые действия носили и носят локальный характер, не сопровождались и не сопровождаются применением оружия массового поражения.

Целями как миротворческой операции 2008 года, так и проводимой Вооруженными силами РФ Специальной военной операции являются защита населения указанных выше республик от вооружённой

агрессии со стороны органов власти Грузии и Украины. В анализируемых военных операциях принимали и принимают участие профессиональные военные, операции производятся путем нанесения противнику оружием высокоточных ударов по военным объектам, с бережным отношением к социальной инфраструктуре и мирному населению. Ни Российская Федерация, ни Грузия и тем более Украина официально не признали состояние войны между государствами, как того требуют положения статьи 1 III Конвенции «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 года) [3].

Таким образом, лозунг «Нет войне» в использованной автором комбинации с государственными флагами Грузии и Украины заведомо не соответствует действительности, то есть является порочащим и подрывает авторитет Вооружённых сил РФ, позиционируя их как орудие ведения империалистической войны. Естественно, что данные военные операции России не преследовали цели захват территорий и ресурсов в интересах капитала.

В качестве ещё одного не менее распространённого лингвистического средства дискредитации использования Вооружённых сил Российской Федерации в ходе специальной военной операции можно рассмотреть употребление отдельных юридических терминов в контексте, который заведомо для использующего их лица противоречит их фактическому значению (например, достаточно широко применяемые в международном праве термины «оккупация», «оккупированный», которые искусственно распространяются на действия Российской Федерации по вытеснению вооружённых формирований Украины с территорий ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской

областей). Проиллюстрируем это на конкретном примере.

 Отрицательно живой лохопед Татарский вещает для жителей оккупированного Мелитополя

В анализируемом тексте, содержится высказывание «...для жителей оккупированного Мелитополя». В данном высказывании город Мелитополь, относящийся к Запорожской области, которая согласно Федеральному конституционному закону Российской Федерации от 04 октября 2022 года № 7-ФКЗ (ред. от 26 декабря 2024 года) «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» [5] с 30 сентября 2022 года принята в состав Российской Федерации, позиционируется как «оккупированный».

Согласно цитируемому выше словарю русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, «оккупация это насильственное занятие вооруженными силами какого-либо государства чужой территории». IV Гагская конвенция [4] определяет оккупированную территорию как «временно занятую вооружёнными силами одного

государства часть или всю территорию другого государства в ходе войны между ними с установлением на оккупированной территории военной администрации без перехода суверенитета над занятой территорией к оккупирующему государству».

В цитируемом высказывании, имеющем характер утверждения как особой формы предложения, выдвигается гипотеза, что город Мелитополь насильственно занят вооружёнными силами (в нашем случае – Вооружёнными силами Российской Федерации) и является «чужой территорией» (то есть, к территории Российской Федерации не относится), автор высказывания вопреки Федеральному конституционному закону Российской Федерации от 04 октября 2022 года № 7-ФКЗ убеждает целевую аудиторию в том, что город Мелитополь по состоянию на 06 апреля 2023 года является «оккупированным», то есть насильственно занятым и временно насильственно удерживаемым Вооружёнными Силами Российской Федерации. Автором комментария умышленно оставляется без внимания, что с 30 сентября 2022 года город Мелитополь находится под государственным суверенитетом Российской Федерации и в нём функционируют органы власти Российской Федерации, сформированные в соответствии с российской Конституцией. Тем самым, путём употребления в отношении Мелитополя термина «оккупированный» дискредитируется использование Вооружённых сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации. Данной дискредитации способствует также использование автором комментария в сочетании с термином «оккупированный» бранного жаргонизма «лохопед» (производное от бранного жаргонного слова «лох» в

смысле «никчемный, бездарный человек»), применяемого в негативном аспекте к известному идеологу Русского мира Владлену Татарскому, который в своих публичных выступлениях позиционировал Специальную военную операцию исключительно с положительной стороны.

Ограниченный объём публикации не позволяет раскрыть всю совокупность лингвистических средств, используемых в определённых интернет-контентах для дискредитации Вооружённых сил Российской Федерации. Однако даже приведенные примеры позволяют дать хотя бы общее представление о таких средствах.

Выводы: использование таких лингвистических средств, как общепринятые лозунги и специальные термины, с приданием им смысловой окраски, противоречащей их изначальному смыслу, является в настоящее время распространённым приёмом дискредитации Вооружённых сил Российской Федерации. Этот приём активно используется в информационной войне, ведущейся против Российской Федерации в настоящее время.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, Санкт-Петербург : Большая Российская энциклопедия: НОРИНТ, 2000. – 1628 с.

2. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Война> (дата обращения: 20 марта 2025 года).

3. III Конвенция «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 года), вступила в силу с 26 января 2010 года. – Режим доступа : URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038162?ysclid=m8kmi1u81b395036365> (дата обращения: 20 марта 2025 года).

4. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (принята на Второй Гагской мирной конференции 15 июня – 18 октября 1907 года).– Режим доступа :URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259?ysclid=m8knazeo3m14559030> (дата обращения: 21 марта 2025 года).

5. О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 04.10.2022 № 7-ФКЗ (ред. от 26.12.2024). – Режим доступа :https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428185/?ysclid=m8kmyquhgo140059421 (дата обращения: 22 марта 2025 года).

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ. – Режим доступа :https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410887/ (дата обращения: 22 марта 2025 года).

7. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – РАН: Институт лингвистических исследований; М. : Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. – В 4-х т.

Bogovaya O.F.,
Senior Lecturer at the English Language for
Economic Majores Department
Donetsk State University
o.bogovaya@mail.ru

Kosyak E.L.,
candidate of law, associate Professor Department of
Law and National Security
Donetsk State University
e.kosyak.dongu@mail.ru

**Discrediting the Russian Federation armed forces in the
information war. Linguistic tools used**

The article examines the linguistic tools used to discredit the Russian Federation Armed Forces. The concept of «discrediting» is defined and its characteristic features are given. The article describes slogans and terms as linguistic means used to discredit the Russian Federation Armed Forces. Specific examples of slogans and terms usage to get these purposes are given, and the distortion of their actual meaning in order to discredit is illustrated.

Keywords: linguistic tools, discrediting, slogan, term

Гамина Т.С.,
кандидат пед. наук,
доцент кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
gamina_ts@mail.ru

Особенности информационного освещения СВО: эмотивный аспект

В статье раскрывается роль медиа в освещении современных военных конфликтов, когда информация становится все более эмоционально окрашенной, язык меняется в сторону усиления эмоционального сопровождения информационного сообщения, что влияет на внутреннее состояние населения; особое внимание уделяется анализу использования журналистами эмотивных языковых средств для передачи эмоций и воздействия на чувства медийных потребителей.

Ключевые слова: информационная война, эмоция, эмоциональность, эмотивность, эмотивные языковые средства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания роли медиа в современных конфликтах и их эмоциональном влиянии на общественное сознание. Проведение специальной военной операции на территории Украины, послужило поводом для возобновления информационного противостояния между Россией, странами Запада и Украины. Информационные войны становятся реальностью сегодняшнего дня, поэтому противодействие им также

должно стать приметой нашего времени. Рост нашей зависимости от информации наблюдается повсеместно, что вынуждает нас более внимательно относиться к ней. И фраза «тот, кто владеет информацией – владеет миром» будет становиться все более актуальной [9].

Сегодня информационная война – это коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. Целями воздействия является внесение изменений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре [9]. В условиях информационной войны и манипуляции общественным мнением изучение эмоционального аспекта информационного освещения СВО становится особенно важным для анализа не только политической, но и социальной динамики в современном обществе.

Эмоции являются ключевым элементом восприятия мира каждым человеком и имеют тесную связь с когнитивными процессами. Исследование эмоционального отражения значимых мировых событий и их влияния на поведение аудитории представляет интерес в контексте анализа эмотивного аспекта информационного освещения специальной военной операции (далее СВО).

Сегодня именно язык СМИ формирует эмоциональную картину происходящих событий в зоне боевых действий. Учитывая тот факт, что эмоции несут особую нагрузку в современном общении, влияние языка СМИ на широкие массы населения усиливает ответственность журналиста как за содержательную, так и эмоциональную сторону медийного текста, освещающего события СВО. Современные тексты в

средствах массовой информации становятся все более эмоционально окрашенными, язык меняется в сторону усиления эмоционального сопровождения информационного сообщения, что влияет на внутреннее состояние, эмоции и чувства медийного потребителя.

Для нашего исследования особый интерес представляют работы по освещению в СМИ вооруженных конфликтов таких исследователей, как В. Г. Афанасьев, Ю. Богомолов, А. Л. Вассоевич, И. Э. Калоева, О. И. Калинин, Г. В. Лазутина, В. А. Маслова, Э. Мацквичюс, Г. Г. Почепцов и др.; эмоциональный аспект в лингвистике, психологии рассматривают в своих трудах такие ученые, как И. Л. Аристова, М. А. Алферова, К. Изард, А. В. Парняков, П. И. Сидоров, О. Д. Тарасова, Ш. Балли, В. И. Шаховский и др.

Анализ научной литературы показал, что исследование эмоционального аспекта информационного освещения специальной военной операции в СМИ вызывает пристальный интерес как отечественных, так и зарубежных авторов, где особое внимание уделено проблематике функционированию военной журналистики.

Цель исследования: раскрыть особенности эмоционального освещения специальной военной операции в российских и международных медиа через использование эмотивных языковых средств для передачи эмоций и воздействия на чувства, поведение медийных потребителей; показать влияние эмоций на общественное мнение, эмоциональные реакции человека при его восприятии военного конфликта.

Проблема информационного освещения СВО на Украине заключается в том, что медийный контент,

который формируется в условиях конфликта, оказывает значительное влияние на психоэмоциональное состояние населения. В условиях постоянного потока информации, включая дезинформацию и фейки, человек попадает в ситуацию истощения эмоциональной нагрузкой СМИ, происходит искажение восприятия реальности, что вызывает у него смутное беспокойство, тревогу, страх и панические реакции. Это создает необходимость в изучении особенностей восприятия информации и их влияния на эмоциональное состояние граждан.

Интерес к данной проблеме обусловлен несколькими факторами: во-первых, в условиях современного информационного общества медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения; во-вторых, эмоциональные реакции на информацию могут влиять на поведение людей, их решения и социальные взаимодействия; в-третьих, понимание особенностей информационного освещения и его эмоционального аспекта может помочь разработать стратегии по снижению негативного влияния медийного контента и повышению эмоциональной устойчивости населения. Таким образом, исследование данной темы имеет большее значение для практиков в области психологии и журналистики.

В современном обществе эмоции явно стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, именно через язык изучаются человеческие эмоции, которые он выражает, описывает, классифицирует, и комментирует.

В своих трудах Ш. Балли писал, что созданная человеком речь выражает прежде всего его чувства и так или иначе характеризует говорящего (т.е. может быть основанием для его социальной характеристики), а на

отбор языковых средств в речи влияет душевное состояние говорящего. «Всякая мысль, зависящая от жизни, эмоциональна» [2, с. 32], она обусловлена его принадлежностью к определенному классу, культурно-образовательному уровню; традициям, моральным ценностям, а также конкретная ситуация и социальная среда [13, с. 29].

В исследовании В. А. Масловой эмоции – это «одна из самых сложных систем человека, поскольку в возникновении, развитии и появлении принимают участие практически все системы человека – восприятие, физиологические реакции, интеллект и т.д. Язык – это не только орудие культуры, но и орудие эмоций» [7, с. 101].

С точки зрения психологии эмоции (от лат. «emoveo» – потрясаю, волную, привожу в движение) – это «психический процесс субъективного отражения наиболее общего отношения человека к предметам и явлениям действительности, к другим людям и самому себе соотносительно удовлетворения или неудовлетворения его потребностей, целей и намерений [10, с. 179]. Эмоциональное состояние является временным изменением психического состояния, возникающее в ответ на конкретные события или ситуации и характеризуется интенсивными чувствами и переживаниями, которые могут быть как позитивными, так и негативными. Психическое состояние человека и его эмоции тесно связаны.

Эмоции могут быть как положительными (радость, удовлетворение, любовь), так и отрицательными (гнев, страх, печаль), а также варьироваться по интенсивности и продолжительности. Они играют важную роль в жизни человека, влияя на его

повседневное поведение, мышление и физиологические процессы.

В журналистике эмоция является мощным инструментом для достижения результата. Эмоции самого журналиста являются важной составляющей его профессиональной работы. Необходимо помнить, что сильные эмоции провоцируют психологическое заражение, то есть ситуацию, при которой эмоции и чувства одного человека способны овладеть окружающими его людьми, заставляя действовать иногда даже во вред себе. Не только факты, приведенные журналистом в информационном материале, но и выбор темы могут определять уровень эмоционального и психологического настроя аудитории.

Эмоциональный аспект освещения СВО в СМИ заключается в том, что информация о ведении боевых действий на родной земле вызывает сильные эмоции у населения: с одной стороны – сочувствие, радость, с другой стороны – тревогу, страх и др., перегибая «эмоциональную палку», журналист рискует добиться противоположного эффекта.

Следует подчеркнуть, что эмоциональность связана с психологической характеристикой субъекта, его эмоциональным состоянием, в то время как эмотивность является свойством языковых средств, используемых для выражения эмоций в речи и способных произвести эмоциональный эффект на слушателя или читателя [1].

Эмотивный смысл может выражаться и «эмотивно нейтральной в словарном состоянии лексикой» [11], так как «эмотивная нагрузка может присутствовать у любого предъявленного информанту слова, поскольку она связана с индивидуальным языковым сознанием». В

научной литературе эмотивность определяется как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» (Ш. Балли), проявляется повышенной эмоциональной реактивностью, когда эмоции возникают легко, быстро, достигают большой силы и могут быть чрезмерно продолжительными.

Эмотивный аспект освещения в СМИ проявляется через использование эмотивных языковых средств для передачи эмоций и воздействия на чувства читателей. Журналисты применяют различные приёмы, такие как story-telling («рассказы, истории», в которых прослеживается очередность событий, а рассказчик выступает неявным персонажем), метафоры и эвфемизмы, чтобы создать определённый образ и вызвать определённые эмоции читателей.

Э. Мацкявичюс в работе «Драматизация как контент-стратегия военного корреспондента при освещении темы СВО» обращает внимание на прием сторителлинга как один из классических драматических эмоционально вовлекающих приемов в работе военного журналиста, который зачастую должен не просто информировать аудиторию, но и вызывать ее эмоциональную реакцию, поэтому в его работе важную роль играют ориентированные на вовлеченность зрителей, читателей, слушателей, пользователей контент-стратегии, в первую очередь – драматизация [8]. Данная контент-стратегия, подчеркивает автор, дает возможность корреспонденту передать целый спектр разнообразных эмоций в своих материалах. Однако важно в медиатекстах избегать неоднозначности и двусмысленности и всеми возможными приемами

демонстрировать нравственные ориентиры в восприятии информационного материала.

Сегодня в арсенале журналиста в текстах широко используются эмоционально осложнённые высказывания. К ним относят предложения с «ненейтральным» интонационным контуром: риторические вопросы, парцелляция, повтор, экспрессивно-оценочная лексика и др. Приведем основные приёмы эмоционального аспекта информационного освещения СВО в медиа:

1. Графическая передача фонетических средств эмотивности: знаки препинания, вопросительные и восклицательные знаки, тире, многоточия.

2. Морфологические средства выражения эмотивности: суффиксы, приставки, словосложение, изобразительно-выразительные средства морфологии.

3. Лексические средства выражения эмотивности: лексика ограниченного потребления, заимствования, синонимы, антонимы, устойчивые выражения, междометия.

4. Метафоры: формирование общественного мнения, создание ярких образов.

5. Эвфемизмы: маскировка действительности, сокрытие правды, более мягкие эквиваленты резких слов как реакцию на слова – «красные флажки», которые обычно вызывают отрицательные эмоции и экспрессивные вспышки.

6. Языковая игра: привлечение внимания, мотивация к прочтению, манипуляция общественным мнением.

Используемые приемы могут быть представлены таким образом, чтобы оказать влияние на мнение читателя, вызвать определенное отношение к

описываемым событиям, навязать адресату представление о действительности, вызвать необходимую реакцию [14].

Язык, используемый в новостных статьях, заголовках и иллюстрациях, оказывает сильное эмоциональное воздействие на аудиторию. Заголовок осуществляет не только разнообразные языковые функции, но и занимает сильную позицию, так как является первым сигналом, побуждающим медийного потребителя читать журналистские материалы.

Эмоционально-экспрессивная насыщенность заголовков и в тоже время четкость формулировок способны значительно повысить эффективность воздействия печатного материала на читателя.

Для нашего исследования было важным рассмотреть эмоционально окрашенные заголовки новостей на примере иностранных и отечественных изданий. Так, в зарубежной прессе мы встречаем:

«Россия наносит удары по мирным городам Украины: десятки погибших» («Russia strikes Ukraine's cities: Dozens killed» – BBC). В этом заголовке используются сильные эмоциональные слова, такие как «наносит удары» и «мирные города», чтобы передать идею жестокости и бесчеловечности действий, совершаемых российской стороной.

«Украина призывает о помощи: Путин продолжает агрессию» («Ukraine calls for help as Putin presses on with aggression» – The Guardian). Заголовок вызывает сочувствие к Украине и осуждение действий В. В. Путина, используя слово «агрессия», которое имеет негативную коннотацию.

«Жуткие сцены из Мариуполя: горожане прячутся в подвалах, боясь российских обстрелов»

(«Haunting Scenes in Mariupol: Residents Hunker Down in Basements, Fearing Russian Shells» – The New York Times). Этот заголовок вызывает эмоции страха и сочувствия к жителям Мариуполя, используя слова «жуткие сцены» и «боясь», которые усиливают восприятие опасности и беспокойства.

«Война в Украине: тысячи погибших, миллионы беженцев – и конца не видно» («War in Ukraine: Thousands dead, millions displaced – and no end in sight» – Deutsche Welle). Заголовок вызывает эмоции печали и отчаяния, подчеркивая масштабы человеческих жертв, страданий и неопределенность будущего.

Эмотивный аспект освещения специальной военной операции в СМИ может варьироваться в зависимости от политической принадлежности и точки зрения издания или автора. Однако, независимо от этого, эмоции часто играют важную роль в освещении и других значимых событий.

Обратимся к заголовкам новостей в российских изданиях, они могут быть нейтральными, положительными или отрицательными и, как правило, формируют эмоциональную позицию автора.

Заголовок участвует в формировании эмоционального воздействия на читателя, выполняя экспрессивную функцию. Её значимость определяется тем, что статья должна убедить читателя в тех положениях, которые защищает автор:

1. Заголовки, акцентирующие внимание на победах и достижениях российских вооруженных сил, могут вызывать чувство гордости и патриотизма среди читателей. Пример: *«Участники СВО – ГЕРОИ нашего времени, которые с честью и доблестью защищают свое Отечество»*. *«Подвиг экипажа танка "Алеша"»*: в

Минобороны рассказали подробности» // РИА Новости. Крым. – 2023. 5 авг.

1. В некоторых заголовках может быть использованы языковые средства, вызывающие страх или тревогу, например, *«Васильев: НАТО копит силы на границе с Россией»* или *«Ситуация накаляется: три конфликта, которые могут перерасти в полноценную войну»*. Эти эмоции могут способствовать формированию чувства неуверенности и беспокойства у населения.

2. Заголовки, акцентирующие внимание на страданиях гражданских лиц, могут вызывать сочувствие и желание помочь. Например: *«Пушилин: восемь мирных жителей пострадали в ДНР за сутки при атаках ВСУ»* или *«Волонтеры со всей России пришли на помощь жителям Курской области»*; *«Объединила помощь Родине: волонтерская группа Крепкий тыл возят "гуманитарку" с 2022 года»* (АиФ, №35, 2025).

3. Некоторые заголовки могут содержать элементы агрессии или презрения к противнику: *«Постоянное наступление: ВС РФ уничтожают ВСУ на покровском направлении»* или *«Украина – кукла в руках Запада: в Госдуме рассказали, кто стоит за нападением на Курскую область»*, *«Переполох в Еврокуратнике: отчето запаниковала Европа»* (АиФ, 2025). Это может формировать враждебное отношение к оппонентам.

4. *«Путин объявляет о начале специальной военной операции в Донбассе»*. В отличие от предыдущих примеров, этот заголовок от российского государственного новостного агентства РТ передает официальную точку зрения России на специальную военную операцию, используя нейтральный язык и избегая эмоционально заряженных выражений.

Если рассматривать эмоциональное воздействие специальной военной операции на Украине на сознание населения, можно выделить несколько ключевых моментов. Эмоции людей будут зависеть от того, как эта операция будет освещена в СМИ, какие последствия она принесет, и в каком контексте будет восприниматься. Кроме того, СВО может пробуждать у населения интерес к военным действиям и подвигам, а также способствовать развитию патриотических чувств. Так, например, жители венгерского села поставили памятник в 2009 году офицеру Красной армии за свои средства, где золотом выбиты слова благодарности (АиФ, № 13, 2025).

Подтверждением служит опрос Всероссийского центра общественного мнения (ВЦИОМ), согласно которому в 2024 году две трети россиян (65%) считают, что военная операция для российских войск проходит скорее успешно. Этот показатель увеличился на 6 п.п. по сравнению с последним замером в феврале 2023 года и приблизился к мартовским значениям двухлетней давности (март 2022 года – 70%). После объявления о начале специальной военной операции большинство россиян поддержали это решение (65%), а спустя год этот показатель возрос до 68% и остается на таком уровне в 2024 году [12].

Тема специальной военной операции вызывает значительный интерес у жителей России и способствует обращению к классическим источникам официальной новостной информации. Подобные информационные стимулы могут выступать в роли триггеров различных психологических и эмоциональных состояний людей. Чаще всего эмоциональная реакция россиян на СВО обусловлена их политическими взглядами и личными убеждениями.

Определенные действия журналистов при освещении событий могут вызывать значительный стресс у аудитории СМИ. К таким действиям относятся:

- демонстрация пыток и морального или физического насилия;
- показ людей в ситуациях унижения, что оскорбляет их человеческое достоинство;
- прямое или косвенное оправдание действий агрессора, которые привели к страданиям жертвы;
- предоставление слова преступникам, что может косвенно «легализовать» их действия;
- показ триумфа и безнаказанности агрессора, будь то отдельное лицо или большая группа;
- призывы к коллективному покаянию и искуплению.

Негативное воздействие травматических событий может значительно уменьшаться при наличии в информации следующих элементов:

- конструктивное представление проблемы как разрешимой, что поддерживает доброжелательную атмосферу контакта и снижает негативное проявление эмоций как реакцию на слова;
- положительная оценка достойного поведения участников событий;
- четкие моральные ориентиры;
- универсальные ценности, такие как благодарность, забота, любовь, творчество, честь и мужество;
- оптимизм относительно будущего;
- примеры стойкости и мужества людей, оказавшихся в экстремальных ситуациях [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональное состояние человека представляет собой

сложный психический процесс, отражающий переживания, связанные с воздействием внутренних и внешних факторов.

Специальная военная операция на Украине вызывает эмоциональный отклик у населения, который в свою очередь зависит от индивидуального восприятия каждым человеком событий и их последствий, и может проявляться как в положительном, так и в отрицательном ключе. Важно, чтобы у людей была возможность получать объективную информацию и формировать собственное мнение. Недостаток информации может привести к возникновению бессознательных страхов, которые искажают восприятие происходящего, основываясь на личных переживаниях. Информационное оружие по определению не может быть распознано, т.е. оно практически неотлично от поступающего информационного потока: к вредным последствиям приводит его последующая обработка [9].

Сегодня выдвигаются повышенные требования к гуманитарной подготовке журналистов – их знаниям в области политологии, истории, географии, литературы, без которых невозможно понимание, объяснение и правильная интерпретация причин и хода СВО как части глобального гибридного конфликта между «коллективным Западом» и Россией. Очень важно, чтобы эмоциональность не прорывалась в текстах, а была в гармонии с культурой интонационного оформления высказывания и выражалась в соответствии с сознательными намерениями журналиста как в устной, так и письменной речи, что обеспечивало бы возможность для результативного бесконфликтного общения в условиях изменившейся экспрессии медийного языка и негативизации процесса

коммуникации в эпоху информационных войн и эмоциональных перегрузок.

Освещение кризисных ситуаций в средствах массовой информации играет ключевую роль в регулировании эмоций, формирующих адекватную реакцию на происходящие события.

Список литературы

1. Алферова, М. А. Эмоциональный интеллект и психологические теории эмоций / М. А. Алферова, И. Л. Аристова // *Universum: психология и образование* – 2017. – №. 12 (42). – С. 19–25.

2. Балли, Ш. Язык и жизнь / Шарль Балли. – М. : УРСС, 2003. – 230 с.

3. Вассоевич, А. Л. Информационные войны: к истории становления приемов психологического воздействия // Россия: планетарные процессы / А. Л. Вассоевич. – СПб : 2002.

4. Вертешин, А. И. Деструктивность медиа-агрессии в журналистском творчестве: к проблеме развития экологии зрительского восприятия / А. И. Вертешин // *Экология человека*. – 2006. – № 5. – С. 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnost-mediaagressii-v-zhurnalistском-tvorchestve-k-probleme-razvitiya-ekologii-zritelskogo-voSPIriatiya> (дата обращения: 03.11.2025).

5. Калоева, И. Э. Особенности освещения в СМИ вооруженных конфликтов: Чеченская республика: 1994–2004 гг. : диссертация ... кандидата политических наук : 10.01.10. – СПб, 2004. – 198 с.

6. Коханова, Л. А. Основы теории журналистики в 2 ч. Часть 1 : учебник для вузов / Л. А. Коханова,

А. А. Калмыков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд-во Юрайт, 2023. – 244 с.

7. Маслова, В. А. Homolingualis в культуре: Монография / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с. [9, с. 101].

8. Мацкявичюс, Э. Драматизация как контент-стратегия военного корреспондента при освещении темы СВО (на примере программы «Вести» телеканала «Россия 1»). – <http://mediaalmanah.ru/files/119/1300.php>

9. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. – М. : ТД Алгоритм, 2015. – 412 с.

10. Сидоров, П. И. Введение в клиническую психологию / П. И. Сидоров, А. В. Парняков. – Т. I. – М. : Академический проект, 2001. – С. 179.

11. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров – 8-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

12. Специальная военная операция: два года спустя [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 08.12.2024).

13. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова – Науч. ред. и предисл. Н. Д. Голева. – Изд. 3-е, испр. – М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009, – С. 42.

14. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. , 2008. – С. 231.

Gamina Taniana Sergeevna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate professor in the Department of Journalism
and Publishing,
Lugansk State Pedagogical University
gamina_ts@mail.ru

**Features of information coverage of the special
military operation: the emotional aspect**

The article reveals the role of media in covering modern military conflicts, when information becomes increasingly emotionally charged, the language changes towards strengthening the emotional accompaniment of the information message, which affects the internal state of the population; special attention is paid to the analysis of the use of emotive language by journalists to convey emotions and influence the feelings of media consumers.

Keywords: information war, emotion, emotionality, emotiveness, emotive language.

УДК 070.4: 316.77

Дроздова Алёна Васильевна,
канд. наук по социальным коммуникациям,
доцент кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
dilena_23@list.ru

Военкоры: диалог медиадискурсов

В статье определяются доминирующие типы медиадискурсов, продуцируемые современными

военкорами: журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов; военный (милитарный); военно-политический; военно-публицистический; сетевой военный; оппозиционный; фронтирный. Сделан вывод о преломлении институциональных и неинституциональных медиадискурсов при освещении военкорами хода специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция, повестка дня, военкор, медиадискурс.

Война имеет своих сценаристов и режиссеров. Событийную сторону театра военных действий, в том числе – рецептивного, отображают военные журналисты. Сегодня они занимают особую субъектную позицию в отечественном массово-коммуникативном пространстве. В медиакритике за ними закрепились статусы боевых пассионариев, новой гражданской силы и авторитетных источников информации. Очевидно, что современные военные журналисты не только информируют аудиторию о произошедших событиях, но помимо этого анализируют причины вооруженных конфликтов и гибридную сущность войн, дают оценку действиям противоборствующих сторон и синтезируют их образы, прогнозируют развитие военной и мирной реальностей. Технологические возможности медиа благоприятствуют генерированию индивидуальных медиадискурсов военных журналистов, а также тех, кто участвует в отображении военной реальности – лидеров мнений, инфлюенсеров.

Конструируемая военкорами (используем обобщающее понятие для журналистов, освещающих вооруженные конфликты, – *авт.*) социальная реальность многослойна, динамична, полифункциональна,

диалогична и ситуативна, потенциально знакова и тесно коррелирует с актуальными политическими и социокультурными событиями. Сообщение военкора – это коммуникативное событие, имеющее смыслогенерирующие свойства и ценностный базис. Порождаемый феномен целесообразно рассматривать как медиадискурс [1; 7].

Вооруженный конфликт в Донбассе и ход специальной военной операции России на Украине – ключевые медиатопики в повестке дня современных СМИ. Военкоры, работающие сегодня в зоне специальной военной операции, формируют различные типы медиадискурсов, определить доминирующие из которых – цель нашего локального исследования, продиктованная желанием шире посмотреть на специфику их профессиональной деятельности.

Так, один из наиболее видных исследователей военной журналистики В. М. Амиров выделяет *журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов*. К его атрибутам исследователь относит следующие:

- развитие на основе совокупности журналистских текстов, посвященных широкой проблематике вооруженных конфликтов и созданных с помощью специфического набора методов поиска, анализа и интерпретации информации, репрезентации образов героев / антигероев, целей и результатов вооруженного столкновения;

- особая востребованность массовой аудиторией вследствие высокой эмоциогенности батальных материалов и более выраженном проявлении журналистами личностного начала;

– практическое слияние с журналистским политическим дискурсом, юридической и этнорелигиозной сферами, системой государственной пропаганды и технологиями ведения информационных войн;

– активные идеологические, жанровые, стилевые трансформации, обусловленные особым запросом аудитории на отображение трагической стороны жизни общества, а также инновационными технологическими возможностями [2; 3].

Отличительной драматургией, которую формируют в том числе военкоры, по мнению А. В. Олянич, наделен *военный (милитарный) дискурс*. Следуя мысли ученого о том, что «сегодняшние лингвокультуры существуют в рамках когнитивно освоенной дуалистической милитаристской модели бытия» [8, с. 165], в профессиональной деятельности военного журналиста максимально найдут отображение военная идеология, соответствующий воину тип мышления и поведения, захватнические интенции и в целом номинация мира милитаристскими языковыми средствами. При этом, отмечает А. В. Олянич, любое вооруженное столкновение, воспроизводимое в массмедиа, обретает культурную форму (как не вспомнить представление о журналистах как «культурных рабочих»). Функциональные возможности сегодняшнего военкора настолько многогранны, что практически каждый элемент, с помощью которого репрезентуется «театр военных действий», апробируется в методах его профессиональной деятельности как отчасти или в большей мере:

– режиссера и сценариста отображения батальных событий в СМИ;

- актера и члена «массовки»;
- специалиста по лингвосемиотическому отображению специфики реквизита (своего и воюющих сторон), мультимедийному и рекламно-пропагандистскому сопровождению;
- масштабированию собственных средств медийного освещения вооруженных конфликтов [8, с. 166].

О симметричном преломлении медиадискурсов – военном и политическом – пишет П. В. Горбань, анализируя метафорический код языка, который используют военкоры Е. Поддубный, А. Коц, А. Сладков при освещении в Телеграм-каналах специальной военной операции. Потенциал *военно-политического медиадискурса*, прокладываемого военными журналистами, по наблюдениям автора научных работ, очевиден в аспекте прагматики: композитные средства, которые актуализируют военкоры, выступают массивными «инструментами по формированию эмоциональной реакции аудитории и векторизации общественного мнения» [6].

К. А. Наумова в диссертационной работе, посвященной специфике гибридных видов дискурса, выделяет те, которые касаются наиболее острых вопросов социальной и политической жизни, – уже представленный военно-политический и *военно-публицистический* (2022). Автор научного исследования заключает: в гибридных видах дискурса активно вербализируется феномен войны, они институциональны и насыщены такими компонентами, как агенты, цели и ценности. При этом они, являясь соответственно дискурсом-основой и дискурсом-дополнением, неоднородны, формируют альтернативные

аксиологические поля и пользуются разным арсеналом манипулятивных тактик.

Представленные работы объединяет объект и материал исследования – как правило, это медиапродукты, созданные в новых / социальных медиа (см. также научные работы С. В. Колобовой и Л. Е. Малыгиной 2024; Е. Карабет 2024; Л. В. Рацибурской и Е. Н. Широковой 2025 и др.). Так, логичным представляется выделить *сетевой военный медиадискурс*, технологические свойства которого наиболее интенсивно осваиваются военными журналистами. Свои комментарии, проблемные вопросы, рассуждения, оценку происходящего, зарисовки батальных событий практически ежедневно публикуют на своих страницах в социальной сети Н. Долгачев, А. Сладков и др. Военкоры открывают возможности для комментариев подписчиков, используют разные форматы общения с аудиторией (с доминантой визуального контента) и широкую вариативность в способах самопрезентации. Наиболее популярным каналом распространения актуальной информации для военкоров является Телеграм. По оценкам исследователей, в Телеграм сложилась уникальная система каналов военкоров, функционирующая на основе взаимных ссылок, репостов, общих тем и дискуссий, аналитики, инсайдов, информационного просвещения. В сложившемся профессиональном сообществе – собственно военкоры, наделенные особыми полномочиями от военных ведомств; военные журналисты / репортеры конкретных СМИ; милитари-блогеры; военные эксперты; коллективные / анонимные авторы публикаций военной тематики. Типология субъектов военной журналистики как совершенного

уникального типа отечественного медиапространства требует отдельного изучения.

Безусловно, сетевые каналы военкоров популярны, прежде всего, за счет своих свойств – неофициальности, ориентации на межличностное общение и индивидуализацию. Однако важны и внешние причины востребованности сетевого военного медиадискурса, озвученные во многих исследовательских работах (например: Быков, Курушкин 2022; Загидуллина 2023 и др.), – это недостаток информации о ходе военных действий со стороны Минобороны России; «общая растерянность общества», которое специально не наблюдало за донбасскими событиями; большое количество фейковых вбросов по теме специальной военной операции и под.

В целом, в сетевом военном медиадискурсе военкоров, по нашим наблюдениям, проявляется функция, которую выделили И. В. Анненкова и Е. А. Самсонова, – организаторская и социально-сетевой дискурсии как возможности влиять на реальную, не медийную, жизнь пользователей [4, с. 27].

Обратим также внимание на медиадискурсы, концептуализированные средствами речевого выражения позиций враждующих сторон. В разных научных работах они представлены как оппозиционные, антагонистические, конфронтационные, образованные на основе модели «свой – чужой». Например, О. Байша в научном эссе, посвященном анализу вытесненных с начала специальной военной операции альтернативных смыслов, характеризует как российский, так и украинский *оппозиционные дискурсы*, сложившиеся в глобальном информационном пространстве [5]. Эти альтернативные смыслы консолидируют широкий пласт

публикаций военных журналистов, как развивающих ключевые послы официальных президентских выступлений и заявлений, так и субъективно интерпретирующих сложившуюся ситуацию глобального противостояния – национального, религиозного, языкового, ценностного.

Наконец, в качестве прогностического сценария оформления перспективных задач, связанных с заявленной темой исследования, выделим *фронтирный медиадискурс*, непрерывно «прогреваемый», как нам видится, отечественными военкорами. Среди современных гуманитариев тему фронта глубоко изучает Л. Н. Синельникова (2020). Исследователь выявила, что концепция фронта (как «границы», «пограничья», «рубежа») формировалась продолжительное время в разных областях научного знания – и естественнонаучном, и гуманитарном. Ученых в целом интересует феномен подвижной границы как среды в ее социокультурных, идеологических, коммуникативных и других аспектах, качественно изменяющихся в результате интеграции освоенной и неосвоенной территорий. К признакам фронта исследователи, как правило, относят неопределенность и неустойчивость, способность создавать контактную зону с новыми смыслами и нормами. При этом фронт «ориентирует не столько на границу как территориально разделяющую линию, сколько на весь историко-культурный процесс, осуществляемый на фронтирных территориях» [9]. Так, многочисленные публикации военкоров посвящаются конфликту идентичностей и проблеме самопозиционирования населения, которое в результате «движущейся» границы ведения специальной военной операции оказывается в новых жизненных

условиях. Например, в материалах военных журналистов оживают образы «донецких и луганских русских»; описываются истории семей, разделенных государственными границами; противопоставляются разрушенные и отстроенные городские и поселковые пространства; контрастируют жизненные миры военной и гражданской реальностей.

Итак, надо полагать, в информационно-коммуникативном пространстве сложился и продолжает свое интенсивное развитие медиадискурс военкоров, индуцированный военно-политическими событиями геополитического и цивилизационного масштаба между странами коллективного Запада и Россией. Кристаллизующийся медиадискурс неоднороден: анализ теоретических источников и формально-содержательных свойств контента, создаваемого военкорами, дает основание выделить в его структуре следующие типы: журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов; военный (милитарный); военно-политический; военно-публицистический; сетевой военный; оппозиционный; фронтирный. Учитывая многообразные типологии современного медиадискурса (например, выделенные в докторской диссертации Н. О. Автаевой 2024), отметим, что представленная типология медиадискурса военкоров основывается на таких параметрах: предметная / тематическая область знания; цель и ролевые отношения коммуникантов; способ и канал распространения информации; жанрово-функциональные особенного милитарного контента. Так или иначе, актуализируются все элементы коммуникационной цепочки, кроме «эффекта сообщения». Рецепция массовой аудиторией

профессиональной деятельности военков – перспективная задача дальнейших исследований.

Список литературы

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность [Электронный ресурс] / Н. Ф. Алефиренко // Медиалингвистика. – 2016. – Вып. 16. – № 1 (11). – С. 49 – 57. – Режим доступа : <https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmaticeskaya-sushchnost/> (дата обращения: 05.04.2025).

2. **Амиров, В. М.** Политическая проблематика в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов [Электронный ресурс] / В. М. Амиров // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-problematika-v-zhurnalistskom-diskurse-sovremennyh-vooruzhennyh-konfliktov> (дата обращения: 05.04.2025).

3. **Амиров, В. М.** Российская журналистика вооруженных конфликтов : дис... д-ра филол. н. [Электронный ресурс] / В. М. Амиров. – Екатеринбург, 2020. – 311 с. – Режим доступа : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/96592/1/urfu2234_d.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

4. **Анненкова, И. В.** Функции социально-сетевого дискурса и социально-сетевая картина мира (на примере молодежного сегмента новых медиа) / И. В. Анненкова, Е. А. Самсонова // Медиаальманах. – 2023. – № 2 (115). – С. 22 – 28.

5. **Байша, О.** СВО и закрытие дискурсов: вытеснение альтернативных смыслов и фиксация гегемонистских значений [Электронный ресурс] /

О. Байша // Социодиггер. – Том 4. – Выпуск 9 (28). – Режим доступа : <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskursov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksaciya-gegemonistskikh-znachenii> (дата обращения: 05.04.2025).

6. **Горбань, П. В.** Функциональные аспекты иронии и сарказма в авторских Telegram-каналах военных корреспондентов [Электронный ресурс] / П. В. Горбань // Политическая лингвистика. – 2024 – № 4 (106). – С. 144–155. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-aspekty-ironii-i-sarkazma-v-avtorskih-telegram-kanalah-voennyh-korrespondentov> (дата обращения: 05.04.2025).

7. **Кожемякин, Е. А.** Дискурс в современной массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Е. А. Кожемякин. – Режим доступа : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1742934105&tld=ru&lang=ru&name=Kozhemyakin_Diskurs_07.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

8. **Олянич, А. В.** Милитарный (военный) дискурс [Электронный ресурс] / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2 (19). – С. 165 – 167. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/militarnyy-voenny-diskurs> (дата обращения: 05.04.2025).

9. **Синельникова, Л. Н.** Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках [Электронный ресурс] / Л. Н. Синельникова // RussianJournalofLinguistics. – 2020. Vol. 24 No. 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-sreda-frontirnogo-diskursa-v-gumanitarnyh-naukah> (дата обращения: 05.04.2025).

Drozdova Alyona Vasilyevna,
candidate of Sciences in Social Communications,
Associate professor in the Department of Journalism and
Publishing,
Luhansk State Pedagogical University
dilena_23@list.ru

Military correspondents: the dialogue of media discourses

The article states the dominant types of media courses produced by the professional work of the contemporary military correspondents: journalistic discourse of current armed conflicts; military (militaristic); military-political; military-journalistic; network military; oppositional; frontier. The article concludes that the destruction of institutional and non-institutional media discourses can be achieved through the use of war correspondents during the special military operation (SMO or SVO).

Keywords: the special military operation, the agenda, a military correspondent, media discourse.

Малявин Сергей Геннадьевич,
аспирант кафедры русской филологии и
журналистики
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина»
malyavin.sergey@mail.ru

Русофобский дискурс: язык и идеология

В статье исследуется вопрос о том, можно ли квалифицировать русофобские тексты как самостоятельный дискурс. Делается попытка показать, что если языковое выражение обладает дискурсным характером, то оно не может быть использовано в противоположном контексте внутри этого же дискурса, поскольку теряет свою исходную семантическую направленность. Материал для анализа был собран из текстов англоязычных СМИ, а также из корпуса британского английского языка (British National Corpus). В ходе исследования были выявлены ключевые факторы, способствующие формированию русофобской риторики в англоязычном медиапространстве. Кроме того, была подтверждена системность и историческая обусловленность данного дискурса, что позволяет рассматривать его как целостное явление. Показано, что предложенный подход позволяет не только выявлять идеологическую составляющую семантики высказываний, но и классифицировать тексты на основе их концептуального содержания. Для этого используются не только лексические, но и грамматические средства, что делает подход универсальным и эффективным.

Ключевые слова: русофобия, дискурс, русофобский дискурс, дискурсность, идеология.

Дипломатические отношения между Россией и западными странами стали весьма напряженными, что в свою очередь отразилось на представлении России в англоязычных СМИ. В этих источниках часто наблюдается тенденция к ее демонизации. В ответ на это в России усилилось обсуждение проблем русофобии, которая, как утверждают критики, приобрела характер идеологии в западных странах. Такая ситуация подчеркивает важность исследования того, как русофобия проявляется в английском медиадискурсе. Актуальной становится необходимость анализа языковых средств, через которые эта русофобия воплощается в высказываниях, с целью их более глубокого понимания и разоблачения. При этом существует дефицит обобщающих исследований, посвященных русофобии в лингвистике, что делает данное исследование особенно значимым.

Научная новизна работы заключается в выдвижении гипотезы, что высказывания, отражающие русофобию, обладают дискурсным характером. В рамках данного исследования предполагается, что статус этих языковых единиц как дискурсивных средств исключает возможность их использования в антагонистическом контексте внутри данного дискурса

Цель статьи – попытка выделить факторы, провоцирующие русофобские высказывания в англоязычных СМИ, а также продемонстрировать целостность и историческую обусловленность выделяемого нами дискурса.

Для достижения поставленной цели и решения задач в данной статье применяется комплекс методов исследования: анализ (при определении термина «русophobia»), синтез (обобщены источники, посвященные теме исследования); индукция (вывод о том, что русophobia является центральной идеологией русофобского дискурса) и другие.

В ходе исследования анализировались русофобские высказывания американской ежедневной газеты «The New York Times», которая занимает третье место в стране по тиражу, а также её веб-ресурса, входящий в число самых посещаемых новостных сайтов мира. В качестве дополнительного источника использовался Британский национальный корпус, включающий 100 миллионов слов и содержащий разнообразные письменные и устные тексты британского английского языка.

В статье рассматривается понятие «русophobia» через призму лингво-когнитивного анализа. В различных научных дисциплинах, таких как политология, социология, психология и философия, этому термину даются разные определения. Такое многообразие подходов подчёркивает сложность данного феномена.

Русophobia, как показывают исследования отечественных ученых [1]; [3]; [4]; [5], представляет собой сложную систему негативных эмоций и установок, направленных против России и всего, что с ней связано. Это явление порождает чувства враждебности, страха, ненависти, а также недоверия к русским людям и их культуре [6]; [8]. Важно отметить, что этот феномен характеризуется также восприятием русских как чуждых, странных и даже угрожающих [2].

Одним из ключевых аспектов, который требует внимания при изучении русофобии, является исследование факторов, которые способствуют ее формированию. Исторически термин «русофобия» был введен в оборот известным русским дипломатом и поэтом Ф. И. Тютчевым в 1867 году. Он использовал это слово, чтобы описать предвзятое, негативное отношение к русским и их государству, особенно со стороны Запада. Однако ученые считают, что корни русофобии уходят гораздо глубже в историю и охватывают гораздо более широкий спектр явлений и субъектов [10].

Согласно современной «Политической энциклопедии», русофобия – это не просто набор взглядов, но целая система настроений, выражающих открытое или скрытое неприязненное отношение к русскому народу, его истории, культуре и государству. В некоторых случаях это превращается в идеологическую основу антирусских движений и политических программ [1].

Русофобию нельзя сводить к любой критике или негативному высказыванию в адрес России и её народа. Простая неприязнь или единичный критический комментарий не всегда отражают суть данного явления. Отсутствие чёткого определения термина приводит к его слишком широкому употреблению, из-за чего некоторые высказывания ошибочно воспринимаются как русофобские. В этом контексте важно учитывать, что русофобия – это не просто выражение недовольства или несогласия с определёнными аспектами российской действительности. Она представляет собой системное явление, выходящее за рамки обычной критики, так как предполагает устойчивую враждебность, негативные стереотипы и предвзятое отношение.

Историк и писатель Ю. Д. Петухов в своей книге «История древних русов» выделил важную деталь, касающуюся природы русофобии. По его мнению, русофобия – не просто проявление враждебности к России и ее народу, и не просто политическая стратегия. Это опасная болезнь, подобная раковой опухоли, которая поражает Запад. Масштабы этого явления и упорство, с которым оно внедряется, просто ошеломляют. Ненависть не вызывают какие-то отдельные ошибки или проступки русских, а именно наше существование как таковое [4, с.318].

Предложенный подход к пониманию русофобии полностью соответствует практике лексикографического определения термина, которая применяется в некоторых англоязычных словарях. Например, в «Urban Dictionary» русофобия определяется как пропаганда неблагоприятного, отрицательного и пристрастного взгляда на Россию, русских людей или правительство. Следуя словарю, русофобию легко распознать, когда Россию обвиняют в любой ситуации без каких-либо доказательств, предварительного расследования фактов или соблюдения надлежащей правовой процедуры. Русофобия очевидна, когда существует двойной стандарт в оценке действий России по сравнению с подобными или более серьезными действиями США и их союзников» [11].

Русофобия, как социальное явление, не является лишь результатом психологических факторов, а скорее развивается под влиянием дискурсивных механизмов, что находит подтверждение в современных исследованиях когнитивного анализа. Например, работа «Русофобия как коммуникативная стратегия» [6] раскрывает, что русофобские высказывания возникают

благодаря ряду ключевых факторов: 1) антипатии к русской культуре в целом; 2) распространению фашистских идеологий; 3) использованию ложных антироссийских лозунгов; 4) кинематографической пропаганде Голливуда; 5) целенаправленному формированию общественного мнения в нужном направлении.

Чтобы более точно понять, что стоит за дискурсивными факторами, важно уточнить, что в данном контексте речь идет о том, как идеология воздействует на язык. Дискурс можно рассматривать как своего рода «подъязык» – систему лексических и грамматических средств, которые служат для выражения специфической ментальности и передачи определённых идеологических установок [9].

Таким образом, русофобия представляется как определённый тип дискурса, обладающий характерным набором языковых средств, целенаправленно используемых для распространения антирусской идеологии. Этот дискурс, в свою очередь, активно применяется в странах Запада, где служит важным инструментом манипуляции общественным мнением и формирования устойчивых негативных образов о России.

Вопрос, который неизбежно возникает, – как убедиться, что выражения, использующиеся в русофобских высказываниях, на самом деле имеют дискурсивный характер? Мы предполагаем, что их природа заключается в том, что они не могут быть применены в противоположном контексте, не нарушив внутреннюю логику этого дискурса. В то время как за пределами дискурса высказывания воспринимаются как обычные и вполне адекватные. Чтобы проиллюстрировать это, рассмотрим примеры (1) и (1а).

(1) *Пожалуйста, выключи лампочку (закрой окно, возьми книгу).*

(1a) *Не выключай лампочку (не открывай окно, не бери книгу).*

Примеры (1) и (1a) показывают, что говорящий может спокойно использовать как утвердительные, так и их отрицательные формы. Эти фразы воспринимаются как логичные, потому что их использование не связано с какими-либо внешними идеологическими рамками, что делает их естественными в любом контексте.

Второй пример демонстрируется предложениям (2) и (2a), где высказывания подчинены идеологии русофобии.

(2) *The Kremlin's forces will try to make further advances in the weeks ahead, and try to carve out a buffer zone along the Ukrainian border.* – *Силы Кремля будут пытаться продвинуться дальше в ближайшие недели и пытаться вырезать буферную зону вдоль украинской границы.*

(2a) *The Kremlin's forces will not try to make further advances in the weeks ahead, and try to carve out a buffer zone along the Ukrainian border.* – *Силы Кремля не будут пытаться продвинуться дальше в ближайшие недели и пытаться вырезать буферную зону вдоль украинской границы.*

Очевидно, что смысл (2a) представляет собой результат концептуализации действительности, диаметрально противоположной той, что выражена в (2). Следовательно, (2a) с отрицанием не может быть применено в рамках этого дискурса.

На данный момент нам не удалось найти примеров, которые могли бы опровергнуть гипотезу о том, что дискурсность может проявляться через

механизм отрицания. Дополнительным подтверждением этой идеи являются исследования, трактующие отрицание как категорию с асимметричной семантикой, в которой учитываются ограничения, накладываемые внешним контекстом, выходящим за рамки языка [7].

Таким образом, можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, высказывания, направленные против России, безусловно имеют дискурсный характер, что означает их подчинённость единой идеологии русофобии. Это не просто отдельные случаи, а элементы более широкой системы, где каждое высказывание является частью целостной идеологической конструкции. Во-вторых, русофобия должна рассматриваться как особый тип дискурса, в рамках которого язык используется как инструмент для выражения и распространения ненависти к России и её народу. Это даёт возможность рассматривать русофобские высказывания не как случайные инциденты, а как результат целенаправленного воздействия на общественное мнение через слово. Мы убеждены, что данное определение русофобии является весьма функциональным, так как оно не только позволяет более чётко классифицировать высказывания, но и помогает систематизировать и выявить языковые маркеры русофобии, включая как лексические, так и грамматические особенности, которые служат основой для формирования и закрепления негативных образов о России и её гражданах.

Список литературы

1. Алексеева, Т. А. Современные политические теории / Т. А. Алексеева. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 479 с.

2. Ильин, И. А. О расчленителях России / И. А. Ильин // О грядущей России. Русофобия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ruxpert.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

3. Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Академический проект, 2007. – 380 с.

4. Петухов, Ю. Д. История древних руссов / Ю. Д. Петухов. – М. : Вече, 2009. – 464 с.

5. Никитин, В. С. Русофобия: суть и методы сдерживания / В. С. Никитин. – Псков, 2017. – 92 с.

6. Рябова, М. Ю. Русофобия как коммуникативная стратегия / М. Ю. Рябова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 11. – С. 3615–1620. – DOI: 10.30853/phil20220601.

7. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью/ Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

8. Савельев, А. Н. Что стоит за концепцией столкновения цивилизаций / А. Н. Савельев // Континент Россия. – 1997. – № 10.

9. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов, [Электронный ресурс] – Режим доступа : [http:// philologos. narod.ru/ling/stepanov.htm](http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm) (дата обращения: 08.04.2025).

10. Тютчев, Ф. И. А. Ф. Аксаковой. 20 сентября 1867 г. Петербург. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://ftutchev.ru/pisma0383.html> (дата обращения: 15.03.2025).

11. Urban Dictionary. [Электронный ресурс] – режим доступа:

<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Russophobia>
(дата обращения: 10.03.2025).

Maliavin Sergei Gennadievich,
postgraduate student of the Russian philology and
journalism department
Yelets State Ivan Bunin University
malyavin.sergey@mail.ru

Russophobic discourse: language and ideology

The article examines the question of whether Russophobic texts can be classified as an independent discourse. An attempt is made to show that if a linguistic expression has a discursive character, it cannot be used in the opposite context within the same discourse, since it loses its original semantic focus. The material for analysis was collected from texts of English-language media, as well as from the British National Corpus. The study identified key factors contributing to the formation of Russophobic rhetoric in the English-language media space. In addition, the systematicity and historical determinacy of this discourse were confirmed, which allows us to consider it as a holistic phenomenon. It is shown that the proposed approach allows not only to identify the ideological component of the semantics of statements, but also to classify texts based on their conceptual content. For this purpose, not only lexical but also grammatical means are used, which makes the approach universal and effective.

Keywords: russophobia, discourse, russophobic discourse, discursivity, ideology.

Сабова Анна Дмитриевна,
соискатель кафедры литературной критики,
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
annas89@mail.ru

**Участие медиа в дискуссии об исторической памяти
в контексте последствий колониальной политики
Франции в Африке
(на материале франкоязычных статей)**

В статье рассматривается доклад Бенжамена Стора об исторической памяти в связи с колонизацией и Алжирской войной, а также его влияние на повестку современных французских медиа. Обращенный напрямую к президенту Франции, доклад зафиксировал противоречия, порожденные Алжирской войной и сохраняющиеся во французском обществе до сих пор. Показано участие медиа в дискуссии о влиянии наследия колониализма на отношения Франции и Африканского континента.

Ключевые слова: Франция, Африка, Алжирская война, колониализм, историческая память

Французские медиа уделяют особое внимание дискуссии об исторической памяти в контексте отношений Франции и Африки начиная с 2020-х годов. Возросший интерес к проблемам колониального наследия, оказывающим непосредственное влияние на современные франко-африканские отношения, подтверждается решением французских властей

привлечь представителей академического мира к осмыслению проблем постколониальной повестки. Так, французский историк Бенжамен Стора опубликовал 20 января 2021 года доклад «Вопросы памяти, относящиеся к колонизации и Алжирской войне», в котором предложил возможные способы преодоления негативных последствий колониального наследия. Этот шаг стал наиболее масштабной попыткой Пятой республики определить самые уязвимые стороны отношений между Францией и Алжиром для дальнейшего преодоления накопившихся противоречий на практике. Немаловажно отметить, что этот доклад был адресован непосредственно президенту Эмманюэлю Макрону.

Проблема осмысления наследия колониальной эпохи остается для Франции настолько актуальной, что публикация доклада Б. Стора вызвала широкий отклик не только в политических и академических кругах, но и в медиа. Цель данной статьи заключается в том, чтобы на материале публикаций таких изданий, как «LeFigaro», «L'Opinion», «L'Express», «LeNouvelObservateur», «LaCroix», выявить связи между ними и вопросами, затронутыми Б. Стора. Также в статье предпринята попытка при помощи метода сравнительного анализа выявить в публикациях французских медиа попытки продолжить начатое Б. Стора осмысление последствий колониального наследия в отношениях Франции и стран Африки.

Несмотря на то, что история колониального прошлого Франции в Африке, а также связанных с ним конфликтов достаточно хорошо освещена в работах отечественных исследователей, попытки преодоления наследия конфликтов на почве колониализма и его

осмысления в современных медиа Франции представляются гораздо менее изученными. Нам удалось найти только одно исследование, посвященное докладу Б. Стора: в статье В. А. Кузнецов и А. И. Василенко [1] детально анализируют сам доклад, не затрагивая реакцию на него. Таким образом, определив основные тематические направления, в которых современные медиа Франции анализируют наследие колониальной эпохи с 2022 по 2025 год, мы рассмотрим период, в который французские медиа напрямую обращаются к проблемам колониального прошлого и постколониального настоящего на фоне ослабления позиций страны на Африканском континенте.

Проблема осмысления наследия колониальной эпохи представляется для Франции особенно актуальной на примере отношений с Алжиром. В своем докладе Б. Стора подчеркивает, что произошедшую в 1954–1962 годах на севере Африки войну нельзя причислять к событиям из разряда маргинальных, – она «занимает центральное место в истории [Франции], но до сих пор не воспринимается как таковое... [и] замалчивается» [2]. Это связано с тем, что проблема преодоления противоречий, порожденных колониальной эпохой, не ограничивается сферой международной политики, а выходит далеко за ее пределы, становясь внутренней проблемой французского общества, этот исторический период кардинально противоположно оценивают обе стороны. Если Франция воспринимает эту войну как гражданскую, поскольку, с точки зрения метрополии, она имела место в трех французских департаментах (Алжир, Константина, Оран), то Алжир видит в ней полноценную революцию, которая «до сих пор отмечается как акт основания нации, восстановившей свои права

суверенитета посредством “освободительной войны”» [3, с. 8]. Отражение этой мысли можно найти в публикации «LeFigaro» от 26 августа 2022 года: ее автор попытался зафиксировать реакцию местного населения на приезд Э. Макрона в алжирскую столицу для встречи с президентом Абдельмадждидом Теббуном. Журналист замечает, что в Алжире «о визите французского президента говорят с недоверием, в словах прохожих угадываются фатализм и недоверие» [4]. В статье приводятся слова продавца табака по имени Фахим, который возмущается тем, что Э. Макрон усомнился «в том, что [алжирская] нация вообще существовала до 1830 года, и такое уж точно нельзя прощать!»; также журналист цитирует 64-летнюю хозяйку газетного киоска на территории крепости Касба: “Если Макрон хочет, чтобы мы продавали ему газ, пусть сначала признает ответственность Франции за преступления, совершенные по отношению к народу Алжира 60 лет назад» [4].

Во французских медиа заметно варьируется дистанция, с которой освещаются франко-алжирские отношения. В другой статье о визите Э. Макрона «LeFigaro» предприняла попытку встроить его в хронологию поездок в североафриканское государство лидеров Пятой республики [5]. Подхватывая идею Б. Стора о нереализованном франко-алжирском учебнике истории (примечание 1) и одновременно споря с тезисом о заведомо нереализуемом характере этого проекта, газета выстраивает хронологию встреч лидеров двух стран с последнего года «славного тридцатилетия» (1946–1975). Проследивая хронологию государственных визитов от Валери Жискар д’Эстена (первого французского лидера в независимом Алжире) до Франсуа

Олланда, в период президентского мандата которого надежды североафриканского государства на улучшение отношений с Францией «рухнули», газета «LeFigaro» отмечает, что Э. Макрон полностью вписывается в логику действий своего предшественника: «...хотя во время первого президентского мандата он и назвал колонизацию “преступлением против человечества”, впоследствии его риторика в отношении Алжира неоднократно менялась» [5].

После публикации доклада Б. Стора нередко выступал в медиа. Одно из наиболее развернутых интервью историк дал актеру Тьерри Лермитту для газеты «L'Express», в котором обратился к таким последствиям Алжирской войны, как миграционный кризис. Он напрямую обвинил французские власти, которые «оставили погибать в Алжире» десятки тысяч харки и при этом разрешили более миллиону алжирских рабочих прибыть во Францию с 1962 по 1974 год. Описывая завершение Алжирской войны как «конец света», Б. Стора обращает внимание на сам факт перемещения огромных человеческих масс, которое было проигнорировано по причине разделяемой всеми эйфории «славного тридцатилетия»: «Культура “йейе” (примечание 2) была на подъеме, и французское общество настроилось раз и навсегда перевернуть эту страницу своей истории и больше не оглядываться на юг» [6]. Крайне важно, что аналитический подход историка в случае Стора накладывается на восприятие очевидца. Говоря об Алжире, он излагает события, затронувшие его собственную семью и его лично: «За несколько месяцев в метрополию прибыли 600 000 черноногих, в том числе я и мои родители, при этом мы чувствовали себя отвергнутыми французским

обществом». По словам историка, из 400 000 солдат, на тот момент остававшихся в Алжире, десятки тысяч успели демобилизоваться, и в итоге всего около миллиона человек пересекли Средиземное море за довольно короткий срок. Как и в докладе, опубликованном на сайте Елисейского дворца, Б. Стора часто говорит от первого лица, подчеркивая укорененность «алжирского вопроса» в самых широких слоях французского общества: «Вслед за Алжирской войной пришел 1968 год. Что тогда занимало все умы? Радость жизни, веселье. <...> Это было общество потребления, прекрасные 1970-е... С какой стати забивать себе голову Алжиром?! Тем более что тогда Францию занимала другая проблема: память о Виши» [6]. В интервью отчетливо проступает индивидуальный стиль историка, пропускающего глобальную проблему через собственное восприятие. Назвав обстановку накануне обретения Алжиром независимости всеобъемлющим хаосом, он заключает, что «де Голль был очень плохо информирован. Независимость надо было подготовить. И как раз в этом заключается весь драматизм этой истории. За три месяца разрешить всё просто невозможно...» [6]

В интервью 2025 года для издания «LeNouvelObservateur» Б. Стора отреагировал на выдворение алжирских и французских дипломатов из обеих стран, отметив ожесточение риторики французских политиков в отношении Алжира. Историк выразил опасение, что все шаги президента республики в отношении исторической памяти могут быть поставлены под вопрос. Обратившись к вопросу об истоках националистических настроений в обеих странах, Б. Стора заметил, что алжирский национализм в

значительной степени основывается на «идее об отделении от колонизатора» в лице Франции: алжирские власти «поощряли распространение речей о противостоянии Франции», при этом во Франции «проблема заключалась не в переизбытке, а в отсутствии знаний» [7]. Именно поэтому, объясняет Б. Стора только сейчас становятся известны подробности кровопролитной войны, которую Франция вела в Алжире в XIX веке.

В своем докладе Б. Стора настаивает на необходимости создать комиссию «памяти и истины», работа которой направлена на увековечивание памяти, связывающей Францию и Алжир, и объединит экспертов из обеих стран. По замыслу историка, в итоге должен быть создан общий франко-алжирский архивный фонд, доступ к которому сможет получить любой желающий. В логику этого предложения вписывается попытка «LeNouvelObservateur» предать огласке малоизвестный исторический эпизод, а именно: действия французских властей в отношении жителей Алжира после беспорядков на манифестациях 8 мая 1945 года. Во время торжеств, связанных с окончанием Второй мировой войны, демонстрация алжирцев переросла в массовое убийство европейцев, за которым последовала «кровавая расправа со стороны французских властей» [9]. Сопоставив число погибших, сообщенное французскими (1165) и алжирскими (от 40 000 до 50 000 погибших) властями, автор называет именно этот исторический эпизод точкой невозврата, после которой отношения Франции и Алжира изменились бесповоротно, а пропасть между алжирцами и французами продолжил разрастаться. Несмотря на то, что война Алжира за независимость началась только 1 ноября 1954 года, у журналиста «нет никаких сомнений в

том, что на самом деле эта война началась девятью годами ранее, когда в Константинополе погиб молодой человек, который размахивал алжирским флагом» [9].

Адресованный напрямую французскому лидеру, доклад Б. Стора обретает особую значимость, однако рассматривать его как отражение официальной позиции французского руководства затруднительно, учитывая ярко выраженную в тексте позицию историка. И все же его призыв осмыслить опыт колониализма и отказаться от убеждения, что все противоречия возможно разрешить «каким-либо окончательным вердиктом» [3, с. 92] нашел отклик в медиа, которые продолжают вскрывать новые пласты вопросов в связи с ослаблением позиций Франции на территории бывших колоний Африканского континента. Так, в ряде публикаций 2022 года отчетливо прослеживается тезис об ослаблении французских позиций на Африканском континенте. Находя отражение преимущественно в аналитических статьях и авторских комментариях, он заставляет фиксировать сложное положение Франции в целом ряде африканских регионов: колумнист «L'Opinion» отмечает, что «ничего не продвигается» в отношениях с Тунисом, ослабли связи с Марокко с тех пор, как королевство «сделало ставку на союз с США и Израилем» [10], заметно ослабли связи Франции со странами Африки к югу от Сахары, которую журналист характеризует как историческую сферу влияния французской политики; утрачивается поддержка таких традиционных партнеров Франции, как Сенегал, Буркина-Фасо и Нигер, снижается экономическое влияние Франции на континенте, которая в этом отношении уступила свои позиции Китаю. Более критические интонации прослеживаются в опубликованной месяц спустя статье газеты «LeFigaro»,

комментировавшей вывод французских войск из Мали, «которых девять лет назад встречали в Мали как “спасителей” перед лицом джихадистских группировок, угрожавших Бамако, <...> покинули страну в атмосфере открытой неприязни со стороны правящих полковников и растущей враждебности местного населения» [11].

Комментируя визит Э. Макрона в Габон в 2023 году, «LeFigaro» отмечает, что главу государства настигли вопросы о французской Африке, хотя он собирался говорить исключительно о спасении лесов Габона и сохранении биоразнообразия: «От вопросов о французской Африке ему избавиться так же сложно, как от грязи, приставшей к прогулочным ботинкам» [12]. В авторской колонке, посвященной визиту французского президента в Габон, критика звучит более резко: колумнист настаивает на том, что «в 2023 году французской политики в Африке в принципе больше нет, Франция потеряла Африку», а сама операция «Бархан» в регионе Сахеля «овернулась крупным политическим, стратегическим и моральным провалом» [13].

В своем докладе Б. Стора затронул и ряд нерешенных вопросов между Францией и Алжиром в сфере культуры, а именно: подчеркнул необходимость вернуться к планам создать музей Франции и Алжира в Монпелье, а также принять решение насчет дальнейшей судьбы знаменитого орудия, принятого называть в Алжире «Баба Мерзуг», а во Франции – «консульская пушка (примечание 3). В последние годы французские медиа все чаще обращаются к судьбе предметов культурного наследия африканских стран, которые хранятся в музеях Франции. Медиа прибегают к приемам репортажного повествования, чтобы передать эмоции публики при виде возвращенных на Африканский

континент произведений. Так, «LeFigaro» начинает с описания реакции зрителей репортаж об открытии выставки 20 февраля 2022 года в Котону, где были представлены 26 произведений, возвращенных Францией. Описывая группу студентов и родителей, приведших на открытие выставки детей, которые «почтительно выстроились полукругом перед троном», не решаясь приблизиться, автор добавляет реплику организатора: «Не бойтесь, это же ваше наследие!» [14]. Отобранные журналистом комментарии очевидцев выдержаны в единой, критической тональности по отношению к колониальной эпохе: «У нас не было книг, но у нас были эти произведения, и именно они рассказывали [нам] нашу историю, пока их у нас не отобрали» [14], – приводятся в статье слова Косм Уэгб Ло Беанзена, правнука короля Беанзена. Особое внимание обращает на себя статья «LaCroix» о выставке «Миссия Дакар – Джибути (1931–1933). Контрисследование» в Музее набережной Бранли, пролившей свет на первую крупную французскую этнографическую экспедицию почти столетней давности, которая вывезла из 14 стран Африки несколько тысяч произведений. Публикация выделяется подробным описанием вывезенных французской экспедицией экспонатов (малийский «“боли”»: миниатюрное животное, стоящее на четырех лапах, округлой формы, полностью черное, без малейших вкраплений цвета», «написанная яркими красками картина из [эфиопской] церкви», «нож из камерунского Мора, лезвие которого напоминает извивающуюся змею, или изящный трон, вырезанный из хлопкового дерева, выросшего в бенинском Порто-Ново»; отдельно обращается внимание на провенанс: «Происхождение неизвестно», – уточняют этикетки под

экспонатами» [15]). Применение выразительных средств и стилистики, свойственной жанру репортажа, позволяет французским медиа обратить внимание на актуальность вопроса о реституции культурных ценностей, вывезенных с Африканского континента в колониальную эпоху.

Осмысление противоречий, порожденных эпохой колониализма, остается одной из центральных тем для современных медиа Франции. Публикация доклада Б. Стора в 2021 году позволила снова обратиться к ряду болезненных вопросов, связанных с историей отношений Франции и Африки, а также привлечь к ним внимание общественности и медиа. Чаще всего медиа поднимают такие темы, как проблемы сохранения исторической памяти об эпохе колонизации и отдельных ее эпизодах, распространение или сокращение влияния Франции на территории бывших колоний, судьба вывезенного культурного наследия из африканских стран. Стиль, в котором упомянутый исследователь обратился к вопросам колониального прошлого, в некотором смысле задал ориентир и для медиа: доклад, выразивший не официальную позицию французских властей, но частное мнение авторитетного историка, подтолкнул и журналистов к выбору более жесткой риторики и резкой интонации при изображении последствий до сих пор неразрешенных противоречий колониального наследия.

Примечания

1. В докладе Б. Стора признает: «Сложно представить себе разработку такого франко-алжирского школьного учебника, каким когда-то задумывался франко-немецкий учебник, ведь каждая сторона сфабриковала особое сознание, пропитанное мощным

националистическим духом. <...> Однажды историкам обеих стран удастся выстроить общее повествование, основанное на едином подходе, но гораздо сложнее будет справиться с этой задачей государствам, выстраивающим национальные нарративы» [3, с. 25–26].

2. Стил в поп-музыке 1960-х, сложившийся во Франции и распространившийся на другие европейские страны.

3. Вывезенная из Алжира во Францию в 1830-е годы, пушка весом 12 тонн до сих пор установлена на центральной площади Бреста. Алжирская сторона неоднократно обращалась к Франции с просьбой о возвращении культурного наследия.

Список литературы

1. Кузнецов, В. А. Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро-французских отношениях в начале 2020-х годов / В. А. Кузнецов, А. Н. Василенко // Международная аналитика. – 2023. – Вып. 14 (2). – С. 73–96. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/chitaya-medlenno-stora-problemy-istoricheskoy-pamyati-v-alzhiro-frantsuzskikh-otnosheniyakh-v-nachal/?sphrase_id=109895032 (дата обращения: 15.06.2025).

2. Стора, Б. Лекция «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» 22 декабря 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://youtu.be/dQODGXcJ2_s (дата обращения: 15.06.2025).

3. Stora, B. Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie. Paris, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/09/0586b6b0ef1c2fc2540589c6d56a1ae63a65d97c.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

4. Louis, C. À Alger, Emmanuel Macron tente de renouer avec « un pays essentiel » // Le Figaro. – 26.08.2022.

5. Maillot, H. Sous la Ve République, les relations houleuses entre la France et l'Algérie // Le Figaro. – 27.08.2022.

6. Thierry Lhermitte – Benjamin Stora : « L'Algérie, l'immigration et de Gaulle » [Электронный ресурс] // L'Express – 08.08.2024. Режим доступа : <https://www.lexpress.fr/idees-et-debats/algerie-immigration-de-gaulle-macron-letonnante-rencontre-entre-thierry-lhermitte-et-lhistorien-L3OICLYTDZHPJJH4HEUDLJ2NCQ/> (дата обращения: 15.06.2025).

7. Burel, L. France – Algérie « Retailleau est à l'opposé de De Gaulle ». Entretien avec l'historien Benjamin Stora [Электронный ресурс] // Le Nouvel Observateur. – 23.04.2025. Режим доступа : <https://www.nouvelobs.com/politique/20250423.OBS103125/france-algerie-retailleau-obeit-a-des-calculs-politiques-du-moment-selon-benjamin-stora.html> (дата обращения: 15.06.2025).

8. France-Algérie : les 22 recommandations du rapport Stora [Электронный ресурс] // Le Monde. – 20.01.2021. – Режим доступа: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/01/20/france-algerie-les-22-recommandations-du-rapport-stora_6066931_3212.html (дата обращения: 15.06.2025).

9. Funès, N. Les premiers morts de la guerre d'Algérie [Электронный ресурс] // Le Nouvel Observateur. – 01.05.2025. – Режим доступа:

<https://www.nouvelobs.com/histoire/20250508.OBS103678/8-mai-1945-les-premiers-morts-de-la-guerre-d-algerie.html>
(дата обращения: 15.06.2025).

10. El Karoui, H. La France est plus isolée que jamais sur le continent [Электронный ресурс] // L'Opinion. – 25.07.2022. Режим

доступа: <https://www.lopinion.fr/international/la-france-est-plus-isolee-que-jamais-en-afrique-la-chronique-dhakim-el-karoui>
(дата обращения: 15.06.2025).

11. Barotte, N. Les derniers soldats français de l'opération Barkhane ont quitté le Mali [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 16.08.2025. – Режим доступа : <https://www.lefigaro.fr/international/operation-barkhane-les-derniers-militaires-francais-ont-quitte-le-mali-annonce-l-etat-major-20220815> (дата обращения: 15.06.2025).

12. Bourmaud, F.-X. Au Gabon, Macron proclame la fin de la Françafrique // Le Figaro. – 03.03.2023.

13. La chronique de Nicolas Baverez // Le Figaro. – 06.03.2023.

14. «N'ayez pas peur, c'est votre patrimoine»: les Béninois face aux trésors du Dahomey» [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 08.04.2022. – Режим доступа : <https://www.lefigaro.fr/culture/n-ayez-pas-peur-c-est-votre-patrimoine-les-beninois-face-aux-tresors-du-dahomey-20220220> (дата обращения: 15.06.2025).

15. Meunier, M. Le Quai-Branly passe au crible ses collections africaines [Электронный ресурс] // La Croix. – 02.06.2025. Режим доступа : <https://www.la-croix.com/culture/exposition-au-musee-du-quai-branly-une-contre-enquete-sur-la-mission-dakar-djibouti-20250531> (дата обращения: 15.06.2025).

Sabova Anna Dmitrievna,
applicant of the Department of Literary Criticism
Russian State University of Humanities
annas89@mail.ru

The article examines the report submitted by Benjamin Stora to the French President Emmanuel Macron. The report about historical memory considering colonization and the Algerian War had an impact on French media, one of its basic objectives is to capture fundamental contradictions generated by the war and still disrupting French society. The article shows participation of French media in discussion about relations between France and Africa.

Keywords: France, Africa, Algerian War, colonialism, historical memory.

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

УДК 070: 378:811

Ахмыловская Лариса Алексеевна,
канд. искусствоведения, доцент,
почётный профессор
Российской академии естествознания,
г. Москва, Россия
lanaveva@rumbler.ru

Военная журналистика в кругу профессионально-ориентированного чтения на изучаемом иностранном языке

В статье рассматриваются источники, которые могут быть рекомендованы для самостоятельного анализа в процессе профессионально-ориентированного изучения иностранного языка студентами высших учебных заведений. Представленные книги и фильмы знакомят с жизнью и деятельностью военных журналистов разных стран — участников мировых войн и локальных вооруженных конфликтов; способствуют развитию рефлексии и критического мышления, будут интересны студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных вузов, начинающим корреспондентам.

Ключевые слова: журналистика, медиа, фотография, визуальная культура, международные отношения, профессиональная этика, иностранный язык.

Введение

В изучении и освещении военных конфликтов, операций, событий и разработок в военной сфере заняты представители многих профессий, чья деятельность составляет историю мировой военной журналистики. Это военные аналитики и военные историки, специалисты по стратегическим исследованиям и военным технологиям, фоторепортёры, военные кинооператоры и документалисты, комментаторы и блогеры.

Работа корреспондентов, находящихся непосредственно в зонах боевых действий, требует специальной подготовки и связана с особенно высокими рисками. Об этом рассказывают книги и фильмы, созданные военными корреспондентами разных стран, непосредственными свидетелями и участниками боевых действий.

Цель данной статьи – представить англоязычные источники, связанные с военной журналистикой, которые могут быть рекомендованы для чтения в гуманитарных вузах.

В *задачи* работы входит изучение литературы, исследующей:

- историю военной журналистики;
- фото, видео и кинодокументы отражающие военные события;
- статьи, очерки, романы военных репортёров разных стран, принимавших участие в мировых войнах и локальных вооруженных конфликтах;
- произведения визуальных искусств, воплотившие образы военных журналистов.

Истории военной журналистики посвящены труды таких российских и зарубежных авторов, как А. Аборнов, П. Аптекарь, Д. Белл, С. Б. Белогулов, А. Блац,

Г. Ф. Вороненкова, Н. А. Громов, Р. В. Гусаров, И. А. Дзялошинский, Р. Зульцман, М. Н. Ким, К. Кузьминский, Г. В. Лазутина, У. Липпман, А. В. Лихоманов, Д. Маквейл, Б. Мейо, Дж. Мерилл, Л. А. Молчанов, В. Ф. Олешко, М. М. Погорелый, У. Ростоу, Р. Рьюени, Л. Н. Саламон, И. А. Сафранчук, П. М. Федченко, Ф. Фельдер, У. Фрамм, А. А. Шерель, Г. Шиллер, Д. В. Эйдук, О. А. Яковлев. Особенно актуальными для нашего исследования были работы М. П. Сентено Мартина, К. Уильямса, С. Аллана, Т. Оллбесона, Б. Зелизер, Д. Коэн, Д. ди Джованни, Д. Бурк, Р. Шона, К. Форси, М. С. Суини, Н. Тофт Рулсгаард, Э. Бивор, Л. Виноградовой, Б-Д. Йемини.

Материалом для нашего исследования стали произведения Марты Геллхорн, Ким Баркер, Дита Прана и других военных корреспондентов. Ведущим методом в процессе написания статьи стал *метод обзора*, включающий анализ и синтез данных выбранных исследований.

Обсуждение

Истории конфликта в Азии в 1931–1945 гг. посвящена работа испанского учёного Маркоса Пабло Сентено Мартина. Объект изучения автора – японская индустрия кинохроники, отрасль, которая занимаясь производством и сохранением оперативной киноинформации об актуальных событиях и фактах, в то время переживала необычайный рост, вызванный задачами пропаганды и инцидентами в Китае в 1930-е гг. Этот процесс особенно усилился начале 1940-х гг., когда все новостные фильмы были объединены в единой программе Ниппон Ньюз (NipponNews). Посетители европейских, в частности, испанских кинотеатров видели Азию такой, какой она была в японской кинохронике, что

продолжалось, по крайней мере, до завершения Тихоокеанской войны (в России принято название «Тихоокеанский театр военных действий Второй мировой войны»). Исследователь анализирует влияние, которое японская индустрия кинохроники оказала на Европу, прослеживает процесс распространения информации, описывает восприятие событий в Азии европейскими зрителями [5].

Книга «Новая история военных репортажей», с тематически организованным и исторически насыщенным введением, предназначена, прежде всего, студентам факультетов журналистики, медиа и коммуникаций.

Автор издания, Кевин Уильямс, анализирует новые технологии, новые способы ведения войны и новые условия работы СМИ, рассказывает о том, как в 2020-е гг. меняется роль и работа военного корреспондента. Повествование сосредоточено на таких темах как специфика военных репортажей, логистика и её влияние на корреспондентов. Книга подробно исследует роль военной пропаганды, значение аккредитации и управления новостями. В работе рассматриваются забытые имена и факты; с точки зрения истории военных репортажей переоцениваются такие события, как Крымская война (1854–56) и Первая мировая война (1914–18). К. Уильямс размышляет о критериях оценки работы военных корреспондентов и объективности изложения информации; описывает войну, как сложную ситуацию, которая ставит репортеров и фотографов в условия, бросающие вызов нормам профессиональной практики; приводит рассуждения о статусе военного корреспондента и развитии военной журналистики как специализации со времён британца

Уильяма Говарда Рассела (1820–1907), одного из первых профессиональных военных корреспондентов, который около двух лет как репортёр газеты The Times информировал о событиях Крымской войны. «Новая история военных репортажей» передаёт особую природу военного репортажа как поджанра журналистики, подчеркивает, что работу военного корреспондента в равной степени характеризуют как преемственность, так и инновации [13].

В отличие от исследований, сосредоточенных на развитии профессии военного корреспондента, книга «Противоречивые изображения. Истории военной фотографии в новостях» фокусируется на вкладе фотографов и фотожурналистов, даёт оценку военной фотографии, анализирует её функции в новостях на протяжении всей её истории с XIX в. по XXI в. Стюарт Аллан и Том Оллбесон, критически оценивают жанры военной фотографии в широком историческом контексте, описывая события от Крымской войны (1853–56) и Гражданской войны в Соединенных Штатах (1861–65) до конфликтов, разворачивающихся в наши дни. Авторы размышляют об отражении в визуальном репортаже различных типов войны, от колониальных завоеваний, траншейных войн и воздушных бомбардировок до идеологических измерений холодной войны, «завоевания сердец и умов» во время «войн с террором» и после них. На многих примерах авторы рассматривают меняющуюся динамику производства информации, её распространения и общественного восприятия. Книга призвана объяснить читателям – исследователям и будущим профессионалам – как важно в цифровую эпоху переосмысливать функции военной фотографии, анализируя всю историю её постепенной и неравномерной трансформации на

протяжении многих лет. Авторы работы стремятся активизировать современные исследования и вдохновить на новые, альтернативные подходы в будущей профессиональной практике [1].

В книге «Репортажи о войне», написанной Стюартом Алланом в соавторстве с Барбарой Зелизер исследуются функции журналиста во время военного конфликта на примере событий в Ираке. Особое внимание уделяется практическим нововведениям и способам формирования визуальной культуры военного репортажа. Обсуждаются такие вопросы, как влияние цензуры и пропаганды, новости о противоборствующих сторонах, доступ к источникам, круглосуточное освящение событий, военный жаргон (*дружественный огонь, сопутствующий ущерб* и т. д.), объективность и патриотизм, будущее журналистики [2].

Целого ряда литературных премий и наград удостоена книга «Последний звонок в отеле “Империял”» (*Last Call at the Hotel Imperial*), повествующая о группе известных репортёров, деятельность которых в преддверии Второй мировой войны дала новый импульс к развитию современной журналистики. Это история Джона Гюнтера, Хьюберта Ренфро Никербокера, Винсента Шиана и Дороти Томпсон, которые начинали свою деятельность в 1920-е гг. и брали эксклюзивные интервью у А. Гитлера, Б. Муссолини, Д. Неру и М. Ганди. Наряду с закулисными событиями в коридорах власти их статьи и репортажи отразили откровенный критический самоанализ, споры о любви, войне и смерти. Последовательно погружаясь в мировые кризисы эпохи, они уже не отделяли себя от происходившего. Вместе с профессиональными работами в их творчестве появлялись глубоко личные истории: рассказ о болезни и

смерти ребёнка «Смертью не гордись» (прибыль от которой пошла на исследования детского рака), хроника супружеских отношений «Дороти и Ред» и т. д. Книга Деборы Коэн передает непосредственное сиюминутное ощущение потрясений XX в. [6].

В книге «Зримое безумие» отражены события 1990-х гг., которые военный репортёр Джанин ди Джованни провела, наблюдая и освещая события на Балканах изнутри городов, деревень, лагерей беженцев и прифронтовых лазаретов. Это был военный конфликт, который поднял сложные вопросы, и в наши дни требующие ответа:

- что заставляет соседей, на протяжении веков живших мирно, теперь обращаться друг с другом так бессмысленно жестоко?

- как измеряется разница между храбростью и трусостью в противостоянии, которое с моральной точки зрения не поддаётся определению?

- что происходит с выжившими, когда разрушается структура векового сообщества?

Ди Джованни фокусирует внимание на повседневной реальности войны: дети, умирающие от нехватки лекарств, женщины, доведенные до безумия после пережитого в военных лагерях; солдаты, для которых эмоциональное выгорание, потеря эмпатии, жестокость превращаются в обыденность. Воссоздавая суровую картину воюющих Балкан, военный журналист Джанин ди Джованни, показывает истинную, ежедневную человеческую цену войны [7].

Голосом своего поколения называли Марту Геллхорн. Её деятельность, как военного корреспондента в течение почти пятидесяти лет сделала её ведущим, опытным профессионалом. Её первые репортажи

появились во время гражданской войны в Испании в 1937 г. до и продолжались в период войн в Центральной Америке в середине 1980-х. Откровенные и правдивые тексты М. Геллхорн отражали её глубокое сочувствие к людям, независимо от их политических взглядов. Она писала очень быстро, боясь, забыть «точный звук, запах, слова, жесты, которые были особенными для этого момента и этого места». На Яве, в Финляндии, на Ближнем Востоке, во Вьетнаме, её отличал тот же энергичный подход. Собрав лучшие статьи Марты Геллхорн о военных конфликтах, Лорен Элкин сопроводила их вдумчивым предисловием. Так появилась блестящая антивоенная книга «Лицо войны», которая, без преувеличения, является классикой военной журналистики [8].

О жизни и профессии военного журналиста рассказывает ещё одна книга Марты Геллхорн, в которой, по её определению, описаны её «лучшие ужасные путешествия». Добавим, что автор обладает незаурядным писательским талантом и ярким чувством юмора. Здесь читатель найдёт описания охваченного войной Китая и встреч военных журналистов с супругами Чан Кайши; поисков подводных лодок в Карибском море и пребывания в Советском Союзе [9].

Во времена кризиса все мы ждём от художников правды и сохранения памяти. Джоанна Бурк в книге «Война и искусство: Визуальная история современного конфликта» представляет всеобъемлющую визуальную, культурную и историческую картину войны – самого масштабного кризиса, как его видят художники. Отражая военную историю последних двух столетий, от Крымской войны до наших дней, книга показывает, как трансформируется художественное воплощение темы

войны, как изображения празднования побед и героических подвигов сменяют тревожные и суровые картины войны и ее последствий. Книга исследует общие закономерности и конкретные темы батального жанра и содержит более 400 цветных иллюстраций художников разных направлений, включая Пола Нэша, Джуди Чикаго, Пабло Пикассо, Мелани Френд, Марка Шагала, Фрэнсиса Бэкона, Кете Кольвиц, Йозефа Бойса, Ива Кляйна, Роберта Раушенберга, Дору Меесон, Отто Дикса и других. В собрании также представлены детские рисунки и работы военнопленных. Широкий спектр тем, связанных с боями на фронте и жизнью в тылу, отражён в картинах, офортах, фотографиях, фильмах, цифровом искусстве, комиксах и граффити [4].

Научно-популярная книга «Военные корреспонденты» Роба Шона и художника-графика Криса Форси подробно изучает деятельность трёх военных журналистов, чей труд, талант и упорство в освещении фронтовых новостей сделали их героями. Книга рассказывает об осознанном выборе профессии, о стремлении молодых людей посвятить себя освещению локальных и международных военных конфликтов [11]. Проблемам русско-японской войны 1904–05 гг., которую иногда называют нулевой мировой войной, а также её журналистскому освещению посвящена книга Майкла С. Суини и Наташи Тофт Рулсгаард. Авторы интересуются применяемая в то время методика работы с корреспонденцией, способы формирования и презентации новостей, которые способствовали развитию современной журналистики [12]. Бен-Дрор Йемини в работе «Индустрия лжи: СМИ, академические круги и израильско-арабский конфликт» ставит вопросы о журналистской и научной этике, формировании

истинных и ложных представлений об исторических, политических и военных событиях [14].

Профессиональные и личные истории военных журналистов, их воспоминания легли в основу киносценариев и стали сюжетами фильмов, которые являются участниками многих международных фестивалей. С 2003 г. фестиваль военного кино проводится в России. Подобные фестивали есть в Норвегии, Франции, США. В списке тем, интересующих организаторов этих и других международных кинофорумов история военной журналистики, её профессиональная специфика и моральные сложности в освещении войны. К этому направлению относятся фильмы: «Поля смерти» (TheKillingFields, 1984), «Ничья земля» (NoMan'sLand, 2001), «Виски Танго Фокстрот» (WhiskeyTangoFoxtrot, 2015), «Частная война» (APrivateWar, 2018) и др.

Жанр фильмов о военкорах сочетает в себе элементы драмы, экшена и саспенса. Они погружают зрителя в напряжённую атмосферу создания военных репортажей, демонстрируют смелость и самоотверженность корреспондентов, работающих в опасной обстановке. В этих психологически глубоких и динамичных киносрезах военной реальности исследуются практические проблемы и этические дилеммы, с которыми сталкиваются военные журналисты, рассматриваются моменты пересечения журналистики и военной науки, изучается влияние деятельности военкоров как на них самих, так и на широкую общественность.

В исторической военной драме «Поля смерти» режиссера Ролана Жоффе показана реальная история корреспондента NewYorkTimes Сидни Шанберга и его

камбоджийского коллеги и переводчика Дита Прана, которые мужественно проходят сквозь сложнейшие испытания в период режима красных кхмеров (неофициальное название радикального крыла коммунистического движения в Камбодже возникшего в 1968 г.). Об этом времени рассказывает книга Дита Прана «Дети полей смерти Камбоджи: воспоминания выживших» В издании собраны истории камбоджийцев, которые в 1975–79 гг. были детьми. Их разлучали с родителями, подвергали психологическому и физическому насилию, казнили пленников у них на глазах. Вопреки обстоятельствам, с беспощадной правдивостью описанным в книге военного журналиста Дита Прана, эти, тогда маленькие, но сильные духом люди смогли выжить, вырасти, найти своё место в жизни [10].

Драматичный и полный парадоксального юмора фильм Гленна Фикарра и Джона Рекуа «Виски Танго Фокстрот» основан на мемуарах военкора Ким Баркер «Перетасовка талибов: странные дни в Афганистане и Пакистане», где она рассказывает о своем опыте освещения войны [3]. Биографическая драма «Частная война», поставленная Мэттом Хейнеманом, повествует о жизни и преданности профессии журналистки Мари Колвин, которая ведёт репортажи из зон военных конфликтов. Размытые границы между наблюдением конфликта и участием в нём показывает фильм «Ничья земля» режиссёра Обеда Рускина, повествующий о войне в Боснии и британском журналисте, втянутом в военные события. Киноработы в этом жанре – напоминание о важной роли, которую военные журналисты играют в формировании нашего понимания происходящего, об их усилиях и жертвах, направленных на то, чтобы

подлинные истории войн были услышаны. Самостоятельный или групповой просмотр фильмов, посвящённых деятельности военкоров (на родном или изучаемом языке) и независимый анализ текстов о деятельности военных журналистов могут предшествовать учебным ролевым играм – дискуссиям, конференциям, семинарам под условными названиями «Военные журналисты крупным планом», «В объективе военные журналисты» (War journalists' close-up, Warjournalistsinfocusetc). Лексико-грамматические практикумы, разрабатываемые для творческих образовательных проектов в контексте изучения иностранного языка, были представлены нами ранее во многих публикациях (<http://journal.asu.ru/vfp/article/view/10334>).

Заключение

Процесс изучения новейших публикаций, посвящённых деятельности военных журналистов, позволил ознакомиться с литературой, исследующей:

- историю военной журналистики;
- произведения визуальных искусств, воплотившие образы военных журналистов, атмосферу и условия их деятельности;
- примеры экранных воплощений образов военкоров;
- произведения военных журналистов разных стран, принимавших участие в мировых войнах и локальных вооружённых конфликтах.

Исследование позволяет заключить, что в фокусе внимания современных историков военной журналистики находятся такие темы, как:

- развитие военной кинохроники, её влияние на мировую киноиндустрию и журналистику;

- новые технологии, новые способы ведения войны и новые условия работы СМИ в XXI в.;
- критерии оценки работы военных корреспондентов;
- роль военной пропаганды и управления новостями;
- биографии, статус и функции военных корреспондентов;
- вклад фотографов, фоторепортёров и фотожурналистов;
- отражение в визуальном репортаже различных типов войны;
- критический самоанализ проводимый военкорами;
- повседневная реальность войны на фронте и в тылу;
- культурная и историческая картина войны в визуальных искусствах;
- работа с корреспонденцией, способы формирования и презентации новостей, которые способствуют развитию военной журналистики;
- журналистская и научная этика в контексте формирования истинных и ложных представлений об исторических, политических и военных событиях.
- жанровые и структурные особенности произведений, созданных военными журналистами.

Представленные в статье зарубежные источники могут применяться как материалы для самостоятельного анализа в процессе изучения иностранного языка в гуманитарном вузе.

Список литературы

1. **Allan, S.** Conflicting Images. Histories of War Photography in the News / S. Allan, T. Allbeson. – Milton Park: Routledge, 2024. – 290 p.

2. **Allan, S.** Reporting War: Journalism in Wartime / S. Allan, B. Zelizer. – Milton Park: Routledge, 2004. – 388 p.

3. **Barker, K.** The Taliban Shuffle: Strange Days in Afghanistan and Pakistan. – New York: Anchor, 2011. – 322 p.

4. **Bourke, J.** War and Art: A Visual History of Modern Conflict. – Islington: Reaktion Books, 2017. – 400 p.

5. **Centeno Martin, M. P.** (2020) Reediting the war in Asia: Japanese newsreels in Spain (1931-1945). L'Atalante. Revista de Estudios //London. Asociacio Cineforum L'Atalante. EL Camarote de Pere Jules. Cinematograficos 2020. №29, P. 101–119.

6. **Cohen, D.** Last Call at the Hotel Imperial: The Reporters Who Took On a World at War. – New York: Random House, 2022. – 592 p.

7. **Di Giovanni, J.** Madness Visible: A Memoir of War. – London: Bloomsbury Publishing Pod, 2005. – 304 p.

8. **Gellhorn, M.** The Face of War New York: Grove Press, 2018. 352 p.

9. **Gellhorn, M.** Travels with Myself and Another. – London: Eland Publishing Ltd, 2002. – 296 p.

10. **Pran, D.** Children of Cambodia's Killing Fields: Memoirs by Survivors (Southeast Asia Studies). Kim DePaul (Editor), Ben Kiernan (Introduction). – New Haven: Yale University Press, 1997. – 199 p.

11. **Shone, R., Chris Forsey C.** War Correspondents (Graphic Careers), New York: Rosen Central, 2008. 48 p.

12. **Sweeney, M.S., Toft Roelsgaard,** Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of

Combat Correspondence. Lanham: Lexington Books, 2019. 260 p.

13. **Williams, K.** A New History of War Reporting. – Milton Park: Routledge, 2020. – 240 p.

14. **Yemini, B.-D.** Industry of Lies: Media, Academia, and the Israeli Arab Conflict. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017. 354 p.

Akhmilovskaya Larisa Alekseevna,
PhD of Arts, Associate professor, Professor Emeritus
Russian Academy of Natural History, Moscow, Russia
lanaveva@rumbler.ru

**Military journalism in the circle of
professionally oriented reading
within foreign language learning**

The article presents publications that can be recommended for independent analysis in the process of professionally oriented learning of a foreign language by students of higher educational institutions. The books and films mentioned introduce the life and activities of war journalists from different countries – participants in world wars and local armed conflicts; contribute to the development of reflection and critical thinking, may be of interest to students, postgraduates, teachers at humanitarian universities, and novice correspondents.

Keywords: journalism, media, photography, visual culture, relationships, international relations, professional ethics, foreign language.

Грицай Людмила Александровна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории педагогики
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет имени К. Д. Ушинского»
usan82@gmail.com

**Медиабезопасность современных российских
детей и молодежи в условиях информационного
противостояния с США**

В статье рассматриваются проблемы медиабезопасности детей и молодежи в России в условиях нарастающего информационного противостояния с США и их союзниками, анализируются деструктивные воздействия западных медиа и механизмы их влияния, а также формулируются комплексные меры противодействия угрозам, направленным на разрушение традиционных ценностей, национальной идентичности и духовно-нравственных основ российского общества.

Ключевые слова: медиабезопасность, информационное противостояние, информационные угрозы, молодежь, деструктивное влияние, национальная безопасность, западная пропаганда.

Современная цифровая эпоха, характеризующаяся глобальной медиатизацией всех сфер общественной жизни, порождает серьезные угрозы для информационной безопасности российского общества, особенно в отношении наиболее уязвимых социальных групп – детей и молодежи, которые, обладая высокой степенью вовлеченности в медиапотребление, становятся объектами

целенаправленного идеологического, информационно-психологического и культурного воздействия со стороны западных акторов, стремящихся к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране, неудивительно, что сегодня в условиях нарастающего геополитического противостояния России с США и их сателлитами медиапространство становится ареной гибридной войны, в которой информационные технологии, социальные сети и традиционные СМИ используются как инструменты манипуляции общественным сознанием, способствующие распространению антироссийских нарративов, подрыву доверия к государственным институтам, насаждению чуждых культурных и морально-нравственных ценностей среди молодого поколения. Западные медиаакторы активно применяют стратегии когнитивного влияния, направленные на формирование у молодежи критического отношения к историческому прошлому родной страны, дискредитацию национальных героев, пропаганду потребительского образа жизни, размывание традиционных семейных и духовных ценностей, что в долгосрочной перспективе представляет собой угрозу национальной безопасности и культурному суверенитету России.

Современная медиасреда характеризуется не только возрастающей доступностью информации, но и значительным увеличением масштабов воздействия деструктивных медиаугроз на различные группы населения, особенно на молодежь, например, как отмечает В. И. Василенко, в условиях глобализации, развития интернет-коммуникаций и демократизации социальных отношений угрозы медиабезопасности становятся все более изощренными, а механизмы их распространения – более сложными и малоуловимыми [4, с. 45].

Одним из ключевых инструментов деструктивного воздействия является распространение информации через социальные сети и цифровые платформы: социальные медиа становятся не просто средством коммуникации, но и мощным фактором влияния на мировоззрение молодежи, определяя их политические предпочтения, ценностные ориентиры и поведенческие паттерны, в этом аспекте особую опасность представляют скрытые механизмы манипуляции общественным сознанием, такие как алгоритмы персонализированной подачи контента, использование технологий больших данных для таргетированного распространения идеологически заряженной информации, а также методы когнитивной войны, направленные на изменение восприятия реальности [8, с. 71].

Дополнительным вектором угроз являются технологии информационно-психологического воздействия, применяемые западными структурами в рамках концепции «гибридных войн», так, согласно исследованию Д. Н. Кравцова, В. Д. Исаева, В. Н. Лебеда и К. А. Восканян, стратегической целью подобного воздействия является подрыв доверия к государственным институтам, дестабилизация социально-политической обстановки и формирование у молодежи негативного отношения к национальным традициям, культуре и историческому наследию России, к числу таких механизмов можно отнести распространение фейковых новостей, активное продвижение западных ценностных установок через медиаиндустрию, в том числе кинематограф, музыкальную индустрию, игровую сферу и блогосферу [6, с. 72].

Таким образом, можно согласиться с мнением В. С. Чудакова о том, что медиaprостранство сегодня

насыщено контентом, который формирует у молодежи определенные когнитивные установки, а западные страны, в частности США и их союзники, активно используют информационные технологии для продвижения собственных идеологических и культурных ценностей среди российского подрастающего поколения [11, с. 36].

Проблема усугубляется тем, что дети и подростки являются наиболее уязвимой социальной группой, склонной к некритическому восприятию информации, к тому же цифровые платформы не только предоставляют доступ к знаниям, но и формируют поведенческие модели, зачастую навязывая западные ценности как универсальные и безальтернативные, в этой связи российские дети и молодежь оказываются в зоне риска не только в плане информационного манипулирования, но и с точки зрения национальной идентичности и культурного самосознания.

Как указывает А. А. Морозова, одной из наиболее мощных площадок влияния являются социальные сети, где молодежь проводит значительную часть времени: в своем исследовании автор проанализировала медиapoвeдeниe 500 пользователей социальных сетей и пришла к выводу, что подавляющее большинство подростков не осознает степени воздействия алгоритмов платформ на их восприятие информации, к примеру, контент, связанный с американскими праздниками, популярной музыкой и образами успешной жизни в США, продвигается через таргетированные рекомендации, в результате чего у российских школьников формируется иллюзия превосходства западного образа жизни [7, с. 203].

Кроме того, важным аспектом медиабезопасности является проблема анонимности в сети, как справедливо указывает П. А. Астахов, подростки часто не способны

критически оценивать достоверность источников, что делает их легкой мишенью для манипулятивных технологий, используемых в рекламных кампаниях и политической пропаганде [2, с. 13].

Рассмотрим медийные угрозы и механизмы их распространения в виде таблицы 1.

Таблица 1

Современные медийные угрозы и механизмы их распространения

Медийные угрозы	Механизмы распространения
Дезинформация и фейковые новости	Социальные сети, мессенджеры, фейковые СМИ
Информационно-психологическое воздействие	Пропаганда через блогеров, инфлюенсеров, лидеров мнений
Продвижение асоциальных ценностей	Фильмы, сериалы, музыкальная индустрия, видеоигры
Культурная экспансия Запада	Погружение в ценности западной культуры, восхваление западного образа жизни и уровня благосостояния
Алгоритмическое манипулирование	Индивидуализированные алгоритмы рекомендаций контента
Фрагментация общественного сознания	Создание конфликтных нарративов в обществе, поляризация взглядов

Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что современные механизмы распространения медийных

угроз используют как традиционные, так и цифровые каналы влияния, что значительно усложняет их нейтрализацию.

Западные медийные структуры активно используют стратегию культурной экспансии, создавая привлекательные образы «цивилизованного мира» через массовую культуру, кинематограф, сериалы и музыкальную индустрию, при этом внедрение альтернативных, зачастую противоречащих традиционным российским ценностям норм, происходит на подсознательном уровне, через эмоциональное восприятие информации, на что в своем исследовании указывают Д. Н. Кравцов и его коллеги, отмечая, что подобные воздействия не носят случайного характера, а являются частью продуманной стратегии идеологического влияния, направленного на подрыв национального единства России [6, с. 75].

Особую тревогу вызывает навязывание молодежи западных социальных норм, связанных с разрушением традиционных институций – семьи, религии, патриотизма, так в медиадискурсе активно формируются образы «нового мира», в котором коллективные формы идентичности вытесняются индивидуализмом, а ценности национальной культуры рассматриваются как устаревшие и препятствующие личностному развитию, например, В.И. Василенко подчеркивает, что подобная трансформация медиапространства создает угрозу размывания традиционных ценностных ориентиров и требует от общества разработки механизмов сопротивления [4, с. 48]. Следует отметить, что западные информационные стратегии нацелены не только на формирование у молодежи антироссийских настроений, но и на создание в их сознании когнитивного диссонанса, при котором

молодые люди начинают воспринимать собственную страну как отсталую, а чуждые ей ценности – как прогрессивные и желаемые, в результате таких процессов формируется разрыв между поколениями, усиливаются социальные противоречия, что создает благоприятные условия для дальнейшей дестабилизации российского общества.

Изучая влияние западных медиатехнологий на молодежь, следует учитывать комплексность и многослойность данного воздействия, включающего как прямые, так и опосредованные формы трансляции идеологических установок, что согласуется с мнением А. Н. Сетракова, полагающего, что медиабезопасность следует рассматривать в тесной связи с национальной безопасностью, поскольку нарушение информационного суверенитета государства неизбежно ведет к деструктивным изменениям в общественном сознании и мировоззренческих ориентирах подрастающего поколения [9, с. 34]. А.С. Быкадорова в своей работе рассматривает медиабезопасность как часть общей медиаобразовательной деятельности и выделяет несколько ключевых направлений работы в этом направлении, включая защиту детей и молодежи от агрессивного информационного воздействия, подчеркивая, что медиавоздействие может быть как явным (через пропагандистские материалы и дезинформацию), так и латентным (через культурные символы, фильмы, сериалы и блогеров) [3, с. 54].

Особый интерес представляют работы А. П. Короченского, который отмечает необходимость не только защиты, но и активного формирования навыков медиаграмотности у детей и молодежи, подчеркивает, что российская система образования должна включать в себя

дисциплины, направленные на развитие критического мышления в отношении потребляемого контента, поскольку только таким образом можно противостоять западным механизмам воздействия [5, с. 210].

Направления западной информационной политики зачастую противоречат российским традиционным ценностям, что создает для молодежи ситуацию выбора мировоззренческих ориентиров (таблица 2).

Таблица 2

Сопоставительный анализ направлений западной информационной политики, противопоставленных российским традиционным ценностям

Направления западной информационно й политики	Влияние на ценности российской молодежи	Противопоставление российским традиционным ценностям
Пропаганда индивидуализма и культ успеха	Ослабление коллективистских установок, снижение значимости общественного блага	Коллективизм, взаимопомощь, социальная солидарность
Распространение либеральных ценностей	Рост толерантности к нестандартным моделям поведения, размывание национальной идентичности	Сохранение традиционной нравственности, уважение к историко-культурному наследию
Формирование потребительского общества	Ориентация на материальные ценности в ущерб духовным и культурным	Духовно-нравственное развитие, приоритет семьи и общественных интересов
Продвижение западного образа жизни	Упрощение взглядов на историю и культуру, снижение интереса к	Осознание уникальности российской

	национальному наследию	цивилизации, патриотизм
Дискредитация традиционных институтов (семья, государство)	Критическое отношение к традиционным ценностям, снижение уровня доверия к государственным институтам	Уважение к институтам семьи, государственности, религии

Таким образом, западная информационная политика в целом направлена на изменение ценностных ориентиров российской молодежи путем продвижения индивидуализма, либеральных идеалов, потребительской культуры и критики традиционных институтов, поэтому в данных условиях обеспечение медиабезопасности приобретает стратегическое значение для сохранения национального суверенитета.

Одним из ключевых направлений обеспечения медиабезопасности является развитие системы медиаобразования, нацеленной на формирование у молодежи навыков критического восприятия информации, способности различать манипулятивные технологии и противостоять деструктивному влиянию медиапространства, что определяет необходимость создания комплексных образовательных программ, ориентированных на осознание угроз цифровой среды и развитие медиакомпетентности среди всех возрастных групп [4, с. 50]. Как отмечает Е. А. Андреева, необходимо не только вводить запреты, но и разрабатывать образовательные программы, которые позволят молодым людям осознанно подходить к потреблению информации [1, с. 27].

Кроме того, важнейшим элементом государственной политики в сфере медиабезопасности

является законодательное регулирование медийной сферы, направленное на ограничение распространения деструктивного контента, введение жесткого контроля над цифровыми платформами и социальными сетями, а также развитие отечественных медиаресурсов, способных конкурировать с западными аналогами. Как подчеркивает М. М. Овчинникова, особое значение имеет разработка правовых механизмов, обеспечивающих защиту информационного пространства от внешнего вмешательства и информационных атак [8, с. 72].

Наконец, следует учитывать важность создания альтернативных медийных проектов, направленных на популяризацию отечественных культурных ценностей, продвижение положительного имиджа России и формирование устойчивого мировоззрения у молодежи, в этой связи неотъемлемой частью стратегии медиабезопасности, обеспечивающей защиту общества от деструктивного влияния информационного противостояния, должно стать развитие патриотического контента, усиление роли традиционных СМИ и поддержка независимых отечественных журналистов. Как подчеркивает В. А. Черкасова, государственная поддержка российских интернет-ресурсов может стать эффективным инструментом для защиты информационного пространства страны [10, с. 65].

Мы полагаем, что для эффективного противодействия медийным угрозам и защиты российской молодежи от деструктивного влияния западной информационной политики необходимо реализовать комплексную систему мер, включающую правовые, образовательные, технологические и культурно-идеологические механизмы.

Во-первых, это совершенствование законодательной базы, включающее в себя ужесточение контроля за распространением деструктивного контента, включая пропаганду экстремизма, насилия, антигосударственных идей; развитие законодательства в сфере регулирования социальных сетей и медиаплатформ, обязывая их соблюдать российские законы; усиление мер ответственности за информационные атаки и киберугрозы, направленные против молодежи.

Во-вторых, развитие национального медиапространств, предусматривающее создание и поддержку отечественных медиаплатформ, способных конкурировать с западными аналогами, финансирование качественного отечественного контента, отражающего традиционные российские ценности, а также пропаганду позитивных примеров российской культуры, истории и патриотизма в медиасреде.

В-третьих, развитие институтов медиаобразования и цифровой грамотности, предполагающее включение курсов медиаграмотности в образовательные программы школ и вузов, организацию информационных кампаний, направленных на разоблачение манипулятивных технологий западных СМИ, подготовку квалифицированных специалистов в области медиабезопасности, способных разрабатывать стратегии защиты от информационных угроз.

В-четвертых, определение векторов государственной и общественной информационной политики, предусматривающей активное участие государства в формировании информационной повестки, создание альтернативных источников информации, развитие системы мониторинга и анализа медиапотоков для быстрого выявления и нейтрализации

информационных атак, поддержку общественных организаций, занимающихся патриотическим воспитанием молодежи.

В-пятых, необходимость формирования устойчивых традиционных ценностей через развитие государственной идеологии, ориентированной на патриотизм, нравственность и национальную идентичность, усиление роли семьи и института воспитания в формировании медиакультуры детей и молодежи, популяризации традиционных российских ценностей через кино, музыку, литературу и другие виды искусства.

На наш взгляд, реализация этих мер позволит создать эффективную систему защиты от деструктивного информационного воздействия, укрепить национальную безопасность и сформировать у молодежи устойчивый иммунитет к внешним манипуляциям.

Таим образом, анализ научных исследований показывает, что медиабезопасность российских детей и молодежи в современных условиях является стратегически важной задачей, требующей комплексного подхода: с одной стороны, необходимо ужесточение законодательных мер, регулирующих доступ несовершеннолетних к потенциально опасному контенту, с другой стороны, важно развивать системы медиаобразования, направленные на формирование у подрастающего поколения навыков критического мышления и устойчивости к информационным манипуляциям. Только комплексный подход, включающий государственное регулирование, образовательные инициативы и развитие национальных цифровых платформ, позволит эффективно защитить

русскую молодежь от негативного воздействия информационной войны, ведущейся против России.

Список литературы

1. **Андреева, Е. А.** Взаимодействие с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья, по вопросам медиабезопасности в условиях учреждения дополнительного образования / Е. А. Андреева // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2018. – № 24. – С. 24-30.

2. **Астахов, П. А.** Медиабезопасность детей: вызовы XXI века / П. А. Астахов // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2011. – № 4. – С. 12–18.

3. **Быкадорова, А. С.** Медиабезопасность как актуальное направление медиаобразовательной деятельности / А. С. Быкадорова, Е. В. Шаповалова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 4. – С. 53–57.

4. **Василенко, В. И.** Безопасность масс-медиа как предмет научного анализа / В. И. Василенко, Р. Н. Мамедов // Коммуникология. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 44 – 51.

5. **Короченский, А. П.** «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – Ростов-на-Дону: Международный институт журналистики и филологии, 2002. – 272 с.

6. **Кравцов, Д. Н.** Российская молодежь как объект деструктивного воздействия средств идеологического, информационно-психологического и культурного противоборства Запада / Д. Н. Кравцов, В. Д. Исаев, В. Н. Лебедь, К. А. Восканян // Коммуникология. – 2018. – №1. – С. 68–83.

7. **Морозова, А. А.** Социальная сеть: к вопросу о безопасности пользователя / А. А. Морозова // Знак:

проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 3. – С. 201–204.

8. **Овчинникова, М. М.** Медиабезопасность поколения пехт: от чего и как защищать молодежь? / М. М. Овчинникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22(313). – С. 70–73.

9. **Сетраков, А. Н.** Роль медиаобразования в обеспечении медиабезопасности личности и государства / А. Н. Сетраков, И. В. Абдурахманова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 5(144). – С. 32–37.

10. **Черкасова, В. А.** Проблема медиабезопасности пожилых людей / В. А. Черкасова // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2017. – № 22. – С. 60–67.

11. **Чудакова, В. С.** Основные аспекты медиабезопасности в исследованиях современных ученых / В. С. Чудакова // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2021. – Т. 36. – № 1. – С. 36–41.

Lyudmila A. Gritsai,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the Department of Theory
and History of Pedagogy
Yaroslavl State Pedagogical University named after
K.D. Ushinsky
usan82@gmail.com

**Media security of modern Russian children and
youth in the context of information confrontation with the
United States**

The article examines the problems of media security of children and youth in Russia in the context of the growing information confrontation with the United States and its allies, analyzes the destructive effects of Western media and the mechanisms of their influence, and formulates comprehensive measures to counter threats aimed at destroying traditional values, national identity, and the spiritual and moral foundations of Russian society.

Keywords: media security, information confrontation, information threats, youth, destructive influence, national security, Western propaganda.

Марченко Александр Николаевич,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры теории журналистики и
массовых коммуникаций
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
a.marchenko@spbu.ru

Освещение общественных изменений как фактор медиабезопасности государства и личности

Автор упорядочивает освещение общественных изменений с помощью профессиональной идеологии (культуры) журналистики. В ней ориентации на советско-российскую и англо-американскую модели устойчивы в связи с парадигмами общественных формаций: прогрессом в справедливости и тем, что факты имеют либеральный уклон. Вместе со страной обе ориентации вышли за национальные пределы, медиабезопасность связана с изучением их взаимных изменений, преодолением односторонности, на сегодня преимущественно во второй модели.

Ключевые слова: профессиональная идеология и культура журналистики, теория журналистики, интеграция и дифференциация в журналистике, Россия в СВО.

Журналистика меняется вместе с миром и каждый день выносятся множество новых суждений о происходящих в обществе изменениях. Чтобы эта множественность не превратилась в хаос, познание

объединяет многообразие в единстве и цельности понятий, как, по словам Платона, «тождество единства и множества, обусловленное речью» [1]. Теоретическое упорядочивание суждений, определение их необходимого диапазона предохраняет личность от информационной перегрузки, а государство от того, когда под видом поиска истины на рынке идей распространяется смятение в головах.

Устойчивее журналистской практики определяют диапазон освещения общественных изменений понятия профессиональной идеологии и культуры журналистики. С. Г. Корконосенко предлагает «понимание профессиональной идеологии журналистики как перманентного дискурса о её сущности, формах существования и идентичности работников, в соответствии с которыми строятся производственные практики» [5, с. 7]. Сходно утверждение К. Р. Нигматуллиной о журналистской культуре как производном «от публичного и непубличного дискурсов о профессии внутри журналистского сообщества, во власти и в обществе» [4, с. 12]. Под дискурсом имеют ввиду совокупность мировоззренческих идей и принципов сообщества, обеспечивающих целостность социального института журналистики [5, с. 16]; миссию и этические стандарты [3, с. 179]; интерпретацию социальной действительности, где выделяются изменчивые компоненты и устойчивые основания [5, с. 8]. Последние связаны с общественным назначением журналистики, с отражающими общественный баланс сил парадигмальными положениями более высокого порядка, с моделями прессы в определенной социально-политической формации: феодально-

монархической, буржуазной, социалистической и др. [5, с. 11, 25–26].

Актуальность изучения упорядочивания профессиональной идеологией освещения общественных изменений растет в периоды, связанные если не со сменой формаций, то уж точно, как сейчас в России, с цивилизационным конфликтом, трансформирующим медиасреду. Эмпирических данных может быть ещё недостаточно, но в силу необходимости селекции концептуальных воззрений «согласование двух тенденций – к интеграции и к дифференциации – представляет собой наиболее сложную задачу» [2, с. 7, 12]. Известно, что в предшествующий период в России культуру журналистики характеризовала двойственная «ориентация на лучшие практики советско-российской журналистики XX века в сравнении с англо-американской моделью с разделением фактов и комментариев, беспристрастностью и балансом источников» [4, с. 199]. Эта двойственность отражала социально-политическую среду после распада СССР, и в диапазоне между двумя этими позициями СМИ освещали общественные изменения.

Затем, «ключевым событием для пересмотра журналистских ценностей в России стало начало СВО 24 февраля 2022 года. Это событие разделило профессиональное сообщество как географически, так и аксиологически. Оценка СВО стала самым значимым маркером выбора ценностной позиции по отношению к профессиональным ролям» [3, с. 177]. Это совпало с поворотом от отчуждения к активизации социальности: медиатизация коллективной жизни достигла критических значений в пандемию и возникла

социальная реакция, потребность в непосредственном, реальном взаимодействии, проявившаяся в период СВО с журналистикой нормативно оформляющей, упорядочивающей и закрепляющей медиапространство [5, с. 12].

Последующие изменения в журналистской практике безусловны: отрицательную оценку провоцирует даже просто отсутствие фиксации противостояния; прежде всего традиционные СМИ под влиянием исторического опыта противостоят агрессии, ответственно относятся к слову и прецедентным феноменам, восстанавливают традицию положительной онтологичности [9, с. 106, 109]. Но кроме отдельных работ [5] недостаточно новых данных о ценностных установках российских журналистов в целом; значение военкоров, патриотизма, мобилизации, но одновременно и эмоциональной поляризации, пессимизации [3, с. 177] отражает скорее изменения практики, чем профессиональной идеологии в целом, что требует своего теоретического обобщения.

Новизна исследования заключается в попытке предпринять этот шаг. Цель работы – дедуктивно вывести диапазон освещения общественных изменений в СМИ в условиях СВО. Для достижения этой цели понадобится показать связывание профессиональной идеологии журналистики общественно-политическими теориями более высокого, общего порядка. Далее, рассмотреть выражение этой связанности в журналистском контенте и, наконец, определить, как снизить информнагрузку на личность и укрепить медиабезопасность общества и государства при изменении профессиональной идеологии. Методы исследования – теоретический, дедуктивный анализ,

дискурс-анализ теоретико-журналистских положений и контента СМИ.

Начнём с того, как через профессиональную идеологию суждения журналистов оказываются связанными общественно-политическими теориями. Ориентация на советскую журналистику связана с классовой теорией в том аспекте, что «лишь те общественные группы, прослойки, классы заинтересованы в истинности знаний об общественных процессах, которые заинтересованы в их прогрессивном преобразовании» [7, с. 54]. Когда в прогрессе считалась заинтересованной власть рабочего класса, тогда только с её позиции было видно истинное значение общественных изменений, а назначение журналистики устанавливать истину – служение тому прогрессу со всеми вытекающими оценками. С началом СВО в рамках этой модели прогресс и истинное значение изменений связано с борьбой России за справедливость и многополярность, с нежеланием жить по правилам «золотого миллиарда» под руководством США.

В англо-американской модели прессы «факты имеют либеральный уклон», укрепление этой «эмпирической истины» поддерживает её актуальность у широких слоев: факты ничего не значат без интерпретации, а истина – без убеждения [10]. Как выше истина принадлежит прогрессивному классу, так здесь отделение комментариев, беспристрастность и баланс служат либерализму (буржуазии, капиталу); а всё иное – это недостаточно глубоко рассмотрено, фейки или кремлевские нарративы, от которых нужно «защищать здоровую демократическую общественную сферу... соблюсти баланс между защитой свободы

слова и защитой демократии как системы... сохранить устойчивость, плюрализм и осведомленность общества» [8]. По принципу единства понятий, речевого тождества множества и единства – не может быть плохого прогресса, а только регресс; не может быть негативной истины, а только ложь, поэтому последовавшие с начала СВО общественные изменения в рамках второй модели освещаются не негативно, а как незначительные, несущественные.

Выражение этих принципов мы смотрели на материалах имейл-рассылок «Комсомольской правды» (КП), которой в 2025 году исполнилось 100 лет, и которая представляет лучшие практики советско-российской журналистики XX века; и интернет-журнала «7x7», признанного иноагентом, который, когда его сайт заблокировали в России, писал, что хочет «продолжать делать честные истории... о том, что происходит в российских регионах» (10.03.2022). Под честностью, вероятно, имелось ввиду, что факты должны иметь либеральный уклон. Мы мониторили рассылки с 2022 до 2025 года и, хотя количественное исследование ещё не завершено, мы не нашли существенных противоречий описанным закономерностям.

Например, КП не может игнорировать контекст СВО, оценивая прогресс общественных изменений: «25 лет назад, 26 марта 2000 года, Владимир Путин впервые был избран Президентом России. Какими были и какими стали за эти четверть века российские города, дороги, заводы и жизнь наших граждан, границы самой страны и что об этом напишут в школьных учебниках?.. Ни одно государство в XXI веке не расширяло свои территории. Все лишь теряли.

Только Путин смог раздвинуть границы. Причем возвращая свое, исконно историческое. Хотя изначально России и готовили судьбу Сербии с отторгнутыми от нее Косово (Северным Кавказом) и зачисткой Сербской Краины (Украины). Но Путин переломил этот ход событий...» (26.03.2025). Далее описываются изменения в разных сферах жизни, в частности, что «в 90-е армию сокращали и полоскали в газетах, офицеры увольнялись из-за копеечных зарплат. Сегодня армия – самый почитаемый институт в обществе, на втором месте – церковь. Это о многом говорит. СВО показала, что у нас не только лучшие солдаты и офицеры. У нас еще и лучшие ракеты, одно наличие которых останавливает НАТО от участия в конфликте на Украине» (там же).

СМИ-иноагент, чей сайт заблокирован в России, оценивает те же изменения нарочито буднично: «Пока российские дворы заполонили многоэтажки, государственные посты заполонили военные... Зачем Саратовской области замминистра по патриотизму» (18.03.2025). Открытие музеев и выставок об истории СВО «и можно было бы объяснить... заботой об исторической памяти, но другие исторические музеи в России <Следственная тюрьма НКВД, Музей истории ГУЛАГа> притесняют с такой же охотой, с которой открывают новые, “правильные”, <в которых война и победа – это не боль и скорбь, а гордость, барабаны, парады>... Пока в Саратове выбирают достойного военного на новую должность – замминистра по патриотизму (наверное, он откроет много новых музеев СВО), <Журналисты> раздумывают, куда поедут дальше.

– Не хочу больше про патриотизм! Поехали на Урал, сходим на хорошую выставку, музыкантов послушаем.

– А ты знаешь, что храм в Екатеринбурге...

– Нет, нет, не хочу ничего слышать! Мы едем отдыхать!.. – <Он> так и не рассказал..., что Екатеринбургский храм установил в своем дворе копию трубы, по которой российские военные прошли в Суджу. Они и правда соскучились по хорошим новостям» (Рассылка «7x7», признан иноагентом, сайт заблокирован в России, 25.03.2025).

Диапазон освещения общественных изменений, сложившийся в российской журналистике в связи с раздвоенностью профессиональной идеологии в предшествующий период, изменился. Сторонники советской модели испытывают потребность в фиксации прогрессивных изменений, а сторонникам англо-американской модели противопоказанно придавать значение этим изменениям. Причём обе ориентации приобрели международное значение. Изменения фиксируются уже не только для внутрироссийской, но и для наднациональной аудитории, объединённой общим пониманием прогресса. Недооценка изменений тоже приобрела это качество, но противоположного свойства. Например, на повестке в Германии (как в КП!), что «Бундесвер не является привлекательным ни для женщин, ни для мужчин <из-за> фундаментальной социальной дистанции населения по отношению к армии... Необходимо достичь справедливости между полами и поколениями, а также вовлечения лиц, не являющихся немцами по происхождению..., <чтобы> больше молодых людей были бы вынуждены активно решать вопрос о том, какой личный вклад они могут

внести в безопасность Европы...» [6]. А наши иноагенты говорят об усталости от патриотизма и скуке от военных новостей.

Если изменения профессиональной идеологии российской журналистики и не затронули раздвоенность её ствола, соединяющего более фундаментальные парадигмальные положения с кроной журналистской практики, то оба ствола точно выросли и крона раскинулась за пределы национальной медиасистемы, оформившейся после распада СССР. Это произошло вместе со всей страной. Ценой жизни солдат и труда в тылу продвинулись не только сторонники патриотичной ориентации, но и их оппоненты, что звучит парадоксально, но в этом проявляется общественное функционирование журналистики в целом.

Снижение личной информнагрузки и обеспечение коллективной медиабезопасности основаны на том, что мир и меняющаяся медиасреда остаются познаваемы, как и во времена Платона. Общественное назначение журналистики требует знания обеих ориентаций профессиональной идеологии и преодоления не критичного, доктринёрского следования только одной из них, на сегодня сильнее выраженного приверженцами англо-американской модели. Это залог обучения студентов, адаптации к изменениям журналистов и упорядочивания информации обществом и государством.

Список литературы

1. Гайденок, П. П. Единое, единство / П. П. Гайденок // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН ; председ. науч.-ред.

совета В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0132ab62af6b27f347fd8532> (дата обращения: 01.07.2025).

2. Корконосенко, С. Г. Понятие социального заказа в теории и практике журналистики / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики. – 2025. – Т. 14. – № 1. – С. 5–19.

3. Медиааксиология «второй реальности» / под ред. В. А. Сидорова. – СПб. : ООО Издательский дом «Петрополис», 2025.

4. Нигматуллина, К. Р. Профессиональная журналистская культура в современной России : дис. ... докт. полит. наук: 10.01.10 / К. Р. Нигматуллина. – СПб.: СПбГУ, 2021. – 607 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dissert.spbu.ru/files/2021/dissert_nigmatullina.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

5. Профессиональная идеология журналистики. Монография / Корконосенко С. Г. (ред.). – СПб. : Алетейя (серия «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций»). – 2025. – 378 с.

6. Тешендорф, П. Просто надеть форму не достаточно / Пеер Тешендорф (Peer Teschendorf) // IPG, 18.03.2025 (сайт заблокирован в России, издатель – нежелательная организация из ФРГ).

7. Учёнова, В. В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики (1971). Публицистика и политика (1978). У истоков публицистики (1989) : учеб. пособие для студентов вузов / В. В. Учёнова. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 557 с.

8. Фрайзе, Ш., Унцикер, К. Пожалуйста, не выключайте реальность / Шарлотта Фрайзе (Charlotte Freihse), Кай Унцикер (Kai Unzicker) // IPG, 13.05.2025 (сайт заблокирован в России, издатель – нежелательная организация из ФРГ).

9. Цветова, Н. С. Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста / Н. С. Цветова // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 101–111. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zabvektor.com/wp-content/uploads/241023051015-Cvetova.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

10. Bauer, A. J. Right-wing studies' time has come / A. J. Bauer // Nieman Lab. – 2024, Dec. [*-Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.niemanlab.org/2024/12/right-wing-studies-time-has-come/> (дата обращения: 01.07.2025).

Marchenko Alexander Nikolaevich,
PhD in Philology
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education
“Saint Petersburg State University”
a.marchenko@spbu.ru

Coverage of social changes as a factor in personal and state media security

The author regularizes coverage of social changes based on a professional ideology (culture) of journalism. There are orientations towards Soviet-Russian and Anglo-American models, which remain stable due to their

relationship with paradigms of social formation: serving progress as equity and "facts have a liberal bias." Together with the country, these orientations have gone beyond national borders. Media security requires studying their mutual changes and overcoming one-sidedness, which is mainly evident in the second model today.

Keywords: professional ideology and culture of journalism, theory of journalism, integration and differentiation in journalism, Russia in the Special military operation.

УДК 070.15:[351.746:007]

Николенко Егор Леонидович,
соискатель, Санкт-Петербургский
государственный университет
elnikolenko26@icloud.com

Русофобия как фактор медиаполитики: пути обеспечения информационной безопасности

В условиях современной геополитической реальности информационное противостояние становится одним из ключевых инструментов борьбы между государствами. Особую остроту этот процесс приобретает в контексте отношений России и стран коллективного Запада, где в последнее десятилетие наблюдается целенаправленное конструирование крайне негативного образа Российской Федерации. Данный образ последовательно внедряется в массовое сознание западной аудитории через ведущие СМИ, формируя

устойчивые стереотипы восприятия России как источника угроз и вызовов.

Ключевые слова: русофобия, медиаполитика, информационная безопасность, медиаполитика.

Современная медиаполитика западных стран переросла в полноценную информационную войну, где главной мишенью становится не только международный имидж России, но и ее внутренняя стабильность. Как отмечают западные политические лидеры, конечной целью является нанесение России «стратегического поражения», что в информационной сфере проявляется в попытках подрыва доверия граждан к государственным институтам, разобщения общества и дискредитации проводимого страной курса.

Несмотря на очевидную значимость проблемы, в научной литературе остаются недостаточно изученными: конкретные механизмы конструирования антирусского медиаобраза в западных СМИ, степень влияния этого образа на международное позиционирование России, а также эффективные методы противодействия деструктивному информационному воздействию.

Особую сложность представляет анализ современных медиатехнологий, которые за последние годы значительно эволюционировали, включив в арсенал инструментов манипуляции не только традиционные СМИ, но и социальные сети, платформы блогеров, интерактивные форматы подачи информации.

Исследование русофобской медиаполитики стран коллективного Запада приобретает особую значимость в свете сразу нескольких факторов. Во-первых, следует учесть геополитический аспект: информационная

агрессия Запада является составной частью гибридной войны против России, что прямо признаётся в стратегических документах США и ЕС. Во-вторых, проводимая странами Запада медиаполитика представляет угрозу информационной безопасности России, а формируемый негативный образ государства напрямую влияет на: принятие антироссийских санкционных решений, искажение исторической памяти (особенно в вопросах Великой Отечественной войны), а также ограничение возможностей российской публичной дипломатии.

Существующие на сегодняшний день научные работы, посвященные русофобии как важному идеологическому фактору в медиаполитике стран Запада, часто носят фрагментарный характер, не предлагая комплексного анализа взаимосвязи между западным медиадискурсом и задачами обеспечения национальной безопасности России.

Данное исследование призвано внести вклад в изучение рассматриваемой темы. В работе систематизированы основные нарративные модели антироссийской пропаганды в медиа США, Канады, Великобритании, Франции и Германии, продемонстрирована классификация методов информационного воздействия с учетом эволюции медиатехнологий, обоснована взаимосвязь между западным медиадискурсом и положениями Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности» [4]. Основной целью исследования необходимо считать выявление механизмов формирования негативного образа России в западных медиа.

Теоретической базой для анализа выступает синтез нескольких концептуальных подходов. Конструктивистская парадигма международных отношений, разработанная Александром Вендтом, рассматривает формирование образов государств как социально обусловленный процесс. Теория медиатизации политики Стейна Хьяварда помогает понять трансформацию политических процессов под влиянием медиа [1, с. 130]. Концепция информационного суверенитета российских исследователей Кириленко, Алексеева и Румянцева дает методологическую основу для анализа защитных механизмов национального медиапространства [2, с. 78]. Теория секьюритизации Копенгагенской школы позволяет интерпретировать информационные угрозы через призму национальной безопасности.

Эмпирические исследования показывают, что в медиадискурсе стран евроатлантического сообщества сложился устойчивый образ России как структурного «другого». Этот процесс характеризуется институционализацией антироссийских нарративов через систематическое использование негативных фреймов в освещении российской политики. Особенно заметна тенденция к применению техник «примитивизации» сложных международных процессов, когда многомерные политические ситуации сводятся к упрощенным бинарным оппозициям.

Политическое закрепление негативного образа проявляется в публичном декларировании тезиса о «стратегическом поражении» России, включении антироссийских положений в официальные документы, создании специализированных структур по противодействию так называемой «российской

пропаганде». Формирование устойчивых медийных клише типа «агрессор» или «автократия» создает эффект когнитивного диссонанса при попытках объективного освещения российской политики.

В условиях цифровой трансформации международных отношений концепция информационного суверенитета приобретает особую значимость. Анализ Стратегии национальной безопасности РФ и смежных нормативных актов позволяет выделить несколько ключевых элементов российской стратегии.

Нормативно-правовое регулирование включает законодательное закрепление понятия «суверенный интернет», разработку механизмов фильтрации вредоносного контента, создание правовых основ для регулирования деятельности иностранных медиаплатформ. Институциональное развитие проявляется в создании системы альтернативных цифровых платформ, поддержке отечественных медиапроектов, развитии образовательных программ в сфере медиаграмотности.

На международной арене Россия продвигает инициативы по регулированию информационного пространства, участвует в дискуссиях по кибербезопасности, развивает партнерские медиапроекты с дружественными странами. Эти меры направлены на создание сбалансированной системы международных информационных потоков.

Характерное для нашего времени необратимое стремление к многополярности, означающее переход к более справедливому мировому устройству, создаёт фундаментальные изменения в политической и информационной сферах. В условиях глобальных перемен возрастает значение национального

суверенитета не только как политического, но и как информационного фактора. Основной целью этого нового информационного суверенитета становится создание независимого от внешних воздействий медиапространства, способного эффективно отражать интересы и ценности народа.

Необходимо отметить работу сотрудников Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации В. П. Кириленко и Г. В. Алексеева [3, с. 40]. В их исследовании под названием «Право доступа к информации и медиабезопасность» справедливо поднимается важный вопрос о тенденции к «секьюритизации информационного пространства и ограничению доступа к информации на основе норм публичного права». Мы наблюдаем растущее число государств, которые видят в неуправляемом расширении медиапространства экзистенциальную угрозу, что приводит к увеличению распространения недостоверной информации, фейков и дезинформации. В таких условиях сконцентрированные ресурсы коллективного Запада, направленные на ведение информационной войны против России, ставят перед Россией серьезный вызов, который затрагивает основы государственности, русской культуры, православия и даже саму идентичность русского народа, заставляя задаваться извечным вопросом: «быть или не быть».

В этом контексте открыто проявляющееся неприятие и даже ненависть к России представляют собой серьезную информационно-мировоззренческую угрозу, недооценивать которую крайне опасно. Эти проявления русофобии следует рассматривать не изолированно, а в контексте комплексного обеспечения

безопасности в медиаландшафте. Можно выделить несколько ключевых аспектов русофобского дискурса. В первую очередь, это создание и систематическое распространение стереотипов и ложных представлений о русском народе. Эти стереотипы формируют негативные установки и предвзятость, подрывающие доверие к России на международной арене. Языковая экспансия и уничижительное отношение к русскому языку и культуре играют значительную роль в указанном процессе, способствуя разрушению исторического самосознания и дискредитации патриотически настроенной части россиян.

Не менее важно акцентировать внимание на явлении культуроцида, который представляет собой угрозу традиционным духовным ценностям и уникальности русского народа. Под давлением коллективного Запада Россия сталкивается с попытками заставить граждан отказаться от национально-исторического своеобразия и корней, что проявляется через осквернение национальных святынь и кощунственные действия, оскорбляющие религиозные чувства верующих.

Кроме того, следует выделить еще одну цель информационной войны, которая заключается в идеологическом и психологическом воздействии на россиян. Это противостояние включает не только агитацию, но и внедрение чуждых, антикультурных ценностей, которые разрушают основы российского общества. Деструктивное влияние проявляется в культивировании эгоизма, вседозволенности и безнравственности, а также в активной пропаганде отказа от патриотизма, ценности семьи и многодетности.

В рамках нашего эмпирического исследования, которое было направлено на подтверждение гипотезы о существовании активных русофобских нарративов в средствах массовой информации стран коллективного Запада, мы провели тщательный анализ публикаций ведущих медиаресурсов таких стран, как США, Канада, Великобритания, Франция и Германия. Это исследование медиадискурса западных СМИ за период с 2022 по 2025 год позволило нам сформулировать ряд выводов, имеющих важное значение для понимания современных механизмов, лежащих в основе формирования международного информационного пространства.

В ходе сравнительного анализа удалось выявить существенные различия в подходах различных национальных медиасистем. Например, наиболее агрессивную и бескомпромиссную риторику можно наблюдать в публикациях американского издания TheWashingtonPost и канадской телерадиовещательной корпорации CBC. В этих медиа доля откровенно негативных материалов составляет 89-91%, что свидетельствует о высоком уровне ненависти и осуждения, направленных против России. Это подтверждает существование предвзятого взгляда и риторики, которые становятся доминирующими в медийном поле.

Сравнительно более сдержанную, хотя все же критически настроенную позицию занимают такие издания, как канадское франкоязычное LaPresse и некоторые британские СМИ. Их аналитический подход, несмотря на присутствующую критику, отличается более умеренным и взвешенным стилем, который тем не менее также подчеркивает определенные негативные аспекты, касающиеся России и ее международной политики.

Особое внимание стоит обратить на немецкие государственные медиа, которые, как показали наши исследования, проявляют значительно большую предвзятость по сравнению с частными средствами массовой информации. Этот факт порождает серьезные вопросы о влиянии государственного контроля и политики на редакционную независимость этих изданий.

Наблюдаемая предвзятость может быть следствием не только редакционных решений, но и широкой государственной идеологии, что вызывает опасения относительно прозрачности и объективности освещения международных событий.

Таким образом, результаты нашего исследования подчеркивают не только существование ярко выраженной русофобской риторики в западных медиа, но и выявляют многообразие подходов к освещению данной темы. Они открывают новые горизонты для дальнейшего изучения механизмов формирования общественного мнения и влияния медиа на восприятие международных отношений.

Несмотря на некоторое смягчение риторики, которое наблюдается к 2025 году, базовые антироссийские нарративы в западных средствах массовой информации остаются доминирующими и по-прежнему оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения. Это положение дел требует от нас организации постоянного мониторинга и глубокого анализа медиадискурса, а также разработки долгосрочных стратегий информационной политики, которые смогут эффективно противостоять сложившейся практике манипуляции общественным сознанием.

В контексте определения роли средств массовой информации в глобальных политических процессах нашего времени результаты данного исследования заставляют задуматься о вопросах свободы слова, ответственности медиа перед обществом и баланса между профессиональными обязанностями журналистов и их политической ангажированностью. Тема ответственности СМИ становится особенно актуальной в условиях, когда дезинформация и манипуляция информацией могут создавать серьезные последствия для политических процессов и международных отношений.

Возможные ответные меры по обеспечению информационной безопасности в Российской Федерации могут варьироваться от «мягких» до более радикальных. Мягкий подход включает в себя принятие законодательных актов, которые направлены на защиту прав и законных интересов российских граждан в информационной сфере. Это может включать, например, разработку и внедрение новых норм, регулирующих деятельность интернет-компаний, а также усиление защиты персональных данных.

Список литературы

1. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change / S. Hjarvard // *Nordicom Review*. – 2008. – Vol. 29, no. 2. – 130.

2. Кириленко, В. П. Авторское право и цифровой суверенитет [Электронный ресурс] / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев, А. С. Румянцев // *КиберЛенинка*. – 2023. – №1 (43). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-i-tsifrovoy-suverenitet> (дата обращения: 19.04.2025).

3. Кириленко, В. П. Право доступа к информации и медиабезопасность [Электронный ресурс] / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Теоретическая и прикладна юриспруденция. – 2019. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-dostupa-k-informatsii-i-mediabezopasnost> (дата обращения: 19.04.2025).

4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. – 2021. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 18.04.2025).

Nikolenko Egor Leonidovich,
applicant, St. Petersburg State University
elnikolenko26@icloud.com

Russophobia as a factor of media policy: ways to ensure information security

In the conditions of modern geopolitical reality, information confrontation is becoming one of the key tools of the struggle between states. This process is particularly acute in the context of relations between Russia and the countries of the collective West, where in the last decade there has been a deliberate construction of an extremely negative image of the Russian Federation. This image is consistently being introduced into the mass consciousness of the Western audience through the leading media, forming stable stereotypes of Russia's perception as a source of threats and challenges.

Keywords: Russophobia, media policy, information security, media policy.

УДК 316.35:004.735.8

Павловская Анастасия Сергеевна,
ассистент кафедры журналистики и
издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
ms.aclyde@list.ru

Медиабезопасность в условиях военных конфликтов

Статья посвящена проблеме медиабезопасности в период военных действий, угрозам и рискам, связанным с манипулятивными стратегиями, используемыми в процессе информационно-психологического воздействия в условиях войны. В статье рассмотрено понятие «медиабезопасность», дана его основная характеристика. Обозначены возможные направления повышения медиабезопасности и защиты гражданского общества.

Ключевые слова: медиабезопасность, информационно-психологическое воздействие, СМИ, медиаобразование, манипулятивные технологии.

В условиях гибридной войны, характеризующейся сочетанием традиционных и нетрадиционных методов борьбы с противником, вопросы обеспечения медиабезопасности приобретают особое значение. Она выступает необходимым условием для поддержания

стабильности и безопасности как отдельной личности, общества, так и государства в целом. Актуальность изучения медиабезопасности в условиях военных конфликтов также подчеркивается меняющимся характером медиапотребления и растущей зависимостью общества от цифровых платформ. Социальные сети, новостные и другие онлайн ресурсы стали основными каналами распространения информации, что делает их подходящими платформами для манипулирования. Во времена нестабильной политической обстановки, вооруженных конфликтов, где информационное пространство также выступает в качестве поля боя, важно осознавать возможные угрозы и риски, связанные с военной пропагандой и неконтролируемым распространением информации.

Цель статьи – охарактеризовать понятие «медиабезопасность», обозначить возможные угрозы в этой сфере на фоне военных конфликтов и способы повышения уровня медиабезопасности.

В современных исследованиях активно предпринимаются попытки по формулированию термина «медиабезопасность». Согласно И. А. Фатеевой, это один из аспектов безопасности современного человека, существующего в условиях регулярных экологических и техногенных угроз [3]. В этом контексте медиабезопасность рассматривается как защита интересов общества от потенциальных угроз, которые может содержать медиасреда, и ставится в один ряд с другими видами безопасности (противопожарной, экологической, дорожной и т. д.). К. М. Богатырев предлагает понимать медиабезопасность как «состояние защищенности отдельной личности от любых существующих в медиасреде информационных угроз

(выраженных в информационных продуктах, оборот которых ограничен или запрещен действующими нормативными правовыми актами), а также вытекающее из него состояние защищенности государства и общества» [1].

Необходимо подчеркнуть, что понятия медиабезопасность и информационная безопасность не являются тождественными. Информационную безопасность можно рассматривать как защищенность самой информации и информационных ресурсов государства. В свою очередь медиабезопасность – это защищенность пользователей от угроз медиасреды. Таким образом, в широком смысле медиабезопасность подразумевает совокупность мер, ориентированных на обеспечение защиты общества от распространения фейковой информации в медиапространстве, способной нанести вред и оказать неблагоприятное воздействие на социальные процессы.

В процессе информационно-психологического воздействия на фоне военных действий возникают значительные угрозы для медиабезопасности государства и общества. Одной из целей такого воздействия является манипуляция ценностными установками населения, чтобы трансформировать их поведение и образ мышления. Влияние на сознание гражданского общества осуществляется посредством применения разнообразных манипулятивных технологий: искажения информации, управления информационными потоками, фальсификации фактов, незаконной пропаганды, идеологических диверсий, распространения слухов и т. п. Помимо этого, риски связаны с тем, что средства массовой информации способны формировать общественное мнение и влиять на мировоззрение.

Е. И. Галяшина и В. Д. Никишин отмечают, что критерием достоверности информации сегодня становится не верифицируемость, а виральность (характеристика, определяющая вероятность возникновения у читателей желания поделиться такой информацией с другими людьми) [2]. Данное обстоятельство снижает вероятность распознавания искаженной или ложной информации, способствуя ее широкому распространению и создавая серьезные угрозы для медиабезопасности.

В условиях войны СМИ становятся важным механизмом связи между властью, военными и гражданским обществом, а также действуют как катализаторы для формирования массового сознания. Понимание функций медиа в условиях конфликта позволяет не только анализировать их воздействие на общество, но и предсказывать дальнейшую динамику информационной войны. Одна из основных функций СМИ в условиях военных конфликтов – это информирование общественности о текущих событиях. Период военных действий характеризуется постоянными изменениями на фронте, возникновением гуманитарных кризисов и сложной политической ситуацией. СМИ, стремясь предоставить актуальную информацию, выполняют роль стороннего наблюдателя, сообщающего о боевых действиях, жертвах, перемещениях войск и гуманитарной помощи.

СМИ не только выполняют информативную функцию, но и активно участвуют в формировании общественного мнения. Военные конфликты часто характеризуются высоким уровнем эмоционального напряжения, что открывает пространство для манипуляции общественным сознанием. Посредством

различных форматов – новости, аналитические программы, ток-шоу – медиа могут оказывать влияние на восприятие конфликтующих сторон, представлять их как агрессоров или жертв, что, в свою очередь, формирует определенные модели поведения населения.

Способы информационно-психологического влияния основываются в первую очередь на способности управлять сознанием как отдельных индивидов, так и социальных групп и всего общества с помощью специально отобранной информации. Так, с помощью управления информационными потоками, акторы, контролирующие средства массовой информации, определяют приоритеты и значимость отдельных событий. В процессе формирования повестки дня принимаются решения относительно того, какие события требуют повышенного внимания, а какие необходимо представить как маловажные или вовсе не упоминать. Таким образом, можно представить обществу только «нужные факты», так как скрытые факты, не упоминающиеся в СМИ, для аудитории не существуют.

С целью достижения ожидаемого когнитивного воздействия на граждан, в СМИ используются два основных подхода к изложению информации: последовательный и фрагментарный. Последовательный подход подразумевает глубокое и всестороннее освещение темы, тогда как фрагментарный заключается в предоставлении лишь частичной, выборочной информации, что может привести к искаженному восприятию проблемы. Так нередко происходит из-за трудностей понимания или нежелания обращаться к альтернативным источникам за более подробной и полной информацией. Использование фрагментарного способа подачи материала позволяет манипуляторам

сосредоточить внимание на определенных аспектах событий и скрыть те, что не должны стать предметом общественного обсуждения. Это позволяет задавать рамки и направления для военно-политического дискурса. Таким образом, деятельность СМИ в условиях военных конфликтов тесно связана с медиабезопасностью: в зависимости от цели медиа могут либо представлять угрозу для медиабезопасности государства и общества, либо активно работать на ее обеспечение.

В условиях вооруженного противостояния необходимо предпринимать комплексные меры, направленные на поддержание или даже повышение уровня медиабезопасности. Среди ключевых направлений этого процесса можно отметить правовое регулирование и медиаобразовательную деятельность.

Поддержание стабильного уровня медиабезопасности неразрывно связано с правовыми аспектами государственной политики. Здесь существует необходимость формирования системы, способствующей созданию баланса между правом на свободу слова и защиту от злоупотребления таким правом, то есть обеспечение защиты от воздействия с помощью манипулятивных стратегий. Несмотря на достаточно развитую в РФ нормативную базу по вопросам информационной безопасности, необходимо отметить, что в условиях военных конфликтов ее интеграция в практическую деятельность требует значительных усилий со стороны государственных органов и общества в целом. Нормативные акты должны адаптироваться к быстро меняющимся условиям медиапейзажа, когда технологии и методы распространения информации, а

вместе с ними и способы манипуляции информацией эволюционируют с большой скоростью.

Для эффективного обеспечения медиабезопасности необходимо не только совершенствовать правовое регулирование, но и развивать общественные инициативы, направленные на повышение уровня медиаграмотности населения. Это обеспечит возможность для граждан более осознанно подходить к потреблению информации, углубит их понимание о роли, которую играет свобода слова в демократическом обществе, даст представление о информационно-психологическом воздействии и способах противодействия этому, что в свою очередь, станет гарантией устойчивости общества к различным угрозам медиасреды. В связи с этим медиаобразование представляет собой одно из приоритетных направлений для обеспечения необходимого уровня медиабезопасности государства и общества.

Для большей эффективности медиаобразовательная деятельность должна осуществляться в нескольких направлениях: работа с гражданским населением и дополнительная специализированная подготовка журналистов, работающих в условиях военного конфликта.

Работа по повышению информационной грамотности должна быть направлена на все возрастные категории граждан, а не только на школьников и студентов. Только в этом случае можно будет постепенно добиться развития высокой культуры медиапотребления в нашем обществе, характеризующейся способностью искать, анализировать и критически оценивать медиатексты, использовать разные источники информации, распознавать заложенные в материале

интенции и т. д. Важность формирования высокой культуры медиапотребления обусловлена тем, что она играет ключевую роль в эффективной реализации позитивного потенциала медиасреды, а также в снижении рисков, связанных с деятельностью современных СМИ в условиях информационной войны.

Еще одним значимым аспектом медиаобразовательной деятельности является обучение журналистов освещению военных конфликтов и специфике работы в горячих точках. Часто представители СМИ не обладают достаточными ресурсами или механизмами для оценки уровня угрозы, связанной с распространяемой ими информацией или способами ее получения. В то же время, некоторые журналисты своими действиями из-за отсутствия специальных знаний могут затруднять работу специализированных государственных структур в условиях военных конфликтов. В стремлении к получению сенсационных новостей журналист может подвергать риску не только собственную жизнь, но и жизни других людей, военных или мирных жителей.

Подобные обстоятельства могут быть причиной нанесения значительного ущерба информационному пространству государства и психологическому состоянию представителей гражданского общества. Поэтому формирование у военных журналистов понимания этических принципов журналистики должно стать одной из ключевых задач медиаобразовательной деятельности, направленной на специалистов. Для обучения основам военной журналистики важно исследовать исторические прецеденты, анализировать случаи, когда неправомерное или неаккуратное

освещение конфликтов привело к негативным последствиям.

Еще одним направлением в обеспечении необходимого уровня медиабезопасности является использование безопасных коммуникационных каналов и специализированных технологий защиты информации. Журналисты должны иметь доступ к специальным инструментам (зашифрованные мессенджеры, виртуальные частные сети и т.п.), обеспечивающим защиту информации от слежки или утечки. Это позволит минимизировать риски компрометации данных.

Стремительное развитие цифровых технологий обуславливает необходимость обучения журналистов навыкам работы с новыми площадками для коммуникации, такими как социальные сети и мультимедийные платформы. Представители СМИ должны осознавать, как их материалы могут быть интерпретированы и использованы в разных контекстах, а также уметь критически оценивать информацию, получаемую из разных источников. Эти навыки способны оказать существенное влияние на восприятие военных событий читательской аудиторией.

Таким образом, работа по повышению уровня медиабезопасности в условиях военных конфликтов требует комплексного подхода, включающего правовые и образовательные аспекты. Объединение этих направлений окажет значительное влияние не только на защиту работников в сфере медиа, но и на качество и безопасность информации, распространяемой в условиях информационного противоборства. В частности, медиаобразование является неотъемлемой частью формирования ответственной военной журналистики. Посредством медиаобразовательной деятельности нужно

предоставлять журналистам необходимые инструменты для анализа и освещения конфликтов, соблюдая при этом этические нормы и стандарты. Разработка программ медиаобразования, адаптированных к специфическим требованиям военной журналистики, может существенно повлиять на качество функционирования СМИ и их роль в обществе в условиях неопределенности и нестабильности.

Список литературы

1. Богатырев, К. М. Экспертное обеспечение медиабезопасности в цифровой среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – №4 (50) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnoe-obespechenie-mediabezopasnosti-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 17.02.2025).

2. Галяшина, Е. И. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 6 (175). – С. 79-94.

3. Фатеева, И. А. Что такое медиабезопасность, и как она соотносится с информационной безопасностью? / И. А. Фатеева // Экология медиасреды : Материалы III Открытой межвузовской научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2018 года / Под редакцией И. А. Фатеевой, И. В. Жилавской. – М. : Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 98-107.

Pavlovskaya Anastasiya Sergeevna,
Lugansk State Pedagogical University
ms.aclyde@list.ru

Media security in military conflicts

The article is devoted to the problem of media security in the period of military operations, threats and risks associated with manipulative strategies used in the process of information and psychological influence in war conditions. The article considers the concept of «media security», gives its basic characterization. Possible directions of increasing media security and protection of civil society are outlined.

Keywords: media security, information-psychological influence, mass media, media education, manipulative technologies.

УДК659.4

Тепляков Олег Викторович,
канд. полит. наук, доцент,
доцент кафедры
специальных дисциплин
ФГКОУ ВО Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
otvsppb@yandex.ru

Современные аспекты взаимодействия подразделений информации и общественных связей МВД России и масс медиа в особых условиях

В статье поднимается вопрос о необходимости взаимодействия подразделений информации и общественных связей МВД России и масс медиа в

особых условиях. Автор представляет наиболее типичных формы взаимодействия PR – специалистов ОВД с масс медиа и краткие их характеристики.

Ключевые слова: связи с общественностью, связь с масс медиа, органы внутренних дел, манипуляция, имидж, дискурс.

Сегодня довольно высокий уровень информационно-психологическое воздействия направлен на взлом личности российского общества.

В XXI в. масс-медиа являются влиятельным социальным институтом способным влиять и формировать общественное мнение. Следовательно, подразделения информации и общественных связей органов внутренних дел должны активно взаимодействовать с ними по линии media relations (связь со СМИ-MR).

Масс-медиа традиционно играют особую роль в организации взаимодействия между органами государственной власти и обществом: «они могут выявлять интересы граждан, доводить до сведения властей их озабоченности какими-то проблемами, аккумулировать и формировать общественное мнение относительно действий и намерений властей, обеспечивая им поддержку или, наоборот, способствуя консолидации протестных настроений и усилий в обществе» [1, с. 140]

В современной в России сформировалось медиaprостранство объединившее следующие модели функционирования СМИ:

1. Либертарианская. Представлена журналистами-стингерами, которые находят актуально интересную информацию и затем её продают различным

СМИ. Сообщество независимых журналистов, работая в свободном режиме, выступая в роли общественного контроля возникающих конфликтов в государстве, выполняют функцию системы сдержек и противовеса.

2. **Ангажированная.** Масс медиа, включенные в зону социальной ответственности и выражают интересы различных групп гражданского общества.

3. **Информационная.** Масс медиа, сообщающие о событиях, происходящих в обществе без собственной оценки, без своей точки зрения.

4. **Медиаторская.** Масс медиа, формирующие медийное пространство, на котором формируется и на постоянной основе осуществляется диалог.

Основным теоретическим принципом массмедиа является предоставление обществу различных точек зрения и позиций по освещаемой теме. Однако в реальном мире такого не происходит.

На деятельность журналистского сообщества оказывают влияние различные факторы: органы государственной власти, акционеры и владельцы масс медиа, рекламодатели, аудитория и т.д.. Следовательно, журналистская деятельность использует множество различных информационных источников в том числе связанных с негативными явлениями в медиа среде. Не остается в стороне и государство, которое с помощью законодательно-административных рычагов регулирует деятельность СМИ.

Несмотря на представленные сложности в работе масс медиа их роль растет и усиливается влияние на общественное мнение. Благодаря внутренним субъективными факторам связанными с профессиональным уровнем и интересами журналистов и внешними объективными факторами, связанными с

активностью гражданского общества, уровень медиакультуры социума, телекоммуникационные технологии, которые непосредственно влияют на формирование медийного пространства.

Сейчас национальному СМИ невозможно обойтись без новостной ленты иностранных СМИ. Международная повестка дня создается в условиях максимального внимания к тем или иным событиям, характеризующимся такими чертами как: – новое и сенсационное; – кризисы, угрозы, конфликты, аномалии; – драматизация последствий [2, с. 100].

Главными элементами современного медиапространства является:

Глобализация. Благодаря Интернету в информационном плане государства потеряли национально-информационную независимость. Мировая паутина предоставила возможности находится в киберпространстве 24/7 пользователей присутствовать в виртуальном пространстве всем пользователям, объединяя их вне зависимости от границ и расстояний.

Дигитализация (цифровизация). Происходит трансформация контента информационных продуктов масс медиа в цифровой формат. В результате традиционные СМИ переходят из состояния офлайн в формат онлайн, чтобы моментально доводить информацию до представителей целевой аудитории.

Коммерциализация. Свободный рынок привел к коммерциализации деятельности СМИ. В результате государство минимизировало финансирование масс медиа и вынудило их самостоятельно искать финансы с целью остаться на плаву. Новость превращается в коммерческий успех отдельного медиа канала, когда социальная функция СМИ – информирование населения

уходит на второй план. На первый план информационной повестки выходит контент развлекательного характера, а социально значимая информация занимает второстепенные позиции.

Диверсификация. Благодаря цифровым технологиям происходит диверсификация, направленная на мультимедийность журналистики и смену стратегии доведения информационного продукта до конечного потребителя. Включается процесс таргетирования массовых коммуникаций/ чтобы детализировать аудиторию пользователей.

Т.е. диверсификация – это «...не просто кратное увеличение потенциальной и реальной аудитории, но и улучшение качества самого медиа-продукта за счет объединения нескольких носителей информации и подачи разных видов контента на различных площадках» [3, с. 117].

Конвергенция. Вследствие цифровой революции произошла интеграция традиционных СМИ в новые медиа сформировавшие альтернативные медиа площадки. Таким образом, конвергенция определила слияние телекоммуникационных технологий с помощью различных технических носителей доставлять информационные продукты реципиентам. Технологическая конвергенция предполагает дигитализацию содержания в цифровую форму и становится важнейшим составляющим современных коммуникаций.

В сложившейся обстановке на медийном пространстве взаимодействие подразделений информации и общественных связей органов внутренних дел (далее-ПИиОС) и СМИ в особых условиях должна определяться таким образом, чтобы создавался

информационный мост в процессе регулирования отношений между гражданским обществом и СМИ. Представленные коммуникационные процессы выводят на первые позиции доверие и понимание в допустимых пределах между ПИиОС ОВД и масс медиа.

Т.е. следуя принципам информационной открытости и публичной деятельности, организация общественных связей ОВД по линии медиарилейшинз в особых условиях предполагает работу на двух уровнях: стратегическом и тактическом.

Примером стратегического выстраивания ведомственной информационной политики со СМИ. может являться запущенный 20 января 2020 года информационный интернет-портал «МВД Медиа» МВД России, где публикуются оперативные новости ориентированные прежде всего на мультимедийный контент.

Структура сетевого ресурса «МВД медиа»" имеет сложную разветвленную архитектуру, включающую десятки разделов, сотни подразделов, тысячи страниц и миллионы ссылок, огромный объем мультимедийной и иной информации, находящийся в хранилищах и витринах данных.

В рамках реализации информационной политики органов внутренних дел в сети Интернет на стратегическом уровне сформирована двусторонняя информационно-коммуникационная вертикаль по принципу «ядро – периферия».

Для тактического (регионального) уровня, необходимо продолжить формирование ведомственной информационно-коммуникационной платформы в Интернете для взаимодействия со СМИ в режиме «медиа полиса» включающая в себя: организацию

информационных потоков внутри ведомства; обеспечение информационной поддержки деятельности органов внутренних дел; установления конструктивного диалога с различными группами гражданского общества; управление кризисными ситуациями в случае возникновения негативных событий.

Для формирования благоприятного фона «медиа полиса» необходимо на планомерной основе придерживаясь принципов открытости, публичности и общественного доверия сознательно влиять на потоки социальной коммуникации. В условиях чрезвычайных ситуаций ОВД обеспечивают общественный порядок и безопасность, а масс медиа должны помогать стабилизировать общественное мнение.

Однако в некоторых случаях освещение СМИ событий в зоне особых условий свидетельствует о наличии возникающих конфликтных ситуаций связанных с предоставлением ОВД недостаточно полной информации. Подобные ситуации возникают по – причинам законодательного характера и выполнения ОВД специфических функций по обезвреживанию преступников и предотвращения новых преступлений. Поэтому факты детализации форм и методов деятельности ОВД носят конфиденциальный характер и не могут подробно освещаться СМИ.

Процесс взаимодействия ПИиОС ОВД со СМИ осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Законами Российской Федерации «О СМИ», «О полиции», «О безопасности», «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремизму». Таким образом, в подобных кризисных ситуациях следует руководствоваться положениями о свободе доступа СМИ к информации с учетом места и

времени её подачи, чтобы не ставить под угрозу организацию операций и создавать опасность жизни людей.

Для выстраивания диалога между ОВД и СМИ необходимо применять следующие тактические методы: оперативное, своевременное и объективное информирование о событии СМИ; контент информации, предоставляемой ОВД СМИ должен быть краткий и доступный, рассказывающий суть событий, исключая предположения и домыслы; без конкретизации в предоставляемой информации СМИ указывать ОВД участвующие в операциях с перечислением принятых ими мер; с помощью СМИ доводить до общественности рекомендации по поведению в зоне особых условий; согласованная с руководством оперативного штаба предоставляемая информация СМИ должна носить официальный характер без эмоциональных оценок, с указанием контактной информации, чтобы журналисты обращались за дополнительной информацией.

Главная цель взаимодействия ОВД и СМИ – это снижение фальшивой информации в информационном пространстве.

Наиболее эффективным и действенным способом взаимодействия ОВД и СМИ может быть формирование комплекса «медиа полиса», где ПИиОС ОВД должно становится «медиа эго» в виртуальной и физической реальности с учетом общего и таргетингового формата.

В мировой паутине «медиа полис» становится ядром, которое вокруг себя формирует сеть рациональных новых медиа, состоящих из различных коммуникативных площадок (сайты, форумы, блоги, соцсети, мессенджеры). По этой причине повышается

уровень социального проникновения от традиционных каналов массовой информации, а также на сверхскорости происходит разгон информации. В итоге возникает уникальная замкнутая информационная среда взаимодействия ПИиОС ОВД со СМИ.

По своей сути «медиа полис» обладает многофункциональностью, широкими возможностями цифрового продвижения контента и способствует настроить прямой канал с различными сетевыми изданиями и закрепить за «медиа эго» репутацию надежного информационного партнера.

Формат общей коммуникация подразумевает активное взаимодействия между специалистом по связям с общественностью ОВД (далее-специалист СО ОВД) с журналистами предполагающая общение, обмен мнениями, знаниями по общим вопросам, связанным с обеспечением порядка в зоне особых условиях.

Таргетинговый (целевой) формат позволяет дифференцировать медиаструктуры по формату издания, по тематике, географическому расположению и иным индивидуальным признакам. В результате укрепляется диалог между PR-специалистами ОВД и СМИ.

В виртуальной реальности социальные медиа в режиме «медиа полиса» независимо от вида реализуют две базовые функции – информационную и коммуникативную. Подобный подход подразумевает функционирование по принципу «пищевой цепочки постиндустриальных медиа», проходящая следующие ступени: появление информации в социальных медиа; появившуюся информацию публикуют информационные агентства, информацию подхватывают медиа с ежедневным обновлением, информация публикуется

еженедельными медиа циклами; информация обнародуется в ежемесячных медиа циклах.

Социальные медиа, включенные в «медиа атлас» имеют следующие направления: массовые для любого интернет издания; тематические имеют какую-либо направленность по тематическому направлению правоохранительной деятельности; фото и видео хостинги подразумевают общение через комментирование фотографий и видеороликов.

Социальные медиа, включенные в «медиа полис» запускают следующие сетевые ресурсы:

«Онлайн пресс-центр» – формируется на сайте регионального ОВД и обозначается разделом корпоративного сайта с закладкой «Для СМИ», «Пресс-центр», «Ньюсрум» или отдельной веб площадкой с целью эффективно взаимодействовать со СМИ. Отличительная черта «онлайн-пресс-центра» заключается в следующем: использование новостного стиля в подаче информации; оформление материалов по образцу новостных изданий; наличие мобильной версии сайта; возможность публикации контента в социальных сетях; использование качественных изображений и мультимедийных материалов; возможность создание модели паблишинга, при котором ПИиОС становится создателем новостей. Также «онлайн пресс-центр» обладает следующей оригинальностью: обладает неограниченными возможностями применения телекоммуникационных технологий для распространения контента; имеет возможность управлять таргетированием контента (определять, кому, когда и какой контент будет предоставляться на площадке «онлайн-пресс-центра»); отсутствием ограничений по распространению контента на различных платформах и на всех типах устройств;

пребывание «пресс-центра» в мировой паутине стимулирует постоянно обновлять контент; функционирование «онлайн-пресс-центра» на одной площадке в режиме 24/7 предоставляет возможность журналистам получать необходимый контент в реальном времени, оптимизировать его в поисковых системах, а также способствует увеличению посещаемости официального сайта.

Социальная сеть – онлайн-платформа, где специалист СО ОВД создает личный профиль, создающий возможности виртуально обмениваться информацией и поддерживать контакты с журналистами в индивидуальных и общих группах и формировать новые связи с представителями СМИ. Возможно публиковать различные виды контента (тексты, фотографии, видео, аудио и ссылки).

Мессенджер в режиме реального времени представляет платформу для моментального обмена информацией текстового и мультимедийного характера между PR-специалистами ОВД и журналистами. Также имеется возможность создать специализированные группы для индивидуального или коллективного общения, направлять контент текстового или голосового характера, отправлять стикеры, фото, видео и другие файлы различных форматов, вести ауди и видео разговоры, вести видеоконференции, применять чат-боты, создавать публичные каналы и тд..

Форум в мировой сети представлен онлайн-платформой для дискуссий, обмена мнениями и информацией объединёнными взаимодействием ОВД и СМИ общими интересами или целями. Форум располагается отдельным разделом сайта или веб-сайтом дает возможность обсуждать темы, оставлять

комментарии, задавать вопросы и делиться своим опытом.

Блог представлен интернет-журналом, рассказывающем о событиях, который содержит текст, изображения и мультимедиа, который имеет определенную особенность: информация представляется в обратном хронологическом порядке, где самые свежие новости находятся сверху. По авторству специалист СО ОВД может вести личный блог или подр. ИоОС ОВД, описывающий в зоне особых условиях происходящие события криминального, предупредительного, просветительского и иного контента.

Также блоги по тематике могут носить различные формы: текстовые, включающие текстовые материалы; видеоблоги, имеющие видеоконтенты; фотоблоги, размещающие фотоблоги; аудиоблоги (подкасты), раскрывающие или комментирующие события в аудиоформате.

Для упрощенного управления «медиа полисом» следует формировать CRM – систему управления взаимоотношения PR-специалист ОВД со СМИ. Принцип работы CRM-системы – это организация и систематизация контактов с массмедиа. Подобная система управления взаимоотношений с массмедиа предусматривает следующее: для оперативного взаимодействия с журналистами необходима фиксация истории взаимодействия с журналистами; наличие индивидуальной информации о каждом СМИ и журналисте с учетом его предпочтений, особенностей, и действия, которые необходимы для поддержания эффективного взаимодействия, автоматизирует рассылки пресс-релизов.

Не меньшее значение взаимодействия ОВД и СМИ в особых условиях в физическом пространстве, играет классическое сотрудничество по линии медиа рилейшинз и предусматривает обращение к классическим пресс-мероприятиям: пресс-конференции, пресс-туры; пресс-подходы; брифинги, круглые столы, интервью, а также для укрепления контакта ОВД и СМИ следует проводить комплексные учебно-практический семинар «Организация работы представителей масс медиа в особых условиях (КТО, боевые действия и чрезвычайных ситуаций)», которые должны носить теоретический и практический характер.

Современный процесс сотрудничества ОВД со СМИ в особых условиях кардинально изменился сравнительно с прошлым временем по причине развития цифровых технологий, которые способствовали возникновению «медиа полиса», способного распространять информацию по принципу: «одно сообщение – множество каналов», когда к традиционным СМИ подключились различные Интернет-ресурсы, на которых располагают информацию сетевые издания.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно утверждать следующее, что созданные ПИиОС ОВД «медиа полис» на региональном уровне будет играть существенную роль в оптимизации информации и повышать статус ОВД в глазах местных массмедиа и совершенствовать взаимоотношения между PR-специалистами ОВД и журналистами.

Список литературы

1. Андреев, А. В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации в интересах развития российского общества /

А. В. Андреев, Д. С. Токарев // Экономика и политика. – 2015. – № 1. – С. 140.

2. **Ровинская, Т.** Методы воздействия СМИ на общественное сознание / Т. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 6. – С. 100.

3. **Карпова А. И.** Диверсификация медиа-контента в российских медиахолдингах на примере «РБК», «Газпром-Медиа», «Национальной Медиа Группы»/ А. И. Карпова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 2. – № 4 (64). С. 117.

TePLYakovOlegViktorovich,

Candidate of Political Sciences, PhD,

Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Special Disciplines Leningrad Regional Branch of the
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal

Affairs of Russia

otvspb@yandex.ru

**Modern aspects of the interaction of information and
public relations units of the Ministry of Internal Affairs
of Russia and mass media in special conditions**

The article raises the issue of the need for interaction between the information and public relations units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the mass media in special conditions. The author presents the most typical forms of interaction of ATS PR specialists with the mass media and their brief characteristics.

Keywords: public relations, communication with mass media, law enforcement agencies, manipulation, image, discourse.

УДК 378.147.88

Турилова Алёна Олеговна,
старший преподаватель кафедры журналистики и
издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
snegok88@mail.ru

Профессиональные компетенции будущих тележурналистов в условиях многополярного мира

Статья рассматривает проблему подготовки тележурналистов в условиях быстро меняющегося многополярного мира, подчеркивая необходимость адаптации образовательных программ к быстрым изменениям в медиасфере. Предлагаются подходы к формированию профессиональных компетенций, включая проектную деятельность, использование цифровых инструментов и развитие критического мышления.

Ключевые слова: многополярный мир, тележурналистика, профессиональные компетенции, медиапроект, выпускная квалификационная работа.

Мир непрерывно расширяет границы своей взаимозависимости, демонстрируя возрастающее разнообразие и динамику. Средства массовой информации, включая телевидение, играют ключевую

роль в формировании взглядов общества и восприятии текущих событий и процессов. Важнейшую позицию занимает способность будущих тележурналистов свободно ориентироваться в сложной структуре информационного потока, осознавать культурные отличия и продуктивно взаимодействовать с разнообразными группами зрителей. Обучение специалистов телевидения обязано отвечать актуальным обстоятельствам нашего времени, вырабатывая нужные навыки для успешного функционирования в эпоху многоцентрового устройства мира.

Актуальность статьи обусловлена изменением роли СМИ в современном обществе, усилением конкуренции между информационными агентствами, влиянием цифровых технологий и потребностью в высококвалифицированных медиаспециалистах.

Научная новизна заключается в попытке определить специфику образовательной программы будущих тележурналистов, обеспечивающей высокий уровень подготовки специалистов, способных уверенно действовать в условиях быстрых перемен, культурных различий и технологических инноваций.

Цель статьи – выявить ключевые факторы, влияющие на формирование профессиональных компетенций будущих тележурналистов, и предложить эффективные подходы к обучению, соответствующие требованиям многополярного мира.

Исследование основывалось на применении теоретико-методологического анализа существующих концепций профессиональной подготовки тележурналистов и эмпирическом изучении образовательных практик.

Исследования [11] показывают растущую потребность в медиаспециалистах, способных эффективно функционировать в многокультурной среде, владеть современными технологиями и успешно взаимодействовать с аудиторией, обладающей высоким уровнем осведомленности и ожиданий. Это особенно актуально и для будущих телевизионных журналистов. Современным СМИ необходимы высококвалифицированные профессионалы, обладающие творческим потенциалом, эффективностью и универсальностью, способные качественно интерпретировать и трансформировать окружающую реальность [16].

Глобальная трансформация медиaprостранства требует от журналистов высокой степени адаптивности и мультикультурной компетентности. В условиях многополярного мира, где наблюдается разнообразие политических, экономических и культурных центров влияния, журналистика становится ареной межкультурной коммуникации и диалога. Будущие специалисты должны обладать навыками анализа и интерпретации событий с учетом различных точек зрения, что невозможно без глубокой осведомленности о мировых процессах и культурных особенностях разных стран [1; 2; 8].

Стремительно развивающиеся технологии, такие как цифровизация медиа, автоматизация процессов производства контента и рост роли социальных сетей, требуют новых профессиональных навыков. Тележурналисты должны уметь эффективно использовать цифровые инструменты, понимать принципы работы алгоритмов распространения новостей и владеть мультимедийными технологиями. Это создает

дополнительные вызовы для системы образования, которое должно учитывать современные тренды и обеспечивать подготовку кадров, соответствующих требованиям рынка труда [3; 7; 15].

Кроме того, растущая конкуренция среди медиаресурсов усиливает значение профессионализма и этической ответственности журналиста. Многополярный мир характеризуется увеличением числа источников информации, что повышает риск дезинформации и манипуляций общественным мнением. Профессиональная подготовка должна включать формирование критического мышления, способности проверять факты и противостоять фейковым новостям, чтобы обеспечить доверие аудитории и сохранить высокие стандарты журналистики [5; 12].

Профессиональная деятельность тележурналистов представляет собой особую форму творчества, выражающуюся в производстве и распространении медиатекстов, оказывающих существенное воздействие на социальные процессы и позволяющих целенаправленно формировать общественное мнение. В связи с этим ключевым компонентом профессионального мастерства тележурналиста является способность осуществлять проектную деятельность [14]. Специалисты сферы медиа обязаны обладать необходимыми компетенциями для разработки медиаконтента, направленного на защиту национальных ценностей, повышение культурной грамотности населения, обеспечение защиты прав граждан, стимулирование инновационных процессов, укрепление государственного суверенитета и независимости.

Образовательная программа профессиональной подготовки будущих тележурналистов ориентирована на

последовательное формирование у студентов способности эффективно реализовывать проекты на каждом этапе обучения, обеспечивая таким образом условия для проектирования собственного медиапродукта в финальной фазе учебного процесса, соответствующего современным социальным ожиданиям и отраслевым нормативам [13]. Формой итогового контроля знаний и умений студента является защита выпускной квалификационной работы, в том числе в форме творческого проекта.

Анализ исследований последних лет [6; 9], посвященных выбору тем для выпускных квалификационных работ по направлениям подготовки медиаспециалистов, в том числе и тележурналистов, выявил определенные тенденции. Так, наблюдается устойчивый интерес студентов к:

- актуальным социальным проблемам, таким как экология, проблемы молодежи и трудоустройства;
- цифровым технологиям и новым медиаформатам, таким как видеоблогинг, социальные сети, интерактивные платформы и виртуальная реальность;
- созданию проектов, направленных на развитие гражданского общества и социальной ответственности [4; 10].

Таким образом, выбор тем для выпускных квалификационных работ отражает не только профессиональные интересы будущих журналистов, но и их желание внести вклад в решение важных общественных проблем, используя возможности современных медиа.

Предлагаемые тематики выпускных исследовательских работ в ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

включают широкий спектр направлений профессиональной деятельности тележурналистов и сопряженных социальных, культурных и экономических явлений: изучение тенденций информационного вещания; социопсихологический анализ влияния медийных продуктов; методики и технические приемы творческого процесса журналиста; онтологическая интерпретация феноменов массовых аудиовизуальных форматов; инновационные технологии и процессы цифровой трансформации телерадиовещательной индустрии. Исследования в форме творческих проектов затрагивали специфические аспекты телевизионного производства и особенностей функционирования СМИ Луганской Народной Республики и Российской Федерации такие как: «Специальный телевизионный репортаж в период военных действий», «Специфика визуального решения мультимедийных проектов», «Портретный телеочерк о женских судьбах», «Драматургическое построение телевизионного очерка», «Художественный образ в современной теледокументалистике» и многие другие.

Большинство тем приобретают особое значение именно в условиях многополярного миропорядка. Эти темы отражают актуальные потребности современного информационного пространства, которое характеризуется усилением влияния различных центров силы, ростом информационных потоков и необходимостью глубокого осмысления изменений, происходящих в структуре общественного сознания.

Таким образом, выбор подобных тем свидетельствует о том, что образовательный процесс студентов направлен на освоение широкого спектра компетенций, включая умение анализировать и создавать

качественный контент, адаптированный к меняющимся условиям внешней среды. Регулярное выполнение медиапроектов в процессе профессиональной подготовки способствует выработке у молодых специалистов практических навыков, соответствующих высоким стандартам профессии и социальной ответственности, что делает их подготовку актуальной и востребованной в рамках современной реальности. Успешная защита таких выпускных квалификационных работ в форме творческих проектов свидетельствует о высоком уровне сформированности у студентов ФГБОУ ВО «ЛГПУ» необходимых профессиональных компетенций. Такие проекты демонстрируют способность выпускников применять теоретические знания на практике, анализировать актуальные общественные проблемы и находить эффективные пути их решения. Проверка уровня развития этих компетенций и выявление факторов, влияющих на их формирование, станут приоритетными направлениями наших дальнейших научных исследований.

Список литературы

- 1. Алексеева, С. Л.** Формирование профессиональных компетенций журналиста в условиях перехода на ФГОС 3++ / С. Л. Алексеева, Н. В. Чаунина, Л. А. Яковлева // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 33–35.
- 2. Донских, А. Г.** Юридические компетенции студентов-журналистов в цифровой среде / А. Г. Донских // Динамика медиасистем. – 2023. – Т. 3. – № 1. – С. 442–448.
- 3. Корнадут, К.Д.** SMM-технологии в системе профессиональных компетенций журналиста /

К. Д. Корнадут // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 34–45.

4. Ларионова, Е. Н. Выполнение творческих ВКР студентами-журналистами / Е. Н. Ларионова // Коммуникация в современном мире : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 11–13 мая 2017 года / Под общ. ред. В. В. Тулупова. Т. I. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2017. – С. 163–164.

5. Макарова, Н. Я. Деонтологические компетенции в профессиональной деятельности журналиста / Н. Я. Макарова // Медиаисследования. – 2022. – № 9. – С. 122–129.

6. Медиапроект как выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Журналистика» : учебно-методическое пособие / Т. В. Василенко, Д. А. Дубовер, С. Ю. Ермолаева [и др.] ; Под общ. ред. Т. Н. Владимировой и И. В. Жилавской. – М. : Московский педагогический государственный университет, 2016. – 68 с.

7. Олешко, В. Ф. Цифровые компетенции профессиональной успешности современного журналиста / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23. – № 6. – С. 32–43. – DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-6-32-43.

8. Радионцева, Е. С. Региональный медиарынок: начинающие журналисты в ловушке между инновациями и традициями / Е. С. Радионцева // Коммуникативные исследования. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 104–120. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(1).104-120.

9. Сборник тезисов по итогам защиты выпускных квалификационных работ. – Севастополь : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. – 110 с. – ISBN 978-5-907692-26-8.

10. Смеюха, В. В. Выбор темы ВКР: профессиональные приоритеты студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» / В. В. Смеюха // III Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации : доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции, Москва, 11–12 марта 2020 года. – М. : Московский гуманитарный университет, 2020. – С. 431–437.

11. Современная журналистика: теория и практика в условиях цифровизации / И. Б. Александрова, Е. А. Воинова, И. Н. Демина [и др.]. – М. : Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова", 2021. – 334 с.

12. Сорокопуд, Ю. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов / Ю. В. Сорокопуд, Е. Ю. Амчиславская, А. В. Ярославцева // МНКО. – 2021. – №1 (86). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soft-skills-myagkie-navyki-i-ih-rol-v-podgotovke-sovremennyh-spetsialistov> (дата обращения: 25.01.2022).

13. Турилова, А.О. Педагогические условия формирования готовности к проектной деятельности у будущих тележурналистов / А. О. Турилова, В. О. Зинченко // ЦИТИСЭ. – 2025. – № 2. – С. 257–274.

14. Турилова, А.О. Проектная деятельность тележурналистов: сущность и актуальность формирования / А. О. Турилова, В. О. Зинченко // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 2. – С. 136–147.

15. Шибут, И. П. Формирование профессиональных компетенций современного журналиста в условиях информационной и коммуникационной конвергенции / И. П. Шибут // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 4-9.

16. Tartu Declaration 2020. European Journalism Training Association <https://ejta.eu/index.php/about-us/tartu-declaration/>

Alena Olegovna Turilova,
Senior Lecturer,
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russian Federation.
snegok88@mail.ru

Professional competencies of future tv journalists in a multipolar world

The article examines the problem of training television journalists in a rapidly changing multipolar world, emphasizing the need to adapt educational programs to rapid changes in the media sphere. Approaches to the formation of professional competencies are proposed, including project activities, the use of digital tools and the development of critical thinking.

Key words: multipolar world, television journalism, professional competencies, media project, graduation thesis.

Шашкова Елена Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и медиалингвистики
ФГАОУ ВО «Омский государственный
университет имени Ф. М. Достоевского»,
shashkova-lenochka@list.ru

**Информационная безопасность как
национальный приоритет
(по материалам ведомственной печати ФСБ РФ)**

Вопросы информационной безопасности в последние годы приобрели актуальность как для представителей законодательной и исполнительной власти, так и для обычных граждан. Этим обусловлена актуальность исследования. Объект – ведомственная периодика ФСБ РФ. Предмет – тематическое своеобразие медиатекстов, посвященных вопросам информационной безопасности. Цель – выявить тематическое своеобразие медиатекстов, посвященных проблеме информационной безопасности. Эмпирический материал – выпуски журнала «ФСБ: за и против».

Ключевые слова: ведомственная периодика, национальная безопасность, информационная безопасность, киберугрозы, интернет-преступления.

Угроза национальной безопасности возросла с развитием цифровых технологий. Россия является органичной частью глобального информационного общества. Сегодня ведущую роль в обеспечении устойчивого поступательного развития всех областей общественной жизни играют информационно-

коммуникационные технологии. Исключительную значимость при этом приобретает сеть Интернет, являющаяся общим межнациональным достоянием. Но количество и уровень противоправных и антиобщественных проявлений, совершаемых в киберпространстве, стремительно увеличивается. Именно поэтому вопросы безопасности в глобальной Сети приобретают в настоящее время особую актуальность.

Информационная безопасность включена в перечень стратегических национальных приоритетов России согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>, дата обращения: 10.06.2025). Это связано с тем, что информационные технологии стали инструментом угроз безопасности граждан, общества и государства [1, с. 262]. Некоторые из них: компьютерные атаки на российские информационные ресурсы, большая часть которых осуществляется с территорий иностранных государств; деятельность зарубежных спецслужб по проведению разведывательных операций в российском информационном пространстве; распространение недостоверной информации для дестабилизации общественно-политической ситуации и пр.

Цель обеспечения информационной безопасности – укрепление суверенитета России в информационном пространстве. А для этого необходимо формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищённости информационной инфраструктуры; развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной

безопасности; предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы; создание условий для эффективного предупреждения, выявления и пресечения преступлений с использованием ИКТ.

Для реализации приоритетов в сфере информационной безопасности используются правовые, организационно-технические и социально-экономические меры. К правовым методам относят разработку нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в информационной сфере. Организационно-технические мероприятия обеспечивают защиту информации на всех этапах жизненного цикла объекта информационной безопасности. Социально-экономические меры связаны с координацией деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций в области обеспечения информационной безопасности. К последнему типу мер относится и работа ведомственной печати ФСБ России.

В данном исследовании информационная безопасность рассматривается в контексте национальной безопасности, защиты информации и информационных систем от несанкционированного доступа, разрушения и дезинформации. Эмпирическим материалом послужили выпуски журнала «ФСБ: за и против», издания Общественного совета при Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Цель издания - служить площадкой для обсуждения различных проблем, таких как противодействие попыткам фальсификации истории Отечества и органов безопасности, обеспечение безопасности государства на разных уровнях.

Хронологический период исследования – 2008-2025 гг. Методы анализа, используемые в исследовании: наблюдения и описания, контент-анализ, позволивший проследить интенсивность публикаций, посвященных информационным угрозам.

ФСБ России реализует комплекс мер, направленных на борьбу с террористическими и экстремистскими проявлениями в Сети и с наиболее серьезными компьютерными преступлениями, создающими угрозу национальной безопасности России. Ведомство акцентирует внимание на мерах по противодействию угрозам, например, распространению ложной информации в интернете, и использует для этого различные механизмы.

Проблемы информационной безопасности освещаются в периодике Федеральной службы безопасности РФ через публикации, связанные с деятельностью ведомства в этой сфере, а также заявления представителей службы о текущих и исторических вызовах.

В медиатекстах журнала рассматриваются: роль ФСБ в борьбе с дезинформацией: сообщается о механизмах и инструментах, которые ведомство использует для выявления и блокировки ресурсов, публикующих фейковые новости; направления деятельности ФСБ по обеспечению информационной безопасности: описываются, в частности, задачи по противодействию шпионажу, охране государственной тайны, выявлению иностранных агентов в сфере защиты информации.

Также проблемы информационной безопасности отражаются в официальных документах ведомства, например, в приказах и рекомендациях. Например, в 2022

году был издан приказ ФСБ №524, который утверждает требования о защите информации в государственных информационных системах с использованием шифровальных (криптографических) средств.

Одной из важнейших целей является определение места и значения СМИ и Интернета в противодействии терроризму и экстремизму, разработка практических рекомендаций по использованию средств массовой информации в патриотическом и нравственном воспитании молодежи, в том числе с целью пропаганды антитеррористического поведения. Ведь именно средства массовой информации в определенном возрасте оказывают серьезное влияние на молодежь при формировании ее жизненных воззрений, устоев, идеалов. Поэтому борьба за умы молодого поколения ведется очень активно. Выстраивание правильных жизненных ориентиров, привитие общечеловеческих ценностей, нравственное воспитание могут нанести действительно существенный удар по терроризму.

В рамках ведомства рассматривалось предложение о создании своего рода «информационного спецназа», который объединял бы усилия сотрудников ФСБ России, журналистов, редакторов, представителей телевидения, радио, информационных агентств, специалистов в информационных технологиях, блогеров, интернет-пользователей. Задачей такого объединения стало бы скоординированное противодействие информационному террору, который развязывается в виртуальных сетях.

Рассмотрим медиатексты, посвященных этому вопросу. В статье «Реалии виртуальности. Нужен ли России специальный закон об Интернете» рассматриваются примеры того, как интернет-реальность

входит в противоречие с существующей правовой системой: *«Нет, наверное, никакой другой области деятельности, где и пользователи, и хозяева ресурсов, даже самых естественных и невинных, своими действиями если и не вступили прямо в противоречия с законом, то оказались в «серой зоне» правовой неопределенности»* (2009, №2). Остро стоит и вопрос сохранения авторских прав (*«Копирайт и вдохновение. Можно ли защитить права авторов в Интернете»* (2010, №3).

В статье *«Феномен Сети. Регистрация сетевых ресурсов как массмедиа имеет свои плюсы и минусы»* сделана попытка ответить на следующие вопросы: *«Можно ли считать всемирную паутину средством массовой информации? Или к массмедиа можно отнести только некоторые сегменты интернета? А, может быть, интернет – это система только по обмену информацией, своеобразная почта, функции которой не входят в обязанности СМИ?»* (2009, №2).

Как и почему интернет становится местом для противоправных деяний? Ответ на данный вопрос представлен в материалах *«Точка равновесия. Как соблюсти баланс интересов личности, общества и государства в Сети»* (2009, №22); *«Сеть под колпаком. Нужна ли цензура в Интернете?»* (2008, №1).

В статье *«Не стать бы мухой во всемирной паутине»* (2008, №3) рассматривается вопрос об «относительной» и «абсолютной» свободе Интернета: *«События последнего времени вновь поставили человечество перед далеко не всегда добрым и гуманным могуществом интернета. Достаточно сослаться на афро-мусульманский бунт, вспыхнувший в предместьях Парижа, или на недавний вирус, который вывел из строя*

более четверти миллиона компьютеров в десятках стран и нанес ущерб, исчисляемый в три миллиарда долларов. Всего через два дня после завершения вирусной экспансии из Москвы на родину была депортирована гражданка США, которая через Интернет разыскивала лидеров боевиков «Аль-Кайды», предлагая им авторские сценарии террористических актов и личное содействие к их осуществлению. Все это толкает к переосмыслению первоначальных иллюзий, неумеренных восторгов и упоительных мечтаний об абсолютной свободе, которую был призван подарить людям интернет».

Кроме того, сегодня Интернет ставится полем боя для сверхдержав. Этому вопросу посвящена публикация «Русская Рунетка. Смогут ли американские спецслужбы выиграть «войну идей» в Интернете» «Правительство США планирует распространить «войну идей» на популярные сайты, блоги и чаты в русскоязычном сегменте Интернета. Речь идет о специальной информационной программе Госдепартамента под названием «Команда по цифровым внешним контактам» для противодействия антиамериканской дезинформации во всемирной паутине» (2008, №3).

Интернет-среда как платформа, на которой ведутся информационные войны, представлена в статье «Атака разума. Что противопоставить информационным войнам»: «Современная эпоха характеризуется футурологами как информационная революция или «четвертая волна» (по Элвину Тоффлеру), основанная на симбиозе информационных и биотехнологий. Сегодня речь идет уже об изменении самой природы человека, формировании нового биологического вида в результате эволюции – на этот раз рукотворной. Обработанная и интерпретированная в соответствии с интересами и

потребностями тех или иных общественных групп информация становится сокрушительным механизмом преобразования окружающей действительности. Мировой опыт неопровержимо свидетельствует, что именно информационное воздействие, а отнюдь не некие экономические законы, становится движущей силой величайших мировых потрясений и страшных человеческих бедствий» (2009, № 1).

Особенно подвержена информационному воздействию молодежь: 90% молодых людей имеют аккаунты в соцсетях и проводят в Интернете в среднем более восьми часов в сутки. Естественно, они могут попасть под влияние распространителей контента, который носит ярко выраженный вирусный характер. Целью создателей таких сайтов часто является запугивание, распространение заведомо ложной информации, дискредитация традиционных ценностей.

Особую обеспокоенность вызывает присутствие в Сети детской аудитории. В статье «Дети и сети. Как ребенку не пораниться об острые грани виртуальности представлена вся противоречивость сложившейся ситуации: *«Новое поколение «кристаллических» детей подрастает, изначально имея доступ к всевозможным электронным устройствам – компьютерам, мобильным телефонам, планшетам. Педагоги, наставники, родители сталкиваются с тем, что практически не могут контролировать поведение ребенка в сети Интернет. Плохо это или хорошо? Как всегда, нет однозначного ответа и готового рецепта, отсутствуют опыт и результаты исследований, на которые можно опираться, так что в некотором роде наше поколение – первопроходцы в области адаптации и*

применения последних достижений прогресса» (2015, №3).

Тем не менее попытки организовать безопасное интернет-пространство для детей все-таки предпринимаются. Анализу такого опыта посвящена статья «Детский интернет идет на помощь. Как организовать в Сети площадку, безопасную для юного поколения: *«Во всемирной сети активно развивается кириллический домен верхнего уровня «Дети». В нем зарегистрировано уже более 400 доменов, и этот показатель продолжает расти. С какой целью создавалась эта доменная зона, как она развивается и чем может помочь, в том, чтобы сделать Интернет более безопасным, дружественным и полезным для детей?»*» (2015, №3).

Преступления, совершенные с помощью противоправного использования всемирной сети, регистрируются уже давно. Среди них одними из наиболее «популярных» и деструктивных способов стали так называемые DDOS-атаки. Впервые подобные кибер-атаки были выявлены в 1996 году, но массовый характер они приобрели именно сейчас. Анализу этих угроз посвящены публикации «Отказ в обслуживании. Преступность атакует из виртуального пространства» (2008, №3); «В паутине Всемирной сети. Интернет может превратить нацию в зомби» (2011, №4). ФСБ уделяет этим угрозам особое внимание, так как атаки не всегда носят четко выраженный коммерческий характер. Их могут использовать для выражения политического протеста, информационных войн, а тои дискредитации целой страны. Интернет рассматривается как средство идеологических диверсий, морально-нравственного разложения и своего, и чужого общества. Средство,

которое, оказавшись в умелых руках, превращается в мощное оружие. Кибершпионажу посвящен материал «Киберугрозы нового тысячелетия. Лаборатория Касперского» выявила беспрецедентную систему компьютерного шпионажа» (2015, №3).

Информационные войны – это реальность нашего времени. Кибератаки и подрывные информационные операции в Интернете становятся все более действенным оружием на поле битвы политических титанов. Последние манипулируют общественным мнением, искажают реальные исторические факты, что значительно обостряет политическое противостояние. Журнал «ФСБ: за и против» взял комментарии по этому вопросу у признанных экспертов в области интернет-разведки и политтехнологий в материале «Интернет-противостояние. Как манипулируют общественным мнением в новейшей истории: *«После того как в апреле этого года в Киргизии произошла революция, и республику возглавило временное правительство, начали происходить странные вещи, - рассказывает руководитель российского негосударственного бюро конкурентной разведки «Р-Техно» Роман Ромачев. – В частности, до нас стали доходить новости о кибератаках на сайты госструктур и основных средств массовой информации Киргизии. Кем были спровоцированы эти атаки, мы понять не смогли. По нашей информации они велись с миллионов разных компьютеров мира. Мы предположили, что заинтересован в них был бывший президент Бакиев, который на тот момент нашел убежище в Беларуси. Был интерес и у США, которые при Бакиеве чувствовали себя спокойно, потому что у них на территории республики функционировали военные базы, а с приходом*

новой власти подобная ситуация могла измениться». По словам Романа Ромачева, атаки на сайты противников – удовольствие совсем недорогое. Их можно организовать всего за 100 долларов, но заглушить при этом десяток, а то и сотню сайтов. Чаще всего подобные мероприятия проводятся во время вооруженных конфликтов. Хотя самый эффективный и простой способ – блокировать вообще всю зону Интернета, как это было в Грузии во время ее атаки на Северную Осетию в августе 2008 года» (2011, №4).

Интернет становится местом для противоправной деятельности террористических организаций. Публикация «Терроризм в сети – и в сетях экстремизма» посвящена использованию всемирной паутины террористами. «Удары ракет «Хеллфайер» с американского беспилотника «Предэйтор» 30 сентября 2011 года в Йемене поставили точку в жизни одного из опаснейших деятелей террористической сети «Аль-Каида» Анвара Аль-Авлаки. Его персона была примечательна во многих отношениях. Хотя бы потому, что впервые мишенью американского дрона целенаправленно стал гражданин: Аль-Авлаки имел йеменское происхождение, но был родом из штата Нью-Мексико. Когда в Пакистане был обезврежен Усама Бен Ладен, многие наблюдатели всерьез рассматривали вероятность того, что во главе «Аль-Каиды» встанет именно Анвар Аль-Авлаки. Главная опасность, исходившая от Аль-Авлаки, пожалуй, состояла не в его оперативной деятельности и планировании террористических нападений, а в том, как умело он использовал возможности современных коммуникаций. И прежде всего – Интернета» (2015, №1).

Президент России В. В. Путин не раз обозначал, что наша страна противодействует не Интернету или новым информационным технологиями, а тем, кто с их помощью совершает преступления, призывает к насилию, экстремизму, пропагандирует наркотики, детскую порнографию. С этими бедами XXI века сталкивается не только Россия, но и другие страны. Каждое государство с ростом используемых технологий также сталкивается с попытками внешнего информационного давления, незаконного проникновения в национальное киберпространство и другими проявлениями информационных войн. Недооценка таких вызовов приводит к масштабным негативным последствиям, поэтому государство должно учитывать их при реализации комплекса мер по обеспечению национальной безопасности и сохранению суверенитета.

Этому аспекту проблемы посвящен материал «Интернет между вседозволенностью и контролем. Почему США и Британия попали в разряд «врагов Интернета»: *«Можно ли оставаться в этом мире невидимкой или государство имеет право ради общей безопасности вести слежку за пользователями? Страны с самыми разными политическими системами так или иначе контролируют происходящее в Сети»* (2019, №3). Так, например, «одному из мировых гигантов-поисковиков для работы в Китае пришлось фактически согласиться на самоцензуру поисковых результатов». «Те сайты, которые, с точки зрения китайских властей, выглядят подрывными, немедленно блокируются. Блокировке могут подвергаться не только китайские, но и зарубежные сайты. Доступ к таким ресурсам ограничивают с помощью проекта «Золотой щит» (известный также как «Великий китайский

файервол»). Веб-страницы фильтруют по ключевым словам, связанным с государственной безопасностью, и по черному списку адресов сайтов. Сходным образом просеивают результаты поиска иностранные «поисковики», работающие в Китае». Отметим, что Россия участвует в международных программах и инициативах по борьбе с киберугрозами.

Однако, как отмечено в одном из материалов журнала, посвященном заседанию Общественного Совета при ФСБ России по вопросу информационной безопасности, «при решении современных глобальных задач безопасности следует отбросить сиюминутные политические амбиции». «К сожалению, в последнее время наша страна регулярно сталкивается с двойными стандартами со стороны ряда европейских и американских политиков в вопросах международной политики. Это относится и к вопросам кибербезопасности, в том числе защите персональных данных, о необходимости которой на словах постоянно твердят западные деятели. Однако достоянием общественности уже не раз становились инциденты с «прослушкой» лидеров стран, с массовым негласным контролем персональных страниц и воровством персональных данных граждан разных государств со стороны разведструктур Соединенных Штатов и их союзников в Европе» (2019, №3).

Именно поэтому Национальный Координационный Центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ) ФСБ России получил возможность инициировать блокировку фишинговых и хакерских интернет-ресурсов. Этому посвящен материал «ФСБ России сделает Рунет более безопасным» (2019, №3).

Таким образом, информационная безопасность должна стать одним из приоритетов нашей страны в современных условиях. «Сегодня, когда цифровые технологии и ИИ выступают наивысшим достижением управленческих решений в различных областях социальных систем, в обеспечении программирования, хранения и поэтапной доступности информации, расширение цифровой реальности широко используется во многих видах человеческой деятельности, затрагивая фундаментальные знания о человеке, природе и мироустройстве» (2024, № 6).

Развитие Интернета несет с собой реальные угрозы как национальной безопасности, так и отдельным гражданам: информационная война против государства, сайты с экстремистским содержанием, кибертерроризм, интернет-мошенничество, нарушение законов о государственной и коммерческой тайнах, распространение личной информации и сведений конфиденциального характера и пр.

Поэтому России и любым государствам, стремящимся сохранить суверенитет, сегодня необходимо серьезно заниматься всем спектром задач по обеспечению информационной безопасности страны и граждан. Противодействие киберугрозам в наши дни превратилось в серьезный аспект обеспечения национальной и международной безопасности.

Список литературы

1. Плеханов, С. М. Информационная безопасность как приоритет национальной безопасности / С. М. Плеханов // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (419). – С. 261–263.

Shashkova Elena Viktorovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Journalism
and Media Linguistics
Omsk State University named
after F. M. Dostoevsky
shashkova-lenochka@list.ru

**Information security as a national priority
(based on the materials of the departmental press of the
FSB of the Russian Federation)**

Information security issues have become relevant in recent years for both representatives of the legislative and executive authorities and ordinary citizens. This determines the relevance of the study. Object – departmental periodicals of the FSB of the Russian Federation. Subject – thematic originality of media texts devoted to information security issues. Objective – to identify the thematic originality of media texts devoted to the problem of information security. Empirical material – issues of the journal «FSB: Pros and Cons».

Keywords: departmental periodicals, national security, information security, cyber threats, Internet crimes.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Луганск, 25 апреля 2025 года)*

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент Е. А. Куянцева

Редакционная коллегия:

Н. А. Емченко, Д. Ю. Каторгина, Н. Ю. Калина

Корректор – Н. Ю. Калина

В авторской редакции

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, точность цитирования, актуальность ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения. Позиция автора может отличаться от мнения редакционной коллегии сборника материалов конференции.

Подписано в печать 14.11.2025. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 36,97.

Тираж 100 экз. Изд. № 220. Заказ № 82.

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Издательство ЛГПУ

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР, 291011. Т/ф: +7-857-258-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru

Издатель:

Индивидуальный предприниматель Орехов Дмитрий Александрович

291002, г. Луганск, пер. 1-Балтийский, 31

Контактный телефон: +7(959)138-82-68

E-mail: nickvnu@knowledgepress.ru